

А.С. Дёмин

ПИСАТЕЛЬ  
И ОБЩЕСТВО  
В РОССИИ

XVI-XVII  
ВЕКОВ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ  
ИМ. А. М. ГОРЬКОГО

А.С.Дёмин

ПИСАТЕЛЬ  
И ОБЩЕСТВО  
В РОССИИ

XVI-XVII  
ВЕКОВ

*(Общественные настроения)*

Ответственный редактор  
О. А. ДЕРЖАВИНА



МОСКВА  
«НАУКА»  
1985

Тема монографии находится на стыке истории литературы, исторической поэтики, книговедения и социально-исторической психологии. На основе исследования около 200 литературных памятников XVI—XVII вв. в книге дана характеристика почти не изученных литературоведами и историками важнейших социальных настроений русского средневекового общества, столкновения настроений его верхов и низов, места писателей в складывавшихся идейно-психологических общественных ситуациях на переходе России от средневековья к Новому времени.

Книга адресована литературоведам, историкам, историкам литературы и культуры.

Рецензенты:

М. Я. ПОЛЯКОВ, В. В. КУСКОВ

# ВСТУПЛЕНИЕ

Увлекательна задача работать в том направлении, которое академик Дмитрий Сергеевич Лихачев называет «конкретным литературоведением»<sup>1</sup>. «Конкретное литературоведение» успешно находит новые подходы к объекту изучения на стыке разных научных отраслей. Труды Д. С. Лихачева дают яркие и многообразные примеры этого.

В настоящее время у нас активно развивается социология литературы и искусства<sup>2</sup>. Одна из важных заслуг Д. С. Лихачева состоит в том, что он буквально все темы истории и теории древнерусской литературы связал с социальными исследованиями. Этому научному направлению следует предлагаемая книга, как и работы ленинградских и московских коллег автора.

Особым вниманием сейчас пользуется изучение того, как общество, внеписательская масса относятся к литературе и воздействуют на нее. Создается история русского читателя, в том числе средневекового<sup>3</sup>. В данной книге говорится о

<sup>1</sup> Лихачев Д. С. Литература — реальность — литература. Л., 1981, с. 7—11.

<sup>2</sup> Некоторые работы последних лет: Искусство и общество. Л., 1978; Вопросы социологии искусства: Теоретические и методологические проблемы. М., 1979; Вопросы социологии искусства. Л., 1980; Петров Ю. В. Художественная жизнь общества как объект социологии искусства. Л., 1980; К вопросу социального функционирования искусства: (Теоретические и эмпирические аспекты). М., 1982; Лановенко О. П. Социальный статус искусства: Представления, проблемы, решения. Киев, 1983.

К исторической социологии ведут работы по истории русской культуры. См., напр.: Панченко А. М. Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984.

<sup>3</sup> См., напр.: История русского читателя. Л., 1973. Вып. 1; 1976. Вып. 2; 1979. Вып. 3.

Упомяну лишь наиболее ранние работы о вкусах древнерусских редакторов и читателей: Лурье Я. С. Литературная и культурно-просветительная деятельность Евфросина в конце XV в.— ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 130—168; Дмитриева Р. П. Светская литература в монастырских библиотеках XV и XVI вв. (Кирилло-Белозерского, Волоколамского монастырей и Троице-Сергиевой лавры).— ТОДРЛ. М.; Л., 1963, т. 23, с. 143—170; Она же. Четыре сборники XV в. как жанр.— ТОДРЛ. Л., 1972, т. 27, с. 150—180; Она же. Волоколамские четьи сборники XVI в.— ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 202—230; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973.

русском обществе и читателях XVI—XVII вв., не об отдельных читателях и не о мелких социальных группировках, а о читательской массе и о самых крупных слоях средневекового русского общества — верхах и низах. Терминами «верхи» и «низы» общества нередко пользовался В. И. Ленин, их постоянно употребляют советские историки и литературоведы. Верхи и низы общества — главное социальное деление, принятое и данной книгой.

Сравнительно новой для нас научной отраслью является социально-историческая психология, проникающая в психологию обществ прошлого<sup>4</sup>. За последние тридцать лет исто-

Работы по социальной психологии стали обильно появляться у нас примерно после 1964 г. Для историка литературы наиболее интересны следующие сборники и монографии (по хронологии их выхода): Проблемы общественной психологии / Под ред. В. Н. Колбановского, Б. Ф. Поршнева. М., 1965; *Парыгин Б. Д.* Социальная психология как наука. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1967; II Международный коллоквиум по социальной психологии: Тезисы. Тбилиси, 1970; *Парыгин Б. Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971; Теоретические и методологические проблемы социальной психологии. М., 1977; *Горячева А. И., Макаров М. Г.* Общественная психология: (Философская и социально-политическая характеристика). Л., 1979; Социальная психология: История. Теория. Эмпирические исследования / Под ред. Е. С. Кузьмина, В. Е. Семенова. Л., 1979; *Уледов А. К.* Актуальные проблемы социальной психологии. М., 1981; *Хренов Н. А.* Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. М., 1981; *Будилова Е. А.* Социально-психологические проблемы в русской науке. М., 1983; *Федорина М. Б.* Социальная психология: Указатель литературы, 1970—1978. М., 1983; *Семенов В. Е.* Метод изучения документов в социально-психологических исследованиях. Л., 1983.

Из исследований по социально-исторической психологии см.: *Поршнев Б. Ф.* Феодализм и народные массы. М., 1964; *Гуревич А. Я.* Некоторые аспекты изучения социальной истории (общественно-историческая психология). — *Вопр. истории*, 1964, № 10; *Он же.* Социальная психология и история. Источниковедческий аспект. — В кн.: *Источниковедение: Теоретические и методологические проблемы*. М., 1969; *История и психология* / Под ред. Б. Ф. Поршнева, Л. И. Анцыферовой. М., 1971; *Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972; *Розовская И. И.* Методологические проблемы социально-исторической психологии: (на материале французской исторической «школы» «Анналов»): Автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1972; *Лукьянова И. Г.* «Психология эпохи» как общественное явление: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л., 1973; *Мадиевский С. А.* Методология и методика изучения социальных групп в исторической науке. 2-е изд. Кишинев, 1974; *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е изд., доп. и испр. М., 1979.

Из исследований по теме «Литература и психология» см., напр.: *Осьмаков Н. В.* Психологическое направление в русском литературоведении: Д. Н. Овсяннико-Куликовский. М., 1981; *Горанов К.* Социологические и социально-психологические подходы к изучению художественной культуры. — В кн.: *Актуальные вопросы методологии современного искусствознания*. М., 1983, с. 181—206.

рики литературы и общественной мысли древней и средневековой Руси стали чаще касаться социально-психологических вопросов. Этой стороной вызывают острый интерес труды Д. С. Лихачева, особенно его монография «Человек в литературе древней Руси» (М., 1958; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1970). Тема нуждается в продолжении. В ныне предлагаемой книге раскрывается такое интереснейшее и малоизученное социально-психологическое явление, как общественные настроения в России XVI—XVII вв.<sup>5</sup> Объять все общественные настроения, разумеется, невозможно, и в данной книге рассматриваются преимущественно культурно-эстетические настроения и связанные с ними некоторые социальные настроения российских верхов и низов, т. е. отношение верхов и низов общества к явлениям культуры и друг к другу. Учитываются только новые общественные настроения, явственно отличавшиеся от ближайшего прошлого. Новые настроения могли совпадать или, наоборот, сталкиваться у верхов и низов, создавая любопытные социально-психологические ситуации. История таких ситуаций прослеживается в предлагаемой книге, хотя, конечно, неполно<sup>6</sup>.

Общественные настроения изучаются в предлагаемом исследовании в интересах истории литературы. Выявление изменявшихся социально-психологических ситуаций позволяет полнее оценить творчество русских писателей XVI—XVII вв. и дать более рельефную периодизацию русской литературы при ее переходе от средневековья к Новому времени.

Основным источником исследования послужила русская литература массового предназначения XVI—XVII вв., и прежде всего старопечатные книги с их предисловиями и

---

<sup>5</sup> Об общественном настроении как категории см., напр.: *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М., 1966; *Громыко М. М.* Социальное настроение как категория общественно-исторической психологии.— В кн.: Бахрушинские чтения 1966 г. Новосибирск, 1968, вып. 1; *Заргаров В. А.* Становление понятия настроения в социальной психологии: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Новосибирск, 1969.

<sup>6</sup> Нет работ по древнерусской литературе, в которых развернуто исследовались бы социально-психологические ситуации в средневековом русском обществе. Правда, в ряде работ эта тема все же затрагивается, когда ученые пишут, напр., о Предвозрождении, о писательских общинах в России XVII в., об идейной борьбе придворного и демократического лагерей. См.: *Лихачев Д. С.* Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого: (конец XIV — начало XV в.). М.; Л., 1962; *Он же.* Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973; *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.

послесловиями. Книговедческая проблематика неизбежно затрагивается в данной работе. Следует добавить, что настроения общественных слоев чаще всего косвенно отразились в памятниках — через представления писателей о современных им читателях и обществе. Писательские представления и общественные настроения определяются с помощью анализа литературных и художественных средств. Историческая поэтика поставляет ценнейшие, ничем не восполнимые данные для воссоздания социально-психологических ситуаций далекого прошлого. В этом деле также нельзя обойтись без трудов Д. С. Лихачева, без его «Поэтики древнерусской литературы» (3-е изд., доп. М., 1979). Таким образом, изучение настроений российского общества XVI—XVII вв. оказывается на стыке нескольких научных отраслей — исторической поэтики и социальной психологии, книговедения и истории литературы.

Работа над предлагаемой книгой шла параллельно коллективной работе Группы древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР над четырехтомной серией книг «Русская старопечатная литература (XVI—первая четверть XVIII в.)»<sup>7</sup>. Постоянным стимулом к продвижению в избранной теме явилось обдумывание работ Д. С. Лихачева и специалистов по средневековой западноевропейской и русской культуре, в особенности работ А. Я. Гуревича, А. И. Клибанова, А. М. Панченко, Б. Ф. Поршнева, Л. Н. Пушкирева, А. Н. Робинсона. Книга была подготовлена в 1978—1981 гг.

Автор монографии стремился избежать повторов. «Вступление» и «Заключение» к книге имеют историографический характер. Семь историко-литературных глав книги резко различаются по материалу. Два приложения посвящены методологическим вопросам, третье приложение содержит справочные перечни.

<sup>7</sup> Русская старопечатная литература (XVI — первая четверть XVIII в.). М., 1981. Кн. 1. Тематика и стилистика предисловий и послесловий / Изд. подгот. А. С. Дёмин, А. С. Елеонская, Л. А. Итигина, А. С. Курилов, Ю. А. Лабынцев, Л. И. Сазонова, Л. А. Софронова, Л. А. Черная; Под ред. А. С. Дёмина; М. 1978. Кн. 2. Литературный сборник XVII века Прблог / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Дёмин, А. С. Елеонская, Ф. С. Капица, А. С. Курилов, Л. И. Сазонова, Л. А. Черная. Под ред. А. С. Дёмина; М., 1982. Кн. 3. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Изд. подгот. В. К. Былинин, В. П. Гребенюк, О. А. Державина, А. С. Дёмин, А. С. Елеонская, А. С. Курилов, Е. С. Овчинникова, А. Н. Робинсон, Л. И. Сазонова, Ф. И. Сетин, Л. П. Сидорова, Л. А. Черная; Под ред. А. Н. Робинсона; М., 1979. Кн. 4. Панегирическая литература Петровского времени / Изд. подгот. В. П. Гребенюк. Под ред. О. А. Державиной. М., 1979.

Внутри разделов соблюдалось необходимое единообразие научных подходов. Историографические обзоры сделаны максимально краткими. Методологические и справочные задачи решены выборочно, на примере лишь некоторых источников (это оговаривается в «Приложениях»), зато историко-литературные главы наиболее подробны. В начале каждой главы характеризуются использованные источники. Затем анализируются неявный смысл, стиль, форма писательских высказываний на социальные темы и цель обращений писателей к читателям, определяется идейная направленность больших комплексов рукописных и старопечатных сочинений. В конце каждой главы сравниваются полученные выводы с выводами историков, литературоведов, фольклористов, книговедов об общественных настроениях в России того или иного периода. Главы иллюстрированы старопечатными гравюрами, которые стилистически перекликаются с литературными явлениями.

Настоящая книга связана с предыдущей книгой того же автора<sup>8</sup>. Если в первой речь шла о философских представлениях писателей, то в данной книге автор говорит о представлениях социальных.

---

<sup>8</sup> Дёмин А. С. Русская литература второй половины XVII — начала XVIII в.: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977.



ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI в.  
НЕДОВЕРИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ  
К ПЕЧАТНОЙ КНИГЕ

(Послесловие к «Апостолу» Ивана Федорова.  
Послесловия прочих изданий)



Для суждений об общественных настроениях вторая половина XVI в. дает совершенно новый тип древнерусских источников — печатные книги. Печатные книги предназначались обычно для очень большого числа читателей сразу: даже разовый тираж русской печатной книги в XVI—XVII вв. составлял, как известно, от 300 до 14 000 с лишним экземпляров, далеко превосходя любые возможности размножения сочинений перепиской<sup>1</sup>.

Древнерусские печатные издания почти исчерпывающе перечислены в справочнике А. С. Зёрновой<sup>2</sup>. Сразу видно, что во второй половине XVI в. издавались только церковные книги. Однако в них печатники добавляли послесловия, являющиеся для нас ценнейшим источником: ведь это произведения уже более или менее светские по содержанию и рассчитанные именно на чтение, а не на употребление в церковной службе.

В нескольких печатных книгах, вышедших в 1550-х годах, послесловий или предисловий нет. Поэтому наши наблюдения мы начнем с первого старопечатного послесловия в знаменитом «Апостоле» Ивана Федорова и Петра Мстиславца 1564 г. Посмотрим, для какого читателя предназначалось это послесловие. Оно сообщало о том, что в церкви, построенные по повелению Ивана Грозного, стали собирать рукописные «псалтыри, и евангелия, и апостолы, и прочая святая книги»; но рукописные книги «мали обретошася потребни» из-за множества искажений; и тогда царь замыслил «изложить печатныя книги... праведне»<sup>3</sup>. Значит, «Апостол»

<sup>1</sup> Цифровые данные см., напр.: *Дуплов С. П.* Книга в России в XVII веке. Л., 1970, с. 34, 49, 56, 61—67.

<sup>2</sup> *Зёрнова А. С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958.

<sup>3</sup> Апостол. М., 1564, л. 260 об. Далее ссылки на листы данного издания приводятся в тексте.

с его послесловием предназначался в первую очередь для служителей новопостроенных церквей. Новых церквей было построено действительно много<sup>4</sup>. Само послесловие подтверждало: при Иване Грозном «многи святыя церкви воздвизаеми бываху во царствующем граде Москве, и по окрестным местом, и по всем градом царства его, паче же в новопросвещенном месте во граде Казани и в пределех его» (л. 260). Так что печатники «Апостола» рассчитывали на большое количество церковнослужителей.

О конкретном числе предполагавшихся пользователей «Апостолом» может свидетельствовать тираж книги. Точно он неизвестен. Можно думать о нескольких тысячах, если припомнить, что еще в 1552 г. датский король Христиан III предлагал Ивану Грозному напечатать в Москве Библию на русском языке именно «в нескольких тысячах экземпляров»<sup>5</sup>. Но с большей вероятностью ученые допускают тираж первопечатного «Апостола» примерно в 1000 экземпляров, основываясь на том, что вторично в Москве в 1597 г. «Апостол» был издан в количестве 1050 экземпляров (сведения его послесловия)<sup>6</sup>. Сразу тысяча пользующихся «Апостолом» 1564 г. — невиданно большая по тем временам масса читателей одной книги. Недаром два источника первой половины XVII в. утверждали, что «Апостол» и первые печатные книги предполагалось «испустить во всю Русскую землю к святым Божиим церквам»<sup>7</sup>.

Тем, что печатники рассчитывали именно на читателей, на читательский большой круг, объясняется упрощение композиции, модернизация и демократизация языка, устранение иноязычных слов в первопечатном «Апостоле» сравнительно с «Апостолами» рукописными<sup>8</sup>, а также опущение в печатном «Апостоле» таких традиционных предисловий к апо-

<sup>4</sup> См., напр.: *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964, с. 329.

<sup>5</sup> Цит. по кн.: *Снегирев И. М.* О сношениях датского короля Христиана III с царем Иваном Васильевичем касательно заведения типографии в Москве. — В кн.: *Русский исторический сборник*. М., 1840, т. 4, кн. 1, с. 122—123.

<sup>6</sup> *Сапунов Б. В.* К истории русской книги XVI века. — Тр. Гос. Эрмитажа, Л., 1959, т. 3, с. 9; *Покровский А. А.* Печатный Московский двор в первой половине XVII века. М., 1913, с. 55.

<sup>7</sup> Сказания о начале книгопечатания на Руси / Подгот. к печати Т. Н. Протасьева, М. В. Щепкина. — В кн.: *У истоков русского книгопечатания*. М., 1959, с. 200, 210.

<sup>8</sup> *Коляда Г. И.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника и вопрос о его уходе в Литву. — ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17, с. 231; *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве, с. 278—279, 287.

стольским Десятиям и Посланиям, которые были обращены к единичному читателю и содержали обращения типа: «дивлюся твоей любви, отче честный», «послах же ти...» и т. п.<sup>9</sup>

В общем, мы вправе сделать вывод: послесловие «Апостола» 1564 г. адресовалось большому множеству людей, преимущественно же многочисленным служителям новостроенных церквей на всей территории Российского государства.

О послесловии к первопечатному «Апостолу» написано огромное количество научных работ<sup>10</sup>, но, как ни странно, до сих пор не ставился вопрос о том, собственно для чего печатники предназначали свое послесловие. Цель автора (или авторов) первопечатного послесловия становится понятной при сопоставлении с использованными ими традициями и текстами, а именно при сопоставлении: 1) с древнерусскими рукописными предисловиями и послесловиями к книгам и сочинениям XV—XVI вв.; 2) с произведениями официального стиля середины XVI в.; 3) с предисловиями и послесловиями некоторых южнославянских печатных изданий XVI в.

Традицию древнерусских рукописных предисловий и послесловий никто специально не изучал. Мы провели предварительные наблюдения над довольно представительным материалом<sup>11</sup>. Общий порядок изложения в первопечатном послесловии, как и следовало ожидать, сопоставим с обычным формуляром послесловий к рукописным книгам: «В лето... месяца... на память святого... при благоверном царе... и при митрополите... и при архиепископе... и при епископе... благословением... и повелением... списана бысть сия книга... а писал сию книгу многогрешный...»<sup>12</sup>.

<sup>9</sup> Ср., напр.: Апостол. Список второй четверти XVI в.— ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 71, л. 1, 17.

<sup>10</sup> См.: Начало книгопечатания в Москве и на Украине: Указатель литературы / Сост. Е. Л. Немировский. М., 1975.

<sup>11</sup> Для выявления рукописей с предисловиями и послесловиями нами просмотрены: каталог датированных рукописей Рукописного отдела ГБЛ, подробные печатные и машинописные описания крупнейших собраний ГБЛ — Музейного, Румянцевского, Троице-Сергиевой лавры, Ундольского, Рогожского кладбища, Вологодского, Общества истории и древностей российских, Иосифо-Волоколамского монастыря, Прянишникова и др., а также печатные описания Синодального собрания ГИМ, Софийского собрания ГПБ и исторических сборников БАН. Кроме того, просмотрены справочники по истории древнерусской литературы в целом, по источниковедению истории СССР, по комплексам сочинений летописных, житийных, публицистических, естественно-научных, медицинских, переводных.

<sup>12</sup> Ср., напр.: «Псалтырь с толкованием». Список 1564 г.— ГБЛ,

Подобные послесловия повторялись с древности<sup>13</sup> и легли в основу прочих разновидностей послесловий, включая и первопечатное. В зависимости от своего тона послесловия к рукописным книгам разделялись на обыденные и торжественные. Начальная фраза обычно сразу указывала на характер послесловия. Торжественные послесловия начинались с упоминания о боге. Например: «Слава сътворителю в троици единому богу, съверъшивъшуму по начале конец. В лето...»<sup>14</sup>. В XV—XVI вв. эта фраза со «славой» богу перекочевала в конец торжественных послесловий, начинаемых уже более пышно: «Божиею милостию и пречистыя богоматери...»<sup>15</sup>; или: «О отце и сыне и святем душе...»<sup>16</sup>; или: «Изволением отца и сына...»<sup>17</sup>

собр. Румянцевское, № 331; «Измарагд». Список 1557 г.—ГБЛ, собр. Большакова, № 27; «Златоуст». Список 1555 г.—ГБЛ, собр. Румянцевское, № 182; «Евангелие-тетр». Список 1551 г.—ГБЛ, собр. Рогожского кладбища, № 128; «Прблог», на июнь—август. Список 1550 г.—ГБЛ, собр. Музейное, № 3757; сборник житий и поучений 1541—1542 гг.—ГБЛ, собр. Музейное, № 6456, и др.

<sup>13</sup> Ср., напр.: «Апостол-апракос». Список 1309—1312 гг. Послесловие писца: «В лето 6000-ное на память святого пророка Авдия доконцаны быша книги си при архиепископе повгородском Давиде, при великом князи новгородскомъ Михаиле, а пльскомъ Иван Федоровици, а посаднице Борисе. А писал...» и т. д. (цит. по кн.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855, отд. I, с. 295).

<sup>14</sup> «Служебная миная», на март—апрель. Список 1539 г. ГБЛ, собр. Румянцевское, № 274. Послесловие писца.—Цит. по кн.: *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842, с. 595—596. Ср. также рукописи XV—XVI вв. ГБЛ, собр. Большакова, № 182; собр. Музейное, № 4720; собр. Румянцевское, № 118; собр. Троице-Сергиевой лавры, № 90, 157, 687; ГИМ, собр. Синодальное, № 202 и 326, и др.

<sup>15</sup> Сборник житий 1537 г. ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 629. Послесловие писца.—Цит. по кн.: *Иосиф.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882, с. 277. Ср. также рукописи XV—XVI вв. ГБЛ, собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 462 и 534; собр. Троице-Сергиевой лавры, № 466; собр. Вологодское, № 19; и др.

<sup>16</sup> «Толковый апостол». Список 1514—1515 гг. ГБЛ, собр. Рогожского кладбища, № 32. Послесловие писца.—Цит. по машинописной описи: *Собрание Рогожского кладбища: фонд 247.* М., 1968, с. 31. Ср. также рукописи XV—XVI вв. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 568; ГИМ, собр. Синодальное, № 275, и др.

<sup>17</sup> «Евангелие-тетр». Список 1552 г. ГБЛ, собр. Румянцевское, № 125. Послесловие писца.—Цит. по кн.: *Востоков А.* Описание..., с. 192. Ср. также рукописи XV—XVI вв. ГБЛ, собр. Амфилохия, № 16; собр. Музейное, № 4720; собр. Румянцевское, № 209; собр. Троице-Сергиевой лавры, № 79; собр. Иосифо-Волоколамского монастыря, № 8; ГИМ, собр. Синодальное, № 331 и 997; ГПБ, собр. Софийское, № 45, 1255 и 1327, и др.

С подобной формулы и начинается послесловие к «Апостолу» Ивана Федорова: «Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святого духа...» (л. 260). Значит, торжественность тона входила в намерения составителей первопечатного послесловия.

Но рукописные послесловия подразделялись еще на два других вида — краткие и распространенные. В пространных послесловиях формуляр был развит писцами за счет вставки летописных или автобиографических сведений. В древности летописные сообщения вставлялись в послесловия преимущественно псковско-новгородских рукописей, и известная, цитирующая «Слово о полку Игореве» запись в псковском «Апостоле-апракос» не была чем-то из ряда вон выходящим: «В лето... месяца... на память святых... написах... Сего же лета бысть бой на русьской земли... сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша... А писал...»<sup>18</sup>. В XV—XVI вв. местные границы размылись и историко-летописные послесловия стали встречаться и в рукописях московского и околomosковского происхождения: «Лета... написана бысть сия книга... при благоверном цари... и при епископе... а писал многогрешный... повелением... А в те поры государь был православный царь лет тридцати без двою...» и пр.<sup>19</sup>

Автобиографические сведения вставлялись в предисловия и послесловия преимущественно к большим житиям. Авторы или переводчики рассказывали о своих сомнениях и трудностях при составлении сочинения. Таково, например, предисловие Нестора к «Чтению о житии и о погублении Бориса и Глеба» конца XI — начала XII в. В XV—XVI вв. автобиографические рассказы присутствовали в предисловиях и послесловиях к произведениям уже разнообразных жанров: к «Повести о новгородском белом клобуке» (предисловие Дмитрия Герасимова), к «Хронографу» (предисловие Досифея Топоркова) и т. д.<sup>20</sup>

<sup>18</sup> «Апостол-апракос». Псковский список 1307 г. ГИМ, собр. Синодальное, № 722. Послесловие писца.— Цит. по: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание..., отд. I, с. 293. Ср. псковские рукописи ГИМ, собр. Синодальное, № 837, 838, 240; ГБЛ, собр. Ундольского, № 719, и др.

<sup>19</sup> «Апостол». Прилуцкий список 1558 г. ГБЛ, собр. Отдела рукописей, № 405. Послесловие писца.— Цит. по машинописной описи: Собрание Отдела рукописей, ф. 218. М., 1955, т. 5, с. 1—2. Ср. также рукописи ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 466; ГИМ, собр. Синодальное, № 755.

<sup>20</sup> Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, вып. 1, с. 287 и сл.; ПСРЛ. СПб., 1911, т. 22, ч. 1, с. 18 и сл. Ср. также послесловия к некоторым волоколамским сборникам XVI в.— Дмитриев

Интересно, что в практике древнерусских авторов и писцов до XV в. летописные и автобиографические вставки почти никогда не соседствовали, никогда не встречались одновременно в одном и том же предисловии или послесловии. Однако в XV в. начала складываться новая разновидность распространенных предисловий и послесловий, связавших воедино сведения государственного и частного характера. Прежде всего в предисловиях и послесловиях разрослись сообщения о том, как власти поощрили книжника создать произведение или сборник. Так, в предисловии к «Житию Зосимы и Савватия Соловецких» его составитель Досифей привел целый диалог с новгородским архиепископом Геннадием: «Сие написах, понужену ми бывшу архиепископом Геннадием... Он же рече: „Напиши ми о житии и чюдесех...“ И аз рекох: „Господине мой архиепископе, аз человек к тому не таков...“ Архиепископ же рече: „Елико вразумееш вся помня, напиши ми...“. И тако понужен бысть архиепископом»<sup>21</sup>.

Даже самые традиционные автобиографические рассказы доводились теперь до развязки в государственных верхах, как, например, предисловие Саввы Крутицкого к «Житию Иосифа Волоцкого» первой половины XVI в.: «И о сем тръпети ми не могущу, известих сия великому святителю пресвященному Макарию митрополиту всея Руси; он же повеле ми и благослови. Аз же грешный... деръзнух по благословению и по повелению великаго святителя мало нечто изъявити...»<sup>22</sup>.

Казалось бы, частное явление — труды и дни отдельного книжника, но представляли они в странной постоянной связи с деяниями самого царя. Ср. в одном из предисловий: «В лето 7042-го постригся Варлаам... и пришел государь царь... ис Казани... и взя его... в царствующи град Москву и послал его... на игуменство... и игуменил 6 годов... и отпустил царь», и тогда написал Варлаам эту книгу<sup>23</sup>.

ва Р. П. Волоколамские четьи сборники XVI в.— ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 213—215, 217.

<sup>21</sup> Великие минеи четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. М., 1912, апрель, дни 8—21, стб. 586—588.

<sup>22</sup> Великие минеи четии. СПб., 1868, сентябрь, дни 1—13, стб. 453—454. Ср. рукописи XV в. ГИМ, собр. Синодальное, № 321 и 326. Послесловия писцов. Ср. также «Житие Саввы Звенигородского». Предисловие.— Великие минеи четии. М., 1910, декабрь, дни 1—5, стб. 68; «Житие Михаила Клопского». Тучковская редакция. Послесловие.— Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958, с. 166—167.

<sup>23</sup> «Следованная псалтырь». Список 1540-х годов. ГПБ, собр. Софийское, № 76. Предисловие писца.— Цит. по кн.: *Абрамович Д. И.*

В результате к середине XVI в. явно выделилась новая разновидность распространенных послесловий и предисловий с единообразными добавлениями к старому формуляру, изображавшими процесс создания книги или произведения как значительный государственный акт. Сцена совета царя с митрополитом появилась уже в предисловии Максима Грека к переводу «Толковой псалтыри». Максим Грек писал о Василии III: «... воздвиге твою державу к преложению толкований псалмов... и душею божественныя ревности исполнено, сообщает абие совет пресвященнейшему о господе отцу своему господину Варлааму митрополиту всеа Русии и, молитву и благословение прием, скорейше... призвал... священник...»<sup>24</sup>.

Подобная же сцена появилась и в предисловии к новой редакции «Жития Александра Невского», включенной в «Великие минеи четии»: «Егда же достигшу лет, в ня же скипетры Русскаго царства дрѣжашу благочестивому царю и великому князю Ивану Василиевичю всеа Русии, и сему вложи бог в сердце мысль благу, еже прославити угодника божиа... Правящу же престол рускиа митрополия преосвященному Макарию митрополиту всеа Руси, и повелением самодрѣжца оному о сем подвигшуся вседушьне с всем священным собором и изыскавше...»<sup>25</sup>. То же читается и в предисловии к «Житию митрополита Ионы»: «... дондеже прииде время в лето 7055, внегда божественною ревностию подвижем, благочестивый и богом венчанный царь и великий князь Иван Васильевич... осиаваем благодатию святаго духа, возжеле от всеа душа... иже в Русской земли царския ему державы премирное богатство взыскати и собрати... И сего ради христоробивый царь и великий князь Иван възвещает боголюбезнейшему митрополиту Макарию всеа

---

Описание рукописей С.-Петербургской духовной академии: Софийская библиотека. СПб., 1905, вып. 1, с. 120. Ср. патериковый сборник 1553 г. ГИМ, собр. Синодальное, № 216. Послесловие: «...бысть бо тогда повеление от царя великого князя Иванна по многим градом писати святаа книги... К сему же и не по воли вдаша ми властеле Новагорода списати сию святую книгу... и бысть ми тогда прещение велико с яростию...» и т. д. (цит. по кн.: *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970, ч. 1, с. 42). Ср. также «Казанскую историю». Вступление: «Мне же,— пишет автор,— живуци в Казани, часто и прилежно от царя во веселии... бе бо царь по премногу зная мя и любя мя; велможии же его паче меры брежаху мя. И слысах словом от самого царя изо уст многажды и от велмож его...» (Казанская история / Подгот. текста Г. Н. Моисеевой. М.; Л., 1954, с. 44).

<sup>24</sup> Сочинения Максима Грека. Казань, 1860, ч. 2, с. 299.

<sup>25</sup> Великие минеи четии. М., 1916, ноябрь, дни 23—25, стб. 3225.

Русии и совета блага просит от него... Преосвещеннейший же митрополит Макарий возрадовался душею, ведый, яко божиим хотением сичево бысть тщание и вера благочестиваго царя, и вкупе богом подвизаеми созывают» собор и т. д.<sup>26</sup>

Послесловие к «Апостолу» Ивана Федорова не заимствовало какой-либо конкретный текст, однако композиционно и фразеологически относилось к новому виду распространенных послесловий и предисловий «государственного» содержания: «... повелением благочестиваго царя и великого князя Ивана Василиевича... многия святыя церкви воздвизаеми бываху... И сия вся... царь украшаше... он же начат помышляти, како бы изложити печатныя книги... И тако возвещает мысль свою преосвященному Макарию митрополиту всея Русии. Святитель же, слышав, зело возрадовался и, богови благодарение воздав, царю глаголаше, яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ. И тако... начаша изыскивати мастерства печатных книг... повеле устроити дом... идеже печатному делу строитися...» (л. 260—260 об.).

Все подобные послесловия и предисловия не только отражали реальные факты проявления царем и митрополитом внимания к тем или иным произведениям, но и своей литературной формой подчеркивали особую значительность предлагаемых сочинений. Очевидно, и автор послесловия к «Апостолу» Ивана Федорова своим рассказом о заведении книгопечатания стремился внушить читателям — служителям церкви представление о значимости печатной книги, которую торжественно одобрили сам царь и митрополит.

Сопоставим теперь первопечатное послесловие со второй группой его источников — с сочинениями официального стиля, кстати говоря, тоже малоизученного. Официальных произведений середины XVI в. не очень много. Это «Летописец начала царства Ивана Грозного», «Степенная книга», «Стоглав» и несколько царских, митрополичьих и соборных грамот, дошедших в составе «Никоновской летописи».

Отметим прежде всего, что на книжные предисловия и послесловия стали воздействовать произведения официального литературного стиля середины XVI в. Сцены совета царя с митрополитом многократно повторялись, например, в «Летописце начала царства Ивана Грозного»<sup>27</sup>, особенно

<sup>26</sup> Цит. по кн.: В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 460—461.

<sup>27</sup> Об официальном характере «Летописца начала царства» см.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 362—370; Зимин А. А. И. С. Пересветов и его со-



когда рассказывалось о строительной и культурной деятельности царя. Вот некоторые отрывки из «Летописца». Под 1551 г. «Повесть о поставлении новаго града Свяязскаго»: «Великий во благочестии царь государь князь великий Иван Васильевич всея Руси... почал мыслити, чтобы город поставити на Свяжском устье... И мысль свою митрополиту сказал... И митрополит царя государя благословляет, а говорит государю: „... якоже ты святыи дух наставит...“ И начинает государь и делу касается...». Под 1552 г. статья о пренесении мощей святых в Свяжск: «... государь... храбр в мысли речет: „Всяко бо даяние благо и всяк дар свершен исходяй отца светом“ И приходит... к первосвятителю Макарию митрополиту всея Руси и възвещает митрополиту настоящаа. И советует митрополит государю... И делу касаются...». И в последующих статьях обязательно «посылает государь... дела възвестити к... Макарию митрополиту»<sup>28</sup>.

Сходное изложение, влиявшее на послесловия, встречается и в «Стоглаве»: «... царь Иван... подвижася... и възвещает сие отцу своему преосвященному Макарию митрополиту всея Руси и собор божиих слуг совокупити повеле вскоре... сия слышавъше, всея Руския земля архиереи с радостию неизглаголанною объяти бывше...»<sup>29</sup>.

---

временники: Очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. М., 1958, с. 29—41.

<sup>28</sup> «Летописец начала царства». Поздняя редакция около 1558 г.— ПСРЛ. М., 1965, т. 13, ч. 1. Никоновская летопись, с. 162—163, 179—180, 221. В ранней редакции «Летописца» то же самое.— ПСРЛ. М., 1965, т. 29, с. 59—60, 74.

<sup>29</sup> «Царския вопросы и соборныя ответы о многоразличных чинех» (Стоглав) / Изд. Н. Субботина. М., 1890, с. 17—18. Впервые о сходстве см.: Тихомиров М. Н. Начало книгопечатания в России.— В кн.: У истоков русского книгопечатания, с. 21—22.

Основы официального стиля были заложены, разумеется, до середины XVI в. Ср., напр., «Иоасафовскую летопись» первой половины XVI в. Под 1518 г.: архимандрит «възвестил тоя... Сия же чюдеса слышав... приидоша... и възрадовася радостию великому зело, и въздохнув из глубины сердца, глаголя...» (Иоасафовская летопись / Подгот. к печати А. А. Зимин. М., 1957, с. 177—178).

Влияние официальной манеры изложения сказалось и при переработке в XVI в. более ранних произведений. Ср. «Житие Варлаама Хутынского». Особая редакция: «В лето 6973-го... господь бог вложи в сердце святителю, архиепископу Феофилу, помысл благий. И помысли же... и призывает... архимарита... игуменов... священников и повелевает... чтобы, совет сотворив, послали бы послов бити челом государю великому князю Ивану Васильевичю...» (цит. по кн.: Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв.: Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973, с. 75—76). Недаром, проанализировав факти-

Правда, еще надо разобраться более скрупулезно в том, кто на кого повлиял. Что же касается первопечатного послесловия, то его автор явно ориентировался не только на традицию распространенных послесловий, но и на современные ему сочинения официального стиля. Многие в первопечатном послесловии восходит одновременно и к традиции официозных послесловий, и к фразеологии официальных сочинений. Здесь опять трудно провести границу. Например, уже цитированная нами начальная фраза первоначального послесловия — «Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святого духа», — пожалуй, больше совпадает с начальными формулами русских официальных документов и торжественных речей XVI в. Вот для сравнения начало речи царя к митрополиту Макарию и царской семье о взятии Полоцка в «Никоновской летописи» под 1563 г.: «Благословением бога и отца, и поспешением сына, и действием святого духа...». Или, например, зачин «Соборной грамоты о белом клобуке» 2 февраля 1564 г. в той же «Никоновской летописи»: «... благоволением отца, и поспешением сына, и действием святого духа...»<sup>30</sup>. Или такая же формула в «Стоглаве»: «Иже вседръжителя бога и отца благоволением, иже к нам... сына его... поспешением, и действием пресвятаго... духа...»<sup>31</sup>.

Концовка первопечатного послесловия — «начаша печатати сия святые книги... в лето... совершенни же быша в лето...» (л. 261) — также оказывается нехарактерной толково для послесловий и часто встречается, например, в статьях

---

ческую основу этого рассказа, Л. А. Дмитриев пришел к выводу о том, что источником эпизода «служили не какие-то ранние, неизвестные нам записи или устные предания, а те летописные записи и повести, которые отражали официальную московскую точку зрения на эти события» (Там же, с. 78).

Целесообразно проверить воздействие официального стиля XVI в. на редакции княжеских «Уставов». Например, поздняя редакция «Устава святого Владимира» содержала такие фразы: «Во имя отца, и сына, и святого духа. Се аз княз и великий... згадав аз своею княгиною Анною и с своими детми...» (Сборник XVI в. ГИМ, собр. Сиподальное, № 951, л. 198 и сл. — Цит. по кн.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание... М., 1862, отд. II, ч. 3, с. 577—578). Показательно, что «Устав Владимира» находится в сборнике 1560-х годов БАН, собр. Архангельское, Д., 193, составленном только из материалов времени Ивана Грозного — «Летописца начала царства», «Похвалы Грозному» и пр. — Копанев А. И., Кукушкина М. В., Покровская В. Ф. Исторические сборники XV—XVII вв.: Описание РО БАН АН СССР. М.; Л.: 1965, т. 3, вып. 2, с. 132 и сл.

<sup>30</sup> ПСРЛ. СПб., 1906, т. 13, вып. 2, с. 360, 378; См. также: ПСРЛ, т. 29, с. 315, 330.

<sup>31</sup> «Царския вопросы...», с. 21.

официального «Летописца начала царства»: «В лето... начаша делати раки святым, и доделаша раку святого... в лето...»; «почал град делати... месеца... а доделаша его того же лета, месеца...»; «а церковной мастер почал делати и съвршил...» и др.<sup>32</sup> Причем в «Никоновской летописи» именно «Летописец» указывает на начало и конец тех или иных работ; до «Летописца» же в тексте «Никоновской летописи» обычно сообщается лишь дата завершения упоминаемого дела.

Среди послесловий и предисловий послесловие к «Апостолу» Ивана Федорова выделяется своей особенно тесной связью с произведениями официального стиля. Автором первопечатного послесловия употреблены многочисленные выражения, которые в послесловиях и предисловиях обычно не встречаются, но характерны как раз для сочинений официальных. Перечислим эти выражения по ходу рассказа в послесловии. Аналогию сравнению дел Ивана Грозного с деяниями «великаго Константина, и Устиниана, и Михаила, и Феодоры, и прочих благочестивых царей» (л. 260) можно указать, например, в «Послании» митрополита Макария Ивану Грозному 1552 г., включенном в «Летописец начала царства»: «...якоже благочестивый царь Константин, и благочестивый царь Феодосий Великий, и Феодосий Юный, и прочии гречести цари...»<sup>33</sup>, а также в других статьях «Летописца начала царства», например под 1556 г.: «И такова его бог яве царя... подражателя прежним и благочестивым царем и храбрым государем»<sup>34</sup>.

Сравнительно редкий эпитет «в новопросвещенном месте во граде Казани» (л. 260) находим в «Летописце начала царства» в повествовании о взятии Казани: «в новопросвещенном месте», «в богом дарованней ему отчине и в новопросвещенном месте» Свяжске<sup>35</sup>. Словосочетание «и сие доиде и царю в слух» (л. 260) опять совпадает с соответствующими выражениями в «Летописце начала царства» и «Стоглаве»: «Се же убо и вниде слухом и до самого царя...»<sup>36</sup>, «некогда вниде в слухи боговенчаннаго и христо-

<sup>32</sup> ПСРЛ, т. 13, вып. 1, с. 91—92, 95, 109—111, 145, 161 и др.

<sup>33</sup> Там же, стб. 195. См. также: АИ. СПб., 1841, т. 1, № 160, с. 290—293.

<sup>34</sup> ПСРЛ, т. 13, вып. 1, с. 268. Ср. также «Послание» Максима Грека, сравнивающего заслуги Василия III с заслугами Устиниана, Константина «и прочих... архиереев и царей» (Сочинения Максима Грека, ч. 2, с. 297, 318).

<sup>35</sup> ПСРЛ, т. 13, вып. 1, с. 201.

<sup>36</sup> Там же, с. 170.

любиваго царя...»<sup>37</sup>. Цитата из апостольского послания, которая в послесловии к «Апостолу» 1564 г. вложена в уста митрополита Макария, обращающегося к царю, — «глаголаше, яко от бога извещение приемшу и свыше дар сходящ» (л. 260 об.) — также являлась распространенной в официальной литературе, особенно в речах и грамотах Макария, Ивана Грозного и в постановлениях церковных соборов, включенных в «Летописец начала царства» и «Стоглав»<sup>38</sup>.

Наконец, в окончании послесловия фразы о щедрости царя по отношению к печатникам — «и нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем» (л. 260 об.) — также напоминает об официальных выражениях XVI в. в сходных ситуациях. Так, в «Никоновской летописи», в статье под 1556 г. «О позлащении верха у церкви в Сергиеве» говорилось, что царь «нещадною десницею украшение церковное любяше»<sup>39</sup>. В предисловии к «Великим четым минеям» Макария объявлялось, что митрополит собирал книги «многим именем и многими различными писари, не щадя сребра...»<sup>40</sup>.

Само единоначатие фраз в первопечатном послесловии также напоминает о произведениях торжественно-официального стиля: «И тако благоверный царь... повеле... И тако возвещает... И тако повелением благовернаго царя...» (л. 260—260 об.). Ср. в «Степенной книге» почти во всех небольших рассказах об отдельных эпизодах царствования Ивана Грозного: «Милостивый же государь не хотяше... И тако отпущени быша... И тако повелением государевым начаша...». Или: «... и тако же... побиша. И тако немьцы

<sup>37</sup> «Царския вопросы...», с. 75.

<sup>38</sup> ПСРЛ, т. 13, вып. 1, с. 179, 186, 226, 362 и др.; «Царския вопросы...», с. 17—18. С этой же цитаты начинается «Послание» Максима Грека Василию III.— Сочинения Максима Грека, ч. 2, с. 296. Этой же цитатой начинается и предисловие к сборнику сочинений Максима Грека XVI в. ГИМ, собр. Синодальное, № 491.— Горский А. В., *Невострюев К. И.* Описание... М., 1859, отд. II, ч. 2, с. 520.

<sup>39</sup> ПСРЛ, т. 13, вып. 1, с. 273. Ср. в другом месте: «А государево жалование к ним не оскудевает, но паче государь прибавливает: многое множество раздаваше... в предних в летописцех таких расходов не пишет, каково государь жалование к своим и ко всем приходящим показует» (Там же, с. 166). Ср. также у Максима Грека выражение о «царских сокровищах»: в Париже «казателем бо сичевых учений оброки обильны даются во вся лета от царских сокровищ по многу любочестию царствующаго тамо...» (Сочинения Максима Грека. Казань, 1862, ч. 3, с. 179).

<sup>40</sup> ГИМ, собр. Синодальное, № 986, л. 2 об.— Цит. по кн.: *Протасьева Т. Н.* Описание..., ч. 1, с. 175. Ср. более ранний «Апостол». Список 1495 г. ГИМ, собр. Румянцевское, № 9. Послесловие писца: «...писцу мзду дать усугубив» (цит. по кн.: *Востоков А.* Описание..., с. 13).

ничто же успешие... И тако многих немец победиша... И тако маистр... отидоша...»<sup>41</sup>.

Если сравнить первопечатное послесловие с произведениями официального стиля в целом, то станет заметным его особое свойство — густота насыщения официальными формулами. Ведь, например, и в «Летописце начала царства», и в «Степенной книге» есть относительно краткие статьи, но они не содержат такой тесной мозаики официальных формул. В небольшом же послесловии к «Апостолу» представлены все важнейшие официальные выражения, относящиеся к культурно-строительной деятельности царя. Послесловие к «Апостолу» официознее любых других официальных послесловий и предисловий. Если оно результат подгонки пространного текста к малому объему, то тогда как искусно и целенаправленно было произведено сжатие текста!

Так или иначе, но ясно, что густой концентрат официальных выражений в послесловии 1564 г. предназначался автором для особо веского, авторитетного, даже подавляющего заверения в том, что печатные книги «повелением царя и благословением митрополита» «изложилися праведне» в противоположность большинству «растлених» рукописных книг. Вот в чем автор предисловия заверял множество читателей, прежде всего служителей церквей.

Подобное понимание авторской цели поддерживается сопоставлением с третьей группой основных источников послесловия к московскому «Апостолу» Ивана Федорова — с предисловиями и послесловиями некоторых южнославянских изданий первой половины XVI в. Как известно, одним из наиболее вероятных конкретных источников русского первопечатного послесловия послужило послесловие же к «Молитвослову», изданному по повелению черногорского эмигранта Божидара Вуковича в Венеции в 1520 г.<sup>42</sup> У них сходен ряд тем. Совпадают начальные формулы: «Изволениемь отца, и съспешениемь сына, и съвршениемь светаго

<sup>41</sup> ПСРЛ. СПб., 1913, т. 21, ч. 2, с. 657, 661. К повтору подобных фраз, вероятно, прибегали в случае краткого изложения событий в официальном сочинении. Ср. замечание в одном из кратких же рассказов «Степенной книги»: «...и тако вся добре и безмятежно тамо управляхуся благодатиею божиею, прочее же о сих довольно писано есть во известных летописаниих, zde же вкратце явлено» (Там же, с. 651). Значит, послесловие к «Апостолу» 1564 г. принадлежало к ряду кратких официальных статей.

<sup>42</sup> Впервые об этом см.: *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скоруина: Его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1880, с. 174.

духа» («Молитвослов»<sup>43</sup>); «Изволением отца, и споспешением сына, и совершением святого духа» («Апостол», л. 260).

Близки не находящие больше нигде аналогии упоминания о книгопечатании в иных странах: «... видехь,— сообщает Вукович,— съставляющтиих божьствьвнаа писаниа на типарех Фруги же, и Грькы, и иные езыки, желаниемь въждеলেখь и наша срьбьскаа же и бльгарьскаа такожде на типарех съставити...» («Молитвослов»). Ср.: Иван Грозный «начат помышляти, како бы изложити печатныя книги, яко же в Греках, и в Венеции, и во Фригии, и в протчих языцех... на составление печатному делу...» («Апостол», л. 260 об.—261). Знаменательно, что автор московского послесловия добавил здесь ссылку на Венецию — свидетельство его обращения к венецианскому изданию.

Сходны у обоих послесловий и упоминания о щедрости покровителей: «Не дахь себе ни мала покоя,— говорит Вукович,— ни поштедехь от имени[й] моихь... доньдеже извести ми дело на съвршение...» («Молитвослов»); Иван Грозный «нещадно даяше от своих царских сокровищ делателем и к их упокоению, дондеже и на совершение дело их изыде...» («Апостол», л. 260 об.—261).

Еще ближе к «Апостолу» 1564 г. звучит последняя фраза в послесловии «Соборника», т. е. «Праздничной минеи», изданной по повелению того же Божидара Вуковича в Венеции в 1538 г.: «... и от богоданнаго ми имениа не пощадех, дондеже приспех на съвршение делу»<sup>44</sup>. А с предисловием именно к этому «Соборнику» 1538 г. перекликается и другая фраза в первопечатном русском послесловии: «... богъ благоизволи украсити святую церковь свою различными кныгами» («Соборник»<sup>45</sup>); «... церкви... царь украшаше... святыми кныгами» («Апостол», л. 260).

---

<sup>43</sup> Молитвослов. Венеция, 1520.— Здесь и далее цит. по кн.: *Каратаев И. П.* Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. Т. 1. С 1491 по 1652 г., с. 53. В более ранних южнославянских кирилловских изданиях послесловия начинались несколько иначе. Ср., напр.: Псалтырь. Цетинье, 1495. Послесловие: «Благоволениемъ отца...» (цит. по кн.: *Каратаев И. П.* Описание..., т. 1, с. 19).

<sup>44</sup> Соборник. Венеция, 1538.— Здесь и далее цит. по кн.: *Каратаев И. П.* Описание..., т. 1, с. 93.

<sup>45</sup> Там же, с. 89—90. Ср., однако, «Церковный устав». Список 1438 г. ГИМ, собр. Синодальное, № 331. Послесловие писца: тверской епископ «желание имяше на съвокупление книжное и на украшение церковное» (цит. по кн.: *Горский А. В. Невоструев К. И.* Описание..., М., 1869, отд. III, ч. 1, с. 313).

Но опять видим своеобычие послесловия к фёдоровскому «Апостолу». Места, заимствованные из изданий Божицара Вуковича, имели в «Апостоле» Ивана Федорова иной смысл: там, где Вукович говорил о себе или о боге, у Федорова говорилось только о царе. Царь замыслил завести книгопечатание на Руси, «якоже в Греках, и в Венеции, и во Фригии»; царь не щадил казны на совершение этому делу; царь украшал церкви книгами... Автор послесловия к «Апостолу» Ивана Федорова подчеркивал не роль печатников, а роль царя. Печатная книга, стремился внушить автор читателям, замыслена, изготовлена и распространяется исключительно по повелению и под покровительством царя.

Заимствования из разных типов источников были переплавлены в послесловии к «Апостолу» 1564 г. настолько, что одно и то же место иногда может относиться сразу и к древнерусской традиции послесловий, и к фразеологии южнославянских изданий, и к стилю русского официального повествования XVI в. Но отбор или переработка разнообразного материала неизменно направлялись у автора первопечатного послесловия к одной главной цели. Сопоставление с источниками помогает заметить ускользавший от нас ранее существенный оттенок в содержании послесловия к «Апостолу» Ивана Федорова. Автор послесловия вовсе не пытался пояснить особенности нового на Руси дела — книгопечатания. По отношению к книгопечатанию он нигде не употребил и слова «новый». Главная его цель состояла в другом. Автор послесловия постарался изложить множество доводов вообще в пользу русского книгопечатания как такового: рукописных книг на Руси не хватает и они почти все неисправны; печатных же книг можно сделать много и соблюсти единообразие; книги уже печатают у греков и у других народов; сам царь Иван Васильевич задумал нововведение, а митрополит Макарий с радостью это благословил, назвав «извещенным» от бога; именно по повелению царя искали и нашли мастеров печатного дела; сам царь из казны оплачивал расходы на типографию; печатал же данную книгу диакон такого авторитетного заведения, как кремлевская церковь Николы Гостунского... Слишком значащи, слишком сконцентрированы на единой цели все эти сведения, чтобы считать первопечатное послесловие нейтральным объявлением о выходе книги в свет. Ни в одном из известных нам официальных послесловий и предисловий нет такого скопления сведений в роли доводов, нет такой непрерывной цепи доводов, туго свернутой в столь небольшом произведении. Автор первопечатного послесловия, очевидно, очень хотел

убедить читателей, прежде всего из среды церковнослужителей, в допустимости книгопечатания, в дозволенности и полезности печатной книги.

Скрытая полемичность внешне объективного исторического повествования примечательна для многих официальных произведений, начиная как раз с середины XVI в., — для «Никоновской летописи»<sup>46</sup>, для «Царственной книги»<sup>47</sup>, для «Казанской истории»<sup>48</sup>, для обработки судных списков по делу Максима Грека<sup>49</sup>, для проповедей, житий, повестей<sup>50</sup>. Полемичны и некоторые рукописные книжные предисловия, как, например, предисловие Нила Курлятева к переводу «Псалтыри», сделанному Максимом Греком в 1552 г. полемично предисловие к раннему варианту «Азбу-

<sup>46</sup> Часть «Никоновской летописи» явно составлена в противовес критическим высказываниям Максима Грека (*Клосс Б. М. Никоновская летопись и Максим Грек.* — ТОДРЛ. Л., 1976, т. 30, с. 124—131).

<sup>47</sup> В 1563—1564 гг., «распорядившись включить в официальную летопись подробный рассказ о заговоре и мятеже Старицких в 1553 г., Грозный руководствовался не литературными, а политическими целями. Официальная летопись вполне заменила и судебное разбирательство, и даже судебный приговор» (*Скрынников Р. Г. О времени работы Ивана Грозного над Лицевым сводом.* — В кн.: Культурное наследие древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976, с. 154—161).

<sup>48</sup> «В противовес старым русским боярско-княжеским фамилиям Иван IV выдвигал знать иноземного, в частности татарского, происхождения; официальная Казанская история вопреки исторической истине приписывала поэту решающую роль в войне... татарским „царевичам“... а также деятелям опричнины» (*Лурье Я. С. Судьба беллетристики в XVI в.* — В кн.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 431—432).

<sup>49</sup> О «литературно-публицистической обработке судных списков Максима Грека» см., напр.: *Казакова Н. А. Очерки по истории русской общественной мысли: Первая треть XVI века.* М., 1970, с. 192 и сл.

<sup>50</sup> В XVI в. «формы деловой письменности становятся формами публицистики, в Великие Четьи-Минеи митрополита Макария.. внесена сильная публицистическая, злободневная струя... Назидательное, публицистическое начало преобразует летопись в Степенную книгу... Выдумка входит сильнейшим элементом в Степенную книгу, в Летописец начала царства, в Казанскую историю и в Лицевой свод Грозного. В уста исторических героев вкладываются измышленные речи... В летопись проникает полемика — в Псковскую, в Новгородскую, в Ростовскую и т. д. ...Следует подчеркнуть особенное развитие в публицистике таких старых жанров церковной литературы, как проповеди, слова, поучения» (*Лихачев Д. С. Иван Пересветов и его литературная современность.* — В кн.: Сочинения Ивана Пересветова. М.; Л., 1956, с. 50). По поводу «Степенной книги» см. также: *Альшиц Д. Н. Легенда о Всеволоде — полемический отклик XVI в. на Слово о полку Игореве.* — ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 64—70; о бытине о Вавиле-скоморохе 1560—1580-х годов см.: *Лихачев Д. С. Возможный случай скрытой полемики фольклорного произведения.* — В кн.: Из истории литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959, с. 335—336.



Ковни́ка» второй половины XVI в.<sup>51</sup> Неудивительно поэтому и открывающаяся нам убеждающая энергия послесловия к «Апостолу» Ивана Федорова 1564 г. Изучение способов скрытой полемики и выявление круга памятников такого рода — одна из интереснейших задач.

Что думал автор послесловия о множестве читателей, к которым он косвенно обращался? Источников в нашем распоряжении очень мало: это только послесловия к изданиям Ивана Федорова. Но все-таки достоверные выводы сделать можно. По тому, как автор послесловия к московскому «Апостолу» усиленно пытался убедить своих адресатов, прежде всего церковников, можно предполагать, что он еще в процессе издания ожидал недоверчивого или даже недоброжелательного отношения к печатной книге. Прямых высказываний на этот счет в послесловии 1564 г. нет. Но два места в этом поистине неисчерпаемом памятнике косвенно подтверждают наше предположение. Оба места — довольно точные скрытые цитаты. Полный смысл цитат становится ясным, если знать контекст цитируемых источников.

Когда автор послесловия к «Апостолу» упоминает, что рукописные книги «растлени от преписующих ненаученых сущих и неискусных в разуме» (л. 260 об.), то он цитирует «Слово отвещательно о исправлении книг русских» Максима Грека. Сам факт цитации был замечен давно<sup>52</sup>, но дополнительное смысловое значение такого цитирования как-то не учитывалось. В контексте же сочинения Максима Грека это место связано с упоминанием как раз о враждебном отношении читателей к книжной деятельности автора: «А яко не порчю священныя книги, якоже клеветцут мя враждующии ми всуе, но прилежне, и всяким вниманием,

---

<sup>51</sup> Предисловие Нила Курлятева «было направлено на поддержку усилий самого Максима в реабилитации его переводческой деятельности. Для этого надо было раскрыть, в чем заключаются достоинства переводов ученого Грека, противопоставить их недостаткам прежних переводов и тем самым обосновать полезность сделанного им и уберечь его новый перевод, соавтором которого был Нил, от упреков в ереси и от исправлений. Цель Предисловия была конкретной, а стиль изложения полемическим» (*Ковтун Л. С.* Лексикография в Московской Руси XVI — начала XVII в. Л., 1975, с. 93—94; см. еще с. 67—70). В «Азбуковнике» тоже «все Предисловие проникнуто духом полемики.. в духе взглядов Максима Грека: „...понеже мнози от неискусных книжник и писцевь многи иностранныя речи пишут и глаголют криво“» (Там же, с. 225—226).

<sup>52</sup> Впервые об этом см.: *Румянцев В. Е.* Сборник памятников, относящихся до книгопечатания в России. М., 1872, вып. 1, с. 6, 10.

и Божиим страхом, и правым разумом исправляю их, в них же растлешася ово убо от преписующих их ненаученых сущих и неискусных в разуме...»<sup>53</sup>. По-видимому, недаром автор послесловия к «Апостолу», говоря о заведении книгопечатания, использовал фразу именно из этого отрывка. Кстати, эту же цитату из Максима Грека Иван Федоров использовал и в послесловии ко львовскому «Апостолу» 1574 г., притом в открытой связи с порицанием недоброжелательства читателей. Но об этом несколько ниже.

Пока же перейдем ко второй цитате в послесловии 1564 г., тоже давно замеченной. Когда царский замысел начать книгопечатание на Руси одобряется в послесловии как «свыше дар сходящ» (л. 260 об.), то тут автор цитирует первое «Соборное послание» апостола Иакова, I, 17. Но в апостольском послании эти слова соседствуют с увещанием к читателям освободиться от гнева и злобы. Вот текст по первопечатному же «Апостолу»: «Всяко дание благо и всяк дар совершен свыше есть сходя от отца светом... Тем же, братие моя возлюбленная, да будет всяк человек скор услышати и косен глаголати, косен во гнев. Гнев бо мужу правду Божию не содевает. Сего ради отложыше всяку скверну и избыток злобы, в кротости примите всажденное слово...» (л. 56 об.— 57)<sup>54</sup>.

Совпадение скрытого смыслового оттенка двух очень разных цитат — а в послесловии к московскому «Апостолу» нет ни одного случайного, механического заимствования — побуждает нас с большей уверенностью предполагать, что в сознании автора первопечатного послесловия 1564 г. присутствовало стойкое ощущение об «избытке злобы» у читателей, особенно у церковников, «враждующих» к предлагаемой печатной книге<sup>55</sup>.

---

<sup>53</sup> «Слово отвещательно о исправлении книг русских...» — Сочинения Максима Грека, ч. 3, с. 62; ср. еще: «...писарей неведение растли». — Там же, ч. 2, с. 312.

<sup>54</sup> Ср., как далее в послании определяется этот дар свыше, эта «премудрость свыше низходящи»: «А яже свыше премудрость, первее убо чиста есть, потом же мирна, смотрелива, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодов благих, несуменна, со смирением сеется творящим мир. Откуда брани и свары в вас?...» (л. 59). Знаменательно, что те же отрывки из «Послания» Иакова цитировал Иван Грозный в первом «Послании» А. М. Курбскому 1564 г., рассуждая о сварах и вражде людской. — См.: Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье. М.; Л., 1951, с. 21.

<sup>55</sup> Если Иван Федоров ожидал недоброжелательного отношения к своей книге, то тем продуманнее должно было быть послесловие. И все-таки в нем допущена хорошо известная сейчас несообразность в датах: по повелению Ивана Грозного «начаша изыскивати мастеръ-

Подобное прямо не высказываемое, но выражаемое изложением представление издателей первопечатного «Апостола» о читателях-церковниках, несомненно, было связано с реально существовавшим недоброжелательством по отношению к печатной книге. Опасения издателей подтвердились. Ведь сам Иван Федоров, вспоминая через десять лет об обстоятельствах заведения книгопечатания в Москве, не мог забыть «презелнаго... озлобления... от многих начальник, и священноначальник, и учитель, которые на нас... многия ереси умышляли... слово зло пронесоша»<sup>56</sup>. На Украине,

ства печатных книг, в лето, 61, осмыя тысящи, в, 30, е лето государьства его, благоверный же царь повеле устроить дом от своая царския казны, идеже печатному делу строитися» (л. 260 об.; передаем пунктуацию подлинника).

По поводу дат в этом месте высказывались разные предположения. Их обзор см.: *Немировский Е. Л.* Возникновение книгопечатания в Москве, с. 284, 285. Мы считаем, что в данном месте после точки подлинника начинается новая фраза, ибо слова с частицей «же» встречаются в послесловии 11 раз и всегда как первые слова предложений, главных или придаточных. Объединение же в одном предложении даты от сотворения мира с датой от начала царствования царя вполне соответствует обычной манере повествования того времени, в том числе и манере послесловия: «...совершени быша в лето 7070 второе, марта в 1 день, при архиепископе Афанасие митрополите всея Россия, в первое лето святительства его» (л. 261). Ср. «Летописец начала царства». — ПСРЛ, т. 29, с. 15, 59 и др.

Приходится идти навстречу явному для нас алогизму в обозначении годов: «изыскивати мастерьства печатных книг» начали в 7061 г. (в 1553 г.), в 30-е лето государствования Ивана IV (в 1563 г.). Но думается, не надо исходить из наших современных представлений о точности изложения событий. Авторам предисловий и послесловий важно было назвать по именам политически влиятельных или некомпрометированных лиц — повелителей и покровителей. К прочим же сведениям, включая цифровые, не проявлялось пристального внимания. Здесь были терпимы различного рода неточности. Ср. известный и с нашей современной точки зрения грубо нарушающий хронологию факт подстановки имен митрополитов в послесловии к печатной московской «Псалтыри» 1568 г.: вместо Филиппа указан его предшественник, умерший почти три года назад Афанасий. — *Сапунов Б. В.* К истории русской книги XVI века, с. 439. «Намеренно неточное отношение к хронологии» было нередким и в начале XVII в. — *Зёрнова А. С.* Памятник нижегородской печати 1613 года. — В кн.: Сб. Публичной б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928, т. 1, с. 70. «Ошибки в хронологических датах встречаются во многих наших старопечатных изданиях» — в «Евангелии» 1606 г., «Уставе» 1610 г., «Трефолое» 1631 г. и т. п. — *Соловьев А.* Государев печатный двор и Синодальная типография в Москве: Историческая справка. М., 1963, с. 9.

<sup>56</sup> Апостол. Львов, 1574, л. 260—260 об. Печатаая в Москве именно «Апостол», Иван Федоров также шел против настроений в церковных верхах. Ср. известное в науке свидетельство бежавшего в Литву бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря Артемия, который в середине XVI в. в «Послании» Ивану Грозному писал: в России «словеса

где публиковались эти строки, первопечатник уже прямо называл вещи своими именами.

Приведенные хорошо известные слова Ивана Федорова из львовского «Апостола» 1574 г. послужили основанием многим ученым для указания на вспышку недоброжелательства у церковников и населения Москвы к новозаведенной типографии. Прделанный нами анализ послесловия к московскому «Апостолу» 1564 г.<sup>56</sup> заставляет думать не о вспышке только, а о длительной атмосфере недоверия и враждебности к печатной книге, прежде всего в среде церковных и светских «начальников».

Какое время держалось подобное настроение? Обратимся к последующим изданиям. Московские издания XVI в. предназначались для церковников и для всего царства. В «Часовнике» 1565 г. сообщалось, например, что царь желал, «яко да украсится и исполнится царство его славою божиею в печатных книгах»<sup>57</sup>. Но при всем том оказывается, что в течение почти тридцати лет книги выпускались с послесловиями, разительно отличавшимися от послесловия к первопечатному «Апостолу» 1564 г. Менее чем через год тот же Иван Федоров в Москве напечатал «Часовник» с послесловием, совершенно иным по характеру, чем в «Апостоле»: лапидарное изложение фактов было заменено расплывчатой, витиеватой риторикой. В таком же правоучительно-риторическом стиле были написаны послесловия к книгам, в печатании которых Иван Федоров уже не участвовал, — к «Псалтыри» 1568 г. и «Псалтыри» 1577 г. Только в послесловии к «Цветной триоди» 1591 г. была восстановлена внешняя канва изложения, принятая в послесловии первопечатного «Апостола».

Важные сведения обычно переходят из послесловия в послесловие независимо от названия и формата книг. Отказ от такой манеры в печатных послесловиях 1565—1577 гг. показывает, что в 1560—1570-е годы первопечатное послесловие чем-то не угодило читателям, печатникам и их высоким заказчикам. Могла вызвать раздражение допущенная в послесловии 1564 г. резкость противопоставления «растлених» рукописных книг «праведности» книг печатных. И действительно, во всех последующих послесловиях это

---

глаголются от неких, мнящихся быти учителей: „Грех простым чести Апостол и Евангелие!“ И мнози от ненаказанных боятся и в руки взяти» (РИБ. СПб., 1878, т. 4, стб. 1383).

<sup>57</sup> Часовник. М., 1565, л. нумерованн. 170.



*Встревоженный книгописец (Лука).  
Апостол. М., 1564*

противоположение было максимально смягчено. В «Часовнике» 1565 г. о неисправности рукописных книг уже не упоминалось. В послесловии к «Псалтыри» 1568 г. книгопечатание примирительно объявлялось подмогой книгописцам: «... дело печатных книг ко очищению и ко исправлению ненаученых и неискусных в разуме книгописец...»<sup>58</sup>. В послесловии же к «Псалтыри» 1577 г. словечко «печатный» употреблялось как можно реже и изложение велось так, будто речь идет о книгах и рукописных, и печатных, равно служа-

<sup>58</sup> Псалтырь. М., 1568, л. нумерованн. 290 об.

щих «ко очищению и исправлению плодов правды»<sup>59</sup> Лишь в послесловии к упомянутой уже «Цветной триоди» 1591 г. вернулось прямое обвинение в адрес рукописных книг, которые «во многих летех от преписующих неученых человек неправлены»<sup>60</sup>. По-видимому, в 1560—1570-е годы у читателей-церковников и у неких «начальников» вызывала сопротивление претензия на особое превосходство печатных книг над рукописными.

Вероятно, по этой же причине в послесловиях книг, вышедших после «Апостола» 1564 г., были опущены все свидетельства об особом внимании царя к книгопечатанию. Например, в «Часовнике» 1565 г. уже не повторялись столь выигрышные напоминания о первоначальных приготовлениях и обнадеживающей щедрости царя по отношению к печатному делу. В послесловии же к «Псалтыри» 1577 г. не повторялись даже слова о царском желании наполнить государство именно печатными книгами. Печатную книгу предлагали читателям не с открытыми похвалами в ее адрес, а как бы исподволь, наравне с рукописной.

Резкая перемена в содержании и стиле послесловий после апологии книгопечатания в «Апостоле» 1564 г. была вызвана, надо думать, как раз сохранением на Руси неблагоприятного отношения общества к печатным федоровским и послефедоровским книгам, причем недоверие сохранялось не год и не два, а не менее четверти века. Свидетельством тому может послужить и сама редкость выхода печатных книг: в 70-е годы XVI в. были выпущены лишь две книги — «Псалтырь» и «Часовник»<sup>61</sup>; в 80-е годы — одна книга — «Постная триодь». Между тем книгопис-



*Встревоженный книгописец  
(Лука).  
Фрагмент. Апостол. М.,  
1564*

<sup>59</sup> Псалтырь. М., 1577, л. ненумерованн. 275.

<sup>60</sup> Цветная триодь. М., 1591, л. 246 об.

<sup>61</sup> О недавно обнаруженном «Часовнике» 1577—1580 гг. см.: *Каменева Т. Н.* Неизвестное издание московской печати XVI века. — В кн.: Книга. М., 1967, т. 14, с. 133—144. Правда, епископ Дамаскин (Дмитрий Семенов-Руднев) в библиографическом труде 1785 г. указал еще

ная деятельность не иссякла. Итальянский путешественник Антоний Поссевин, побывавший в России в 1581 г., отметил эту разницу: «А все книги они переписывают, но не оттискивают литерами; разве когда для самого лишь государя кое-что кладется под печатный пресс, в местечке, которое зовется Слобода Александровска, где у него есть типография»<sup>62</sup>. Другой иностранный автор, французский историк Андре Теве, в 1584 г. подтверждал: «...москвиты... очень подозрительны... из страха, что печатные книги могут принести какие-либо изменения в их убеждения и религию»<sup>63</sup>.

К сожалению, нам неизвестны русские рукописные источники XVI в., которые содержали бы высказывания по поводу заведения книгопечатания на Руси. Прочие же данные, как правило, косвенны. Так, можно предположить, что печатные книги не занимали в сознании читателей XVI в. равноправного положения с книгами рукописными, ибо, по наблюдениям Г. И. Коляды, федоровские издания длительное время не принимались писцами — «это видно из того, как медленно прокладывают они себе путь в рукописную книгу»<sup>64</sup>; влияние печатных книг на рукописные в XVI в., как продемонстрировала М. В. Кукушкина, проявилось только в редчайших единичных случаях<sup>65</sup>.

Можно предположить далее, что в 1560—1580-е годы отношение к безвыходным, дофедоровским изданиям как-то отличалось от отношения к первым книгам Ивана Федоро-

---

две книги, якобы печатанные в 1577 г.: «Копия с трактату перемирнаго меж его величеством царем и великим князем Иоанном Васильевичем самодержцем всероссийским и королем шведским Ирином 14, учиненнаго 1564 года» и «Книга о победе над враги». Неизвестно, видел ли эти книги сам описатель. Во всяком случае, первое заглавие очень напоминает заглавия изданий договоров в XVIII в. — *Дамаскин*. Библиотека российская, или Сведение о всех книгах в России, с начала типографии на свет вышедших. СПб., 1881, с. 21.

<sup>62</sup> *Possevinus Antonius*. De Moskovia. — In: *Historiae Ruthenicae scriptores exteri saeculi XVI / Colleg. et edit. A Starczewski*. Berolini et Petropoli, 1842, vol. 2, s. 278. Перевод с латинского сделан А. Г. Мирзоян. Стилистически несколько иной перевод А. И. Малеина см.: Иван Федоров первопечатник. М.; Л., 1935, с. 62.

<sup>63</sup> Цит. по ст.: *Сапунов Б. В.* К вопросу о прекращении деятельности первых типографий в Москве. — ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 434. Стилистически несколько иной перевод этого места см.: *Новосадский И. В.* Возникновение печатной книги в России в XVI в. — В кн.: Иван Федоров первопечатник, с. 60.

<sup>64</sup> *Коляда Г. И.* Работа Ивана Федорова над текстами Апостола и Часовника... — ТОДРЛ, т. 17, с. 246.

<sup>65</sup> *Кукушкина М. В.* Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977, с. 91, 110—111.

ва. Любопытна особенность, замеченная Е. Л. Немировским: на дофедоровских изданиях встречается немало вкладных записей 1559—1573 гг.; светские и церковные лица дарили эти книги церквам. Следовательно, дофедоровские издания принимались безоговорочно. Но вот на известных ныне экземплярах «Апостола» 1564 г., за одним исключением, нет записей старше 1591 г., что может указывать на иное к нему отношение в 1560—1580-е годы <sup>66</sup>.

Правда, в одном экземпляре «Апостола» 1564 г. есть вкладная запись от 26 октября 1570 г. некоего псаломщика в несколько церквей Чудовского монастыря. В этой записи не совсем обычен конец: «И кто сию книгу возьмет насильством, орхимандрит или иные хто, и он в том со мною судица пред богом» <sup>67</sup>. Почему именно от монастырского архимандрита в первую очередь ожидалось «насильство» по отношению к федоровскому Апостолу? Не из-за неприязни ли «священноначальников» к федоровскому изданию?

Пока не найдено документов, которые с бесспорностью являли бы чье-то уважение в 1560—1580-е годы к книгам Ивана Федорова. В известной «Деловой памяти» от 5 июня 1578 г. о разделе книг в семействе Строгановых в Соли Вычегодской из 229 книг 86 названы «печатными», т. е. почти 38% <sup>68</sup>. Но как толковать здесь слово «печатный»? Еще Н. Д. Чечулин писал: «... можно еще сомневаться, не назывались ли тогда „печатными“ книги, имевшие какую-то печать, — быть может, как знак того, что книга была подвергнута той проверке, о которой говорит Стоглав»; ведь в самом «Стоглаве» упомянуты «печатные служебники» на самом деле явно рукописные, а в книжных описях того времени названы «печатными» «Триоди» харатейные, т. е. пергаменные <sup>69</sup>. Таким образом, опись книг Строгановых не обязательно имела в виду книги напечатанные.

<sup>66</sup> Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве, с. 149, 176, 196—198, 232, 275.

<sup>67</sup> ЦГАДА, собр. Библиотеки Московской синодальной типографии.— Цит. по ст.: Долгова С. Р. Уникальный экземпляр Апостола 1564 г.— В кн.: Книга. М., 1973, т. 27, с. 176.

<sup>68</sup> Подсчет см.: Сапунов Б. В. Изменение соотношений рукописных и печатных книг в русских библиотеках XVI—XVII вв.— В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 42—43.

<sup>69</sup> Чечулин Н. Д. Несколько данных о книгах по городам Московского государства в XVI веке. СПб., 1889, с. 16. Однако см. замечание Б. В. Сапунова о том, что опись Коряжемского монастыря 1586 г. и некоторые другие описи особо выделяли книги Ивана Федорова и что в то время «никто из печатников такой чести не удостоился» (Сапунов Б. В. Книга и читатель на Руси в XVI в.— В кн.: Книга. М., 1983, т. 46, с. 71).





*Стенный книгописец (Давид).  
Псалтырь. М., 1568*

В общем, есть основания предполагать, что в 1560—1580-е годы большой слой древнерусского общества, особенно церковники, с недоверием, даже с враждебностью относился к федоровским и послефедоровским печатным изданиям. Недостаточность источников позволяет лишь слегка приоткрыть эти общественные настроения.

Естественно, что наши последующие социально-исторические объяснения остаются гипотетичными. Основываемся на результатах изучения периода второй половины XVI в. советскими историками, книговедами и фольклористами. Мнение, впервые высказанное, кажется, Н. М. Карамзиным, будто писцы боялись соперничества типографии, сейчас об-

основанно признано ошибочным. Печатная книга получалась гораздо дороже рукописной. Предполагаем поэтому, что недоверие или даже нелюбовь массы читателей-церковников и «начальников» к печатной книге были вызваны не вытеснением старого новым и не столько невежеством или психологическим консерватизмом, сколько имеющей политическую окраску неприязню различных слоев общества к царским нововведениям. Иные причины второстепенны.

В подтверждение можно указать на общее соответствие между «оппозицией» читателей по отношению к царской новопечатной книге и оппозицией общества по отношению к иным мероприятиям Ивана Грозного. В 1550—1560-е годы кто только прямо или косвенно ни выступал против царских установлений, разумеется, с разной степенью неприязни их: светские и церковные авторы поучений и наставлений царю<sup>70</sup>; еретики<sup>71</sup>; церковное руководство с его стремлением «сохранить свое полунезависимое положение в государстве» и с резким противодействием попыткам правительства «включить его в централизованный аппарат власти»<sup>72</sup>; боярство, ибо «образование удельной фронды стало важнейшим фактором политической истории начала 60-х годов... столкновение монархии с аристократией достигло критического момента»<sup>73</sup>; отдельные, казалось бы, вполне лояльные лица из царской администрации, вроде Ивана Висковатого,

---

<sup>70</sup> См., напр.: *Синицына Н. В.* Послание константинопольского патриарха Фотия князю Михаилу Болгарскому в списках XVI в.— ТОДРЛ. М.; Л., 1965, т. 21, с. 100. Здесь и ссылки на литературу вопроса. См. еще: *Казакова Н. А.* Максим Грек и идея сословной монархии.— В кн.: *Общество и государство феодальной России.* М., 1975, с. 151—158.

<sup>71</sup> «Иван Федоров, несомненно, был и в курсе религиозной полемики своего времени: церковь Николы Гостунского, где он служил дяконом,— место религиозного диспута между протопопом Николы Гостунского Амосом и Перфиром, единомышленником Матвея Башкина...» (*Клибанов А. И.* Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960, с. 393).

<sup>72</sup> История СССР: В 12-ти т. М., 1966, первая серия, т. 2, с. 190—191. Ср., как «провал на Стоглаве программы реформ, намечавшейся правительством, вызвал открытое недовольство Ивана Грозного» (*Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники.* М., 1958, с. 100). Так как «инициатива в книгопечатном деле шла не из церковных, а из правительственных кругов», то «борьба церкви с книгопечатанием была длительной» (*Прошин Г. Г.* Введение книгопечатания в России и православная церковь.— В кн.: *Вопросы преодоления религиозных пережитков в СССР.* М.; Л., 1966, с. 204, 210—211).

<sup>73</sup> *Скрынников Р. Г.* Самодержавие и опричнина: (Некоторые итоги политического развития России в период опричнины).— В кн.: *Внутренняя политика царизма: (Середина XV — начало XX в.).* Л., 1967, с. 73, 77.

который о новонаписанных по царскому указу «святых честных иконах сомнение имел и вопил и взмущал народ православных хрестьян в соблазн и в поношение многим»<sup>74</sup>. Недаром в царской грамоте от 3 января 1565 г., объяснявшей введение опричнины, в неповиновении царю обвинялись все, кроме купцов и посадских людей: «... и в чем он, государь, бояр своих, и всех приказных людей, также и служилых князей, и детей боярских похочет которых в их винах понаказати и посмотретьи, и архиепископы, и епископы, а архамандриты, и игумены, сложася с бояры, и з дворяны, и з дьяки, и со всеми приказными людми почали по них же государю царю и великому князю покрывати»<sup>75</sup>.

В это время оппозиция начала ощущаться и в простом народе: «В конце 60-х или начале 70-х годов XVI в. в народном сознании совершился определенный поворот. Критике стали подвергаться уже не только опричники, но и сам царь...»<sup>76</sup>; появились фольклорные памфлеты на царский двор<sup>77</sup>.

От неофициальных настроений вели свое начало, возможно, и некоторые явления в искусстве. «Внимательный наблюдатель литературы и живописи этого времени,— пишет Д. С. Лихачев,— может обнаружить следы совсем особых настроений, не созвучных требованиям жестокости, идеалам непреклонности, насаждаемым государством Грозного... Совсем не свойственных тем идеалам, которые насаждались сверху, или тому ужасу, который внушала вся внешняя обстановка царствования Грозного... Перед нами своеобразная интеллектуальная оппозиция всему духу времени»<sup>78</sup>.

Неблагополучие общей обстановки сказалось даже на ри-

---

<sup>74</sup> ААЭ. СПб., 1836, т. 1, с. 244. Ср. также дерзкие граффити «допосу, пожалуй!», которые в 1564—1565 гг. появились на стенах Архангельского собора в московском Кремле и явно имели в виду атмосферу допосов, насаждаемую Иваном Грозным. См.: Сизов Е. С. Граффити в усыпальнице Ивана Грозного.— В кн.: Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970, с. 120—123.

<sup>75</sup> ПСРЛ, т. 13, вып. 2, с. 392.

<sup>76</sup> Крупн А. А. Предания о времени Ивана Грозного.— В кн.: Русский фольклор. Л., 1976, т. 16, с. 212. Ср. былинку о Вавиле-скоморохе, в которой «нельзя не видеть отображения в поэтической форме репрессий, чинимых опричниками в 60—80-х годах XVI века» (Зимин А. А. Скоморохи в памятниках публицистики и народного творчества XVI века.— В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. М.; Л., 1959, с. 342).

<sup>77</sup> История русской литературы. М.; Л.: 1945, т. 2, ч. 1, с. 482—483.

<sup>78</sup> Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 136.

торических печатных послесловиях 60—70-х годов XVI в. В них содержались призывы к миролюбию, не повторяющиеся при более поздних переизданиях тех же книг. Например, только в послесловии к «Часовнику» 1565 г. выражалось желание «во вся роды человека, да... тех... утвердит в любви... и во всяком чювствии, со отложением злых деяний... о... взыскании... благности надо всеми, ко очищению земленых» (л. нумерованн. 170—171)<sup>79</sup>. Только послесловие к «Псалтыри» 1577 г. желало, «да явятся непорочна чада посреде рода»<sup>80</sup>.

Все это, как нам кажется, хотя и неясные, но симптоматичные намеки на отсутствие «благности» и мира в русском обществе тех лет. Ср. мнение английского посла Джильса Флетчера, посетившего Россию в 1588 г.: дела Ивана Грозного «так потрясли все государство и до того возбудили всеобщий ропот и непримиримую ненависть, что это должно окончиться не иначе, как гражданским пожаром»<sup>81</sup>.

Отсюда представляется очень возможным наличие именно политической подоплеки недоверия читателей к печатной книге во второй половине XVI в. Знаменитые официальные «обобщающие предприятия» XVI в. (термин А. С. Орлова), включая и заведение книгопечатания, создавались высшей властью не для покойного и благодарного любования современников, а как идейный и, надо сказать, все-таки шаткий противовес в томительной борьбе с массовой явной и скрытой оппозицией.

---

<sup>79</sup> Часовник. 2-е изд. М., 1565, октябрь. Послесловие. Экз. ГПБ, л. нумерованн. 170—171.— Цит. по кн.: У истоков русского книгопечатания. Фотоснимки, с. 222—223. В первом издании этой книги фраза «со отложением злых деяний» отсутствует в послесловии. Наиболее вероятная причина того — пропуск, ошибка печатников, в результате чего данное место в первом издании получилось синтаксически нескладным: «...и утвердит... в разуме и во всяком чювствии и восприятием духовных плодов» (Часовник. 1-е изд. М., 1565, сентябрь. Послесловие. Экз. бельгийской Королевской б-ки, л. нумерованн. 170—171.— Цитирую по брюссельскому фототипическому воспроизведению 1967 г., с которым ознакомил меня Ю. А. Лабынцев). Во втором издании правильная структура этой фразы восстановлена: «...и утвердит... в разуме и во всяком чювствии, со отложением злых деяний и восприятием духовных плодов». В первом издании вообще допущен целый ряд пропусков и ошибок, исправленных во втором издании. См.: Зёрнова А. С. Книги кирилловской печати, хранящиеся в зарубежных библиотеках и неизвестные в русской библиографии.— Тр. Гос. б-ки СССР им. В. И. Ленина, М., 1958, т. 2, с. 10; Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве, с. 316.

<sup>80</sup> Псалтырь. М., 1577, л. нумерованн. 275.

<sup>81</sup> Цит. по ст.: Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси.— В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 245. См.: также: Флетчер Дж. О государстве Русском. СПб., 1906, с. 31—32.

НАЧАЛО XVII в.  
«ВЕЛИКАЯ СЛАБОСТЬ И НЕБРЕЖЕНИЕ»  
ОБЩЕСТВА В ПРАВОСЛАВИИ  
(Старопечатные предисловия и послесловия.  
Рукописные грамоты и воззвания)



Больше всего косвенных свидетельств о настроениях читательской массы начала XVII в. можно найти в произведениях, предназначенных для такой массы. Памятники массовой предназначенности являются основными для нашей темы. Памятники массовой предназначенности начала XVII в. делятся на две группы — старопечатные издания и рукописные сочинения.

Все печатные книги конца XVI — начала XVII в. предназначались очень широкому читателю: «всем человеком» «в...Москве... и во всей России... паче же в новопросвещенных землях... во граде Казани, и Асторохани, и в Сибири, и во окрестных их градах и местех»; «душам... многочисленнаго словенскаго языка своя великия державы всея великия Росия московскаго царства и прочих государств»; «всякого чина, возраста же и сана читателеви»<sup>1</sup>.

В конце XVI — начале XVII в. в России вышло более двадцати печатных книг. Все они церковнослужебные. Лишь предисловия и послесловия в них, иногда довольно пространные, могут дать сведения об общественных, читательских настроениях того времени. Мы выделяем издания за десятилетие 1604—1615 гг., когда в книгах появились предисловия и послесловия нового стиля, выражавшие новые представления издателей о читателях. Затем тексты предисловий и послесловий некоторое время перепечатывались без изменений.

Печатных изданий 1604—1615 гг., содержащих предисловия или послесловия, насчитывается одиннадцать<sup>2</sup>. По-

<sup>1</sup> Цветная триодь М., 1591, л. 246 об.— 247; Октоих. М., 1594, ч. 1, л. 491; Евангелие. М., 1606, л. 258.

<sup>2</sup> 1) Цветная триодь М., 1604; 2) Апостол. М., 1606; 3) Евангелие. М., 1606; 4) Постная триодь. М., 1607; 5) Служебная минея. М., 1607, на сентябрь; 6) Служебная минея. М., 1609, на октябрь; 7) Общая ми-

смотрим, как обращались к читательской массе и что думали о ней авторы старопечатных предисловий и послесловий начала XVII в.

Выразительнейшим примером книжных предисловий или послесловий нового стиля служит сочинение печатника Никиты Фофанова, изданное в Нижнем Новгороде в декабре 1613 г. Это сочинение дошло вне определенной печатной книги. Думаем, что печатник намеревался присоединить свой текст к какой-то церковной книге, ибо надеялся «божественныя кнѣги церковная — предания святых апостол и святых вселенских соборов печатным тиснением предложить» (л. 5 об.).

Приведем первую фразу из нижегородского сочинения 1613 г., опустив для упрощения некоторые прилагательные: «...содетеля твари ...цесаря веком, непостижимаго всяческих бога-отца, и сына, и святого духа, по дару... его милости во благочестие просвещенная от лет... крестителя и равно апостолом... князя Владимира, иже на восток лежащая часть вселенныя, превеликая и многонародная человеки российскаго государства область... великаго... града Москвы того... государства» (л. 1).

Вникнув в структуру цитированной фразы, можно угадать, что это номинативное предложение, не имеющее сказуемого. Только название: «область... града Москвы». Все прочее в этой фразе является определением названной «области»: «...просвещенная... на восток лежащая... превеликая... российскаго государства область» и т. д. и т. п. Перед нами своего рода словесная заставка, в которой вынечены именно качества упоминаемых объектов. Определения, определения к определениям, несогласованные определения, приложения не только собраны во множестве, но и вынесены на необычное для них место: не после, а перед важнейшим определяемым словом. Не так, как обычно: область Российского государства, часть вселенной, просвещенная по милости бога, содетеля твари, цесаря веков и пр.; а наоборот: «...содетеля твари... цесаря веком, не-

---

нея. М., 1609; 8) Церковный устав. М., 1610; 9) Служебная мишень. М., 1610, на ноябрь; 10) *Никита Фофанов*. Предисловие или послесловие. Нижний Новгород, 1613; 11) Псалтырь. М., 1615. Далее ссылки на листы данных изданий приводятся в тексте. Штриховое цинкографическое воспроизведение сочинения Никиты Фофанова см.: *Зёрнова А. С.* Памятник нижегородской печати 1613 года. — В кн.: Сб. Публичной б-ки СССР им. В. И. Ленина. М., 1928, т. 1, с. 87—99; фотовоспроизведение под наблюдением Ю. А. Лабынцева см.: Русская старопечатная литература: (XVI — первая четверть XVIII в.). М., 1981. Т. 1. Тематика и стилистика предисловий и послесловий.

постижимаго всяческих бога... по дару... его милости во благочестие просвещенная... часть вселенная российского государства область...». Пиршество эпитетов.

С таких насыщенных словесных заставок не начинались русские и украинские книжные предисловия конца XVI — первых лет XVII в. Правда, витиеватостью отличались вступительные похвалы богу в послесловиях к «Постной триоди» (М., 1589) и «Цветной триоди» (М., 1591); но и они четки и относительно невелики по сравнению с фофановским вступлением. Фофановская заставка ближе к так называемому богословию особо торжественных грамот конца XVI — начала XVII в. — «Утвержденной грамоты» 1598 г. об избрании Бориса Годунова на царский престол и «Утвержденной грамоты» 1613 г. об избрании царем Михаила Федоровича Романова. Однако вступительное «богословие» грамот — это развитый рассказ о боге, создании мира, крещении Руси и т. д. Тема и форма фофановской заставки иные. Литое номинативное вступление Фофанова сразу и энергично напоминало читателям о том, что такое Россия и что такое Москва.

Дальнейшее изложение у Фофанова, включая большой рассказ о событиях Смутного времени, максимально насыщено эпитетами, однородными членами и пр. Например, не враги напали на российские грады, но «на высокопрестолную и великую церковь русаго солнцу круга... и на поклонение... образа... Христа... и на окрестныя грады российского государства, и на... веру волнующеса треволении противными ветры, еретическим ухищрением, самомнительною прелестию, антихристовым действием... сластолюбивыя и неутверженныя челоуецы расхищаху и распужаху... стадо Христово, и крови... много проливаху, и разоряху... в... церквах, и... челоуеки.. избиша измориша, церкви же... и дома... пожгоша и сокрушиша... церковь оскверниша, и царские дома разориша...» (л. 1—2 об.).

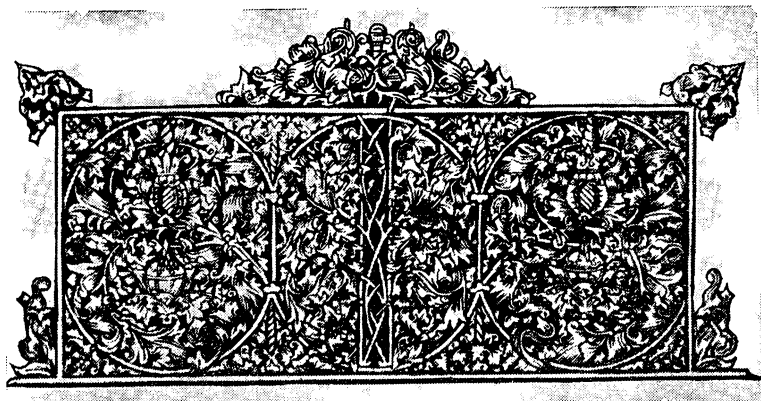
Рассказ Фофанова о Смуте начинен выражениями, взятыми из чужих сочинений, особенно из предисловия к «Библии» Ивана Федорова (Острог, 1580)<sup>3</sup>. И все-таки в целом нижегородское сочинение Фофанова вполне оригинально. Заполненные эпитетами, запутанные, взвинченные по тону фофановские фразы не были характерны для произведений конца XVI — первых лет XVII в., включая и книжные предисловия и послесловия. Стилистически сочинение Фо-

---

<sup>3</sup> Об источниках фофановского сочинения см.: Зёрнова А. С. Памятник нижегородской печати 1613 года, с. 58—86.

фанова восходит к новой, взволнованной манере повествования в известных повестях начала XVII в. о Смуте. Как и авторы повестей, Фофанов стремился затронуть чувства читателей: «Кто же бо есть от благоверных и богоразумных человек, еже не помянет... кого не подвиже жалость... или кто не умилиит сердца своего?». Или: «Мы же ныне... о сем веселящися, не престаем глаголюще...» (л. 2 об.—4).

Но внимание читателей Фофанов направлял не совсем на то же, на что авторы повестей о Смутном времени. Никита Фофанов старался запечатлеть в памяти читателей не



*Изукрашенная заставка. Устав. М., 1610*

новые факты и не новое освещение фактов, а обязательные для всех общие оценки важнейших явлений: какова Россия, каковы враги и какова победа над ними. Цель Фофанова — просветить и утвердить людей в самых основополагающих религиозно-политических понятиях. Недаром в своем сочинении он настаивал: «Просвещайся, просвещайся, русская земля!..» (л. 4). По произведению Фофанова можно понять и причину его элементарно-просветительных устремлений: во время Смуты, объясняет он, «впадъше в пагубныя... ереси сластолюбивыя и неутверженныя чловецы»; «польские и литовъские люди... насыявшя много душе пагубных ересей, прелукавых своих сосудов в славолубивых, и сластолюбивых, растленных человек»; однако «душа наша яко птица избавися от сети ловящих»; теперь предстоит «всякия ереси, от супротивнаго лукаваго духа насыянныя, до конца искоренити» (л. 1 об., 2, 4, 5).



Книжные предисловия и послесловия 1604—1615 гг., печатанные в Москве, стилистически сходны с нижегородским сочинением Фофанова. В послесловии к «Псалтыри» 1615 г., изданной Фофановым уже в Москве, есть и сходная словесная заставка, на этот раз об ипостасях Христа. Однако в целом устремления московских издателей были более практически определены. С необычным нажимом издатели побуждали читательскую массу к чтению правильных, «богодухновенных» книг. Тот же Никита Фофанов в послесловии к «Псалтыри» 1615 г. объявил «всем повсюду»: «Божественное же и богодухновенное писание полезно есть ко учению, и ко исправлению, к наказанию еже в правду...» (л. 3 об.)

Ни в «Псалтырях», ни в других печатных книгах XVI — первых лет XVII в. такие наставления читателям не делались; зато в начале XVII в. они стали обязательными. «Испытайте писания», — обращался ко всякого чина читателям печатник Анисим Радишевский в послесловии к «Евангелию» 1606 г. (л. 258). Выражение это также отсутствовало в более ранних изданиях, появилось лишь в предисловии к «Триоди» 1604 г. и стало регулярно повторяться в последующих книгах. В послесловии к «Псалтыри» 1615 г. этот совет был усилен ссылкой на авторитет: «...повелеша испытovati писания... О сем же и... пророк... глагола: ...испытаю закон твой не просто же, но и сохраню и всем сердцем моим» (л. 2 об.).

«Испытовать писания» полагалось «всем сердцем», «прочитати должжно есть... на койждо день», «искусно, со тщанием», «учению елико можеша прилежи» и пр. («Евангелие» 1606, л. 4; «Устав» 1610, л. 1, 6, 8 об.). Раньше такие призывы в книгах не печатались, как и обещания благ и радостей за чтение «писания»: «...всем же... явися всемирная радость, всесветлых писаний неизглаголанная сладость» («Устав» 1610, л. 9 об.). Судя по внезапному обилию подобных увещаний читателям в начале XVII в., русские издатели не были уверены в прилежании своих современников по отношению к «божественному писанию».

Не уверены были издатели и в практическом исполнении заветов «писания» читателями, отчего с исключительным постоянством повторяли пожелания «добродетельных восхождений» и просьбы зреть в книгу «здравыма очима и умом чистым»; требовали благого поведения на деле: «...писания божественная испытуй творити прилежно не престай... и иным образ благ покажеша», «бывайте творцы закону, а не точию слышатели», «путь прав... изобретайте» и т. п.

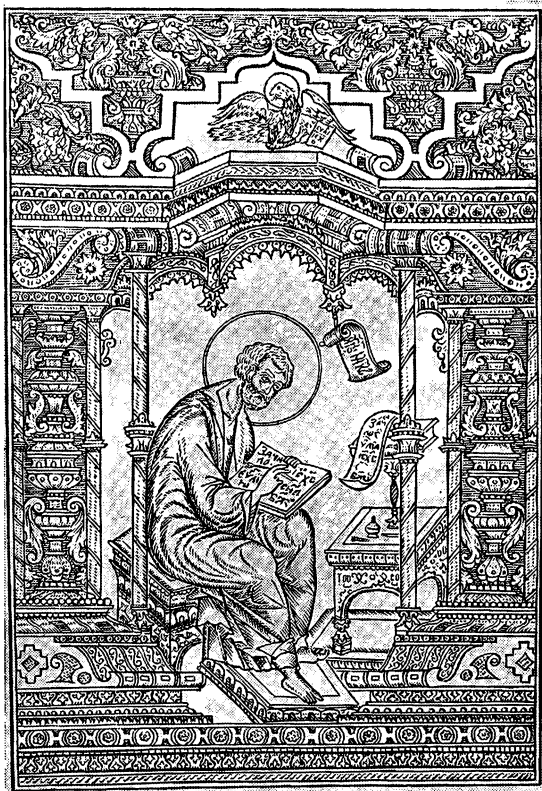
(«Минья» 1607, л. 329 об.; «Общая минья» 1609, л. 364; «Устав» 1610, л. 6 об., 7, 7об., 11, 234).

В печатных книгах ранее не было всех этих призывов, включая и обязательную для всех изданий с 1606 г. фразу о том, что книга предназначается читателям именно «во исполнение законнаго утверждения», «всему исполнению». Побуждал читателей к «исполнению» благих правил и пример самого царя, который, независимо от того, как его звали — Борисом, Василием или Михаилом, имел, по словам печатников, «ни едино еже о земных строений понечение», «не изволи... разума под спудом житейския толстоты скрыти», но «яко некими степенями день от дени на высоту добродетелей восходя... подвиг немал о благочестии показуя...» («Триодь» 1604, л. 1 об.; «Евангелие» 1606, л. 259 об.).

Тот факт, что в старопечатных предисловиях и послесловиях XVI — первых лет XVII в. отсутствовали прямые наставления читателям, а примерно с 1604—1606 гг. они стали печататься постоянно, все увеличиваться, все явственнее побуждать людей к чтению, к просвещению, к добродетелям, свидетельствует о том, что, по мнению издателей начала XVII в., с «многонародными человеки» творилось нечто неладное.

Мы уже приводили на этот счет высказывание Никиты Фофанова. Прочие печатники также не скрывали своей цели — на путь истинный наставить людей, отбившихся от рук. Печатная книга «всех спасти возможет... всем... подается во исполнение» («Триодь» 1607, л. 501). Авторы предисловий и послесловий, констатируя неблагополучие, обычно ссылались на царя, желающего «люди светом богоразумия благочестне просвещати... с высоким проповеданием повсюду слово истины исправляти»; «росийскаго царьствия... многородная человеки в правду и истину разъсуждати... яко некую духовную кормлю... подати... в руском народе» («Евангелие» 1606, л. 259 об.—260; памятник 1613, л. 5 об.—6). «Многородные человеки» осторожно назывались больными, погрязшими в лености небрежения. Анисим Радишевский оправдывал небывалую пространность и пышность своего предисловия потребностью лечить «больных» читателей: «Сия вся превосходящая вещь сего предисловия... Яко же бо здравии не требуют врача, тако искуснии сицеваго возвещания...» («Устав» 1610, л. 9). Книжные послесловия побуждали читателей восстать «от лености небрежения к подвигом добродетели» («Триодь» 1607, л. 501).

Авторы предисловий и послесловий упоминали современ-



*Книгописец в изукрашенном месте (Марк).  
Евангелие. М., 1606*

ных «еретиков и поганых», пагубно повлиявших на русских людей, и надеялись, что найдется сила, «сожигающая и развевающая многолетняя еретическая умышления» («Устав» 1610, л. 11; «Миней» 1607, л. 327). Ясно, что издатели имели в виду прежде всего шатание народа в основах православия во время Смуты. Прямо об этих шатаниях издатели упоминали довольно скупо, стараясь обойти столь опасную тему.

Более сложна задача выделить произведения массовой предназначенности из чрезвычайно разнородного комплекса рукописных сочинений периода Смуты. Мы останавливаемся лишь на сочинениях, недвусмысленно называющих мно-

жество читателей и слушателей, для которых они предназначались. В число таких произведений не входит, например, «Повесть о преставлении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского» 1610—1612 гг. Она не называет своих адресатов, а единственное обращение к читателям в конце повести слишком неопределенно: «Но буди вам известно...»<sup>4</sup>.

В «Повести о некоей брани», написанной не ранее 1613 г., после концовки добавлено отдельное послесловие, в котором упоминается массовый адресат: «...молю вы, господине мои чюбомудрецы... всякого чина, возраста же и сана православнии народи, святых книг читателие...»<sup>5</sup>. И все-таки «Повесть о некоей брани» мы не можем определенно отнести к произведениям массовой предназначенности, потому что в самой повести круг предполагаемых читателей не назван. Послесловие же так шаблонно, что обращение к «православным народам», скорее всего, дань литературной традиции, как и предлагаемая затем тайнопись для особо любопытного читателя: «Аще восхощещи имя уведати писавшаго сия, се ти поведаю...» (161). Столкнулись разные шаблонные обращения.

Из памятников, называющих некие множества адресатов, мы рассматриваем только те произведения, которые были обращены непосредственно к реальной массе читателей и слушателей, без посредников, долженствующих объявить людям сочинения. Сюда не относятся многочисленные грамоты, отписки и послания начала XVII в. к конкретным поименованным лицам. В этих грамотах, правда, мог быть велик вступительный перечень адресатов, вплоть до безымянных «всех людей», а в конце могла высказываться просьба грамоту «вычесть всем людем вслух». Однако изложение в подобных грамотах обычно имело в виду лишь одно или несколько главных поименованных лиц, а не всю массу людей. Не привлекаем мы и памятников преимущественно компилятивных вроде «Повести, како восхити царский престол Борис Годунов» или вроде «Иного сказания», куда упоминания о читателях были механически перенесены в составе заимствованных текстов.

Из произведений действительно массовой предназначенности мы отбираем те, которые были рассчитаны на эмоциональное или даже художественное воздействие на читателей

---

РИБ. СПб., 1909, т. 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени, стб. 1345.

<sup>5</sup> Цит. по: Белоброва О. А. К изучению «Повести о некоей брани» и ее автора Евстратия.— ТОДРЛ. М.; Л., 1970, т. 25, с. 160.

и слушателей. Такие сочинения дают наиболее богатый материал для суждений о читательских настроениях и вкусах<sup>6</sup>. Грамоты же, сухо и официально уведомлявшие людей о событиях или требованиях, мало полезны для нашей темы. Интересующие нас рукописные памятники называют разных массовых адресатов. Некоторые повести и грамоты начала XVII в. имели общенародную предназначенность, как, например, воззвания патриарха Гермогена 1610—1611 гг. или «Повесть о видении некоему мужу духовну» 1606 г. Ее «чли по царскому велению в соборе у пречистые богородицы вслух во весь народ, а миру собрание велико было»<sup>7</sup>. Повесть обращалась в первую очередь к москвичам, а за ними и ко «христоролюбивому воинству и всему православному христианству руского народа. Послушайте... повести сия: дивно и зело полезно к нынешнему роду...» (177).

«Новая повесть о преславном Росийском царстве», написанная в самом начале 1611 г., несколько сужала круг читателей, адресуясь к «росийскаго царства православным христианом, всяких чинов людем, которые... к соперником своим не прилепилися»<sup>8</sup>. Повесть надлежало «своей братие, православным христианом, прочитати вкратце, которая за православную веру умрети хотят... а не тем, которая... со враги соединилися... тем бы есте... не давали прочитати» (209).

По-своему сужали круг читателей те произведения, которые были направлены жителям вне Москвы, как, например, воззвания москвичей в российские города 1611 г. К народу вне Москвы, пожалуй, обращался и «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства» 1612 г. Повествуя о падении Москвы, автор повести призывал: «Приступите, правовернии людие, иже не видеша сицеваго великия России разорения, да поведаю вкратце боголюбезному вашему слуху»<sup>9</sup>. И далее автор имел в виду «останок... российских царств, и градов, и весей» (234). Прав С. Ф. Платонов, писавший: «...можно построить догадку, что автор Плача составил свое произведение в

---

<sup>6</sup> См., напр.: *Назаревский А. А.* О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961.

<sup>7</sup> РИБ, т. 13, стб. 177.

<sup>8</sup> Цит. по кн.: *Дробленкова Н. Ф.* «Новая повесть о преславном Росийском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960, с. 189. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

<sup>9</sup> РИБ, т. 13, стб. 231. При цитировании этого произведения далее ссылки приводятся в тексте.

каком-нибудь городе или уезде для поучения местных жителей»<sup>10</sup>.

Сравнительно более узкий круг массовых читателей и слушателей подразумевали грамоты начала XVII в., писанные для всех жителей того или иного российского города.

Наконец, условно можно присоединить к памятникам массовой предназначенности «Повесть, како отомсти» 1606 г. Автор ее обращается к читателям так: «О братия любовнии! Не дивитесь начинанию, но зрите, како будет скончание»; «се днесь зрите, любимицы мои»<sup>11</sup>. Что это за «братия», можно догадываться по пояснению автора: «А инии братия наша, иноцы, еже в живых останахся, и тии ныне с нами содетельствуют во обители пречистые и живоначальные троицы...» (252). По-видимому, первоначально повесть предназначалась для чтения троице-сергиевским монахам или инокам вообще. Лишь позднее круг читателей повести стал мыслиться более широким. В списке, датированном серединой XVII в., обращение к читателям приобрело такой вид: «Се днесь зрите, любимицы мои, и друзи, и братие, и сродницы, да о сем всяк человек внимает» (247).

Любопытно, что к «братии» постоянно обращается и эмоциональное предисловие к летописной повести «О бедах, скорбех и напастех, еже бысть в велицей Росии»<sup>12</sup>. Возможно, текст, использованный в качестве предисловия, был сочинен раньше летописной повести, составленной после 1625 г. Предисловие и повесть различаются по тону. Предисловие, подобно грамоте смольнян к москвичам 1611 г., возванию москвичей 1611 г. и «Плачу о пленении и о конечном разорении Московского государства» 1612 г., рассуждает об «останке» российского народа: «...яко не оста от сих злых бед и напастей ни тысячная часть» (122). Да и вряд ли после 1625 г. можно было писать так: «Ныне же что реку... о горе, горе, увы, увы, земля вся русская пуста от востока до запада, от севера и до юга» (122).

---

<sup>10</sup> Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник.— В кн.: Платонов С. Ф. Соч. СПб., 1913, т. 2, с. 146.

<sup>11</sup> Цит. по ст.: Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени.— ТОДРЛ. Л., 1974, т. 28, с. 244, 247. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

<sup>12</sup> Псковские летописи / Пригот. к печати А. Насонов. М.; Л., 1941, вып. 1, с. 122. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

В повести же нет таких сетований, нет подобных рассуждений и нет обращений к «братии». «Братия» в предисловии, вероятно, тоже означала монастырских или местных читателей.

В общем, в нашем распоряжении оказывается следующий небольшой (и, вероятно, неисчерпывающий) ряд рукописных памятников массовой предназначённости начала XVII в., преимущественно 1606—1612 гг. Это эмоциональные грамоты-воззвания и повести, имеющие характер воззваний: 1) «Повесть, како отомсти» 1606 г.; 2) «Повесть о видении некоему мужу духовну», октябрь 1606 г.; 3) послание патриарха Гермогена ко всем людям об исправлении церковного пения, не ранее 1606 г.; 4) грамота царя Василия Шуйского к солигаличским жителям, ноябрь 1608 г.; 5) послание патриарха Гермогена против использования гадательных и волшебных книг, 1610—1611 гг.; 6) «Новая повесть о преславном российском царстве», самое начало 1611 г.; 7—8) два воззвания патриарха Гермогена против свержения Василия Шуйского с царского престола, январь 1611 г.; 9) грамота смольнян к москвичам, январь 1611 г.; 10) грамота москвичей в разные города, январь 1611 г.; 11—12) два воззвания москвичей в российские города о борьбе с интервентами, февраль 1611 г.; 13) грамота ярославичей к казанцам, март 1611 г.; 14) грамота троице-сергиевского архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына в Пермь Великую, октябрь 1611 г.; 15) грамота тех же лиц к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому и ко всем ратным людям, апрель 1612 г.; 16) грамота Д. М. Пожарского в Путивль, июнь 1612 г.; 17) «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства», осень 1612 г.; 18) грамота донских казаков к волжским, терским и яицким казакам, май 1614 г.; 19) предисловие к летописной повести «О бедах, скорбех и напастех, еже бысть в велицей Росии».

Сразу можно увидеть, что все перечисленные в обоих разделах данной главы старопечатные и рукописные произведения начала XVII в. исходили от верхов русского общества или от лиц, приближенных к верхам, и, следовательно, отражали точку зрения верхов на общество, на народ.

В отличие от старопечатных произведений рукописные сочинения содержали немало резких высказываний о слабости душевных устоев «многонародного множества»: «... в мирских людех, паче во священниках и иноческом чине вселися великая слабость и небрежение, о душевном

спасении нерадение»<sup>13</sup>. Ср. фольклор того времени: «Плачется земля благочестивая христианския веры, российская страна — Московское царство... И ныне убо найде всемирное согрешение, от князей неуправление, и от властей нестроение церквам, и неисправление слову божию, от иерей нерадение о стаде Христове, от простых же людей презрение закону божию, и прочее, вовсе человецы неправду возлюбиша, любовь отбеже, страх божий далече отринуша...»<sup>14</sup>.

Авторы рукописных сочинений прямее, чем издатели, писали о конкретных пороках общества. Особенно доставалось людям за чтение вредных книг: «А инии невегласи... держатся книг, отреченных святыми отцы седми вселенских соборов... Поумилися, о человеце... А ты, безстудне, како сия твориши...» («Повесть, како отомсти», 253); «и тако и на ересные, и волшебные, и на гадательные книги кто на них падеетца, их держытца, тот вскоре и погибнет и душею, и телом»<sup>15</sup>. Ср. признание в царской грамоте 1616 г.: «... а по руски философских учений много лет не было»<sup>16</sup>. Прямо определялись и враги — совратители народа: российские люди «вземше убо от скверных язык мерския их обычая и нравы; брады своя постригают и содомская дела творят» («Повесть о видении», 182); «и в темноту нужная зимы литовскаго неправоверия отпадоша»<sup>17</sup>.

Но при всей своей резкости и прямоте рукописные сочинения оказались менее ригористичными, чем печатные книги. Вот, например, только что цитированное послание Гермогена: «Токмо отрините всяку ересь и всяко нечестие... Кто будет был блудник, возлюби целомудрие... Или кто разбойник, или тать, или клеветник, или судья неправедной, или посульник, или книги гадательные и волшебные на погибель держыт, или ведует, впредь обещайся богу таковых дел

<sup>13</sup> Послание патриарха Гермогена ко всем людям об исправлении церковного пения.— В кн.: Творения святейшего Гермогена, патриарха московского и всея России. М., 1912, с. 56.

<sup>14</sup> Покаянный стих «Плач земли российской» начала XVII в. Список ГИМ, собр. Синопальное, № 207.— Цит. по: *Перецу В. Н.* К истории древнерусской лирики: («Стихи умиленные»).— *Slavia*, 1932, № 3/4, с. 476.

<sup>15</sup> Послание патриарха Гермогена против использования гадательных и волшебных книг.— Цит. по ст.: *Корецкий В. И.* Послание патриарха Гермогена.— В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1975. М., 1976, с. 25. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте. См. также: ПСРЛ. М., 1978, т. 34, с. 260.

<sup>16</sup> Царская грамота об исправлении «Потребника».— ААЭ. СПб., 1836, т. 3, с. 472.

<sup>17</sup> «Иное сказание».— РИБ, т. 13, стб. 119.



не творить» (25). Такое всепрощение, вплоть до прощения людям разбоя и ереси, совершенно необычно для печатных книг. Оно необычно и для традиционных рукописных посланий и поучений более раннего времени. Очевидно, патриарх Гермоген не клал тяжкого межевого камня между преступниками и праведниками, но ожидал скорого возвращения заблудших.

В памятниках начала XVII в., написанных до февраля 1611 г., сказалось это представление о неокончателности и даже случайности отпадения массы людей от основ православия и царепочитания: «... и ныне убо мнози от них воспоминают грехи своя и хотят приити на покаяние» («Повесть о видении», 182); близка возможность «нашего обращения от пути заблуждения»<sup>18</sup>; «чаем, что здрогнетесь и воспрянете»<sup>19</sup>.

Авторы произведений массовой предназначенности рассчитывали на повышенную душевную ранимость или совестливость отпадших людей: «И аще воспомянем вам от божественных писаний, и мню, яко тягостно будет слуху вашему; сами бо весте...»<sup>20</sup>. Оставалось сделать как бы немного — установить взаимопонимание с отпадшими, используя совсем простой язык: «А на волшебные и на годательные книги и на ведовство что надеющися, и те что на воду опирающися; а хто опретца на воду, тот и погрузитца и потонет» (послание Гермогена о книгах, 25); «как естя так учили, и чему поверили, и на что смотря смутились, и для чего душами своими погибаете? ...и тут которому быти добру, толко станет вами Литва владети? ...а впредь от них какого добра ждати за то всем православным христианам? — пригоже помереть»<sup>21</sup>. Оставалось еще напомнить отпадшим людям о значении их поступков: «... во тму отойдосте... к сотоне прилепистесе... лжу возлюбисте...» и т. д. и т. п. (первое воззвание Гермогена, 286), напомнить о боге (в номинативной заставке того же воззвания). И пристыженные люди, в представлении авторов, легко перешли бы в состояние прежнего благочестия.

---

<sup>18</sup> «О изведени царского семени и о смятении Русского государства», 1606—1608 гг.—Цит. по ст.: Кукушкина М. В. Неизвестное писание о начале «Смуты». — ТОДРЛ. М.; Л., 1965, т. 21, с. 198.

<sup>19</sup> Второе воззвание Гермогена против свержения Василия Шуйского с царского престола. — ААЭ. СПб., 1836, т. 2, с. 288.

<sup>20</sup> Первое воззвание Гермогена. — Там же, с. 287. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

<sup>21</sup> Грамота царя Василия Шуйского к солигаличским жителям. — СГГД. М., 1819, ч. 2, с. 341.

Эти надежды не сбылись. И примерно с января 1611 г. в грамотах и повестях массовой предназначенности зазвучали иные ноты. Авторы стали задавать читателям вопросы не эмоционально-безответные, как раньше, а побуждающие к размышлениям, наталкивающие на выводы: «Не поругана ли наша крестьянская вера и не разорены ли божия церкви? Не сокрушены ли и поруганы злым поруганьем и укоризною божественныя иконы и божие образы? Все то зрят очи наши. Где наши головы, где жены, и дети, и братья, и сродницы, и друзи? Не остались ли есмь от тысячи десятой или от ста един?.. Каким словам клятвенным верите? Что обещавае вам все сладкое и лучшее Михайло Салтыков да Федор Андронов своими советники? И по тому знаете ли, не предатели ли своей вере и земле?»<sup>22</sup>.

В произведениях появились странные высказывания, напоминающие загадки. Например, «Новая повесть» так представляла читателям пособника поляков Федора Андропова, не называя его по имени: «Сами видите, кто той есть. Неси человек, и неведомо кто. Ни от царских родов, ни от боярских чинов, ни от иных избранных, ратных голов. Сказывают, от смердовских рабов... По его злому делу не достоин его... назвати... во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго... или во имя святителя, но во имя мучителя... не достоин его по имени святого назвати, но по нужнаго прохода людцаго,— Афедронов» (206). Подобных прозрачных для читателей загадок в «Новой повести» немало. Они заставляли читателей активнее вчитываться в текст и внимательно перебирать доводы.

Пословицами авторы также заставляли читателей и слушателей взвешивать обстоятельства: «Будте с нами обще, заодно против врагов наших и ваших общих. Помяните одно: толко кореню основание крепко, то и древо неподвижно. Толко коренья не будет, к чему прилепиться?»<sup>23</sup>; «может ли и невеликая хижца без настоятеля утвердиться и может ли град без властодержателя стояти, не токмо что такому великому царству с окрестными страны без государя быти? Соберитесь, государи, во едино место...»<sup>24</sup>. Авторы надея-

<sup>22</sup> Грамота смольнян к москвичам.— СГГД, ч. 2, с. 493—495. Ср. грамоты в Пермь Великую и в Путивль.— Там же, с. 579, 596. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

<sup>23</sup> Первое воззвание москвичей в российские города о борьбе с интервентами.— ААЭ, т. 2, с. 298. При цитировании этой грамоты далее ссылки приводятся в тексте. Ср. грамоту москвичей в разные города.— СГГД, ч. 2, с. 496.

<sup>24</sup> Грамота троице-сергиевского архимандрита Дионисия и келаря Авраамия Палицына ко всем ратным людям.— ААЭ, т. 2, с. 252.

лись теперь не на порыв людей, а на их зрелое размышление: «И самим вам чего ждати? Мы вам, меньшие болшим, не указываем. Сами то можете своим премудрым богом данным разумом рассудити»<sup>25</sup>.

Оттого-то с начала 1611 г. сочинения массовой предназначенности обязательно заверяли читателей в искренности авторов и в истинности примеров: «А сему бы есте писму верили без всякого сумнения» («Новая повесть», 208); «все истинная правда написана, можете ото всех людей руских то уведати» (грамота смольян к москвичам, 495); «объявляем сущую и прямую правду» (грамота ярославичей к казанцам, 519) и т. д.

Судя по обилию способов убеждения, использованных в грамотах и воззваниях, авторы обращались к массе людей, которые еще не сделали решительного шага для восстановления поколебленного благочестия. Да и сделают ли? Авторы взывали к «людem, которые еще душу своих от бога не отщетили, и от православные веры не отступили... и к соперником своим не прилепились, и во отпадшую их веру не уклонилися» («Новая повесть», 189). Очень показательно это «еще не», как показательны и пожелания в отрицательной форме: «И вам бы не презрети, не восхотети видети поруганну образу пречистыя богородицы, иконы владимерския, и великих московских чюдотворцов, и нас, братий своих, православных крестьян, не видети быти посеченым и в плен розведенным в латынство» (первое воззвание москвичей, 299). Перед авторами сочинений стояла нерешительная людская масса: «Что стали, что оплошали, что ожидаете и врагов своих на себя попускаете?..»; «говорите усты, а в делех ваших господь весть, что у вас будет» («Новая повесть», 204).

Таким образом, обзор старопечатных и рукописных памятников массовой предназначенности начала XVII в. позволяет заметить то, какой представлялась писателям, по выражению Гермогена, «великая слабость» российских людей во время Смуты. Верхи общества страшила и тяготила долгая нетвердость множества людей в основах православия и царепочитания, их какая-то легкость в отступлении от этих основ и затянувшаяся нерешительность в возвращении на путь истинный. Преувеличенной оказалась вера в исконную приверженность российского народа к православию.

<sup>25</sup> Грамота ярославичей к казанцам.— СГГД, ч. 2, с. 519. При цитировании этой грамоты далее ссылки приводятся в тексте.

С этим выводом согласуются отдельные, пока еще разрозненные наблюдения историков по идеологии Смутного времени. Хотя общим местом дореволюционных работ (в том числе работ Н. И. Костомарова) являлся тезис о беспределности уважения российского народа к православию в Смутное время, однако у историков накапливались факты, свидетельствующие о противоположном: те же русские люди бросали иконы в огонь и в навоз, раз бог не защитил их от поляков, грабили храмы и т. п.<sup>26</sup> В великолепной работе А. Яковлева, опубликованной 70 лет тому назад, уже говорилось со всей определенностью: «Русские люди пережили в Смуту сложный психологический перелом, сказавшийся в некотором перерождении основных понятий, определявших их отношение к государственному порядку»; «мы наблюдаем русских людей Смутного времени в момент их работы над своими общественными понятиями, когда понятия эти не успели еще вполне проясниться и окрепнуть»<sup>27</sup>.

Советские историки еще с большей решительностью стали утверждать, что в период Смуты «восстание крестьян против феодально-крепостнического строя приводило к подрыву влияния церковной идеологии на сознание народных масс»<sup>28</sup> и что «многие повстанцы, борцы первой крестьянской войны, были последователями учения Феодосия Косого. Они не признавали церквей, икон, крестов, не видели в них никакой святости и обращались с ними как с обычными вещами»<sup>29</sup>.

Историки общественной мысли теперь вполне могли оценить значение таких высказываний в памятниках, как «несть истины во царе же и патриарсе» (в так называемой народной редакции «Повести о видении некоему мужу духовну») <sup>30</sup> и «узриши церковь божию сетующу и дряхлющую и яко вдову совлеченну: красота бо ея отъята бысть

---

<sup>26</sup> См., напр.: *Доброклонский А.* Руководство по истории русской церкви. М., 1889, вып. 3, с. 225—226, 233.

<sup>27</sup> *Яковлев А.* «Безумное молчание»: (Причины Смуты по взглядам русских современников ее).— В кн.: Сб. статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому... М., 1909, ч. 2, с. 652, 675.

<sup>28</sup> *Долгин Н. П.* Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века.— Науч. зап. Днепрпетров. ун-та, Киев, 1951, т. 40, с. 116 (Сб. работ ист. фак.; Вып. 1).

<sup>29</sup> *Маковский Д. П.* Первая крестьянская война в России. Смоленск, 1967, с. 480.

<sup>30</sup> Церковь в истории России (IX в.—1917 г.): Критические очерки. М., 1967, с. 139. Раздел написан В. И. Юрецким.

иноплеменными, паче же нашими восставшими на нас...» (в «Послании дворянина дворянину») <sup>31</sup>.

Правда, «шатость» российского народа в основах православия вряд ли была непосредственным отзвуком западноевропейской Реформации. Сошлемся на вывод одного из исследователей: «... исповедующие православие не могли особенно сочувствовать основным постулатам реформации, которые в их церкви уже давно были реализованы»; «крестьяне, как поляки и литовцы (преимущественно католики), так и русские (в основном православные), остались равнодушными к призывам реформационного движения» <sup>32</sup>. При всем том «шатость» народа вызвала широкую волну следствий в культурной и политической жизни России. Недаром «впервые исторические писатели открыто заговорили о противоречивости человеческого характера только в начале XVII в.» <sup>33</sup> В «Хронографе» 1617 г., как и в других памятниках, проявился даже своего рода этический пессимизм: «Да никто не похвалится чист быти от сети неприятельственного злокозньствия врага», «во всех земнородных ум человек погрешителен есть и от доброго нрава злыми совратен» <sup>34</sup>.

Постепенно в сравнительно поздних произведениях Смутного времени начал формироваться желанный успокоительный образ вполне благопристойного «стада Христова». Так, адресаты, к которым обращались трепещущие авторы «Плача о пленении и о конечном разорении Московского государства», это уже «благочестивии, хриstopодражательныя, любве исполнении людие» (233). Адресаты предисловия к повести «О бедах, скорбех и напастех» также мыслились переживающими и ужасающимися одинаково с автором. Если настроение адресатов толком не было известно, то все

<sup>31</sup> *Клибанов А. И.* Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977, с. 105. Ср. также сатирическое «Сказание о крестьянском сыне» начала XVII в. с пародийным использованием церковных изречений и «Прописи» 1620 г. с афоризмами: «Христос спит, церкви без пастырь, свечи несть». — *Демкова Н. С.* Фрагмент «Сказания о крестьянском сыне» в записи 1620 г. — В кн.: Культурное наследие древней Руси: Истоки, становление, традиции. М., 1976, с. 172—175.

<sup>32</sup> *Тазбир Я.* Общественные и территориальные сферы распространения польской реформации. — В кн.: Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. М., 1976, с. 116, см. также с. 123.

<sup>33</sup> *Лихачев Д. С.* Человек в литературе древней Руси. Л., 1970, с. 14.

<sup>34</sup> История русской литературы. М.; Л., 1958, т. 1, с. 278. Раздел написан В. П. Адриановой-Перетц.

равно предполагалось их дружелюбие: «Задня забывайте, на предня возвращайтесь, а ожидайте, государи, будущих благ... А мы, господа, к вам много писывали преж сего о любви, да от вас к нам ни единой строки нет... А мы вам о любви челом бьем до лица земнаго, до общия нашей матери, аминь»<sup>35</sup>.

Но вскоре время умиротворительных пожеланий сменилось временем жестких идеологических мероприятий при отце новоизбранного царя патриархе Филарете: разбором «Потребника» справщиков Дионисия Зобниновского и Арсения Глухого, разбором «Катехизиса» Лаврентия Зизания, разбором сочинений Ивана Хворостинина и т. д. Опять верхи взнуздали народ.

---

Грамота донских казаков к волжским, терским и яицким казакам.— АИ. СПб., 1841, т. 3, с. 13.

КОНЕЦ 1610-х—1630-е ГОДЫ.  
УБЛАГОТВОРЕННОСТЬ И УСТУПЧИВОСТЬ  
ВЕРХОВ ОБЩЕСТВА

(Старопечатные послесловия. Рукописные грамоты,  
летописи, исторические сказания.  
«Повесть об Улянии Осорбиной» и другие повести.  
Песнопения)



Начну с источниковедческого обзора. Общественные настроения 1620—1630-х годов по сравнению с предыдущим временем отразились в источниках жанрово более разнообразных. Кроме послесловий, почему-то на время вытеснивших предисловия из старопечатных книг, и кроме грамот, общественные настроения нашли отражение в исторических сочинениях, литературных повестях и стихотворных произведениях. Конкретно это следующие памятники: 1) послесловия к московским печатным изданиям 1618—1636 гг., а также единичные предисловия к изданиям 1618, 1619 и 1637 гг.<sup>1</sup>; 2) грамоты — «От божественных писании и от святых правил собрание... Филарета патриарха... о крещении латынь и о их ересех», или «Соборное изложение» 1620 г.; грамоты патриархов Филарета и Иоасафа 1622—1636 гг. об исправлении нравов; отрывок из анонимного послания первой трети XVII в. о мздоимстве в приказах, а также из «Большой челобитной» Ивана Пересветова переделка 1620—1630-х годов, со специфическими дополнениями, под назва-

---

<sup>1</sup> Все ссылки на памятники XVII в. даются в тексте данной главы. Старопечатные издания в ссылках называются кратко, в том числе: «Минея» 1618 — Общая минея. М., 1618; «Минея» 1619 — Служебная минея, на сентябрь. М., 1619; «Минея» 1620 — Служебная минея, на декабрь. М., 1620; «Псалтырь» 1625 — Псалтырь с воследованием. М., 1625; «Триодь» 1630 — Цветная триодь. М., 1630; «Октоих» 1631 — Октоих. М., 1631. Ч. 1. Одинаковые старопечатные послесловия нередко использовались в целой цепи изданий; в частности, предисловие к «Минее» 1619 перешло в качестве послесловия в «Минею» 1636, послесловие к «Апостолу» 1621 — в послесловие к «Цветной триоди» 1621, послесловие «Шестоднева» 1625 — в послесловие к «Псалтыри» 1625.

нием «Сказание о Петре, воеводе Волосском»<sup>2</sup>; 3) летописи — «Хронограф» редакции 1617 г., «Строгановская летопись» 1620-х годов, «Новый летописец» 1630 г., «Бельский летописец» начала 1630-х годов, краткий «Московский летописец» 1635—1645 гг., «Есиповская летопись» 1636—1638 гг., «Мазуринский летописец» конца XVII в., но с нужными статьями за интересующий нас период<sup>3</sup>; 4) исторические сочинения — «Временник» Ивана Тимофеева 1616—1619 гг., «История» Авраамия Палицына 1619—1620 гг., «Сказание известно о воображении книг печатного дела» 1619—1633 гг., «Словеса дней и царей и святителей московских» Ивана Хворостинина первой половины 1620-х годов, «Иное сказание» 1620-х годов, «Повесть книги сея от прежних лет» Ивана Катырева-Ростовского или Семена Шаховского 1626 г., «Повесть известно сказуема на память царевича Димитрия» и «Повесть о некоем мнисе, како послася на царя Бориса» — обе Семена Шаховского 1626—1645 гг., «Житие царевича Димитрия» из «Четых миней» Германа Тулупова конца 1620-х — 1630-х годов<sup>4</sup>; 5) литературные повести 1620—1630-х годов — «Повесть о Еруслане Лазаревиче», «Повесть о разуме человеческом», «Повесть об Улиянии Осорбиной», в том числе и вторая редакция «Повести», возникшая в 1638—1651 гг.<sup>5</sup>; 6) песнопения — песня о возвращении

<sup>2</sup> Грамоты и послания в ссылках называются кратко и цитируются по следующим изданиям: «Соборное изложение» 1620 — Мирской потребник. М., 1639; Грамота 1622 — СГГД. М., 1822, ч. 3; Грамота 1623, Грамота 1632, «Память» 1636 — ААЭ. СПб., 1836, т. 3; Послание о мздоимстве — Дёмин А. С. Отрывки из неизвестных посланий и писем XVI—XVII вв. — ТОДРЛ. М.; Л., 1965, т. 21; «Сказание о Петре Волосском» — Сочинения Ивана Пересветова / Подгот. к печати А. А. Зимин. М.; Л., 1956.

<sup>3</sup> Летописи цитируются по следующим изданиям: «Хронограф» 1617. — РИБ / Подгот. к печати С. Ф. Платонов, П. Г. Васенко. 2-е изд. СПб., 1909, т. 13; «Есиповская летопись» — Сибирские летописи / Подгот. к печати Л. Н. Майков. СПб., 1907; «Новый летописец» — ПСРЛ / Подгот. к печати С. Ф. Платонов, П. Г. Васенко. М., 1965, т. 14; «Бельский летописец» и «Московский летописец» — ПСРЛ / Подгот. к печати В. И. Буганов, В. И. Корецкий. М., 1978, т. 34; «Мазуринский летописец» — ПСРЛ / Подгот. к печати В. И. Корецкий. М., 1968, т. 31.

<sup>4</sup> Произведения в ссылках называются кратко и цитируются по следующим изданиям: «Временник» — Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати О. А. Державина. М.; Л., 1951; «История» — Сказание Авраамия Палицына / Подгот. к печати О. А. Державина. М.; Л., 1955; «Сказание» о книгопечатании — У истоков русского книгопечатания / Подгот. к печати Т. Н. Протасьева. М., 1959; «Словеса», «Иное сказание», «Повесть книги сея», «Повесть о Димитрии», «Повесть о мнисе», «Житие Димитрия» — РИБ, т. 13.

<sup>5</sup> Повести в ссылках называются кратко и цитируются по следующим изданиям: «Повесть о Еруслане» — Летописи русской литературы



Филарета из плена в 1619 г., «Стихиры» около 1625 г. на перенесение ризы Христовой в Москву, «покаянен» 1626—1628 гг. по поводу украшения Спасских ворот московского Кремля каменными статуями, «покаянен» второй половины 1630-х годов по поводу казни воеводы Михаила Шеина<sup>6</sup>; 7) стихотворные сочинения Ивана Хворостинина 1623—1625 гг.— «Слововещания... к родителем о воспитании чад» и против латинских ересей, а также стихотворное послание некоего Стефана к иноку-справщику Арсению Глухому 1636—1637 гг.<sup>7</sup>

Общественные настроения 1620—1630-х годов сравнительно со временем Смуты отразились в более разнообразном круге памятников, но выразились более расплывчато. Почти нигде нет прямых, четких, обобщающих характеристик современников настроениям общества или читательской массы. Косвенные же свидетельства об общественных настроениях можно извлечь из авторских высказываний на иные темы, прежде всего из воспоминаний о бедах прошедшей Смуты, из упоминаний о современной России и из обращений к читателям.

Обратимся к первой теме — о прошедших бедах. В 1620—1630-е годы, как известно, были созданы все крупнейшие обобщающие произведения о Смуте; лапидарные описания бед Смутного времени помещались и в официальных документах («Соборное изложение» 1620, л. 401; «Память»

---

и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1859, т. 2; «Повесть о разуме» — *Скрипиль М. О.* Неизвестные и малоизвестные русские повести XVII в.— ТОДРЛ. М.; Л., 1948, т. 6; «Повесть об Улиянии» — *Скрипиль М. О.* Повесть об Улиянии Осорьинной: (Комментарии и тексты).— ТОДРЛ. М.; Л., 1948, т. 6. Датировку «Повести о разуме» см.: *Пушкарев Л. Н.* «Повесть о разуме человеческого».— ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 14, с. 325.

<sup>6</sup> Песнопения в ссылках называются кратко и цитируются по следующим изданиям: песня о Филарете — *Симоны П. К.* Великорусские песни, записанные в 1619—1620 гг. для Ричарда Джемса на крайнем севере Московского государства. СПб., 1907; «Стихиры» о ризе — Служба на положение ризы, еже есть хитон великаго господа бога и спаса нашего Иисуса Христа. М., ок. 1625; «покаянны» о Кремле и о Шеине — *Малышев В. И.* Стихотворная параллель к «Повести о Горе и Злочастии»: (Стих «покаянны» о пьянстве).— ТОДРЛ. М.; Л., 1947, т. 5.

<sup>7</sup> Цитируются по следующим изданиям: «Слововещания» и сочинение против ересей — *Савва В. И., Платонов С. Ф., Дружинин В. Г.* Вновь открытые полемические сочинения XVII века против еретиков.— Летопись занятий Археографической комиссии за 1905 год. СПб., 1907, вып. 18; послание Стефана — *Голубев И. Ф.* Два неизвестных послания первой половины XVII в.— ТОДРЛ. М.; Л., 1961, т. 17.

1636, с. 402). Но в рассказы о бедах добавлялся новый оттенок. Все памятники 1620—1630-х годов, обстоятельно повествовавшие о Смуте,— от «Пискаревского летописца» второй половины 1610-х годов до повестей Хворостинина и Шаховского — обязательно завершались благополучной концовкой. Даже составители компилятивных сочинений о Смуте, вроде «Иного сказания», доводили повествование до благополучного исхода. Горестные события прошлого освещались более спокойным, «боковым» светом.

Новое отношение к бедствиям Смуты сказалось прежде всего в таком литературном явлении, как рифмовка в отдельных местах произведений. Рифмованное и ритмизированное изложение событий Смуты, пожалуй, чаще стало давать знать о себе именно с конца 1610-х годов (см., например, многочисленные рифмованные отрывки в «Истории» Палицына). Такие отрывки, помимо всего прочего, вносили в изложение новый оттенок бодрости и легкости, в том числе и в старопечатных послесловиях, где обозначались ударения:

...беседы злы́  
растлевают человеком умы́  
и лишают йстины,  
от них же часто случаются душевныя беды́.

(«Минея» 1618, л. 2 об.: «Минея» 1619, л. 84 об.  
второго счета; «Минея» 1620, л. 245 об.:  
«Апостол» 1621, л. 302 и др. изд.)

Стихи подчеркнуто бодрой нотой завершали изложение тягостных событий Смутного времени:

Сия же словеса прекратим,  
а на царя Бориса укору возложим...  
Оставим же сия  
и возвратимся на первая...  
Сему писаию конец предлагаем,  
Дела толикие вещи во веки не забываем...  
Мы же сему бывшему делу писание предлагаем  
И предъидущий род воспоминанием удивляем...

(«Повесть книги селя», стб. 580, 619, 623)

Но новое настроение в подаче событий Смутного времени выражалось не только косвенно. Например, в старопечатных послесловиях все упоминания явлений Смутного времени обязательно сопровождались ободряющими и успокоительными оговорками и пожеланиями: «... да не будет паки зде соблазны таковыи, ни да останет последи нас чадом нашим распрение и соблазн...»; «... и овчата словесная Христова

стада да не будут по горам высокия льсти мира сего разъсеваеми»; «да не будет несогласия ради распря в церковнем телеси»; «мрак же нечестивыя злобы тем да обличится и буря противных ветров да отгнана будет» и пр. («Соборное изложение» 1620, л. 403 об.; «Служебник» 1623, л. 479; «Требник» 1623, л. 648 об.; «Учительное евангелие» 1629, л. 593). Упомянув события прошлого, издатели спешили пояснить, что все идет к лучшему: «... ко согласию же и ко единому благому счинению церковнаго разъстояния» («Служебник» 1623, л. 477 об.; «Служебник» 1627, л. 260 об. и др.). Издатели постоянно заявляли, что последствия Смуты успешно преодолеваются: «... сожигающа и развевающа многолетняя еретическая умышления... каменосердечная душа в землю плодоносную претворяя»; «скверное же тщегласие отменяя...»; «Яко ковчегом потопа греховнаго избавляемся» («Минея» 1619, л. 3, 5 об.; «Апостол» 1621, л. 302; «Октоих» 1631, л. 475). В сознании издателей бедствия Смуты неразрывно были связаны с их преодолением. Так возникало новое отношение к недавним бедам.

Настоящее время глаголов в заверениях о намечающемся переходе к благополучию постепенно заменилось уверенным прошедшим временем: «И потом како было некоим приключьшимся злым временем таковое благое дело раздрушился и изгибло. И... паки составися по прежнему и в первое устроение прииде...» («Сказание» о книгопечатании, с. 199); «и яко же прежде нечестием всех превзыде Руская земля, тако и ныне благочестием всех преодоле» («Словеса», стб. 530). И еще короче: «... от коликих зол избави нас господь во обстояние многих вой» («История», с. 126); «очисти землю сущую в недовольстве разума» («Житие Димитрия», стб. 884). И еще энергичнее: «...в тишину велебурное шатание преложи» («Повесть о мнисе», стб. 872); «... брани разруши, рати утоли, буря утиши, бесы отгна, болезни уврачева, напасти отрази, грады колеблемые устави ... и иже от человек наветы вся объят...» («Память» 1636, с. 403). Смягченность, заглаженность представлений о Смуте стали еще ощутимее.

Новые оттенки представлений о прошедших несчастьях выразительно проявились в «Повести об Улиянии Осорьбиной». Изложение событий в «Повести» начиналось примерно с 1560-х годов, подробнее всего рассказывалось о начале XVII в., и рассказ, конечно, доводился до более благополучного времени — до последних дней 1615 г. или даже до 1616 г. и позже. Особенность «Повести»: абсолютно все упоминаемые несчастья сразу же смягчались — и их смяг-

чала главная героиня Улияния Осорьина. Вот разразился голод, и вот что делала Улияния: «По мале же божию гневу Русскую землю постигну за грехи наши, гладу велику зело бывшу, и мнози от глада того помираху. Она же многу милостыню отаи творяше... гладным все раздаяше. И егда кто умираше, она же... на погребение сребреники даяше» и пр. (с. 278—279). Через некоторое время вторично разразился голод, и снова Улияния смягчала бедствия: «В то же время бысть глад крепок во всей Русстей земли, яко многим от нужды скверных мяс и человеческих плотей вкушати, и множество человек неизчетно гладом изомроша... Она же... елико оставшься скоты, и ризы, и сосуды вся распрода на жито и от того челядь кормяше, и милостыню доволну даяше... и ни единого от просящих не отпусти тща...» (с. 281); «нищим даяше, и никого нища тща отпусти,— в то время без числа нищих бе» (с. 282).

Другое несчастье, которое поминала «Повесть»,— это чумной мор; и опять Улияния своею мягкой рукой старалась сгладить жестокость его последствий: «По мале же мор бысть на люди силен, и мнози умираху пострелом: и оттого мнози в домех запирахуся, и уязвенных пострелом в дом не пущаху, и ризам не прикасахуся. Она же... язвенных многих своима рукама в бани омывая, целяше...» (с. 279).

Еще одно неустроение в «Повести» — социальные конфликты времени Смуты; но Улияния опять-таки утихомиривала ссоры, брани и даже разбои: «Ненавидяй же добра враг тщашеся спону ей сотворити: часты брани воздвизаше в детех и рабех. Она же вся, смысленно и разумно разсуждая, смиряше» (с. 279); «а неразумныя рабы и рабыни смирением и кротостию наказуя и исправляше» (с. 278); «она же моляше дети и рабы своя, еже отнюдь ничему чужу и татьбе не коснутися» (с. 281); «велице же скудости умножьшися в дому ея. Она же распусти рабы на волю, да не изнурятся гладом» (с. 282). Даже когда несчастье касалось близких Улиянии, то и тут она ничем не обостряла обстановки, а, наоборот, умиротворяла: «Враг же наусти раба их и уби сына их старейшаго. Потом и другаго сына на службе убиша. Она же, вмале аще и оскорбися, но о душах их, а не о смерти, но почти их пением, и молитвою, и милостынею (с. 279—280). В данном случае важен не облик Улиянии, а облик несчастий: они все смягчены очень последовательно. Представления автора «Повести» о прошедших, уже отдалившихся бедах были устойчиво проникнуты чувством умиротворения, бестревожности.

Знаменательное замечание сделал и Иван Хворостинин в «Слововещаниях», где тоже поминал Смуту: «Не понудив рабы моя мучительством жити и быстрым быти на чюжая имения» (с. 39).

Для кого было характерно это уже не такое острое, несколько туманное, смягченное представление о прошлых бедствиях? В первую очередь для писателей, близких к верхам, для книгоиздателей и для составителей официальных документов, а значит, и вообще для верхов российского общества. Но «Повесть об Улиянии Осорьиной» выпадает из данного ряда: ее составил сын этой муромской дворянки, вовсе не близкий к верхам, а «Повесть» тем не менее особенно размягченно поминала события Смуты. Следовательно, можно предположить, что новое, смягченное отношение к Смутному времени бытовало и в средних слоях русского общества 1620—1630-х годов.

Подтверждение тому можно найти, подходя к старопечатным текстам с иной стороны. Все старопечатные издания 1620—1630-х годов предназначались для очень широкого круга читателей: в «Рускую землю бесчисленныя народы человек», «християньскаго народа многочисленнаго словеньскаго языка», «всем святым правоверным християном», «всем православным християном», «всем любящим правую веру», «по всей бы своей велицей Руси разсеати» и т. д. и т. п. («Минея» 1618, л. 4 об.; «Минея» 1619, л. 85 второго счета; «Апостол» 1621, л. 302; «Служебник» 1623, л. 477 об.; «Шестоднев» 1625, л. 14 второго счета; «Псалтырь» 1625, л. 25 второго счета; «Служебник» 1627, л. 260 об.; «Учительное евангелие» 1629, л. 593; «Триодь» 1630, л. 641; «Азбука» 1634, л. 7 послесловия). Но в характеристиках, даваемых Смутному времени в предисловиях и послесловиях, не ощущается того, чтобы издатели навязывали читателям свои оценки, или как-то полемизировали с читателями, или хотя бы стремились разъяснить читателям новые оттенки во взгляде на Смуту. Сходство мнений издателей и читателей подразумевалось само собой. Смягчающее представление о Смуте, по-видимому, широко распространилось в России 1620—1630-х годов в разных общественных слоях.

Но смягченность представлений о Смуте не означала равнодушия авторов к несчастьям. Наоборот, именно к несчастьям, памятным по Смутному времени, авторы относились с особой нетерпимостью и эмоциональностью. Например, авторы болезненно воспринимали возможность даже незначительных разногласий в обществе: «Иде же бо аще и мало раскольство счинится, и тамо воставае вражда гнева

божия и меч ярости...» («Соборное изложение» 1620, л. 403). Видимо, таким отвращением к конфликтам были вызваны странные опасения богатыря в «Повести о Еруслане Лазаревиче». Еруслан, представавший русским человеком («человек есми русин», «руской богатыр» — с. 115, 116, 126), вдруг «учал думати: взяти мне... кон или ратное оружие, и мне розбойником прослыти» (с. 122) и объявлял во всеуслышание: «А яз, брате, не розбивати хожу, ни красть езжу» (с. 121). Еруслан настаивал, чтобы не смешивали богатырей с разбойниками: «Одно взяти: любо корыстоватися, или богатырем слыти» (с. 107). Действуя, Еруслан очень заботился, как бы не уронить царской чести, «царева честь потерять» (с. 118), не сам карал, например, злодейского князя, а вел его на суд и расправу к царю. Еруслан все оправдывался перед царем: «Яз тебе, государю своему, не насмехаюся...» (с. 112); «виноват был я пред тобою... а нынеча яз пред тобою справился» (с. 119). Этот юридически осторожный богатырь выдавал отрицательное отношение автора «Повести» к чересчур размахистым, независимым действиям героев, могущим повести к общественному «раскольству». «Повесть» сообщала, что люди, которые царю «грубили», все были казнены (с. 119—120).

Другое явление, к которому после Смуты авторы были очень чувствительны, — это образ опустошенной врагами страны. Недаром Еруслан помогал спасти запустевшее царство, где трехголовая змея «во царстве людей добрых не оставила» (с. 123). В «Повести о разуме человеческом» русский фон отсутствовал, но тема опустошенного царства тоже всплывала<sup>8</sup>. Авторы с жаром заклинали: «Да не насилواني будем от иноплеменных!» («Сказание» о книгопечатании, с. 201); «искупи нас от работы вражия!» («Стихиры» о ризе, л. 7 об.); «не дай-де бог деяти добро никакову иноземцу и веры няти!» («Повесть о Еруслане», с. 111). Эмоциональное неприятие несчастий, напоминавших о Смуте, по-видимому, также было распространено в различных слоях российского общества.

Перейдем к следующему элементу в общественных настроениях 1620—1630-х годов. Смягченность представлений о несчастях прошлого породила одна главная причина — убеждение авторов в благополучии настоящего и ближайшего будущего. Отражения всех этих настроений тесно переплетаются в одних и тех же памятниках. Нужно подробнее

---

<sup>8</sup> *Пушкарёв Л. Н.* «Повесть о разуме человеческом», с. 325.

сказать о главных, определяющих, разветвленных представлениях авторов о российском благополучии.

Никогда еще в произведениях не было такого потока благодарностей богу за спасение Русской земли. Каждый автор, рассказывал ли он о несчастьях или только упоминал их, обязательно переходил к благодарениям: «Еще же воспомяну его божие к нам милосердие и щедроты...» («Сказание» о книгопечатании, с. 201); «господь за милость же свою много возлюбил и помиловал... и от бед наших избави нас» («История», с. 212); «наш же христианский род помилова господь своею милостию и почте нас славою и честью паче всех язык» («Азбука» 1634, л. 2—2 об. после словия). Дело не в благочестии авторов. Благодарности намекали на установившееся наконец российское благополучие, и, чем прострашнее выражались авторы, тем определеннее они утверждали картину благополучия России.

Новые события только сильнее обнадеживали авторов. Шах персидский прислал в Москву ценность — ризу якобы самого Христа. Последовали благодарности богу, «изволившему... нам подати стену небориму и неблазно утверждение»: «Каково божие дарование Русьстей земли даровася!»; «...тверды покров... нам христианом даровася риза твоя»; «ризу нам яко стену и покров даровал еси» («Стихиры» о ризе, л. 1 об., 15, 15 об., 17, 18); «...таковую преславную благодать видети во благочестивом царствии...» («Иное сказание», стб. 138). Русская земля представлялась авторам отделенной стеной от несчастий, уже обладающей воплощением благодати и пр. Если даже происходили события неприятнейшие, например грандиозные пожары в Москве, то и в них разыскивалось хорошее начало и благодарности богу все равно воздавались: «Премилостивый же бог милостиво наказуя человеки, и отводя от греха, посылая милостивое наказание...» («Новый летописец», с. 152); «господь бог наш, не хотя создания своего до конца погубити всячески отвращая нас, соотводя от всяких неподобных дел... и воспрещая с милостивым наказанием» («Иное сказание», стб. 141). Россия мыслилась авторами под надежным покровительством бога: «Русьскую страну нашу назираеши» («Стихиры» о ризе, л. 15 об.).

С небывалым энтузиазмом писатели 1620—1630-х годов принялись превозносить «царство Московское, его же именуют от давних век великая Росия» («Повесть книги сея», стб. 559); авторы подчеркивали величие «великия державы всея великия Русия Московскаго царства», «великия державы всея славно именитыя Русии Московскаго государства»

(«Шестоднев» 1625, л. 14 второго счета; «Учительное евангелие» 1629, л. 593 и многие другие издания); авторы говорили о «славнем и преименитом царствующем граде Москве», о значительности «славнаго града каменной Москвы» и пр. («Стихиры» о ризе, л. 23; песня о Филарете, с. 9). В общем, авторы были теперь самого высокого мнения о России.

Авторы не ограничивались только общими словами, а конкретизировали картину благополучия России. Внешний, психологический признак благополучия — это всеобщая радость после преодоления бед: «Зрадовалося царство Московское и вся земля святоруская» (песня о Филарете, с. 7); «многия убо слезы тогда от радости быша» («Мазуринский летописец» под 1619 г., с. 158); «уставиша праздник торжественный празновати о таковой дивной победе; даже и донныне празнуют людие» («Повесть книги сея», стб. 618); «всяк град радуется, празднуя верно» («Стихиры» о ризе, л. 16) и т. д. На радость, ликование, веселие, на «обрадованну нашу душу» («Память» 1636, с. 403) памятники теперь обращали внимание повсеместно. Даже прошлое становилось повышенно радостным, и, например, составитель «Есиповской летописи» мог выражаться о походах Ермака так: «...по всей Сибирстей земли ликоваху стопами свободными» (с. 124).

Авторы обрисовывали и более существенный признак благополучия России — широкое «устроение». Сообщений об «устроениях» следовало немало. Так, в предисловии к «Московскому летописцу» составитель провозглашал царя Михаила Федоровича исключительно плодотворным «устроителем»: уже «в начале царствия его просветися вера, просия благочестие, уставишася церковнии чинове и царствия синклиты, и царствующий град Москва возградися, и места уселишася, воинство охрабрися, и купцы своя промыслы възприяша, — комуждо как милость божия поспешествуя» (с. 222). Обнадеженность и удовлетворенность писателей российским «устроением», возможно, побуждали их выделять «устроение» и других, вымышленных царств: когда царь «станет лготу давать и дани поубавит — и государство опять полно наполнитца, селища опять жили будут... И от тех мест стал царь милостив, и льготы стал давать, и дани поубавил — опять стало все жило» («Повесть о разуме», с. 327). Довольство российским «устроением» приводило авторов к особенно уверенной мысли о мировой благоустроенности, введенной богом: «...вся бо той созда видимая же и невидимая... убо всяко здание сотворил есть той. Все же



содержит, и снабдит, и промышляет о всем, и... устроит, и вся люди своя священными своими законы и правила и уставы и богодухновенными писаньями вразумляет и просвещает и... обращает... и... призывает... и умудряет» и т. д. («Триодъ» 1630, л. 638).

Венчающий признак благоустроенности России в сочинениях писателей 1620—1630-х годов — красота «устроенный». Вот хотя бы одна из несколько перегруженных и прямых картин украшения Руси Михаилом Федоровичем: «...являя того... еже по вселенней созидати и украшати божественныя храмы и разсеявати божественная словеса, яко бисер или, реку, злато... Чюдными лепотами... иконами и многоценными сосуды и ризами и инеми по благочинному слову приличными вещми любезне украшая... еже благословными священными книгами, яко же некими благоцветущими крины, божественная храмы исполняти... и не точию Христовы церкви и... обители, яко многосветлыя звезды в тверди небесней сияющии, но и дома благочестивых пребогатне и пресветле преисполнив... всея своя царския русьския державы...» («Канонник» 1636, л. 76 об.—78 об. второго счета); все делается, чтобы «по всей бы своей велицей Руси разсеяти аки благое семя в доброплодныя земли», чтобы был от «божественных догмат яко бы неких благовонных аромат» («Азбука» 1634, л. 5—6 об. послесловия).

Результат благоустройства — мир и покой в государстве: «...мир и тишину и правду утвержающа» («Учительное евангелие» 1629, л. 593); «...печальным веселие, тружающимся упокоение, насилуемым отдохновение... покой дарова» («Память» 1636, с. 403). Людей многонародного государства памятники теперь неоднократно и благосклонно называли смиренными, благочестивыми овцами: «В Рустей же земли не токмо веси и села мнози сведоми, но и грады мнози суть единого пастыря Христа едина овчата суть, и вси единомудрствующе» («Словеса», стб. 530). Авторы считали, что много «есть разумных людей в великом государстве» (послание Стефана, с. 406).

Авторы не только представляли благополучным настоящее, но и надеялись на всегдашнее благополучие в будущем: «...да союз мира... твердо в душе кротости хранится, да не будет несогласия ради распря...» («Требник» 1623, л. 618 об.); «...да сияет благочестивое царство... святолепным просвещением всегда, да пребывает во светлей и божественней славе... святая же соборная церковь... да цветет и славится всегда... украшается... и не на поколебимем

основании да пребывает» («Учительное евангелие» 1629, л. 593—593 об.; «Триодь» 1630, л. 639 об.; «Октоих» 1631, л. 475), «да множится и растет благочестие во всей... Русьстей земли» («Азбука» 1634, л. 7—7 об. послесловия). Говорилось и в формах, обозначавших еще большую «всегдашность» благополучия: «...град Москву ограждаеши... от безъбожных иноплеменник, от глада же, и труса, и междоусобныя брани присно..» («Стихиры» о ризе, л. 5); «радуйся, церковная красота и обогащение; радуйся, боговерным царем на сопротивных пособие и в нашедших печалех утешение; радуйся, отеческому своему граду утверждение и неусыпно хранение... радуйся, многонародному граду Москве ликование...» («Повесть о мнисе», стб. 873—874).

Жажда устойчивого благополучия, благополучия «навсегда», определяла уже знакомый нам ход мыслей. Даже сомнительные явления истолковывались как благие предзнаменования. В «Мазуринском летописце», например, рассказывалось, что в 1619 г. над Москвой встала комета: «Мудрые же люди о той звезде ростолковаху, что та звезда над Московским государством стоит к доброму делу... в том государстве подает бог вся благая и тишину и никотораго мятежу в том государстве не живет» (с. 158). Другое следствие желания благополучия — мечта о распространении его на весь мир: «...моления творити должны есмы о умирении всего мира», «дабы отныне и впредь... утвердиться и укрепиться, яко же солнцу под небесем сияюще и во вся окрестныя страны луча свои простирающе... и ко всякому благочинию во веки неподвижно утвержающе» («Канонник» 1636, л. 80; «Память» 1636, с. 404). Представления о наступившем российском благополучии составили вескую часть умонастроений писателей 1620—1630-х годов.

Подумаем, для какого общественного слоя были характерны отмеченные представления. Данные у нас только косвенные. Судя по памятникам, представления о благополучии были свойственны писателям, близким к верхам, и, наверное, самим общественным верхам. Однако резко ограничивать круг бытования подобных представлений нельзя. Для наших предположений имеет значение то, как писатели относились к читательской массе. В 1620—1630-е годы изменились преобладающие эпитеты, прилагаемые авторами к читателям. Читатели теперь были «благочестивии и истиннии делателие винограда Христова» («История», с. 243); «разсудителнии... имыи премудр смысл и чуден» («Повесть о Димитрии», стб. 847). К читателям авторы теперь обращались так: «О, чада светообразная... хотех убо вашей люб-



*Растроганный книгописец (Матфей).  
Евангелие. М., 1627*

ве благо глаголати... вашей души прекрасней достойно есть... праводелательное» («Словеса», стб. 530).

В 1620—1630-е годы изменилось и содержание более развернутых высказываний писателей о читателях. Писатели настаивали на близкой, наступающей, наступившей читательской благочестивости. Вот разные формы подобных высказываний. Самая общая: все ведет к «полезному жительству и ко спасению душам человеческим» («Служебник» 1623, 477 об. и многие другие издания); модальная форма высказывания о прикосновенности к благочестию: «Сиде хочет создавыи нас бог и нам тем ревнителем быти»; «нам... подо-

бают... везде тщатися яко от себе самех вносити по силе наших» («Канонник» 1636, л. 80; «Повесть о Димитрии», стб. 856); повелительная форма высказывания об обязательном усвоении благочестия: «Имеим убо, возлюбленнии, промысл божий на уме... и содержим в себе всего память на всяк час и розмышляем и брежемся и накажемся...»; «зрим же, братие, и в мире суца добродетельныя человецы» («Повесть о Димитрии», стб. 838, 843); форма высказывания в настоящем и будущем времени как выражение неотвратимости благочестия: «...и аки по лестнице от нижния степени на вышнюю восходят и потом паки вящее учнут разумевати» («Азбука» 1634, л. 8—8 об. послесловия). В благочестии читателей, ныне и навсегда, писатели были уверены с определенностью.

Особенно часто писатели демонстрировали свою уверенность в приверженности читателей к благочестивому чтению: «И ныне, братие, отверзем умныя зеницы сердца своего и искусно разумеем...» («История», с. 249). Издатели насыщали предисловия и послесловия всех издаваемых книг рассуждениями и пояснениями о содержании, составе, композиции, истории и предыстории создания предлагаемых книг, порядке их чтения и пр. (необычайно много, например, в «Триоди» 1630; стихотворное наставление в «Азбуке» 1637). Это делалось для того, чтобы удовлетворить читательскую любознательность. Читатели и слушатели, по мнению издателей, теперь охотно усваивали «въкупомудрено и изрядно удобряемое учение» («Октоих» 1631, л. 475 об.). И действительно любознательность читателей и слушателей писатели упоминали неоднократно: «...людие православнии... яко гладни... поучения и жития не слышаще» («Память» 1636, с. 402); «аще кто имый премудр смысл и чуден, да навикнет от божественных писаний...»; «хотяй навикнути о сиковых да прочита в летописных историях...»; «и аще кто восхощет о смятении Росийския земли широко и пространно уведати, и той да прочти себе великую Историю Пали-



*Растроганный книгописец  
(Матфей).  
Фрагмент. Евангелие. М., 1627*

цына» («Повесть о Димитрии», «Повесть о мнисе», «Хронограф» 1617, стб. 847, 871, 1313).

Показательно у издателей 1620—1630-х годов обилие похвал каждой предлагаемой книге, тому, «яко же есть зримо в книзе сей полагаемо». Издатели выражали перед читателями восхищение от «сладкогласнаго гласа» книги («Октоих» 1631, л. 475 об.), слышали в ней «прехвалныя и громогласныя десятиструнныя гусли» («Псалтырь» 1619, л. ненумерованн. 335 об. и многие другие издания). Издатели восхваляли содержание книг, подчеркивая, например, что книга «о страшных, великих, предивных чудесех» «исполнь радостотворнаго умиления» («Триодь» 1630, л. 640). Издатели восхваляли авторов или составителей книги: «Мнози бо древле чюднии ритори и премудрии творцы грамотическим слогням и дивнии ветии... составиша... чюдныя... хвалы и песнословия... Начальницы же и творцы красоты слова... всепречудныи... мнози предивнии. Чюдными и предивными сими творцы... объявлена суть» данная книга («Минея» 1619, л. 4 об.—6 и другие издания). В тех же выражениях писатели восхваляли свои сочинения: «Скажю же вам повесть дивну...» («Повесть об Улиянии», с. 284). Все это делалось, чтобы героям и событиям дивились сами читатели: «Бяше же по истинне чюдно видети яже по бозе житие их»; «о дивьства дивнее таковое житие и аггелы чюдимо пребывание!» («Повесть о Димитрии», стб. 839, 841); «всем дивитися разуму ея», «вси дивляхуся разуму ея» («Повесть об Улиянии», с. 277); «да кто о сем не почюдится?»; «дива слышание достойно» («История», с. 108, 191); «мы же сему бывшему делу писание предлагаем и предъидуций род воспомянием удивляем» («Повесть книги сея», стб. 622—623). Соответствующими эмоциональными оценками насыщалось повествование о героях или событиях отрицательных (например, в «Хронографе» 1617), и тоже для того, чтобы читатели разделяли авторские чувства: «Смеху достойно сказание, плача же велико дело бысть», «кто же сему не посмеется безумию?» («История», с. 110, 118). Авторы исходили из представления не вообще о благочестивых читателях, а о читателях душевно чутких, испытывающих благочестивые чувства.

И последнее. Читатели у писателей 1620—1630-х годов представляли тихими и мирными: наступило «любително исправление... еже бы вложити любовь в душу вашу» («Словеса», стб. 530); «притецем любезно и воспоем умильно» («Повесть о мнисе», стб. 873); «ныне же, отцы и братие, койждо нас... да пребудем в любви... милостыню и

нищелюбие койждо нас да покажем... и во благоденьствии и в тишине поживем» («История», с. 247).

Столь явно выраженное в памятниках согласие писателей и читателей является косвенным подтверждением нашего предположения о том, что представление 1620—1630-х годов о наступившем российском благополучии разделялось и верхами общества, и более широкими общественными слоями. В России тех лет господствовали настроения благонамеренности. Исследователи общественной мысли недаром отмечают, что с конца 1610-х годов «наступает некоторое затишье, связанное, вероятно, как с утомлением страны... так и с иллюзиями, которые возникли с началом царствования Михаила Романова»; популярной стала обнадеживающая «мысль о необходимости справедливого правления, полного милостей и льгот», популярным стал «образ сказочного „укротевшего“ царя... близкий и понятный посадским и крестьянским массам, не освободившимся еще в это время от царистских иллюзий»<sup>9</sup>.

Но неужели источники 1620—1630-х годов уже нигде и никогда не упоминали об общественных недостатках? Такие упоминания делались. Например, в конце 1610-х — начале 1620-х годов осуждалось неистребимое лихоимство: «...копечно, все зло на ся привлекохом, от него же даже и досело не исцелехом»; «се бо зло в нас и доныне всеми зримо деется, иже славы и богатства желают вскоре, без разсмотрения обогащаются неправдами... ко единому тщащимся, еже бы своя им влагалища вся лихвами изобильне исполнити» («Временник», с. 69, 122); «мнози убо мы и до днесь в скверне лихоимства живуще, и кабаками печемся, и граблением...» («История», с. 125); «зри ж и сего: и в приказах лукавии действуют, ваше государское и земское дело на корысть свою променяют, и многие мздою, надеясь на лукавья понаровки, накупаются... Которые и прежде для своей корысти и тщеславия разоренье вере и попрежение вере чинили, те же и ныне ухищрением и за мзду понаровлением дерзновение имут, у православных крестьян, последнее богатство всячески имат, тем жратвы своя простират. А иные, завидя на лукавых... мир продают немерным мздоимством» (послание о мздоимстве, с. 190). Но подобные признания делались очень редко и лишь довольно рано, потом они потеряли обличительную остроту и исчезли. Например,

<sup>9</sup> Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 70; Пушкирев Л. Н. «Повесть о разуме человеческого», с. 325.

в предисловии к «Слововещаниям» Иван Хворостинин жаловался: «Коея не приах беды? многи скорби от владык, множайши ж от властей, тако ж и от церковник неученых, туне поставленных» (с. 38). Однако тут он больше упрекал власти Смутного времени, чем власти, современные его сочинению. В официальные документы также изредка проникали довольно смутные обвинения: «...в людех многую смуту чинил»; «...смущается ум и скудеет вера, потому что вожди ослепша лепостию и перадением» (грамота 1632, «Память» 1636, с. 284, 402).

По поводу единичности упоминаний неблагополучных явлений в 1620—1630-е годы один из историков — Б. Ф. Поршнев пишет: «Но историка обескураживает отсутствие прямых сведений в русских источниках о каком бы то ни было политическом кризисе в это время». И не без оснований предполагает, что в это время были произведены чистка, «систематическое истребление» неугодных документов<sup>10</sup>.

Но обратимся к произведениям менее подвластным цензуре. В двух «покаянных» стихах прямо говорилось об общероссийском неблагополучии:

...прелесть вражия...  
прелестиша владомых и многоразумных началпиков  
Руския державы,  
ругающеса нашей православней вере.  
...И ныне убо, братие, восплачем вси...  
...и всем добродетелем потребление,  
но и паче же православной вере посрамление  
и от всех язык различных вер  
посмех и укоризна.  
Слышат бо языци нашу неправду...

(«Покаянные» о Кремле и о Шесте, с. 146, 147)

Оба стиха записаны в одном и том же сборнике третьей четверти XVII в., и больше открытых отрицательных высказываний о 1620—1630-х годах не известно ни в «покаянных», ни в фольклоре. Скорее не столько чистка архивов тому виной, сколько преобладавшее в то время иное общественное настроение: убогатворенность и надежда на крепнущее благополучие.

И все-таки если к произведениям присмотреться внимательнее, то можно заметить нередкие, но скупно выраженные

<sup>10</sup> Поршнев Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. — История СССР, 1957, № 5, с. 117—118.

несоответствия господствовавшему благополучному настроению. Например, в «Хронографе» редакции 1617 г. цитировался текст некоего письма, враждебного официальной точке зрения, и письмо сопровождалось такой оговоркой составителя «Хронографа»: «Се списание малое некто от мятежних написа, хулу и лож сказуя во истории сей... и мы писание не извергохом, зане во многих се неправое писание распростресе...» (стб. 1310). Однако здесь могли иметься в виду «мятежники» и согласные с ними «многие» люди предыдущего времени Смуты. Но вот более поздний документ, который снова предполагал наличие дерзких инакомыслящих и недовольных: «Аще ли ж нецыи малоумнии хотят рещи, яко не подобает согрешающих человек и непокоряющихся истине мирским казням подлагати и таковое повеление немилостиво наречет кто... Аще ли же нецыи не хотяще послушати пастырского словесе...» (грамота 1622, с. 250—251).

У авторов повестей 1620—1630-х годов наряду с читателями благополучными также маячили читатели недовольные и недоверчивые. Авторы предусматривали это реальное обстоятельство: «Помышляю, егда како... не угодно явится писание мое во ушию вашу» («Повесть о Димитрии», стб. 846); «яже во инех местех сложений оних сомнитися кто...» («Временник», с. 17); «аще ли нецыи слышаще и высоте словес дивящесе и не восхотят веровати тии бо немощь человеческую помышляют и неприятно творят глаголемо о человецех» («Повесть об Улиянии», с. 323).

Историки действительно указывают на небезоблачность социально-политического горизонта России 1620—1630-х годов, в частности на многочисленные «простонародные политические преступления конца 20-х — начала 30-х годов: «непригожие», «неподобные» слова о царе или патриархе, сомнения в законности, «прирожденности» нынешнего царя или царевича...» — и вообще на «грозные беседы московского трудового люда»<sup>11</sup>. Какие-то неудовольствия отразились в факте составления сборников переписки Андрея Курбского с Иваном Грозным: «...послание Курбского, обличавшее царский произвол, было близко общественно-политическим настроениям 20—30-х годов XVII в.»<sup>12</sup>

Но любопытно, как авторы относились к неверящим, недовольным, ропщущим, провинившимся и тому подобным

<sup>11</sup> Там же, с. 118, 140.

<sup>12</sup> Рыков Ю. Д. Послания Курбского Ивану Грозному. — В кн.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979, с. 276.



людям. Авторы с разной степенью настойчивости упрасивали таких читателей: «Молю же вас прилежно послушати, без всякого сумнения, вне всякия суетныя молвы себе сотворше»; «молю же вы, да не позазрите ми» («История», с. 227, 238); «и да никто же мя о сих словесы уловит иже о любославнем разделением...» («Временник», с. 56); «вы же, братие и отцы не мните: ложно се... Но не лжу...» («Повесть об Улиянии», с. 309); «веру имите ми...» («Повесть о мнисе», стб. 871). В официальных документах предписывалось, дабы власти со всевозможной мягкостью уговаривали несогласных и недовольных: «Проповедуй... настой, понуди... обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением»; а неисправимо упрямых и деятельных, которых вроде бы нельзя «пощадевати же никако же», все-таки «смотрительно же повелеваем о таковех рассуждати» (грамота 1622, с. 252, 250). Подобные грамоты велено было читать всенародно с явной целью не обострять конфликты и с явной надеждой народ «в мале времени исправити». До поры до времени тучи народного недовольства не вставали сплошной напалзающей стеной в относительно чистой панораме общественной уверенности в российском благополучии.

Но это еще не все. В «благополучных» памятниках 1620—1630-х годов можно заметить еще одну особенность, которая оказывается чрезвычайно важной. Авторы повестей и официальных документов усиленно стали упоминать «простец», «бедных и нищих и обидимых», «все народное множество», обязательно говорить об «убозих» и «простых человецех» («Соборное изложение» 1620, л. 403; «История», с. 125, 231; «Стихиры» о ризе, л. 16; «Память» 1636, с. 402 и др.). В официальных документах сочувственно объявлялись беды, например, «убогих работных людей» и осуждались насильства над ними: «...а бедные люди от таких законопреступных людей бедне насилуеми и оскверняеми и порабощаеми бывають и ниоткуда ж избавления приемлют»; властям советовалось выслушивать «простую молву» (грамота 1622, с. 246, 247, 253)<sup>13</sup>. Авторы часто поминали заповедь «еже нища и убога помиловати»; они приветствовали «полагающа душу свою за овца стада его» («Минея» 1619, л. 3 и другие издания).

Тема «простых» людей стала выделяться у авторов

---

<sup>13</sup> Об осознании авторами сочинений о Смуте значения народной молвы см.: *Лихачев Д. С.* Человек в литературе древней Руси. М., 1970, с. 19—20.

1620—1630-х годов и когда они вспоминали о прошлом. Так, автор «Повести об Улиянии Осорьиной» с удивительной регулярностью возвращался к одной и той же теме: во время Смуты Улияния «вдовами и сироты печашеся и бедным ко всем помогаше даяше нищим милостыню...» (с. 280); автор ставил в образец постоянство и безотказность помощи: помогая «убогим», Улияния «дойде же в последнюю нищету, яко ни единому зерну остатися в дому ея, и о том не смятеся... и не изнеможе нищетою» (с. 281—282). Авраамий Палицын же в своей «Истории» не только обращал внимание на помощь бедным во время Смуты («...о бедных и нищих крепче промышляше... и таковых ради строений всенародных всем любезен бысть» — с. 104), но и ставил деяния «простцов» выше усилий «мудрых» бояр: «Похвалное же что содеяся, и то не урядством, но последнею простотою... В таковой простоте никто же никогда погибе... И зрят простцы мужа храбра и мудра нестроепие... И по обычаю простоты немощнии бранию ударивше и исхищают мудрых от рук лукавых... Немощных и бедных не нарицают овец, но львов, и не сирот, но господей... И в простоте забывше бегати, но извыкше врагов славно гоняти» (с. 191—192).

Авторы 1620—1630-х годов подчеркивали заслуги «простых» людей, обращаясь и к более отдаленному прошлому. Противопоставление «простых» людей знатным отмечено, например, в «Есиповской летописи»<sup>14</sup>. О Ермаке говорилось так: «Избра бог и посла не от славных муж, ни царска повеления воевод... но от простых людей избра бог и вооружи славою и ратоборством и волностию атамана Ермака Тимофеева сына Поволскаго и со единомысленною и предоброю дружиною» (с. 164—165, ср. с. 122—124).

«Бедные» люди специально упоминались и в сочинениях о вымышленных царствах: вельможи «обиды творили, а на сильных бедным и беспомощным управы не давали...» («Сказание о Петре Волосском», с. 348)<sup>15</sup>.

Внимание писателей 1620—1630-х годов к людям «про-

---

<sup>14</sup> Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947, с. 395.

<sup>15</sup> О добавлении этих сетований именно в 1620—1630-е годы см.: Зимин А. А. Сказание о Петре, воеводе Волосском.— В кн.: Сочинения Ивана Пересветова, с. 338—339; *Он же*. Комментарии.— Там же, с. 354—356. Ср. также «Повесть о бражнике»: «Не апостольское и не царское достоинство, а человеческое — вот что утверждала „Повесть о бражнике“» (Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977, с. 162).

стым» и «бедным» объяснимо по крайней мере двумя причинами. С одной стороны, некоторые писатели, пережившие Смутное время, отдавали должное, как мы сказали бы сейчас, роли народа и искренне жалели народ. Однако так было, пожалуй, только в конце 1610-х — начале 1620-х годов, например у Авраамия Палицына. С другой же стороны, похвалы «простым» людям затем вовсе не стали популярными; советы оказывать вспомоществование бедным стали настойчивее, но суше, как, например, в «Повести об Улиянии Осорьбиной»; забота о «простых человецех» диктовалась желанием искоренить в них «велик соблазн», как, например, в патриаршей «Памяти» 1636 г.; и поэтому Семен Шаховской настаивал, чтобы писатели шли навстречу «простцам»: «...жития же святых и мучения и доблести их ясно да сказуются, яко же и не книжным мочно и простым глаголемая внимати» («Повесть о Димитрии», стб. 846). Внимание писателей к «простцам» поддерживалось уже не искренним, глубоким сочувствием, а чем-то иным. Какая-то вынужденность ощущается в этих упоминаниях о «бедных» и «простых» людях.

У нас мало материала, чтобы явственно убедиться в принужденности внимания авторов первой половины 1620—1630-х годов к пресловутым «убогим» людям. Но тогда посмотрим, как авторы относились к читательской массе, куда входили также и «бедные» и «убогие». Отношение писателей к читателям стало небывало предупредительным. Авторы обильно предупреждали читателей о тематике произведений: подробнейшие оглавления или сжатое изложение содержания предшествовали сочинениям. Четко обозначалось начало сочинения: «Сему же сказанию начало сиецево...» («История», с. 101); «время уже есть к повести приблизитися» («Повесть о Димитрии», стб. 845); «яко же zde явственно повесть предложить вам хошу» («Повесть о мнисе», стб. 858). Текст сочинений дробился авторами на небольшие части со своими подзаголовками, и почти каждый автор в каждом отрывке предварительно называл читателям «дело, о нем же ныне слово предложить хошу» («Хронограф» 1617, стб. 1293), «о нем хошу словеса рещи» («Повесть о Димитрии», стб. 847), «о сем убо ныне нам слово предлежит» («История», с. 203), «сие дело», которое «настоит... с великим изобилowaniem начинати» («Житие Димитрия», стб. 890) и т. д. и т. п. Очень часто подчеркивалось: «чти», «зри», «виждь», «чтый да разумеет». Внутри изложения следовали постоянные перекрестные от-

сылки. О том, что будет сказано после: «О прочем же о всем впреди писано», «о нем же впреди реченно будет» («Хронограф» 1617, стб. 1276, 1282); «о сем пространнее впреди слово», «о нем же множае предъидый слово скажет» («Временник», с. 16, 18 и др.); «въпреди слово изъявит», «последи объявлено будет» («История», с. 187, 205 и др.); «о них же в конце книжицы сея написано суть» («Азбука» 1637, л. 2 об.). Постоянны были напоминания читателям и о сказанном раньше: «...яко же и выше рехом» («Азбука» 1637, л. 6); «яко же и прежде рехом» («Сказание» о книгопечатании, с. 201). Необычайно часто авторы исправляли ход своего изложения и напоминали о возврате к главной теме: «Мы же к первым словесем начатое навершити нудимся, от иде же стахом» («Временник», с. 51 и др.); «сие же дозде: не убо о нем повесть сказуется» («История», с. 211 и др.); «оставим же сия и возвратимся на первая» («Повесть книги сея», стб. 580 и др.); «о сих убо зде да станем и паки на первословную вину возвратимся» («Повесть о Димитрии», стб. 850); «зде да станем и паки о настоящем побеседуем» («Повесть о мнисе», стб. 870); «сия же до зде прекратим, настоящее да глаголется» («Житие Димитрия», стб. 895). Четко отмечался и конец сочинения или его частей: «Сему писанию конец предлагаем... словеса писанию превосходят в конец» («Повесть книги сея», стб. 619); «словеса же вещающая достигают конца» («Житие Димитрия», стб. 884). Авторы проявляли необыкновенную заботу о том, чтобы читатели не запутались.

Забота писателей об удобствах читательского восприятия вначале проявлялась многогранно. Так, Иван Тимофеев хотел даже, чтобы читатели получали от излагаемого впечатление, будто ими самими все увидено в жизни: «...чтущим познается, елицы сего в жизни зрети и о нем слышати не получиша» («Временник», с. 74). Но, чтобы впечатления и знания приобретались без непосильного труда, Иван Тимофеев давал читателям передышку: «И нам убо в далных словес путишествие естества немощию утружшимся и, яко в небурне пристанище мало отдохнутие приимше ...подщимся, в прямный путь устремившися» (с. 15). Иван Тимофеев предоставлял право читателям самим перекраивать композицию «Временника», как им удобно: «...еже не по ряду или месте своем чему вписатися... елико кто ускорит, ли по своему хто чину хочет изрядне уставити,—власть имат от своя воли...» (с. 17—18). Задумывался автор и об использовании сравнений для более удобного восприятия

изложения читателями: «Се чтущим ото образа вещи свойство ея знатно есть» (с. 13). Сам необычный язык «Временника», быть может, воплощал авторскую попытку (неудачную!) по-новому рассказать читателям о Смуте.

И Авраамий Палицын тоже думал, «како рещи» поудобнее для читателей: «Но не вемы убо како рещи... но колико познаваем, сиа о том и сплетаем» («История», с. 206). Авраамий Палицын старался не удлинять главы и эпизоды, заботясь о памяти читателей и слушателей: «Их же немощно исписати и изглаголати продолжения ради немощных слуха к забытию» (с. 110). Он вообще все время не терял из виду память читателей, современных и будущих: «История в память предидущим родом», «сие же изъясних писанием на память нам и предъидущим по нас родом» (с. 101, 128 и др.). Авраамий Палицын приноравливал свою «Историю» к читательской воле: «Вы же... всякого чина христоименитыи людие, сию книжицу прочитающе, примете, яко же хочете...» (с. 249). Это была проникновенная забота о читателях и слушателях. Писателей интересовала не только психология изображаемых героев<sup>16</sup>, но и психология читателей. Потрясения Смутного времени побудили писателей следить за реакцией массы «простых» и «убогих» людей и за реакцией читательской массы.

Так было в конце 1610-х — начале 1620-х годов. Позже обходительность писателей по отношению к читателям исчезла. Частые обращения к читателям сохранились, но стали суше и формальнее. Краткое изложение или перерывы в изложении сопровождались теперь сухими отговорками: «...некоя ради настояция вины, о ней же не у время ныне изрещи» («Сказание» о книгопечатании, с. 204); «не у время писати, токмо зде настоящее слово да рцем» («Азбука» 1634, л. 5 послесловия). Надежды на благодарную читательскую память омрачились теперь каким-то разочарованием:

Дела толикие вещи во веки не забываем...  
Ум человекь нихто не может исповесть.  
...Всяк бо чтый да разумеает  
И дела толикие вещи не забывает.  
Сие писание в конец преити едва возмогах  
И в труде своем никоея же ползы обретох.

(«Повесть книги сая», стб. 619, 624)

---

<sup>16</sup> Об этом см.: Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси, с. 6—24.

Призывы к читательской памяти имели теперь поучающе-сумрачный оттенок: «...и содержим в себе всего память на всяк час, и размышляем, и брежемся, и накажемся в них, да навыкнем прияти память...» («Повесть о Димитрии», стб. 838). Предупредительность писателей и издателей по отношению к читательской массе поддерживалась уже не искренним теплым чувством, а чем-то иным, внешним.

Причины повышенной внимательности авторов к «простцам» и к читателям становятся ясными на фоне реальных исторических обстоятельств. После окончания Смуты правительство и верхи общества проявляли подчеркнутое внимание к средним и низшим слоям. Например, на земском соборе 1619 г. правительство подтверждало: «Московского государства всяким людям скорбь конечная»; правительство шло навстречу просьбам «простцов»: «велети от сильных людей оборонить»; по мнению Л. В. Черепнина, «в соборных решениях 1619 г. была сделана попытка найти формулу примирения запросов отдельных сословий и сословных групп»<sup>17</sup>. В 1620 г. многочисленные царские награды за верную службу во время Смуты раздавались крестьянам<sup>18</sup>. Еще любопытное свидетельство: «С ноября 1622 г. на весь период укрепления Филарета Никитича во дворце вводится новый и до времени Петра I, кажется, не повторявшийся потом обычай приглашать на праздники и к государеву столу многочисленный круг бояр, думных дьяков, несколько десятков, а то и сотню дворян московских, приказных дьяков, стрелецких голов и изредка также гостей московских... В это же время, при патриархе Филарете, появлялись на приемах у царя и патриарха гости и посадские торговые лучшие люди...» и даже донские казаки<sup>19</sup>.

Но с начала 1620-х годов знаки внимания правительства и верхов к низам получили иной характер и не окрашивались чувствами признательности и благорасположенности. Например, в 1620—1624 гг. последовала серия, казалось бы, благоприятных царских указов: но, «с одной стороны, указ дает привилегии посадским людям и волостным крестьянам, а с другой — ограничивает и сводит эти привилегии почти к нулю»<sup>20</sup>. В 1630-е годы «дворцовые приемы

---

<sup>17</sup> Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978, с. 233—234.

<sup>18</sup> Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междоусобицу. СПб., 1832, ч. 1, с. 117—119.

<sup>19</sup> Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947, т. 1, с. 358, 359.

<sup>20</sup> Там же, с. 393.

меняются в сторону большей чопорности и аристократичности»<sup>21</sup>. В 1630-е годы милости правительства имели уже преимущественно характер вынужденных уступок: то «выдачей головой церковных феодалов горожанам»<sup>22</sup>, то в виде уговоров «отстать от всякого дурна» и обещаний, то в форме амнистий провинившимся, — а в целом «мы видим целую серию государственных актов, направленных к смягчению недовольства служилого военного сословия, низших слоев дворянского класса»<sup>23</sup>.

Главная причина уступок: в конце 1620-х — начале 1630-х годов «народные массы ожидали новую крестьянскую войну»; «правительство пасовало перед угрозой восстания в Москве»<sup>24</sup>; в первой половине — середине 1630-х годов, как отзывались русские и заграничные очевидцы, «делаетца-де на Москве нестройно — разделилась-де Москва натрое: бояря себе, а дворяне себе, а мирские всяких чинов люди себе ж», «на Москве учинилась в людях рознь великая», «грозило вспыхнуть всеобщее восстание»<sup>25</sup>. В 1632 г. была прямо «выражена тревога правительства по поводу возможности возобновления донскими казаками „смуты“»<sup>26</sup>. Один за другим возникали в Москве огромные пожары, особенно в 1626 и 1634 гг.: «И не бывал такой пожар над Московским государством николи и от начала Московского государства» («Бельский летописец», с. 268). «Весьма вероятно предположение, — считает Л. В. Черепнин, — что пожары не были случайными, причиной их явились намеренные поджоги как одна из форм классовой борьбы»<sup>27</sup>.

Нараставшее обострение социальной обстановки в России 1620—1630-х годов наложило отпечаток на практические меры верхов по отношению к средним и низшим слоям общества, на тон упоминаний властей о «простых» и

<sup>21</sup> Там же, с. 358.

<sup>22</sup> Там же, с. 411.

<sup>23</sup> Об этом см.: *Поршнев Б. Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны, с. 123—125, 130—132, 134.

<sup>24</sup> *Черепнин Л. В.* «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания). — Исторические записки, 1945, т. 14, с. 103; *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века, т. 1, с. 413.

<sup>25</sup> Цит. по ст.: *Поршнев Б. Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны, с. 116, 120; ср.: *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв., с. 245.

<sup>26</sup> *Поршнев Б. Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны, с. 120.

<sup>27</sup> *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв., с. 245.

«бедных» людях в документах и даже на оттенки в высказываниях писателей, близких к верхам, о «простцах» и о читателях в литературных произведениях. Но пока развитие реальных обстоятельств опережало идейную жизнь общества. Настроения народного недовольства и возмущения еще не получили заметного и цельного идейного выражения и не образовали противоположной чаши весов в общественных настроениях. Внешне преобладало настроение благополучия, исходившее от верхов общества; знаки внимания, оказываемые «простцам» и читательской массе, внешне продолжали эту благополучную настроенность. Но кажущееся общественное согласие и спокойствие на самом деле уже были внешними, выхолощенными.



Глава четвертая

КОНЕЦ 1630-х—1640-е ГОДЫ



1. *Благодушие верхов общества*  
(*Старопечатные предисловия и послесловия.*  
*Придворные послания.*  
*«Повесть о Марфе и Марии»*)

Идейную ситуацию в русском обществе конца 1630-х—1640-х годов помогают охарактеризовать сочинения, связанные с российскими верхами. Прежде всего посмотрим, как в предисловиях и послесловиях издатели старопечатных книг рисовали российское общество. Самым большим из печатных послесловий тех лет и, пожалуй, самым содержательным явилось послесловие к первому на Руси изданию «Трефологиона», а именно послесловие к третьей книге «Трефологиона», на март—май. Оно же было перепечатано в четвертой книге «Трефологиона», на июнь—август. В первых книгах «Трефологиона» послесловия иные и менее содержательные.

Послесловие к третьей книге «Трефологиона» в целом оригинально, хотя некоторые выражения заимствованы из послесловий к «Букварю» В. Ф. Бурцева (М., 1634) и «Канонника» (М., 1636). Составителей оригинального послесловия к третьей книге «Трефологиона», конечно, могло быть несколько. Но условно мы будем говорить об одном авторе послесловия, так как он здесь иногда упоминал о себе в единственном числе: «Премину же многое... Премину же долготы ради словес...»<sup>1</sup>. В центральной части послесловия автор рассказывал об истории русского книгопечатания и описал Русскую землю, заполненную многочисленными духовными «лепотами», в том числе рукописными и печатными книгами. Однако воспоминания о рукописных книгах заставили автора осознать недостижимость полного духовного благополучия на Руси: «И прежде убо много лет писавахуся книги письменными начертаньми, но не до конца было лепо таковое изображение... не несмутно и не

---

<sup>1</sup> Трефологион. М., 1638, на март—май, л. 406. Далее ссылки на листы данного издания приводятся в тексте.

несумненно» (л. 408). Примерно ту же мысль повторил автор, повествуя о распространении печатных книг в современной ему России: «...наипаче многое число обретется печатнаго дела книг разными имены... и еще не удовлеса тем... но по разньственным книгам не тако будет лепо» (л. 408 об.—409). В рассказе об истории русского книгопечатания подчеркивалась неполнота духовного благополучия на Руси.

Если мы обозрим всю композицию послесловия к «Трефологиону, то увидим, что фразы с неизменным «но» повторялись неоднократно. Мысль о недостигнутом духовном благополучии на Руси подготовлялась уже в начальной части послесловия, когда автор рассуждал о всемирном неблагополучии: бог «вся премудростию своею сотвори и состави... но... мнози языцы тмою неверия омрачашася... яко же и ныне вси агаряне... латыни, и лютори, и калвини, и прочии» (л. 405—406 об.). Ту же мысль об ускользающем духовном благополучии автор выразил в общем виде, перейдя к размышлениям о судьбах российского народа: «Нас же помилова господь своим милосердием... но каждо нас сам от своя похоти влеком и прельщаем» (л. 407). После рассказа о российском книгопечатании намек на недостижимость полного благоустройства сквозил даже в похвалах царю Михаилу Федоровичу, все-таки далекому от завершения благих дел: он «многи церкви божия воздвиже... и еще не претая распалаяся» (л. 409 об.).

Однако основное настроение автора не было раздраженным или сумрачным. Представление о недостижимости окончательного благополучия на Руси выражалось автором местами даже в стихах, с бодрой верой в лучшее будущее: «Святое сие крещение прияхом и держим, и льстиваго врага своего и миродержьца бежим, аще льщением его и своею слабостию и поползаемся, но от творца своего и бога не отчаяваемся, но надеемся на его премногия щедроты» (л. 407; ср. еще л. 407 об.).

Точно такие же мысли о пока не достигнутом полном духовном благополучии варьировались во всех печатных послесловиях конца 1630-х — начала 1640-х годов: бог даровал людям законы, но «сим же не вси удобь покаряющися»<sup>2</sup>; на Руси принялись за размножение рукописных книг, но возникло «многое некое различие... разгласие... яко ничим же менее в житейских вещех истине быти»<sup>3</sup>;

<sup>2</sup> Трефологион. М., 1637, на сентябрь—ноябрь, ч. основная, л. 707 об.

<sup>3</sup> Иноческий потребник. М., 1639, л. 16 об. 28-го счета. См. также:

начали исправлять и печатать книги, но еще ими «недоволенны исполнены»<sup>4</sup>; царь Михаил Федорович хоть и много сделал для духовного благоустройства, но «обаче не престая горя»<sup>5</sup> на дело еще не завершённое. Таким же оптимистическим было и общее настроение издателей: при царе Михаиле Федоровиче «мрак же нечестивыя злобы тем да обличится и буря противных ветров да отогнана будет»<sup>6</sup>.

В течение всех 1640-х годов, вплоть до начала 1650-х, официально-покойные темы в старопечатных предисловиях и послесловиях даже усилились. Авторы стали противопоставлять относительно благополучную Россию резко неблагоприятному внешнему миру: еретики «возмутиша всю вселенную» — «и нам тому их еретическому учению не подобает внимати», «стояти бы нам крепче»<sup>7</sup>; в мире «лютое сие волнение... гонящих церковь сих папистов и симониат», а в России, устремленной «к лучшему и изряднейшему правлению», «преплавают удобно и легче пучины и заверты, от нечистых духов возмущаемыя»<sup>8</sup>.



Спокойный книгописец  
(Лука).  
Фрагмент. Апостол. М.,  
1638

Смягчилась рисуемая в предисловиях и послесловиях картина отношений авторов и читателей. Авторы стали обещать читателям легкость в усвоении книг: «Аще кто восхоцет, яко дверию, благолепотне и безтрудне возшествие сотворит»<sup>9</sup>. Авторы обещали читателям сладостное умиление: «Кто бо... не умилися и не прослезися?... Аще бы и варварскую кто душу имыи, и той... не умягчится

Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца. М., 1640, л. 65 об. Прблог. М., 1641, л. 896; Прблог. М., 1642, л. 904 об.

<sup>4</sup> Трефологион. М., 1637, на сентябрь—ноябрь, ч. основная, л. 709 об.

<sup>5</sup> Прблог. М., 1642, л. 905 об.

<sup>6</sup> Учительное евангелие. М., 1639, л. 593.

<sup>7</sup> Кириллова книга. М., 1644, л. 6, 10, 10 об. и др.

<sup>8</sup> Кормчая. М., 1650, л. 642—642 об., 643 об.

<sup>9</sup> Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648, л. 357 об.

ли? Сиде сладостна... наказания послушающим»<sup>10</sup> Авторы ласково называли читателей «любезными» и даже своими «сверстниками»<sup>11</sup>. Так тоже выражалось представление о наступающем полном благополучии.

Еще более заглаженную картину рисовали некоторые рукописные сочинения конца 1630-х—1640-х годов, авторы которых были близки или тяготели к верхам российского общества. Например, справщик Савватий в стихотворном послании царю Михаилу Федоровичу заверял: «У вас же, государей наших царей благочестивно во всем... Светла и высока престольна ваша царская держава, преизобилует бо в ней благодатная слава» и т. д.<sup>12</sup>

К рукописным памятникам подобной настроенности, возможно, примыкала «Повесть о Марфе и Марии», сочиненная между 1638 и 1651 гг.<sup>13</sup> каким-то церковником по заказу рязанского и муромского архиепископа. «Позволяет считать это произведение принадлежащим к литературе верхов» то обстоятельство, что «это произведение чисто книжное, „сконструированное“, «написано без опоры на сформировавшееся ранее устное предание»<sup>14</sup>.

Учеными давно замечена в «Повести» «строгая, но наивная симметрия» «в духе миролюбия»<sup>15</sup>. Неблагополучие в «Повести» лишь как начальное, исходное обстоятельство: две родные сестры разлучены в России далеко по разным городам из-за местнической ссоры их мужей; родня сестер недоверчива. Но огорчительные явления сразу же оттесняются за горизонт. «Повесть» рассказывает о том, как вдруг все улаживается и наступает полное, гармоничное духовное единство: после того как у сестер в одинаковый день и час умерли мужья, обе сестры, ничего не зная друг о друге, одновременно решили друг друга проведать; в один день выехали навстречу; в одном и том же месте остановились

<sup>10</sup> Поучения Ефрема Сирина. М., 1647, л. 350. О приносимой «сладости» см. также: Сборник. М., 1647, л. 880 об.; Толковое евангелие Феофилакта Болгарского. М., 1649, л. 317.

<sup>11</sup> Кормчая, л. 642, 644 об.

<sup>12</sup> Текст цит. по ст.: *Шенгаев Л. С.* Стихи справщика Савватия.— ТОДРЛ. М.; Л., 1965, т. 21, с. 25, 27.

<sup>13</sup> См.: *Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А.* Основные пробелы в текстологическом изучении древнерусских оригинальных повестей.— ТОДРЛ. М.; Л., 1964, т. 20, с. 155. Датировка Н. С. Демковой.

<sup>14</sup> *Брун Т. А.* К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте: (Повесть о Марфе и Марии).— В кн.: Источниковедение литературы древней Руси. Л., 1980, с. 220, 225.

<sup>15</sup> *Буслаев Ф. И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861, т. 2, с. 249—250.

на ночлег; обе не узнали друг друга, а потом вместе плакали и вместе радовались; один и тот же ангел одновременно явился им во сне; в другом одновременном сне они слышали один и тот же глас свыше; занялись одним благочестивым делом; все окружающие прониклись благоговением и т. п. <sup>16</sup> Если припомнить замечание исследователя о проникнутости этого произведения «ярко выраженной историчностью» <sup>17</sup>, то можно предположить, что в «Повести о Марфе и Марии» предстало в художественном воплощении характерное для тех лет стремление авторов к подчеркнутой благополучности описываемой обстановки.

В самом начале 1650-х годов появились сочинения, восхвалявшие российское благополучие как идеальное. Сам царь Алексей Михайлович в своих посланиях восхищался: «Благодать божия... в нашем царстве присно избильствует и несть уже днесь в... пастве никотораго разделения... но ныне вси единомышленно...»; «и ныне реки текут чудес... Даровал нам, великому государю, и вам, боляром, с нами единомушно люди... разсудити в правду, всем равно... и о всех христианских душах поболение мы имеем» <sup>18</sup>.

И все-таки во всех упомянутых рукописных и печатных сочинениях присутствует нечто, мешающее считать их точным отражением действительности. Для этого послания молодого, 23-летнего царя Алексея Михайловича слишком восторженны; «Повесть о Марфе и Марии» искусственна; стихотворные послания к царю панегиричны. Старопечатные же предисловия и послесловия и того больше настаивают одной своей любопытной особенностью. С одной стороны, авторы старопечатных предисловий и послесловий

---

<sup>16</sup> Первый вариант «Повести» см.: Памятники старинной русской литературы, издаваемые Г. Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860, вып. 1, с. 55—57. О близости первого варианта к не дошедшему до нас авторскому тексту «Повести» см.: Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 519. Раздел написан Н. С. Демковой.

<sup>17</sup> *Скрипиль М. О.* Повесть о Марфе и Марии.— В кн.: Русская повесть XVII века. Л., 1954, с. 359.

<sup>18</sup> Молебное послание Алексея Михайловича к мощам митрополита Филиппа 1652 г.— СГГД. М., 1822, ч. 3, с. 472; Письмо Алексея Михайловича к казанскому воеводе князю Н. И. Одоевскому о пренесении мощей митрополита Филиппа в Москву 1652 г.— ААЭ. СПб., 1836, т. 4, с. 492. Все это наверняка имело отношение к идее оцерквления жизни и оцерквления человека, которая «в конце 40-х — начале 50-х годов XVII в. ...имела большой успех при дворе» (*Панченко А. В.* Русская культура в канун петровских реформ. Л., 1984, с. 108 и сл.).

конца 1630-х—1640-х годов указывали на гораздо более широкую, чем раньше, массовую предназначенность издаваемых книг. Печатные книги предназначались теперь не только для церковного, но и для домашнего употребления: «исполняя... не точию... церкви... но и дома»<sup>19</sup>. Книги были рассчитаны на все слои населения: «Наказательна же всякому роду, возрасту и сану — царем и князем, начальником и простым, богатым и убогим, иноком и мирским, мужем и женам, юным и престаревшимся, — безчислено всем»<sup>20</sup>; «во всем царствующем граде Москве и по всем градовом и по обителем, по малым же и по великим, и по селом и прилежащим к ним жилищам, — кто восхощет по всей России»<sup>21</sup>. С другой же стороны, авторы старопечатных предисловий и послесловий конца 1630-х—1640-х годов хотя вежливо и ласково обращались к этой расширившейся читательской массе, но как-то немо. В предисловиях и послесловиях не встречалось ни явственных свидетельств единодушия авторов с читателями, ни полемического нажима авторов на читателей, ни каких-либо иных знаков живого впечатления авторов от читателей. Создается ощущение, будто авторы предисловий и послесловий, формально признавая существование читателей, не принимали в расчет реальные настроения читательской массы.

Наши подозрения в тенденциозности указанных литературных источников подтверждаются историческими данными. Судя по документам тех лет, а также по разысканиям ученых, реальная обстановка второй половины 1630-х—1640-х годов разительно отличалась от успокоительных характеристик, даваемых писателями. Сошлемся только на самые яркие свидетельства. Документальные источники тех лет постоянно осуждали «мятеж и соблазн», «многих православных колеблющихся народов безчине и смятение», «междуусобие от всех черных людей»<sup>22</sup>. По предположению

---

<sup>19</sup> Трефологион. М., 1637, на сентябрь—ноябрь, ч. основная, л. 709 об. См. также: Трефологион. М., 1638, на март—май, л. 410; Канонник. М., 1641, л. 414 об.

<sup>20</sup> Толковое евангелие Феофилакта Болгарского. М., 1649, л. 317. См. также: Канонник. М., 1641, л. 415; Поучения Ефрема Сирина. М., 1647, л. 350 об.

<sup>21</sup> Трефологион. М., 1638, на декабрь—февраль, л. 727. См. также: Службы, житие и чудеса Николы Чудотворца. М., 1640, л. 177; Прблог. М., 1641, л. 896—896 об.; Маргарит. М., 1641, л. 3, и многие другие издания.

<sup>22</sup> См., напр.: ААЭ. СПб., 1836, т. 3, с. 401, 402 и др.; Мнения патриарха Никона об Уложении и проч. (Из ответов боярину Н. Стрешневу).— Записки Отделения русской и славянской археологии Русско-

исследователя, «может быть, соляной налог 1646 года, вызвавший бурный народный протест, отозвался в пословице: „Пошло было на хлебы, да соль своротила“»<sup>23</sup>. По выводу историка, «последние годы правления царя Михаила... были временем общественного упадка и правительственной прострации», «настроения разочарования и озлобления должны были охватить к концу царствования Михаила тех», кто вскоре поднял восстания 1648—1650 гг.<sup>24</sup> В части населения возникло движение капионовщины, в котором «явно преобладали эсхатологические мотивы, настроения отчаяния, безысходности»<sup>25</sup>.

Как возможно отражение обеспокоенности обстановкой интересно одно издание тех лет, звучащее диссонансом среди всех прочих изданий. Это книжечка из двух поучений патриарха Иосифа, напечатанная, по-видимому, при возведении его в патриархи в 1642 г. или вскоре после того. Иосиф сурово обращается к «народом во еже исправити благочестие», «яко время убо обуреваемо есть, и дние лукави суть, и люди на зло уклонишася»; «тех бо ради грех — нестроения, рати, труси, пагубы, и воздуха тление, морю нестояние, земли неплодие, скоту и плодом изгибель, в самех болезнь и смерть», «страны на ны смущаются, хулою о нас низводятся» и т. п.<sup>26</sup> Правда, необычную резкость слов Иосифа можно объяснить тем, что тексты поучений почти целиком, дословно и без особой уместности были заимствованы из рукописных «Кормчих» XVI в. и иных старинных традиционных сочинений<sup>27</sup>. Но известно также, что Иосиф не очень пришелся ко двору и говорил не всегда то, что было нужно...

В общем, есть основания думать, что писатели конца 1630-х — 1640-х годов, ориентировавшиеся на верхи общества, попытались выдать желаемое общественное благопо-

---

го археологического об-ва / Под ред. В. Ламанского. СПб., 1861, т. 2, с. 426.

<sup>23</sup> Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953, т. 1, с. 434. Раздел написан В. П. Адриановой-Перетц.

<sup>24</sup> *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947, т. 1, с. 486—487.

<sup>25</sup> *Шульгин В. С.* Движения, оппозиционные официальной церкви в России в 30—60-х годах XVII века: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1967, с. 9.

<sup>26</sup> Сборник поучений. М., 1643, л. 10, 12 об., 22 об.

<sup>27</sup> См. об этом: *Макарий [Булгаков]*. История русской церкви. СПб., 1882, т. II, с. 98, 105; *Голубцов А.* Вступление на патриаршество и поучение к пастве Иосифа, патриарха московского.— Прибавления к изданию Творений святых отцев в русском переводе за 1888 год. М., 1888, с. 344—354, 362—363, 367—368, 380.

лучие за действительное и отвернулись от преобладавших неблагополучных настроений большей части общества. Косвенное указание на такую ситуацию можно обнаружить в «Повести о внезапной кончине царя Михаила Федоровича», написанной в 1647 г. неким московским монахом для какого-то «рачителя божественного писания»<sup>28</sup>. «Повесть» началась мрачно: «Богу убо не хотящу, ничто же благо составляется»; «довольно же начаястася быти добру, обаче сотворилося зло и презло»; датский королевич, неудачно сватавшийся к дочери царя, «тщету велию сотвори царьстей казне и всей земли нанесе тяготу велию же зело... всей Русей земли»; от горестных переживаний внезапно умер царь, а за ним и царица и т. п.<sup>29</sup>

Имея в виду верхи общества, автор «Повести» отметил: «Ничто же им требе, токмо едином овому от них гордиться и величатися и во уме своем мыслию своею превозноситися, другим же чрево своя наполняти и насыщати и гортани свои услаждати...» (18). Вот эти-то люди не хотят, чтобы писалось или сообщалось о чем-либо неблагополучном, и досадают: «Почто сия писати и нелепая воспоминати?» (16). Автор же не согласен с умалчиванием и негодует: «Не везде есть полза мудростно, и витийно, и потаенно писати и ведомостныя дела закрывати, но достоит явственню и просто начертovati, да всяк знает и разумеет... Мы же за что ленимся или боимся или страляемся писати или печатати, что у нас в Русей земли случится быти?..» (18). Верхи общества вместе с их писателями и издателями, очевидно, действительно отвернулись в 1640-е годы от настроений средних и низших общественных слоев.

Подтверждением существования такой ситуации является ошеломительный и достоверно установленный факт общероссийского многолетнего обмана челобитчиков властями, когда «вся процедура подачи и приема челобитных, милостивых государевых указов по ним, помет думных дьяков с

---

<sup>28</sup> О дате написания и авторе «Повести» см.: *Строев П. М.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие... Ивану Никитичу Царскому. М., 1848, с. 475; *Леонид [Кавелин]*. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. СПб., 1894, ч. 4, с. 141; Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные А. Голубцовым.— ЧОИДР, 1892, кн. 2, с. VI—VII. По предположению В. М. Хлебникова, высказанному мне устно, автором «Повести» был известный писатель и стихотворец Савватий: в «Повести» есть повторение отрывков из точно принадлежащих Савватию произведений.

<sup>29</sup> Памятники прений о вере..., с. 1, 4, 6. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.



необходимыми распоряжениями — все это было сохранено, так что челобитчики ничего не могли заметить. Но вся процедура царской милости и государевых указов теперь работала, так сказать, на холостом ходу и потеряла свое обычно-обязательное для приказных дьяков значение... в приказах по ним никаких дел не вершили»; «...дьяк мог безошибочно понимать... и он угадывал, что государева милость и государевы указы пишутся для отвода глаз, что механизм челобитья-указа работает на холостом ходу, что от него требуется волокита; и волокита грандиозная, кажется, еще небывалая даже в московской практике, возникала и расцветала в 1645—1648 гг.»<sup>30</sup>

Благодушное равнодушие издателей и писателей к читательской массе и соответственно равнодушие верхов к обществу, вероятно, объясняются тем, что читатели, масса как идейная сила пока «молчали». «Молчание», конечно, трудно изучить по источникам. Но некоторые догадки исследователями общественной мысли уже высказаны: после Смутного времени, «даже отвыкнув пассивно подчиняться властям, московский народ отнюдь не выдвигал таких требований, которые хоть немного шли бы вразрез с основами вотчинной монархии»<sup>31</sup>; в 1640-е годы «антицарские настроения снова сменились некоторыми иллюзиями и новый подъем народного движения был связан с менее развитой антифеодальной идеологией... Народная политическая мысль вернулась к своему исходному пункту, и вызревание новых антифеодальных идей началось сначала»<sup>32</sup>. За внешним благополучием и единством таился раскол.

## 2. Автор зарвался...

### («Повесть об азовском осадном сидении»)

Так называемая поэтическая «Повесть об азовском осадном сидении донских казаков» внушает надежду на обильное отражение в ней общественных казачьих настроений: ведь автор написал ее от имени всего казачества. Поэтому данную «Повесть» мы просто обязаны рассмотреть специально.

<sup>30</sup> Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1948, т. 2, с. 43—44, 61—62.

<sup>31</sup> Плеханов Г. В. Соч. М.; Л., 1925. Т. 20. История русской общественной мысли, с. 236.

<sup>32</sup> Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды: XVII—XIX вв. М., 1967, с. 78.

Общую характеристику «Повести», думается, повторять не пужно: текстология и основное содержание этой, вне всяких сомнений воинской, повести достаточно подробно изучены в работах А. С. Орлова, Н. И. Сутта, А. Н. Робинсона, В. П. Адриановой-Перетц, Д. А. Гарибян. В силу гораздо меньшей изученности нас интересуют социальные представления автора «Повести».

Социальные представления автора «Повести» выразились лишь попутно при разворачивании его главной, воинской темы, притом выразились косвенно: не в прямых рассуждениях, а в языке художественного произведения. Нам предстоит довольно мелочная работа. Мы будем излагать не систему ясно высказанных взглядов автора «Повести», а по оттенкам высказываний воссоздавать его социально-психологический облик. При таком подходе мелочность анализа не всегда ведет к мелкому же результату.

Рассмотрим, каково было отношение автора «Повести» к социальному статусу казаков. Мы начнем с анализа высказываний о казачьей одежде — зипунах. Зипуны в «Повести» упомянуты трижды, и все три раза — в большой речи осажденных казаков к туркам. Казаки дразнили турок: «А се мы у вас взяли Азов город своею казачьею волею, а не государьским повелением, для зипунов своих казачьих да для лютых пых ваших»<sup>33</sup>. Какой смысл здесь имело словосочетание «взяли для зипунов своих казачьих»? По толкованию всех комментаторов «Повести», слово «зипуны» означало казачье богатство, имущество. И действительно, в отписках донского и сибирского казачества XVII в. в аналогичных глагольных словосочетаниях типа «зипуна взяли», «зипунов порадели», «за зипунами ходили», «для зипунов ходили» и т. д. слова «зипун», «зипуны» безусловно имели переносное, собирательное значение: «достаток», «добыча», «трофеи», «богатство»<sup>34</sup>. Переносное значение

<sup>33</sup> «Повесть об азовском осажденном сидении донских казаков» 1642 г. Первая редакция. Осн. список XVII в. БАН 32.11.7. Подгот. к печати О. В. Творогов.— «Изборник»: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, с. 556—557. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте. Ср. другое издание первой редакции. Осн. список конца XVII в. ГБЛ, собр. Ундольского, № 794. Подгот. к печати А. Н. Робинсон.— Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949, с. 57—81, 274—279. Так как повонайденный список БАН исправнее списка ГБЛ, то цитирую по публикации О. В. Творогова.

<sup>34</sup> См.: Гарибян Д. А. Из истории русской военной лексики.— Учен. зап. Ереван. гос. рус. пед. ин-та им. А. А. Жданова, 1956, т. 6, с. 311; Она же. Несколько лексических уточнений.— Изв. АН АрмССР. Обществ. науки, 1956, № 11, с. 100; Словарь русского языка XI—XVII вв. М., 1979, вып. 6, с. 5.

слова «зипуны» было настолько распространенным, что использовалось даже в казачьей песне: «Уже нельзя нам, братцы по синю морю гулять, зипунов-то доставать»<sup>35</sup>. Мы можем сделать вывод: казаки в «Повести об осадном сидении» утверждали, что они взяли Азов для своего казачьего приобретения, обогащения. Однако такое истолкование смысла фразы вступает в противоречие с общим содержанием «Повести», в которой казаки неоднократно подчеркивали, что они взяли Азов не корысти ради, а для вящей своей славы. Значит, привычное истолкование приведенной фразы не совсем верно.

Присмотримся ко всей структуре цитированной фразы: «взяли... волею, а не... повелением, для зипунов... да для... пых...». Слово «зипуны» включено здесь в цепь слов, обозначающих волеизъявление: «воля» — «повеление» — «зипуны» — «пыхи» (т. е. угрозы, запреты). Зипуны в этом «волеизъявительном» контексте имели переносный смысл, но означали не столько «имущество, добычу», сколько «интересы, стремления». Казаки заявляли, что они взяли Азов своею казачьей волею, т. е. из своих интересов, для потребностей своих казачьих. Утверждения с подобным смыслом в «Повести» не редкость. Например, рассмотренному высказыванию немного ранее предшествовало близкое по смыслу высказывание казаков: «Азов мы взяли... для опыту... А сели в нем для опыту» (556). Так что словосочетание «взять для зипунов» и ему подобные надо толковать не по документальному шаблону, а исходя из контекста самой «Повести».

Продолжим анализ упоминаний о зипунах. Казаки издевательски недоумевали перед турками: «Где полно ваш Ибрагим, турецкой царь, ум свой девал? Али у нево, царя, не стало за морем серебра и золота, что он прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов наших, четырех пашей своих, а с ними, сказывают, что прислал под нас рати своя турецкия 300 000?». Султан не просто «прислал для зипунов», а «для кровавых казачьих зипунов». В документах XVII в. эпитет «кровавый» означал цвет, разновидность окраски. Но вот, например, в былинах о сражении русского богатыря Сухана с татарами и в рукописной повести первой половины XVII в. о том же Сухане употребля-

<sup>35</sup> Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966, с. 103. По мнению В. Е. Соколовой, в этой песне «давалось фактически верное описание обстановки XVII в.» (Соколова В. Е. Русские исторические песни XVI—XVII вв.—Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, М., 1960, т. 61, с. 132).

лось словосочетание «кровавые раны» уже в эмоционально-предметном смысле «окровавленные раны». Вспоминается еще фольклорное сочетание «кровавые уста» в значении «окровавленные уста». Подобные примеры показательны, потому что «Повесть об осадном сидении», как известно, ориентировалась на фольклор. «Кровавые зипуны» в «Повести» означали «окровавленные зипуны». Автор «Повести» в сочиненной им речи казаков выразил свое осязаемо предметное и эмоциональное представление об окровавленных казачьих зипунах; и оно не было мимолетным, ибо вслед за данным упоминанием зипунов сразу следовало опять предметное, телесное, «плечистое» упоминание: «И то вам, туркам, самим ведомо, што с нас по се поры никто наших зипунов даром не имывал с плеч наших»<sup>36</sup>. Нет, зипуны в «Повести» имели прямое, вещественное, эмоциональное значение.

Отметим дополнительный смысловой оттенок в упоминании «кровавых зипунов». Любопытным образом здесь связывались зипуны и султан. Казаки спрашивали: «Али у... царя не стало... серебра и золота, что он прислал... для кровавых казачьих зипунов наших..?». У вопросительных оборотов в форме «али — что» вторая часть обычно обозначала какой-либо недостаток называемого лица, неблагоприятную ситуацию, что видно, например, по пословицам XVII в.: «Аль я виновата, што рубаха моя дировата?» «али моя денга щербата, что никто ее не возмет?»<sup>37</sup>. В «Повести об азовском сидении» вопросительный оборот типа «али — что», по-видимому, восходил к фольклорному и указывал на недостойный для ранга султана поступок: турецкий царь прислал за кровавыми казачьими зипунами. «Кровавые зипуны» здесь выступали не просто как окровавленные, но еще и как запачканные кровью, грязные, неприглядные, бедные зипуны, внимание к которым роняло достоинство султана.

Подобное истолкование смысла поддерживается контекстом. Речь казаков, где упоминались зипуны, служила в «Повести» ответом на речь турок, уговаривавших казаков сдаться и обещавших им богатую одежду от турецкого сул-

<sup>36</sup> Цит. по списку Удольского. — Воинские повести древней Руси, с. 66. То же в списках второй редакции. — Там же, с. 276. В списке БАН эта фраза оборвана на слове «имывал» (555).

<sup>37</sup> Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собр. и подгот. к печати П. Симоны. — СОРЯС, 1899, т. 66, № 7, с. 74; Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков / Изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961, с. 23.

тана: «Пожалует... вас, казаков, он, государь, многим неизреченным богатством... Во веки положит на вас на всех, казаков, платье златоглавое и печати богатырские с золотом, с царевым клеймом своим» (554). Ответ казаков в «Повести» по всем пунктам был противопоставлен предложениям турок<sup>38</sup>, и окровавленные неприглядные зипуны открыто противопоставлялись обещанному золотому платью.

Упоминание зипунов в «Повести» содержало и иные смысловые оттенки. Казаки спрашивали: отчего бы это султан турецкий «прислал под нас... для зипунов наших?» (555). Здесь не безразличным для смысла было сочетание «под нас — для наших». Словесная группа «мы — наши» или «вы — ваши» обычно вносила эмоциональный оттенок типичности, главности, постоянности чего-либо для кого-либо. Вот более ясный пример из той же «Повести об осадном сидении». Турки в речи к казакам употребляли форму «вы — ваши»: «... рыкаете... вы... разбойницы непощадные, несытые ваши очи, неполное ваше чрево» (552—553); турки тем самым выставляли несытые очи, неполное чрево характерными свойствами казачества. В рассматриваемом упоминании зипунов форма «под нас — для наших» тоже выражала, хоть и вскользь, мысль о типичности зипунов для казаков. Эта мысль в той же форме повторялась и последующей фразой: «с нас... наших зипунов... не имывал». Бедные, неприглядные зипуны как бы обозначали самих осажденных казаков<sup>39</sup>.

В подобном обозначении было заключено еще не проросшее зерно художественной типизации. С одной стороны, воюющие казаки действительно одевались скромно. Известно, например, свидетельство, правда в конце XVII в., голландского адмирала Корнелия Крюйса о том, что донские казаки, отправлявшиеся «на морской промысел», надевали на себя «старые ветоши» в противоположность туркам, которые наряжались «в драгоценные платья» и обвешивались «золотыми и алмазными вещами»<sup>40</sup>. Но с другой стороны,

<sup>38</sup> Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении.— В кн.: Воинские повести древней Руси, с. 198—199.

<sup>39</sup> Ср.: «У донских казаков, кроме того, „казачий зипун“ символизирует как бы самих казаков» (Гарибян Д. А. Несколько лексических уточнений, с. 100).

<sup>40</sup> Цит. по: Горелов А. А. Донские песни о Ермаке.— В кн.: Народная устная поэзия Дона: (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18—23 декабря 1961 г.). Ростов н/Д, 1963, с. 91. Ср.: Крюйс К. Розыскания о Доне, Азовском море, Воронеже и Азове, учиненные в 1699 г.— Отчественные записки, 1824, кн. 55.

рассматриваемая фраза в «Повести» неявным образом указывала на абсолютное постоянство одежды осажденных казаков — всегда и все в зипунах. Вот тут-то и ощутим элемент художественного преувеличения. О казацкой одежде в «Повести» больше не сообщалось дополнительных подробностей. Однако авторские жалобы в конце «Повести» на то, что «от всяких лютых нужд... отягчали мы все», что «от беспрестанной стрелбы глаза наши выжгли... стреляючи порохом», что «многих нас... опаливали» (562), а также описание сидения казаков в земляных ямах в совершенно разрушенном городе заставляют предполагать, что с начала и до конца «Повести» автор представлял-таки всех азовских казаков поголовно и постоянно в окровавленных, потрепанных, запачканных, прожженных зипунах. Типичная одежда превратилась во всегдашнюю, застывшую, приросшую к казакам.

Автор «Повести» вообще был склонен выводить своих персонажей в приметных, раз навсегда данных опознавательных одеждах. Как только автор начал «Повесть» с извещения о приходе турецкого войска, то он тут же описал турецкое снаряжение: «И платье на них: на всех головах яныческих — златоглавое; на янычанях на всех — по збруям их одинакая, красная, яко зоря кажется... А на главах у всех янычаней — шишаки, яко звезды кажутся» (552). Затем, когда автор перешел к рассказу о казаках, то, как мы уже знаем, упомянул их зипуны. Когда в повествовании появились новые персонажи — святые, помогавшие казакам, то автор обязательно указал и их одеяния: «мужа древна власы, в светлых ризах», «мужа храбра и млада, в одеже ратной»; «два мужа леты древны, на одном одежа иерейская, а на другом власяница мохнатая» (564, 565). Коротче говоря, бедные, неприглядные зипуны действительно мыслились автором «Повести» как неотъемлемая, главная часть облика азовских казаков.

Мы не исчерпали всех пужных нам смысловых оттенков упоминания зипунов в «Повести». Связывались не только зипуны и султан, но и зипуны и золото. Неприглядные казацкие зипуны неожиданно соизмерялись с султанским серебром и золотом, когда казаки спрашивали у турок: «Али у нево, царя, не стало за морем серебра и золота, что он прислал... для кровавых казачьих зипунов наших...?» (555). Если автор «Повести» намекал, что зипунами можно заменить серебро и золото, то возникает противоречие: в одной и той же фразе автор представлял казачьи зипуны бедными и одновременно драгоценными. Однако это противоречие

чисто формальное. Очевидна гротескность приравнивания зипунов к золоту. Автор, конечно, не утверждал дороговизну зипунов. Вспомним, что в фольклорных произведениях золото служило мерилom материальной ценности, а чаще мерилom общественной престижности объекта. Приравнивая зипуны к серебру и золоту, автор «Повести» выражал представление о высокой ценности казачьих зипунов турками и косвенно об авторитетности казаков для турок.

Далее казаки повторяли подобную мысль: наемникам за осаду Азова султан дал «за то казну свою великую. И то вам, турком, самим ведомо, што с нас по се поры никто наших зипунов даром не имывал» (555). Слово «даром» двусмысленно означало и часть огромной казны, и весомую часть людских усилий. Зипуны вновь оказывались небесплатными (в переносном смысле). Автор «Повести» не оставлял мысли о большой значимости казаков для турок.

Мысль о значимости, об общественной престижности казаков выражалась в «Повести» различными способами. Один из способов — упоминание золота, денег и пр. Например, все, казалось бы, бросовое, что попадало в распоряжение казаков, превращалось, по изображению «Повести», в великую денежную ценность для турок; казаки прямо таки сидели на турецком богатстве. Даже за «пустое место», за разрушенный до основания Азов турки, по сообщению казаков, готовы были заплатить фантастически много: «...просят у нас пустова места азовского, а дают за него нам выкупу на всякого молотца по триста тарелей сребра чистаго да по двести тарелей золота красного» (563). За своих убитых, валявшихся на территории казаков, турки тоже были готовы платить помногу: «А давали нам за всякую убитую яныческую голову по золотому червонному, а за полковниковы головы давали по сту галеров» (559). Вполне ощутима юмористическая парадоксальность и этих фраз: дело, конечно, не в ценах и платах. Но общественная значимость казаков не без гордости выражалась автором в мерках финансовых.

Эта самая излюбленная автором «Повести» манера указания на значимость казаков нередко сводилась к простой, откровенной констатации того, будто казаки и в самом деле люди богатые. Турки в «Повести» не раз уважительно предлагали казакам: «Что есть у вас... вашего серебра и злата, то понесите из Азова города вон с собою» (553); «подите с серебром и з золотом в городки свое» (563). А казаки набивали себе цену, хвастаясь: «А сребро и золото за морем у вас емлем» (556); «не дорого нам ваше собачье сребро

и золото, у нас в Азове и на Дону своего много» (563).

Другим способом выделения значимости казачества служила характеристика численности войск. Внешне автор «Повести» досадовал, что казаков в Азове слишком мало: то ли 7367, то ли 7590 против более чем трехсоттысячного турецкого войска. Но одновременно в «Повести» проводилось и художественное сопоставление чисел. Например, в речи туркам уже знакомую нам фразу о зипунах казаки заканчивали перечнем сил, им противостоящих: султан турецкий «прислал под нас, казаков, для кровавых казачьих зипунов наших, четырех папей своих, а с ними, сказывают, что прислал под нас рати своя турецкия... с триста тысяч люду боевого, кроме мужика черново. Да на нас же нанял он, ваш турецкой царь, ис четырех земель немецких салдат шесть тысяч да многих мудрых подкопщиков...» (555). По официальным документам, турецкие войска, посланные под Азов, насчитывали около 240 000 человек<sup>41</sup>. В данном месте «Повести» это число было несколько преувеличено и округлено — верный признак «неделового» подхода автора. Кроме того, важен контекст. В произведениях, особенно фольклорных, между теми, кого посылали, и теми, к кому посылали, обычно подразумевалось прямое соответствие по значительности. Например, в легендарном послании Ивана Грозного к турецкому султану, сочиненном в первой четверти XVII в., Грозный поносил султана и оскорбительно обещал ему такое посольство: «В первые бы послал к тебе малаго слугу воеводу своего»<sup>42</sup>. Султан низводился на одну ступень с «малым слугой». И легендарная переписка Ивана Грозного, и «Повесть об азовском сидении» в данном случае, скорее всего, использовали приемы фольклорного повествования. Четыре паши, шесть тысяч немецких солдат и трехсоттысячная турецкая рать в «Повести» выставлялись в качестве величин, равнозначных казачьему отряду в Азове. С деловой точки зрения автор отмечал неравенство сил, но с художественной точки зрения у него семь тысяч казаков равнялись трети миллиона турок. Так значимость казаков выражалась в мерках статистики людских масс.

Подобный способ выделения значимости казаков через перечень посланных вражеских сил использовался в «Повести» тоже нередко. «Повесть» даже начиналась с обпирно-

<sup>41</sup> Комментарий географический и исторический: «Поэтическая повесть об азовском осадном сидении» / [Сост. А. Н. Робинсон]. — В кн.: Воинские повести древней Руси, с. 318.

<sup>42</sup> «Восписание сопотивно» Ивана Грозного к турецкому султану / Подгот. к печати М. Д. Карап-Тарковская. — «Изборник», с. 513.



го перечня почти бесчисленных вражеских сил, посланных против азовских казаков: «...прислал турецкой Ибрагим салтан царь под нас, казаков, четырех пашей своих, да дву полковников да ближние своей тайные думы покою своего слугу... боевого люду двести тысящей черных мужиков многия тысящи, и не бе им числа и писма ... крымских и нагайских князей и мурз и татар ведомых, окроме охотников, 40 000 горских князей и черкас ис Кабарды 10 000 немецких два полковника, а с ними салдат 6000»; да еще отряды двенадцати народов, от албанцев до арабов; да еще военных знатоков из пяти «немецких» стран, от Испании до Швеции (550—551). Вот что значили казаки в глазах турок!

Для выражения своих представлений о значимости казаков автор «Повести» использовал еще один способ. У него турки обещали казакам сделать их важными людьми: «Пожалует наш государь, турецкой царь, вас, казаков, честью великою... Учинит вам, казаком, он, государь, во Цареграде у себя покой великий... Всяк возраст вам, казаком, в государеве ево Цареграде будут кланяться...» (554). Насчет поклонов тут явно преувеличено. Автор возвеличивал казаков и непосредственно в мерках социальных.

Подчеркивание социальной значимости казаков якобы для турок было, конечно, лишь предлогом для проведения более важной мысли. Казаки в «Повести» представляли значительным сообществом именно для России. В конце «Повести» (по списку БАН) был помещен перечень желательных для казаков посылок, пересчитанных на деньги уже не турецкого султана, а российского царя: от российского царя казакам «надобно в Азов для осадного сидения 10 000 людей, 50 000 всякого запаса, 20 000 пуд зелия, 10 000 мушкетов, а денег на то все надобно 221 000 рублей» (566). Круглые цифры здесь по своей смысловой функции аналогичны рассмотренным ранее: это свидетельство уважения казаков московскими властями. Преувеличение палицо: на каждого казака должно было приходиться по 5 пудов всяких запасов, одному мушкету, 2 пуда пороху, а в деньгах — по 22 рубля. В действительности царь никогда не затрачивал на донских казаков столь огромных сумм, и реальная просьба к царю о такой посылке выглядела бы дерзостью. Автор «Повести» исходил здесь из преувеличенного представления о российской значимости казаков.

Преувеличение автором значимости казачества для России ясно отражалось в «Повести» и при открытой гиперболизации численности казаков и пограничных русских людей: если собратья, писал автор, одной только той «украи-

пою, которая сидит у него, государя, от поля, от орды нагайские, ино б и тут собралось людей ево государевых русских с одной ево украины болши легеона тысящи» (557), т. е. больше десяти миллионов! Да и называли себя казаки в «Повести» необычно — «холопами дальними» российского царя, т. е. не очень-то и зависимыми, которые могут поступать «своею казачьею волею, а не государским повелением» (556—557, 566).

«Повесть об осадном сидении» не только при упоминании зипунов, а буквально вся была пронизана преувеличенным авторским представлением об общественной значимости азовского казачества. Эта мысль составила основной и, надо сказать, недостаточно оцененный исследователями пафос «Повести».

Теперь сравним позицию автора с настроенностью тех читателей, для кого «Повесть» предназначалась. «Повесть», по предположению А. С. Орлова и А. Н. Робинсона, была написана в Москве, во время заседаний земского собора 1642 г., одним из участников казачьей делегации, возможно, начальником войсковой казачьей канцелярии Федором Порошиным<sup>43</sup>. Сочиненная в форме отписки на имя царя Михаила Федоровича, «Повесть» сравнительно с войсковыми отписками, как заметил А. Н. Робинсон, обладала примечательной особенностью: в «поэтической повести изложение ведется... без прямых обращений к царю. Прямые обращения здесь заменены как бы пересказом того же текста для третьего лица... Повесть... как бы расширяла свою аудиторию, выводила этот вопрос за пределы Посольского приказа и дворца и обращалась уже с рассказом о тех же азовских делах к московским общественным кругам, которые как раз в это время живо интересовались этой проблемой»<sup>44</sup>. Для этой-то аудитории, вероятнее всего, для верхов московского общества, для московских властей и писал автор «Повести».

Для того чтобы узнать, как московские верхи относились к социальному статусу казаков, не нужно предпринимать долгих поисков. Сам автор «Повести» ясно написал об этом: «Не почитают нас там, на Руси, и за пса смердящаго. Отбегохом мы ис того государства Московского из рабо-

<sup>43</sup> Робинсон А. Н. Вопросы авторства и датировки поэтической повести об Азове.— Докл. и сообщ. филол. фак. МГУ, 1948, вып. 5, с. 65—70; *Он же*. «Поэтическая» повесть об Азове и политическая борьба донских казаков в 1642 г.— ТОДРЛ. М.; Л., 1948, т. 6, с. 24—59.

<sup>44</sup> Робинсон А. Н. «Поэтическая» повесть об Азове..., с. 55.

ты вечныя, от холопства полного, от бояр и дворян государевых...» (556).— Псы и холопы. На этом фоне позиция автора, превозносившего казачество, выглядела резко полемической. И действительно, присмотримся к контексту высказывания о «псах смердящих». Это место начиналось вот как: «И мы про то сами ж... ведаем,— говорили казаки,— какие мы в государстве Московском, на Руси, люди дорогие и к чему мы там надобны. Черед мы свой сами ведаем. Государство великое и пространное Московское многолюдное, сияет оно посреди всех государств и орд бусурманских и еллинских и персидских, яко солнце. Не почитают нас там, на Руси, и за пса смердящаго...» (556). Контекст-то получался саркастическим.

Посмотрим повнимательнее, на что распространялся сарказм автора. Здесь уместно напомнить, например, речь Ерша из «Повести о Ерше Ершовиче», составленной до 1649 г. Ерш говорил: «Человек я доброй, знают меня на Москве князи, и бояря, и дети боярские, и головы стрелецкие, и дьяки, и подьячие, и гости торговые, и земские люди, и весь мир во многих людях и городах, и едят меня в ухе с перцемь, и шавфраномь, и с укусомь...»<sup>45</sup>. Высмеивался не сам Ерш, а «признание» Ерша на Москве князьями да боярами, т. е. высмеивались князья и бояры. То же произошло и в цитированном выше отрывке из речи казаков. Автор «Повести» выразил саркастическое отношение к мнению о казаках в Московском государстве<sup>46</sup>. Он полемизировал с «боярами и дворянами государевыми». Недаром у автора «Повести» казаки, обращаясь однажды к царю и властям, восклицали: «Не позорны ничем государству Московскому!» (563). В этих словах также ощутим некоторый оттенок полемического отрицания чужого, неблагоприятного мнения.

Изучение сравнительно скромно представленной социальной темы в «Повести» наводит на предположение о внутренней напряженной полемичности всего этого произведения. Вот еще примеры из иных тем. Полемика в «Повести» захватила не только вопрос о социальном статусе казаков. Встал и другой вопрос — о политической лояльности казаков по отношению к Москве.

Московские власти, как известно, открыто выражали не-

<sup>45</sup> Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., доп. Н. С. Демковой. М., 1977, с. 8.

<sup>46</sup> Ср. об этом месте «Повести»: «...иронически замечает автор, имея в виду мнение феодальной верхушки» (Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, с. 78).

доверие к казачеству. Ведь еще в 1629 г. в патриаршей грамоте Войску донскому казаки были названы «злодеями, врагами креста Христова» и отлучены от церкви; в 1630 г. казаки убили царского посла, и отношения с Москвой прервались на два года<sup>47</sup>. Затем связи возобновились, но, например, в 1640 г. по Москве распространялись какие-то дурные слухи о казаках<sup>48</sup>. В царских грамотах в течение 1642—1643 гг. постоянно содержались угрозы опалы и требования о том, чтобы казаки царю «во всем добра хотели вправду, безо всякия хитрости», «без противных и отговорных речей» и «ни на какую смуту и прелесть не прельщались»<sup>49</sup>.

Автор «Повести», разумеется, знал о таком отношении Москвы к казакам, но об этом не распространялся. Лишь в одном месте все-таки отметил: «...на нас государь наш, холопей своих далних, добре кручиноват. Боимся от него, государя царя, за то казни к себе смертныя за взятье азовское» (557).

Что этому противопоставил автор «Повести»? Обратим внимание на то, что именно во второй половине «Повести» сконцентрированы почти все церковные эпизоды и реалии. Это не совсем обычно для традиционной композиции древнерусских воинских повестей, как светских, так и оцерковленных. Например, и в «исторической» и в «особой» «Повестях о взятии Азова казаками» в 1637 г. церковный фон силен и равномерен на протяжении каждого из произведений. Сдвиг же церковного материала во вторую часть «поэтической» «Повести об азовском осадном сидении» свидетельствует о сознательном авторском старании.

Во второй части «Повести» автор рассказывал в основном о чудесных явлениях и о помощи казакам свыше, от богородицы и святых. Рассказал автор и о разрушении Азова турецкими пушечными обстрелами, но сохранил при этом любопытное замечание, возможно восходившее к «документальной» «Повести об азовском сидении»: «Одна лише у нас во всем Азове-городе церков Николина в полы осталась, потому и осталась, што она стояла внизу добре, к морю под

---

<sup>47</sup> См. напр.: *Тхоржевский С.* Донское войско в первой половине семнадцатого века.— В кн.: *Русское прошлое: Исторические сборники.* Пг.; М., 1923, т. 3, с. 21, 23; *Робинсон А. Н.* Жанр поэтической повести об Азове.— ТОДРЛ. М.; Л., 1949, т. 7, с. 111.

<sup>48</sup> РИБ. СПб., 1898, т. 18, стб. 979—980.

<sup>49</sup> См., напр.: СГГД. М., 1822, ч. 3, с. 401—402, 404; Акты, относящиеся к истории Войска донского, собр. А. А. Ляпшиным. Новочеркасск, 1891, т. 1, с. 35—36; РИБ, т. 24, стб. 350—351.

гору» (561). Здесь автор использовал реальное объяснение факта и «забыл» сказать о небесном покровительстве,— еще один признак того, что усиленная церковная окраска эпизодов во второй половине «Повести» появилась у автора не от внутреннего порыва к благочестию, а под влиянием какой-то внешней цели.

Давно известно, что автор «Повести», указывая на небесное покровительство над казаками, пытался убедить своих высоких адресатов в необходимости удерживать Азов. Но сверх того автор добивался еще кое-чего. Во второй половине «Повести» приводилась благословляющая речь богородицы к казакам; цитировались длинные молитвы казаков; приводился и текст последнего «прощания» казаков перед вселенскими патриархами, митрополитами, архиепископами, епископами, архимандритами, игуменами, протопопами, священниками, дьяконами (563). Все это должно было показать московским читателям благочестивость азовского казачества.

В молитву осажденных казаков перед иконой Иоанна Предтечи автор вкладывал такие слова: «Бес пеняя у нас по се поры перед вашими образы не бывало» (562). Казаки, таким образом, отчитывались в благочестии перед святым. Несколько позже они повторяли уже для читателей «Повести»: «А в сиденье свое осадное имели мы, грешные, пост в те поры и моление великое и чистоту телесную и душевную» (564). Данную фразу автор заимствовал из «документальной» «Повести об осадном сидении», но изменил повествование от третьего лица («они») на первое лицо («мы») <sup>50</sup>. То был уже прямой отчет перед адресатами «поэтической» «Повести об осадном сидении». Автор стремился уверить московских адресатов «Повести» в казацком благочестии, что по тем временам равнялось заверениям в политической лояльности.

В самом конце «Повести» содержалось странное высказывание. Автор писал: «За него, государя, станем бога молить до веку и за ево государское благородие. Ево то государскою обороною оборонил нас бог, верою, от таких турецких сил, а не нашим-то молодецким мужеством и промыслом» (566). Оборонил Азов царь, а не казаки! Смысл этой фразы противоречит всему предыдущему «молодецкому» содержанию «Повести». Но что не сделаешь ради уве-

---

<sup>50</sup> Ср. «документальную» «Повесть об осадном сидении». — Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.): Тексты. М., 1906, с. 87—88.

рений в лояльности? В данном случае полемика имела место, но велась не с открытым забралом: очень уж щекотлив был вопрос о политической и религиозной лояльности.

Нужно сказать еще об одной теме несогласия, казалось бы, хорошо известной: московские власти отказались поддерживать казацкий Азов, а автор «Повести» пытался все-таки склонить власти к поддержке казаков. Думается, что степень полемичности «Повести» по этому вопросу раскрыта недостаточно.

Вернемся, например, к фразе о том, что казаков на Руси ни во что не ставят, и посмотрим на ее продолжение: «Отбегохом,— сетовали казаки,— мы ис того государства Московского... да zde вселилися в пустыни непроходные, живем, взирая на бога» (556). Место обитания казаков неожиданно называлось «пустынями непроходными», и это словосочетание в соответствии с традиционным его смыслом в произведениях обозначало глухую удаленность казаков от Московского государства да еще и отделенность казачества препятствиями от Москвы<sup>51</sup>. Автор «Повести» выразил ощущение отрешенности азовских казаков от России.

Вполне искреннее чувство покинутости, отъединенности от Руси все время беспокоило автора «Повести». В последующих молитвах в «Повести» казаки неоднократно жаловались: «... нас в пустынях покинули все христиане православные»; «не бывать уж нам на святой Руси. А смерть наша грешничья в пустынях...» (560, 563).

Впечатлением безнадежной отделенности, отгороженности от Москвы усугублялось тревожное чувство автора «Повести». Казаки в «Повести» поражались: «Все наши поля чистые от орды нагайския, где у нас степь была чистая, тут стали у нас одним часом людьми их многими, что великия непроходимыя леса темные» (551). И турки подтверждали: «...покрыли всю степь великую... Не перелетит через силу нашу турецкую никакова птица парящая...» (554).

---

<sup>51</sup> Напр., Симон Азарьин в своем «Житии Сергия Радонежского» 1653 г., рассказывая о возникновении Радонежского монастыря, не только употребил выражение «пустыня непроходная», но и специально подчеркнул оба его смысловых оттенка удаленности от жилья и отдаленности от людей: «Пустыня тогда была непроходная; ныне же всем зримо окрест обители, поля мирские, села и деревни многолюдные. Стези не быша тогда и непроходно бысть человеческими стопами; ныне же пути-дороги велия и проезды всякаго чину людем, днем и ночью безпрестанно идущим» (Предисловие троичного келаря Симона Азарьина к Сказанию о новоявленных чудесах преподобного Сергия / Подгот. к печати С. Смирнов.— Временник ОИДР, 1851, кн. 10. Смесь, с. 7—8).

Казачью отрешенность от Москвы, от России автор «Повести» подчеркивал перед читателями не без цели. Фраза о холопстве и пустыне в речи казаков имела такое продолжение: «... вселились в пустыни непроходные, живем взирая на бога. Кому там потужить об нас? Ради там все концу нашему. А запасы к нам хлебные не бывают с Руси николи» (556). Эти слова звучали укором московским читателям «Повести», московским верхам.

Все прочие места «Повести», где говорилось об отрешенности казаков от Московского государства, также имели соответствующие полемические добавления. Московские читатели «Повести» постоянно наталкивались на косвенные обвинения в адрес верховной власти. Так, в «Повести» турки, грозившие казакам своим окружением, через которое не перелетит никакая птица, добавляли: «И то вам, вором, дает ведать, что от царства вашего силнаго Московскаго никакой от человек к вам не будет русских помощи и выручки. На што вы надежны, воры глупые. И запасу хлебного с Руси николи к вам не присылают» (554). Сами казаки при упоминании азовской «пустыни» тоже непременно добавляли: «...нас в пустынях покинули все христиане православные, убоялися их лица страшнаго и великия их силы турецкия» (560); «мы... о выручке своей безнадежны стали от человек» (562). Составляя «Повесть», автор явно знал о неохоте московских властей помогать Азову, и в его сочинение вкрадывались нотки сдерживаемого протеста.

Временами авторское недовольство проявлялось явственнее. Так, свою отповедь туркам казаки в «Повести» заканчивали многозначительной фразой об Азове: «Нешто ево, отняв у нас, холопей своих, государь наш царь и великий князь Михайло Феодоровичь, всеа России самодержец, да вас им, собак, пожалует попрержнему» (558). Здесь обращает на себя внимание слово «отняв». Сочетание «отнять дом», «отнять град» в повестях XVII в. обычно означало нечто предосудительное. Например, в «Новой повести о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском» начала XVII в. во фразе «домы наша у нас отнимают и поносят нам в лепоту» словосочетание «домы отнимают» имело резко отрицательный смысл<sup>52</sup>. И когда в «Повести об азовском сидении» казаки высказывали опасение, что у них царь «отнимет» Азов, то такое слово вносило оттенок осуж-

---

<sup>52</sup> Цит. по кн.: Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном росийском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960, с. 198.

действиям царя. В «Повести» постоянно присутствовал то менее, то более ощущаемый элемент несогласия с действиями московских властей.

Нельзя не сказать об огорошивающем конце «Повести», где, как мы помним, была употреблена единственная примирительная фраза о том, будто царь оборонил Азов, а не казаки сами. В этом же конце «Повести» говорилось: «А то-нере мы войском всем у государя царя и великого князя Михаила Феодоровича всеа Руси просим... холопей своих чтобы *пожаловал* и чтобы велел у нас принять с рук наших ту свою государеву вотчину, Азов город...». И тут же следовала (в списке БАН) заключительная фраза: «Нынешняго 150 году по прошению и по присылки турецкого Ибрагима салтана царя он, государь царь и великий князь Михайло Феодоровичь, *пожаловал* турецкого Ибрагима салтана царя, велел донским атаманом и казаком Азов град покинуть» (566). Получалось, что при двух прошениях о пожаловании царь предпочел турок казакам. Скрытое осуждение этого решения царя завершало «Повесть», в которой, как видим, нет-нет да и просачивалось подспудное, но упорное, безусловно преобладавшее несогласие автора с намерениями и действиями московских властей по отношению к донским казакам<sup>53</sup>.

В конце «Повести», сразу после просьбы к царю о пожаловании, казаки вдруг обещали постричься в монастырь: «...все уже мы старцы увечные... А буде государь нас, холопей своих далних, не пожалует, не велит у нас принять с рук наших Азова города,— заплакав, нам ево покинути. Подимем мы, грешные, икону Предтечеву да и пойдем с ним, светом, где нам он велит. Атамана своего пострижем у ево образа, тот у нас над нами будет строителем» (566). Увечные казаки действительно постригались в монастырь<sup>54</sup>. Однако содержание данного отрывка не сводилось только к серьезному, деловому обещанию, а имело дополнительный, но в данном случае более существенный для смысла фольклорно-песенный оттенок. Недаром, как установил А. С. Орлов<sup>55</sup>, это место «Повести» повлияло на казацкую песню

---

<sup>53</sup> О завуалированных намеках в «Повести» на «двойную игру московского правительства», которое, «недостаточно помогая казакам, всячески толкало их на оборону Азова», см.: Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении, с. 200—201.

<sup>54</sup> См., напр.: Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении, с. 216—217.

<sup>55</sup> Орлов А. С. Сказочные повести об Азове: «История» 1735 года. Варшава, 1906, с. 91—92.



«Взятие Азова», где казаки обещали Миколе-чудотворцу: «Пострижемся мы тебе-ка вси в монахи, все в монахи пострижемся, в патриархи!»<sup>56</sup>. И в песне обещание не имело практического, серьезного смысла. Упоминание плача казаков и их пострижения у поднятой иконы в «Повести» тяготеет к выражению автором чувства усталости и разочарования у изображаемых им казаков, которых на самом деле-то не поддержал царь в борьбе против турок. Оппозиционное настроение автора все накапливалось и даже обострялось к концу «Повести». «Повесть об азовском осадном сидении» была последовательно направлена против московских мнений, против московских намерений и действий, касавшихся азовских казаков. Вот к чему приводит нас «мелочной» анализ этого в своем роде уникального памятника.

Остается ответить на вопрос о том, насколько индивидуален был автор «Повести» в своей полемике с Москвой. Поддерживали ли его казаки? Прямое отражение идей и представлений донского казачества времени азовских событий рациональнее всего искать в исторических песнях казаков и в документальных отписках Войска донского царю Михаилу Федоровичу. Сопоставим казачьи представления, начиная с представлений об одежде. В исторических песнях, посвященных азовским событиям, не отразились интересующие нас представления казачества о своей одежде. В войсковых же отписках 1639—1642 гг. казаки постоянно подчеркивали, «сгущали» мысль об обнищании, бедности или даже отсутствии у них одежды, с той или иной степенью полноты повторяя формулу: «...всем стали скудны: ести и носити нечево — наги, и боси, и голодни»<sup>57</sup>.

И «Повесть об осадном сидении», и войсковые отписки в общем свидетельствовали об одном и том же, не противореча друг другу. И в «Повести» и в отписках упоминаемые явления «сгущались», усугублялись. Но на этом сходство кончалось. Когда автор «Повести» заговаривал, например, о скудости пищи у казаков, то он выражался образно: «А запасы к нам хлебные не бывают с Руси николи. Кормит нас, молотцов, небесный царь на поле своею милостию: зверьми дивиими да морскою рыбою. Питаемся, ако птицы небесные: ни сеем, ни орем, ни збираем в житницы» (556). Войсковые же отписки нагнетали формулы, не доходя до

<sup>56</sup> Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966, с. 107.

<sup>57</sup> См., напр.: РИБ, т. 18. Донские дела, кн. 1, стб. 981; РИБ, т. 24. Донские дела, кн. 2, стб. 49, 50, 73, 260, 287, 370.

предметной конкретности: «скудны», «ести нечево», «голодны». При отражении одних и тех же обстоятельств азовской осады в «Повести» сгущение событий было художественным, а в отписках — преимущественно понятийно-логическим. Так, где вопрос касается представлений об одежде, ни «Повесть» не влияла на войсковые отписки, ни отписки не влияли на «Повесть».

Мы не знаем источников, прямо указывающих на бытование у донского казачества образного представления о «кравых зипунах» как о своей типичной, постоянной одежде. Ясное, и притом художественное, выражение этого представления явилось заслугой автора «Повести».

В казачьих песнях не встречалось настойчивого «приподымания» социальной значимости казаков. В войсковых же отписках царю конца 1630-х — начала 1640-х годов и в прочих казачьих документах довольно часто делались извиняющиеся напоминания о «самовольности» казаков; отсюда подразумевалась необходимость особого, уважительного подхода к казачеству: «Люд у нас самовольной; где куды пошел, того не уймешь»; «а они люди вольные, в неволю никою послать не мочно»<sup>58</sup> и т. п. Тут нашло естественное отражение действительное положение вещей<sup>59</sup>. Недаром Григорий Котошихин даже двадцать лет спустя после азовских событий писал о казаках: «И дана им на Дону жить воля своя»<sup>60</sup>. Самоуважение казачества не было преувеличенным.

Правда, во внутренней переписке с казачьими городками по Дону азовские казаки могли выражаться и так: «Все земли нашему казачьему житью завидывали»<sup>61</sup>. Элемент преувеличения здесь ощущался, но не очень большой. Слава о вольном казачестве действительно распространилась широко, и тот же Григорий Котошихин отмечал: «Доном от всяких бед свобождаются»<sup>62</sup>. Самоуважение казачества как общественное настроение, судя по документальным памятникам, проявилось в сравнительно скромных формах. Позиция автора «Повести» и позиция казачества ощутимо различа-

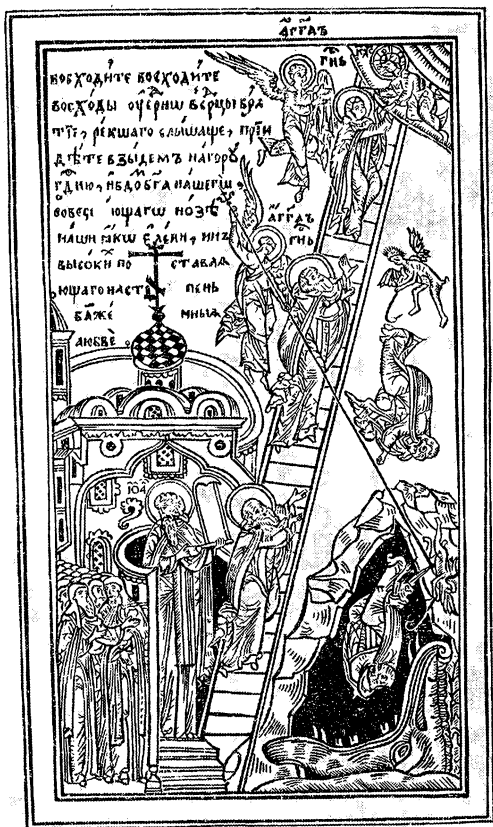
<sup>58</sup> РИБ, т. 24, стб. 53, 330 и др.

<sup>59</sup> О независимом положении донского казачества см., напр.: *Робинсон А. Н.* Повести об азовском взятии и осадном сидении, с. 170—172, 176, 179, 201 и др.

<sup>60</sup> Цит. по ст.: *Тхоржевский С.* Донское войско в первой половине семнадцатого века, с. 15.

<sup>61</sup> РИБ, т. 18, стб. 810.

<sup>62</sup> Цит. по ст.: *Тхоржевский С.* Донское войско в первой половине семнадцатого века, с. 14.



Свержение с лестницы благополучия.  
Лествица. М., 1647

лись. Автор «Повести об азовском сидении» вызывающе выпятил общественную значимость азовских казаков.

Ни в казачьих отписках, ни в казачьих песнях времени азовских событий не ощущалось и полемики с Москвой по поводу отказа в поддержке<sup>63</sup> Ни исторические песни, ни

<sup>63</sup> Любопытно замечание одного из историкографов: «Надобно полагать, что казакам не слишком нравилось сидеть в Азове, ибо они исполнили немедленно царское повеление; в других же случаях, где находили собственные выгоды, не охотно царским приказам повиновались» (Берх В. Царствование царя Михаила Федоровича и взгляд на междоусобице. СПб., 1832, ч. 1, с. 283—284).

войсковые отписки тех лет не называли, например, словом «пустыня» места обитания казачества; не прозвучала в них горестная тема отъединенности казаков от России. Настроения сиротливой отдаленности казаков от Москвы были свойственны только автору «Повести». Необычно дерзкий автор «Повести» далеко «ускакал» от казацкой массы и остался один на один с силами Москвы. В этом заключался драматизм ситуации.

Если рассматривать «Повесть об азовском осадном сидении» на фоне русской литературы 1630—1640-х годов, то бросается в глаза ее художественно-полемическая уникальность. Никто в то время не ввязывался даже в осторожную полемику с царем и московскими властями; наоборот, в литературе 1630—1640-х годов старательно поддерживалось впечатление внешнего благополучия (подробнее см. раздел 1 данной главы).

Наряду с резкостью выражаемого недовольства особенность «Повести» состояла еще в том, что в ней, пожалуй, впервые в средневековой русской литературе идейная полемика велась не в привычной манере логических суждений, а почти целиком художественными средствами. В обстановке грандиозной российской волокиты 1630—1640-х годов автор «Повести» избрал необычную манеру полемики, вероятно, для того, чтобы наверняка пробить эту самую волокиту, жалить неожиданнее и острее. И это ему, по-видимому, удалось. В политической силе художественного слова власти разобрались быстро. Недаром для сочинителя «Повести», если им являлся Федор Порошин, дело закончилось ссылкой в Сибирь<sup>64</sup>.

И в этом отношении «Повести об азовском сидении» не подыскивается литературных аналогий тех лет. Некоторую близость к ней проявляет лишь уже упоминавшаяся «Повесть о Ерше Ершовиче», который «что змия ис-под куста глядит»<sup>65</sup>. К выбору необычной, дерзкой манеры полемики мог подтолкнуть, между прочим, и общий рост индивидуального авторского начала в XVII в.— процесс неостановимый<sup>66</sup>. Прошло 25 лет, и всюду развернулся мощный художественно-полемический талант Аввакума.

---

<sup>64</sup> Робинсон А. Н. Повести об азовском взятии и осадном сидении, с. 227.

<sup>65</sup> Русская демократическая сатира XVII века, с. 10.

<sup>66</sup> О росте индивидуального авторского начала в литературе XVII в. см.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 144—146 и сл.

### 3. «Международные» культурные интересы общества (Старопечатный «Прблог».

#### Печатные и рукописные сборники)

До выпуска «Прблога» в 1641 г. Московский печатный двор издавал и переиздавал сугубо церковнослужебные книги. «Прблог» стал первой на Руси печатной четвёй книгой. С публикации «Прблога» в Москве началось регулярное печатание различных четвёх сборников, т. е. началось издание литературы.

Столь любопытное положение первопечатного «Прблога» побуждает внимательнее присмотреться к его составу. Издатели «Прблога», очевидно, намеревались положить в основу предпринимаемого издания древние, пергаменные списки «Прблога», в связи с чем по крупнейшим монастырям были разосланы царские указы об отсылке имевшихся там «харатейных» «Прблогов» в Москву, «к печатному делу». Из древних рукописей издатели могли использовать: списки первой, краткой редакции «Прблога», появившейся на Руси еще в XII в.; списки второй, распространенной редакции, появившейся в XIII в.; списки так называемого «Стишного прблога», ставшего известным на Руси в XIV в. К сожалению, конкретные протографы первопечатного «Прблога» точно так и не установлены<sup>67</sup>.

Предварительное, беглое сопоставление состава «Прблога» 1641 г. с типичными списками распространенной редакции и «Стишного прблога» (см. ниже, с. 120—123) все же позволяет заметить, что первопечатный «Прблог» получился явственно полнее отдельных рукописных списков и выбрал сведения о множестве мучеников за веру — античных, византийских, ближневосточных и изредка славянских. Издатели, по-видимому, хотели сделать свой «Прблог» возможно более полным. Но нельзя не отметить, что в первопечатном «Прблоге» обычно выкидывались те перечни мучеников, которые нередко встречались в рукописных редакциях «Прблога» и не пояснялись повествовательным материалом. Из-

---

<sup>67</sup> Сводку данных по истории рукописного «Прблога» на Руси см.: Фет Е. А. Новые факты к истории древнерусского Прблога.— В кн.: Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980, с. 53—55; Дёмин А. С. Современные тенденции в источниковедении древнерусской литературы и задачи изучения печатного Прблога.— В кн.: Литературный сборник XVII века Прблог. М., 1978, с. 18. Подборку сведений о рукописных источниках печатного «Прблога» 1641 г. см.: Дёмин А. С. Современные тенденции в источниковедении древнерусской литературы..., с. 19—20.

датели стремились не к каталогизационной полноте имен, наподобие «Святцев», а к повествовательной полноте книги.

Этот вывод подтверждается послесловием к печатному «Прόлогу» 1641 г. Издатели несколько переработали текст послесловия к «Святцам» В. Ф. Бурцева 1639 г., и в частности подчеркнули, что их «Прόлог» не перечисляет, а именно «поведает»: людей «многочисленны тысяща и тмы... разноличныя муки претерпеша и многи крови своя пролияша... о всем о том поведает сама сия настоящая книга Прόлог»<sup>68</sup>. Издатели «Прόлога» вполне осознавали свою цель: максимальное насыщение книги традиционным повествовательным материалом. Послесловие же указывает и на дополнительную цель издателей «Прόлога». В последней части послесловия, уже не восходящей непосредственно ни к бурцевским, ни к каким-либо иным текстам, издатели заявили о том, что они хотят тома «Прόлога» «пустить во всю свою Русскую землю... на прочитание и слышание всем верным» (л. 896 об.). Именно для большой массы читателей издатели предназначали «Прόлог», отличавшийся повествовательной полнотой. Отсюда можно задать вопрос: впервые издаваемый на Руси четый сборник не оттого ли так смело был адресован всероссийскому множеству читателей, что издатели не только были уверены в благочестивости книги, но и ощущали общественный интерес к сборникам систематизированных сведений по мировой истории?

Чтобы яснее представить эти читательские, общественные интересы, обратимся к печатным и рукописным сборникам, современным «Прόлогу» 1641 г. Книжки, изданные в России в первой трети XVII в. и в начале 1640-х годов, известны; рукописи же тех десятилетий совершенно не собраны. Однако привлечение даже самой небольшой части рукописных сборников позволяет хотя бы в предварительном порядке наметить общую картину. Мы пользовались точно датированными рукописями, указанными в подробных печатных описаниях рукописных собраний Синодального и Уварова ГИМ и собраний Московской духовной академии, Музейного, Общества истории и древностей российских, Румянцева, Троице-Сергиевой лавры ГБЛ. Использовали также очень неполный хронологический каталог РО ГБЛ.

Уже со второй половины 1620-х годов на Руси можно заметить некоторое повышение интереса к сбору и систематизации сведений о множестве лиц христианского пантеона.

---

<sup>68</sup> Прόлог. М., 1641, на сентябрь — февраль, л. 895 об. Далее ссылки на листы данного издания приводятся в тексте.

Ярким ранним примером могут служить новые, после маркьевских, и тоже огромные «Четьи Минеи», составленные триоце-сергиевским иноком Германом Тулуповым в течение 1626—1632 гг. «Минеи» его, к сожалению, изучены мало в литературном отношении, но и сам факт их появления знаменателен.

Потребность в подобного рода сборниках испытывали не только лица духовные. В 1640 г. некто Михаил Дмитриевич Крабов создал любопытный «Саборьник»<sup>69</sup>. Это и «Прѣлог» и «Четьи Минеи», а точнее — черновая агиографическая энциклопедия. М. Д. Крабов объединил по дням года разные, писанные не им, проложные, минейные и житийные сборнички и тетрадки XVII в.; стал править их язык, поновлять пропавшие листы; добавлять новые сведения, переписывать и вписывать новые тексты, в том числе на чистых листах и на полях, иногда мельчайшим почерком; давать новые заглавия и пр. Материал стал выходить из рамок строгого членения по дням года и в конце концов был просто пронумерован по главам.

Столь странный, непривычный сборник отражал не только индивидуальное стремление составителя к энциклопедической полноте. Характерно, что М. Д. Крабов думал и о читателях: «...сия книга... трудолюбствующих веселит серцо», «дает хотяще что уведат им», — заявлял он в «Предисловии главам»; а в конце сборника переписал или сочинил по образцу печатных книг два послесловия «К читателю», в которых поминал и «типиграфию»<sup>70</sup>. Именно со второй половины 1620-х годов стало усиливаться тяготение к полноте сбора материалов о каждом из популярных исторических или легендарных лиц. Говоря о «Четьих Минеях» Германа Тулупова, В. О. Ключевский отметил новую манеру его работы: «Он не только переписывал памятники целиком, — даже охотно помещал рядом разные редакции одного и того же памятника»<sup>71</sup>.

Аналогичное явление находим, например, в печатной книге. В 1640 г. в Москве впервые издали, а в 1641 и 1643 гг. переиздали «Службы, стихиры, капоны, житие и чудеса Николы Чудотворца». Издатели собрали воедино все доступные им списки «Жития»: «...от многих древних пре-

<sup>69</sup> Расшифровку имени составителя см.: *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842, с. 544—545.

<sup>70</sup> ГБЛ, собр. Румянцева, № 369, л. 1, 644—646.

<sup>71</sup> *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 298.

водов... снискахом; ёлико обретохом, и в тиснение печатнаго дела произведохом»<sup>72</sup>. В результате, по определению В. П. Адриановой-Перетц, «издание в 1640 г. жития Николая-чудотворца представляет по тому времени научную работу: здесь даны четыре редакции этого жития, существовавшие в рукописной традиции»<sup>73</sup>.

Сопоставление списков произведений при печатании книг проводилось в широких масштабах. Издатели с небывалым размахом собирали древние рукописи по всей Русской земле: царь Михаил Федорович «повеле от градов книги харатейныя добрых переводов древних собирати»<sup>74</sup>, «отвсюду русския земля повеле, он, государь царь, собрати в царствующий град Москву и принести в шанбу же печатнаго дела.. и в книги сия вчинити...»<sup>75</sup>. В уже упомянутом рукописном сборнике М. Д. Крабова 1640 г. тоже были собраны, например, под 6 декабря писанные разными почерками и из разных рукописей «Житие Николы Мирликийского», «Рождество Николы», «Чудеса Николы», «Память Николы»<sup>76</sup>.

В 1641 г. в Москве издали «Маргарит», объединив в нем все важнейшее, связанное на этот раз с другим популярнейшим лицом — с Иоанном Златоустом. Печатный московский «Маргарит» сделали полнее его основного источника — острожского «Маргарита» — и безусловно полнее «Маргаритов» рукописных. Сравнительно с рукописными в печатном «Маргарите» сверх обычного 31 «Слова» Иоанна Златоуста добавили еще 14 его «Слов», справочную статью о причинах прозвания Иоанна Златоустом, два послания Златоуста и «Слово о пренесении мощей Златоуста». Сравнительно же с острожским изданием в московском издании добавили огромное «Житие Иоанна Златоуста», сочиненное Георгием Александрийским<sup>77</sup>.

<sup>72</sup> Службы и житие Николая Мирликийского. М., 1640. [Предисловие издателей к «Житию»], л. 65 об.

<sup>73</sup> История русской литературы. М.; Л., 1948, т. 2, ч. 2, с. 16.

<sup>74</sup> Потребник мирской. М., 1639. [Послесловие], л. 2.

<sup>75</sup> Трефологион. М., 1638, декабрь — февраль, л. 726 об.

<sup>76</sup> ГБЛ, собр. Румянцева, № 369, л. 148—199 об.

<sup>77</sup> Ср.: «Маргариты». М., 1641; список 1499-г. ГИМ, собр. Синодальное, № 126; список XVI в. ГИМ, собр. Синодальное, № 127. О списках см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1859, отд. 2, ч. 2, с. 119—132. Ср. также: «Маргарит». Острог, 1595. Об экземпляре острожского издания, по которому текст набирался в Москве, и о добавлениях в московское издание см.: Исаевич Я. Д. Русско-украинские связи в области книгопечатания в конце XVI — первой половине XVII в. — В кн.: Книга в России до середины XIX века. Л., 1978, с. 164—165.



В 30—40-е годы XVII в. явственно усилилось тяготение к систематизации сведений не только о лицах, но и о явлениях — космологических, исторических, культурных и пр.

Так, гораздо шире и насыщеннее стали «Шестодневы», излагавшие историю сотворения мира и человека. Именно в списке середины 1640-х годов было сделано множество справочных добавлений: введены вопросы и ответы, а также пояснения на полях о разных невразумительных словах и выражениях, например «Вопрос. Что есть ексарх»; добавлены выписки из «естественнонаучных» сочинений о причинах смены дня и ночи, о лунных и солнечных месяцах и т. д. и т. п.; приложены изображения знаков зодиака, планет, круга ветров с названиями по-гречески и по-славянски; сделаны ссылки на печатные издания, в том числе на московские до 1644 г.; предпринята попытка свести воедино сходные мысли разных авторов и книг. Такого полного и систематичного «Шестоднева» ранее не появлялось<sup>78</sup>.

Усилившимися потребностями в систематическом и полном описании мира, вероятно, был вызван и перевод на русский язык в 1637 г. «Космографии» Г. Меркатора. «Всякому убо человеку свойственно... обретающихся всяких вещей... разныя во едино совокупляти и к большому выразумению всем человеком явственно пред очима представляти...» — подчеркивалось в предисловии это стремление к полноте и систематизации. Правда, предисловие к книге переводное, но показательно, что переводчик Богдан Лыков сохранил его, не заменив своим и не сделав добавлений. Книга предлагалась «ясно и зрительно духовным, и мирским, и всякаго чина людем»<sup>79</sup> и, вероятно, была созвучна читательским интересам.

Во второй четверти XVII в. авторы и редакторы очень преуспели в создании небывало полных историко-культурных сборников на общемировые темы. Так, составили просторнейшую третью редакцию «Хронографа», куда, кстати говоря, включили и «вновоизбран от книг», заново скомпилированный «Шестоднев»<sup>80</sup>. О своем гигантском собирательском и систематизаторском труде составители третьей редакции «Хронографа» писали: «Тако бо и матери всегда овощи, или орехи, или ино что таково в пазуху детем вло-

<sup>78</sup> ГИМ, собр. Синодальное, № 58. Сопоставление списков XIII—XVII вв. см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание..., отд. 2, ч. 1, с. 38—42.

<sup>79</sup> Цит. по кн.: Попов Андрей. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869, вып. 2, с. 190—191.

<sup>80</sup> Там же, с. 155.

жат, яко да не преложением детей испадет что от данных им в пазусе, и восприятавше, отовсюду одежду им истянут поясною твердостью крепко. Сие же и мы сотворихом zde во книзе сей Гранографе...»<sup>81</sup>.

Мало того, переписчики и владельцы книг, содержавших третью редакцию «Хронографа», в 1630—1640-е годы продолжали ненасытно пополнять его, «еже бы написати не с одинаго переводу»<sup>82</sup>. Изготавливались и «Хронографы» особого состава, из которых отметим, например, компилятивный «Хронограф», писанный в 1641 г. неким Федотом из «некоей веси малолюдной» для великоустюжского купца Ивана Якимова Грудцына-Усова. Составитель «Хронографа» 1641 г. «устремився неразумным своим дерзновением образ всего мира списанием во книзе сей» дати, но тоже «ни от себе замыслив или составив, но древних святых философ и премудрых ритор и от многих древних и новых историк воедино совокупляя... елико во много испытном трудолюбстве своем списках древних историк историй и святых философ собрати, и вся совокупих zde воедино, и извещена бысть сия история многими книгами», — «то же слагаем, аще где видим»<sup>83</sup>. Даже поля рукописи Федот заполнил множеством пояснений и справок к отрывкам текста и к отдельным словам и выражениям.

Существенно и то, что к составлению «Хронографа» поуждал Федота заказчик «с великим прилежанием», что сам заказчик — купец — оказался «любомудрый книгорачитель» и «книголюбител сый, возжеда всею душею и сердцем и всем помышлением своим сия бытеские истории» иметь и читать<sup>84</sup>. Заказчик-купец Иван Якимов Грудцын-Усов является лицом известным; через год после получения «Хронографа», в 1642 г., он участвовал в земском соборе по поводу взятия Азова<sup>85</sup>. Характерно для тех десятилетий желание подобного человека иметь в своем личном распоряжении самое полное, систематизированное, сжатое изложение мировой истории.

В конце 1620-х — в 1630-х годах появились необычайно полные и обширные «Алфавиты» новой редакции, где учитывалось и пояснялось буквально все — от явлений географических и зоологических до имен человеческих, от событий

<sup>81</sup> Там же, с. 172.

<sup>82</sup> Там же, с. 176.

<sup>83</sup> ГБЛ, собр. Музейное, № 7751, л. 3—3 об., 25 об.

<sup>84</sup> Там же, л. 2—2 об.

<sup>85</sup> *Скрипиль М. О.* Повесть о Савве Грудцыне. — ТОДРЛ. М.; Л., 1935, т. 2, с. 193.

Историй до названий дней, цифр и букв разных народов. В новых «Алфавитах» было использовано гораздо больше письменных и печатных источников, чем ранее, и притом делались обильные ссылки<sup>86</sup>. Естественно, что «Алфавиты» отражали читательский интерес не только к самим фактам и явлениям, но и к наукам, особенно к грамматике, риторике, логике, диалектике, философии. В новых «Алфавитах» делались большие экскурсы «о осми частех слова», «о грамматикки», о просодиях, «о верхней силе еллинской» и т. п.

Поэтому не случайно появление в это время и больших «Риторик», и риторико-«грамматикийных» сборников. Например, в первой половине XVII в. рядом лиц был составлен справочно-повествовательный сборник — из «Риторикки», «Диалектикки», «Космографии», «Сказания о седми свободных мудростях», заметок по философии и пр.<sup>87</sup> «...Потщахся сию святую премудрую философскую книгу восписать... собирая на справу многи иныя сей подобныя книги и к сим прилагая», — писал составитель в 1640 г. в одном из своих послесловий<sup>88</sup>. А поясняющих предисловий и послесловий в указанном сборнике было вставлено немало, особенно к тетрадкам, писанным до него, не им самим. Составитель не преминул давать и лексические пояснения: «...рисис бо по еллински глаголение или речение толкуется»<sup>89</sup>; сообщал о Демосфене, Платоне, Аристотеле, Соломоне и пр. Полнота такого монографического сборника о науках была достижением именно 1640-х годов и выражала не только индивидуальные вкусы одного человека. Недаром затем сборник был передан в школу Заиконоспасского монастыря в Москве, основу будущей Славяно-греко-латинской академии<sup>90</sup>.

Таким образом, во второй четверти XVII в., особенно с 1630-х годов, все отчетливее стал проявляться общественный интерес к историко-культурным энциклопедиям, к повест-

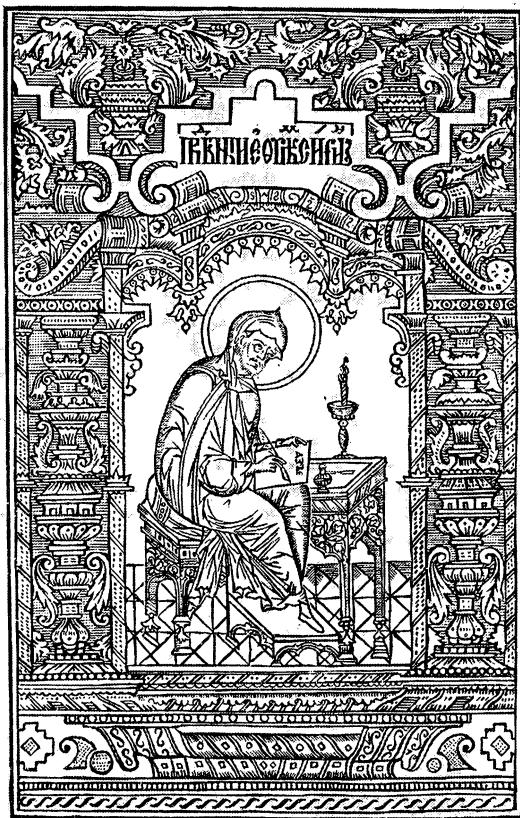
<sup>86</sup> Ср., напр.: ГБЛ, собр. Московской духовной академии, Фунд., № 199; ГБЛ, собр. Румянцева, № 2. О них см.: *Леонид*. Сведение о славянских рукописях, поступивших из книгохранилища св. Троицкой Сергиевой лавры... М., 1887, вып. 2, с. 353—375; *Востоков А.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, с. 3—6. О содержании «Алфавитов» см.: *Карпов А.* Азбуковники, или Алфавиты иностранных речей по спискам Соловецкой библиотеки. Казань, 1877, с. 160—283.

<sup>87</sup> ГИМ, собр. Синодальное, № 933. О сборнике см.: *Бабкин Д. С.* Русская риторика начала XVII в.—ТОДРЛ. М.; Л., 1951, т. 8, с. 326 и сл.

<sup>88</sup> Цит. по ст.: *Бабкин Д. С.* Русская риторика начала XVII в., с. 327.

<sup>89</sup> Там же, с. 337.

<sup>90</sup> Там же, с. 329.



*Созерцающий книгописецу (Ефрем Сирин).  
Почтения Ефрема Сирина. М., 1647*

вовательно-справочным сборникам сведений о лицах и явлениях общемирового значения. Составление и издание печатного «Прóлога» в 1641 г. шло в русле этого нараставшего интереса.

Содержание печатного «Прóлога» несводимо только к собранию систематизированных сведений о христианских мучениках. Есть в «Прóлоге» и художественная сторона. Нельзя представлять художественное богатство печатного «Прóлога» в виде механического скопления гигантского количества литературных, фольклорных, исторических сюжетов, фа-

бул, мотивов, занесенных в одну большую книгу. Несмотря на изобилие использованных материалов, «Прóлог» эстетически не хаотичен; он по-своему строен и воздушен. Каждая часть «Прóлога» и вся книга в целом имеют ясное художественное содержание.

Внешне своеобразие «Прóлога» заключается в том, что отдельная повесть или сказание обязательно выступают здесь в составе больших смысловых комплексов. Наименьшую часть печатного «Прóлога» составляет не повесть или сказание, а день года, т. е. цепь из 4—10 разных повестей, сказаний, поучений, выделенных для прочтения на один день и вкупе создававших у читателя «облик дня», облик мира на данный день.

В качестве примера обратимся к первому же дню «Прóлога» — к статьям, собранным под 1 сентября. В первом издании «Прóлога» 1641 г., которое послужит нам основой для последующих сопоставлений, под 1 сентября читалось 10 статей: о начале нового года; об иконе, утопленной в озере Азурове; об удивительной жизни Симеона Столпника; о матери Симеона Столпника; о ратных подвигах Иисуса Наввина; об Аммоне-диаконе и сорока девах; о замученных Калисте, Евводе, Ермогене; о легкомысленном добровольном расстриге Мине — диаконе; о полном выздоровлении парализованного; о священнике, который без жалости зарезал серну и лань.

Содержание перечисленных статей пестрое. К тому же они резко отличаются по объему: то идут небольшие статьи — в половину печатной страницы, то совсем краткие — из одной-двух фраз, напоминающих о событии; то следуют пространные рассказы на нескольких листах. И тем не менее все изложение под 1 сентября в целом производит некое единое впечатление.

Прежде всего изложение имеет явственный исторический оттенок. Речь постоянно идет о земных лицах и делах, тогда-то и там-то бывших: «Славный Симеон бе от Антиохии сирьския» (л. 3); «Сей Иисус беяше сын Наввин снастолник... иже Иерихон град прият» (л. 3 об.); «Сии бяху из Андрияна града макидонскаго» (л. 4). Икону утопили «в езере Азурове, обители же миасиньския» (л. 2 об.). Сообщается даже, что новый год «празднует... от древних приемши, за еже положитися от римлян начатку лету быти» (л. 1). Почти все рассказываемое или упоминаемое оказывается, хотя и в широких пределах, приуроченным исторически и географически. В повествовании ощущается и легкий бытовой фон: Симеон Столпник «пасяще овца» (л. 3); другой персо-

наж «седащу во един от дний в притворе церковнем и чтущу» книгу (л. 5 об.); иной персонаж «изшед от своего села и идяше во ино село» (л. 6 об.) и пр.

Но эти беглые вступительные упоминания об обстоятельствах дела вводят не в спокойный, а в крайне напряженный человеческий мир. Главные герои проложных рассказов находятся в долгих и тяжких муках и «потах». Так, у одного пресвитера «возложися аки клобук на главу его, и взяся свет его, и ум его отъся, и разслабеша вся кости его, и не можаше глаголати, и... обретоша его яко мертва... не могий обратити себе на другую страну, аще кто не обращаше его... и пребысть в той язве лет 9» (л. 5 об.). Другой пресвитер «вострепета весь, и абие прият болезнь сердца его, и люте мучим» (л. 6 об.). Третий герой «свое тело алканием, и жаждею, и озлоблением удручив... дний... двадцать стояше не седая» (л. 3); четвертый «повешен же бысть... и по ребром строган» (л. 4); у пятого «абие напрасно истече око его» (л. 5). Подобное повторяется из статьи в статью. Люди гибнут десятками и сотнями: «Во огонь ввержени быша... посечени быша... мечи по устом и по сердцу събодени... ножи съдроблени быша... железа разжжена во устех приемше» (л. 4—4 об.). Недаром под 1 сентября (л. 2 об.) «Прólogo» упоминает также нищих, пленных, сокрушенных сердцем, слепых — словом, тех, кто надолго или навсегда лишен спокойной жизни. В «Прólogo» нет благополучных людей; их существование тягостно.

Ощущение напряженности конфликта усугубляется и оттого, что правители, выводимые «Прólogo», — это мучители, они страшны, злы, беспощадны: люди «оболгани быша князю... он же мечную смерть на них осуди» (л. 4 об.). Даже мелкий духовный руководитель «слушаше клеветник, осужающа тай ближняго своего и без вины оскорбляюща» (л. 6). Напряжение усиливается от явления людям страшных потусторонних сил и неестественных событий: «...архистратига Михаила видев держаща мечь» (л. 3 об.), «и се дух неприязнен идяще к нему во образе облака темна и мрачна» (л. 5 об.), «и ста солнце от своего шествия» (л. 3 об.), «и абие повешен бысть на воздухе иерей идольский» (л. 4).

Слово героя в этом тяжком мире чрезвычайно веско и тут же вызывает дело: «...и рече, яко да станет солнце от течения своего. И ста солнце от своего шествия» (л. 3 об.). К диким зверям «возопи презвитер гласом велиим, глаголя: ...да не отидете, дондеже прииду к вам. Дивия же животная стаха, дондеже прииде презвитер» (л. 6 об.). Или слу-

чай с другим пресвитером — парализованным: «...и рцы ему: востани, и остави одр свой, и прииди ко мне своими ногами... И воста пресвитер здрав весь и пришед...» (л. 6).

Однако литературный мир проложного дня не безысходно трагичен. Физическое и психологическое напряжение персонажей обязательно сменяется облегчением, отдохновением. Обещается «пленным отпуст и слепым прозрение» (л. 2 об.); обещается: «Да не горее тебе что будет» (л. 7). И действительно, персонажу «шлем разжжен на главу ему возложиша, и от того избавлен бысть» (л. 4); тяжело болел — «исцелев же от болезни» (л. 7) и «отошед с радостью» (л. 6 об.); трудился — «упразднившижеся» (л. 3); опасался бесчестия, «срама», но по обещанию — «тихима очима примут тя и радость им будет и веселие», действительно, «прияша его отцы простертыма рукама» (л. 5 об.), а умер — «погребен бысть славно», «погребен бысть честне» (л. 3, 4).

Дух жестокого переживания в проложном дне смягчается изображением чувства безбоязненной увлеченности, которым охвачены массы людей, окружающие героев. Эти люди слышат вести об удивительных событиях и не остаются равнодушными, идут к удивительным личностям, собираются вокруг них. Например, Симеон Столпник «четыредесят лет работав» на высоком столпе неисходно, и многие «слышавше же... яже о святем Симеоне и поидоша ко святому Симеону» (л. 5 об.) и «бяху же мнози около столпа стояще» (л. 5). Отрывки из разных статей дня создают единый облик людского окружения, отзывчивого на впечатление от героя. Герой обращается ко всем предстоящим: «... исповедая пред всеми, яже сотвори» (л. 6 об.); и масса слушающих и смотрящих дивится: «почюдився о словеси» (л. 5), «...яко дивитися народом о словесах... исходящих от уст его» (л. 2 об.), «вельми дивен бысть всем человеком» (л. 3), «и тии славяще...» (л. 6 об.).

Стихи же, предваряющие в «Прóлоге» 1641 г. почти каждую статью, вносят в изложение ноту торжественной радости, указывают на некую внутреннюю симметрию в развитии событий — обязательно к лучшему: «Оле ветхий человек, родися новый!» (л. 2); «На земли приемлет Марфа Христа... тебе же, Марфо, Христос приемлет в вышняя!» (л. 3 об.); «телесное покрывало радостью совлече» (л. 4); «поистине обрете конец добрый!» (л. 4 об.) и пр. В общем, в проложном дне картинами облегчения и умиротворения заключаются картины мучительной напряженности жизни; волна напряжения то поднимается, то опадает.

Мы обозрели художественное содержание только одного дня «Пролога» — за 1 сентября. Можно убедиться, что подобный художественный смысл постоянно примешивается к сообщаемым сведениям и в прочих днях. Многообразны лишь вариации: то меньше выделен напряженно-трагический фон и больше выпячена облегчающая радостность излагаемых событий; то несколько ошутимее быт; то томительнее нагнетание неблагоприятных обстоятельств. Вероятно, несколько различается художественное содержание и разных месяцев «Пролога». Но эмоциональный «обертон» сборника в целом составляет это сотни раз повторяемое резкое сочетание напряжения и облегчения, злого и затем доброго, мрачного и все-таки радостного.

Образно-эмоциональное содержание «Пролога» 1641 г. не было заимствованным; оно, несомненно, отличалось от, так сказать, сквозного содержания других рукописных и печатных сборников устойчивого состава, распространенных на Руси в первой половине XVII в. и тоже состоявших из серий законченных рассказов или характеристик разных лиц. Например, также по дням года и тех же лиц, что и «Пролог», поминали «Служебные минеи» и «Праздничные минеи»; но литературная суть их была не в напряженном рассказе о людях, а в песнопениях, выражавших непрерывные умиления, радость, восторг по поводу поминаемых лиц и событий: «припадаем верно, вопиюще прилежно», «радостно днесь восхваляем... вашу память», «кий язык человек довлеет когда к похвале исповедати» и т. п.<sup>91</sup>

Собственно рассказы о людях, сгруппированные в причудливом порядке, заполняли различные «Патерики». Сюжеты, например, из «Синайского патерика», или «Лимонаря», нередко использовались в «Прологе». Однако содержание этих двух сборников явственно различилось: в частности, в рассказах «Лимонаря» гораздо красочнее, чем в «Прологе», была представлена обыденная жизнь людей. Так, в «Лимонаре» можно прочесть повесть об авве Кононе, который испытывал непреодолимый соблазн к девице-персиянке: «яже бе доброзрачна зело, и сицевыя бе красоты, яко немощи презвитеру наготу ея зрети». Конон сердито пенял святому Иоанну Крестителю на то, что он никак не освободит его от похоти: «Се бо уже многажды обещаю ми сие и не сотворил еси». Наконец, Конону явился святой Иоанн, «посади его и, от-

---

<sup>91</sup> Трефологион. М., 1637. [Песнопения на 1 сентября], л. 7 об., 8 об., 17. Ср.: Служебная минея. М., 1636, на сентябрь, л. 1—25 об.; Общая минея. М., 1637.



крыв ризы его, прекрести... под пупом... И возвратився в монастыр презвитер... персяныню никакo же ощутив жене ей быти... Яко никакогога внутр ощущеваше пристрастия и подвизания плоти, зряй и касаяся жен»<sup>92</sup>. Рассказ с такими деталями был немыслим в «Прблоге».

Повествование в иных «Патериках» еще сильнее отличалось от проложного. Например, в «Азбучном патерике» и «Скитском патерике» повести «дивны» и «душеполезны» имели характер анекдотов, притч, неожиданных ответов персонажей на задаваемые им вопросы; резкая напряженность и резкие эмоциональные перепады, обычные для проложного изложения, были редки для ровных патериковых рассказов. «Иерусалимский патерик» же полностью явился поучительным; его «слова» были соответственно и озаглавлены: «О молчании», «О воздержании», «О нестяжании», «О умилении» и т. д.<sup>93</sup> А например, «Киево-Печерский патерик» представлял собой не столько серию рассказов о лицах, сколько летопись создания Киево-Печерского монастыря и событий, в нем происходивших, вперемешку с нравоучениями: «О пришествии мастеров церковных от Царяграда Антонию и Феодосию», «О еже когда основана бысть церкви печерская», «Нестера мниха обители монастыря печерскаго сказание, что ради прозвася печерский монастыр», «О прихождении разбойник...» и пр.<sup>94</sup>

Труднее различать литературное своеобразие именно печатного «Прблога» 1641 г. по сравнению с современными ему рукописными «Прблогами» и «Четьими минеями». Обратимся к типичному и для XVII в. списку «Стишного прблога» в составе «Великих миней четьих» митрополита Макария. Сразу бросается в глаза, что сравнительно со «Стишным прблогом» в печатном «Прблоге» 1641 г. отсутствует множество стихов, служивших в «Стишном прблоге» самостоятельными статьями. Так, например, под 25 сентября уже нет стихов о Павле и Фатии, о Саватине, Павле и Татте, о Феофиле Ефесском<sup>95</sup>; под 7 декабря нет стихов о Неофите, о Доментие, об Исидоре, Акепсиме и Леоне, об

---

<sup>92</sup> Лимонарь, сиречь цветник... Софрония патриархи Иерусалимскаго. Киев, 1628, л. 3—3 об.

<sup>93</sup> Ср., напр., список 1628 г.— ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 702, л. 4 и сл., л. 97 об. и сл.

<sup>94</sup> Ср., напр., список 1634 г.— ГБЛ, собр. Музейное (Большакова), № 417, л. 7 об., 11, 22, 82 и пр.

<sup>95</sup> Великие миней четии, собранные всероссийским митрополитом Макарием. СПб., 1883, сентябрь, дни 25—30, стб. 1579—1581; Прблог. М., 1641, л. 88—89 об.

Амоне Нитрийском, о Гайане и Гайе, о трехстах мучениках, об Игнатии, о Приске, Мартине и Николе <sup>96</sup>. Во всем объеме печатного «Прóлога» подобных отличий набирается, видимо, очень много. В результате в печатном «Прóлоге» ослаблена восклицательная «умилительность» повествования и усилена жесткая непрерывность смены мрачного радостным. Не случайно в печатном «Прóлоге» есть статьи, отсутствующие или сжато изложенные в рукописном «Стишном прóлоге» (например, о Евводе и Онсифоре под 7 сентября, о Симеоне Столпнике под 1 сентября) <sup>97</sup>.

Вот, далее, один из типичных списков второй, распро-страненной редакции рукописного «Прóлога», писанный в 1632 г. Германом Тулуповым. Сравнительно с ним в печатном «Прóлоге» читается множество дополнительных мелких рассказов-сообщений. Посмотрим хотя бы под теми днями, которые мы уже упоминали. Так, под 1 сентября в печатном «Прóлоге» добавлены краткие рассказы об иконе на озере Азурове и о Калисте, Евводе и Ермогене; под 7 сентября — статейки о Евводе и Онсифоре и о Стефане Римском; под 25 сентября — «Повесть о страшном трусе», т. е. о землетрясении; под 27 ноября — рассказ о Романе Чудотворце; под 7 декабря — статья о Павле Повиннике <sup>98</sup> и т. д. и т. п. В общем, в рассказах печатного «Прóлога» чаще повторяется и несколько резче выделяется то сюжетное сочетание напряжения и облегчения, мрачного и радостного, о котором мы говорили раньше.

Еще большей массой небольших статей, а отсюда энергичностью и контрастностью мелькания темного и светлого, отличается печатный «Прóлог» от «Четых миней», содержавших пространные, медлительные, местами огромные сказания и поучения <sup>99</sup>. В печатном «Прóлоге» острее, чем в житийных сборниках, проявилась любопытная художественная тенденция: выражать благостное через тягостное. Эта эмоционально-смысловая особенность, пожалуй, больше приближала «Прóлог» к историческим повествованиям. Недаром автор «Повести о внезапной смерти царя Михаила

<sup>96</sup> Великие миней четии... М., 1904, декабрь, дни 6—17, стб. 746—752; Прóлог, л. 450—455.

<sup>97</sup> Великие миней четии... СПб., 1868, сентябрь, дни 1—13, стб. 120—125, 347—349; Прóлог, л. 2—6 об., 28—29 об.

<sup>98</sup> ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 727, л. 3—7 об., 25 об.—27, 83 об.—89, 380—383 об., 415 об.—418 об.; Прóлог, л. 2—6 об., 28—29 об., 88—89, 405 об.—408, 450—455.

<sup>99</sup> Ср. «Великие миней четии» Макария, напр., за сентябрь — декабрь, где под каждым днем переписаны и «Четы миней», и «Стишной прóлог».

Федоровича» 1647 г. включил «Прóлог» в следующий ряд книг: «Еще же возмет самую матицу — книгу Библию, и древния Гранографы, и Летописцы, и пролетную книгу Прóлог и да смотрит, яко не все и тамо радостно и стройно писано, но много скорбнаго, и печалнаго, и мятежнаго, и стропотнаго времени такоже было»<sup>100</sup>.

Однако отмеченная художественная тенденция первопечатного «Прóлога» не была продолжена московскими издателями. Известно, что первое издание «Прóлога» оборвалось на половине: первая часть книги (на сентябрь—февраль) вышла в августе 1641 г., а через три месяца, в декабре, эту половину стали снова переиздавать с большими изменениями. При переработке с прежней художественной тенденцией не считались. Российское общество, как увидим далее, было заинтересовано в полноте и систематичности сведений о борцах за веру, скомпонованных под несколько иным углом зрения, чем в первом опыте публикации «Прóлога».

Самым существенным тематическим изъяном печатного «Прóлога» 1641 г. являлось почти полное отсутствие статей о русских деятелях. А такие статьи присутствовали между тем уже в «Стишном прóлоге» и в распространенной редакции рукописного «Прóлога». Например, в «Стишном прóлоге» под 7 сентября читалось сказание об Иоанне Новгородском, а в распространенной редакции под 25 сентября — сказание о Сергии Радонежском. В печатном «Прóлоге» 1641 г. их нет. Возможно, составители первопечатного «Прóлога» готовили дополнительную часть, составленную уже преимущественно из русских материалов. Во всяком случае, именно так в 1637 г. издали в Москве «Трефологион» («Праздничную mineю») — напечатали основную книгу и одновременно книгу дополнительную, посвященную преимущественно русским лицам и событиям<sup>101</sup>. В рукописях также уже имели хождение особые «Четьи mineи», в дополнение к обычным составленные из русских сказаний<sup>102</sup>. Так или иначе, но лишь во втором издании «Прóлога» был исправлен изъян первого издания. Первую половину книги второго издания напечатали в 1642 г., а вторую

---

<sup>100</sup> Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны, собранные А. Голубцовым. — ЧОИДР, 1892, кн. 2, с. 16.

<sup>101</sup> Зёрнова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках: Сводный каталог. М., 1958, с. 50.

<sup>102</sup> Ср., напр., список 1627 г., писанный Германом Тулуповым. — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 665.

половину — в 1643 г. Второе издание «Прóлога» благополучно завершилось.

В «Прóлог» 1642 г. (т. е. в первую из двух частей) издатели добавили более 20 довольно длинных сказаний о русских деятелях, исключив около 40 мелких рассказов об иностранных лицах. Кроме того, был трудолюбиво поновлен язык «Прóлога» и опущены малопонятные переводные стихи перед его статьями. «Прóлог» 1642 г. стал более «русской» книгой, чем «Прóлог» 1641 г.<sup>103</sup>

По сравнению с рукописными «Прóлогами» во вторую печатную книгу 1643 г. тоже были внесены многочисленные статьи из русской истории. Русские материалы выделили в «Прóлоге» 1642—1643 гг. и сквозную тему прославления «великой России», Москвы, русских подвижников, князей и царей<sup>104</sup>. Для 1640-х годов столь почтенная тема являлась глубоко традиционной.

Систематическое обогащение нового издания «Прóлога» русскими сказаниями, во-первых, придало новый идейно-художественный смысл всей книге. Русские статьи всегда вставлялись в конец проложного дня и, таким образом, венчали в «Прóлоге» большие и малые события культурной и религиозной истории мира. Даже огромное «Житие Михаила Малейна», греческого святого, было включено в «Прóлог» благодаря тезоименитству с царем Михаилом Федоровичем и в конце поминало российского царя<sup>105</sup>.

Во-вторых, новодобавленные жития русских подвижников, особенно северных, свидетельствовали об устойчивой верности пути развития христианства на Руси и о неотклонении его в ереси. Иоанн Новгородский в «Житии», включенном в самое начало «Прóлога» 1642 г. (под 7 сентября), даже побеждал и унижал дьявола.

В-третьих, «Прóлог» стал рассказывать о широкой борьбе Руси в мире с иноверными врагами, о чем повествовали вставленные сказания об Александре Невском, Михаиле Черниговском или о бегстве Темир-Аксака и многие другие.

Второе издание «Прóлога», как разъяснялось в послесло-

---

<sup>103</sup> Подробнее см.: Дёмин А. С. Современные тенденции в источниковедении древнерусской литературы..., с. 19—21.

<sup>104</sup> Подробнее см.: Елеонская А. С. Политические цели второго издания Прóлога 1642—1643-х годов.— В кн.: Литературный сборник XVII века Прóлог, с. 78—95.

<sup>105</sup> Там же, с. 87—90. Ср. в челобитной Войска донского к царю Михаилу Федоровичу 1644 г.: «...вели, государь, своим государевым иконникам образ... своево государева ангела Михаила Малейна... паписать» (РИБ, СПб., 1906. Т. 24. Донские дела, кн. 2, стб. 580).

вии к книге, было предназначено «на пользу душам всего христоименитаго жительство» (л. 905 об.). Думается, что, перерабатывая книгу, составители «Прóлога» 1642—1643 гг. ориентировались на историко-культурные интересы современной им российской аудитории.

Сравним новые идейно-художественные тенденции второго издания «Прóлога» с общественными интересами тех лет. Как в «Прóлоге» 1642—1643 гг., так и в рукописных сборниках 1630—1640-х годов общемировые и общехристианские сведения обязательно дополнялись или венчались более или менее обильными сведениями русскими. В «Шестодневах» стали чаще упоминаться славянские и российские области и реки<sup>106</sup>; в «Алфавиты» начали включать значительные выписки по русской истории, в том числе из «Повести временных лет»;<sup>107</sup> рукописные «Прóлоги» и четы-минейные сборники составители стремились во все увеличивавшейся степени обогатить русскими статьями — пример тому «Четы миней» Германа Тулупова; в «Хронографах» русские статьи стали появляться не только в конце, но и в начале, вроде такой: «О утверждении православныя веры и поучение пред гранографом князем русским и сыновом их»<sup>108</sup>.

Активность проникновения русских материалов в сборники общемировой и общехристианской тематики в 1630—1640-е годы иллюстрируется также примером старопечатных книг, помимо «Прóлога». В 1630-е годы в Москве приступили к изданию длинной серии ранее не издававшихся церковнослужебных справочных сборников. К таким сборникам, как «Канонник» (М., 1636), «Трефологион» (М., 1637—1638), «Святцы» (М., 1639), «Потребник мирской» (М., 1639) и «Потребник иноческий» (М., 1639), издатели стали добавлять новые для печатных книг предисловия или послесловия справочно-культурного содержания. Например, в послесловии к «Трефологиону» на декабрь—февраль обосновывалось присовокупление русских материалов к традиционному составу книги; к «Трефологиону» на март—май было присоединено оригинальное послесловие, которое начиналось с рассказа о сотворении мира, излагало целую историю о

---

<sup>106</sup> Ср., напр., список ГИМ, собр. Синодальное, № 58: «...а от средняго востока течет Днепр, Двина, Висла... к сим же и Дунай» (*Горский А. В., Невоструев К. И. Описание...*, отд. 2, ч. 1, с. 39).

<sup>107</sup> Ср., напр.: ГБЛ, собр. Московской духовной академии, Фунд., № 199.

<sup>108</sup> Ср., напр., список 1640 г.— ГИМ, собр. Уварова, № 1363 (16); список 1641 г.— ГБЛ, собр. Музейное, № 7751, и др.

том, как «начашася книги быти печатным воображением» в России и как со временем «многое число обретется печатнаго дела книг разными имены»<sup>109</sup>.

То же происходило и в нецерковных печатных книгах. Например, В. Ф. Бурцевым в 1634 г. в Москве впервые была издана «Азбука». Ход изложения предисловия и послесловия к изданию был характерен для тех лет: сначала сообщалось о еврейских, греческих, латинских и прочих «писменах и грамотах», а затем о составлении «русской грамоты» Кириллом Философом и о преложении им греческих книг «на наш русьский язык... о именах же тех книг не у время писати»<sup>110</sup>. В саму «Азбуку» было включено более подробное «Сказание, како состави Кирил Философ азбуку по языку словенску и книги преводе».

В общем, явления русской жизни мыслились на одном уровне с общемировыми. В этом заключался главный смысл постоянного присоединения и продолжения мировых событий русскими событиями в рукописных и печатных книгах. Делалось так издавна. Но в 20—40-е годы XVII в. отмеченная тенденция стала проводиться более настойчиво и широко, чем в начале века.

Коснемся второго направления общественных интересов 1630—1640-х годов. Изложение русских событий и явлений в сборниках имело смысл не только равноправного продолжения мировой истории. Внушалось, а нередко и прямо проповедовалось разделение мира на правых и заблудших, правоверных и еретиков. Русь принадлежала, конечно, к правоверной части мира. Типична, например, схема уже упоминавшегося послесловия к «Трефологиону» на март—май: вначале сказано о сотворении мира и о том, как погибельно веруют и действуют «латыни, и лютори, и кальвини, и прочии», а потом показано, как успешно идут дела на Руси<sup>111</sup>.

Подробнее это разделение было проведено «Иноческим потребником», обращенным в своего рода историко-культурный сборник, непосредственно в состав которого наряду с неизбежными церковнослужебными текстами были включены повествовательно-справочные материалы: сначала «Соборное изложение» истории «ересей» у римлян, «в латинех»,

---

<sup>109</sup> Трефологион. М., 1638, на декабрь — февраль, л. 726 об.; на март — май, л. 405—408 об.

<sup>110</sup> Азбука. М., 1634, л. пенумеровани. 3, 64 об.—86. В предисловии и послесловии к «Общей минее» также упоминался «Кирил Философ, учитель словяном и болгаром, иже преложи русскую грамоту с греческия в 38 слов...» (Общая минея. М., 1635, л. 1, 203 об.).

<sup>111</sup> Трефологион. М., 1638, на март — май, л. 406 и сл.

у иудеев и пр.: затѣм очеркъ, какіе «во округ страны нашей земли великія Росіи живущіи языцы», верующіе по-иному; перечисленіе книг, которыми желательно пользоваться, и замечанія о «неких переводах», которыхъ русскому читателю необходимо «блустися», и т. п.<sup>112</sup> Еще основательнее делил мир на еретическую и правоверную части большой сборникъ о почитаніи икон. В нем, «от многихъ святыхъ отецъ воедино собравше», напечатали двенадцать «Словъ» о еретикахъ всего мира, «иже велику брань... на святыя иконы воздвигающа», включая и гигантское русское «слово обличительно на ересь... Лютора, глаголю и Кальвина, и на Феодосія чернца, рекомаго Косого», сочиненное Зиновіемъ Отенскимъ<sup>113</sup>.

Данная тема обязательно присутствовала и в рукописныхъ историко-культурныхъ сборникахъ второй четверти XVII в. Выписки изъ Зиновія Отенскаго вставлялись даже в «Шестодневъ»<sup>114</sup>. Стихотворные сборники поэтовъ такъ называемой приказной школы 1630—1640-хъ годовъ давали образцы стихотворныхъ предисловій къ «Пренію Григорія Амритскаго с еретикомъ Ерваномъ», къ собранію противоеретическихъ «Словъ» отцовъ церкви и т. п. Один изъ поэтовъ приказной школы — Савватій мечталъ о томъ, что составленный имъ стихотворный историко-культурный сборникъ «повелитъ государь и в печатное воображеніе положить»<sup>115</sup>. А сочинилъ Савватій для сведенія читателей и «Предисловіе къ Царьственной книгѣ, сииречь къ Гранографу», где специально говорилъ объ иноверцахъ, о магометанахъ — «о прочихъ же таковыхъ враговъ не у время писати»<sup>116</sup>.

В другомъ сборникѣ 1640-хъ годовъ стихотворные предисловія приказныхъ поэтовъ къ «Шестодневу», «Хронографу» и пр. переписывались вместе с книгами «Логика», «Диалектика», «Грамматика», со «Сказаніемъ вкратце же отъ коего колена поидоша словяне», упоминающимъ севернорусскіе реки. Составитель сборника делалъ многочисленныя замечанія о наукахъ, пытался дать «текстологическую» характеристику разныхъ известныхъ ему книгъ «Логики», систематизировалъ различныя историческія выписки, с древности до царя Федора Иоанновича включительно, но неукоснительно переписывалъ

<sup>112</sup> Иноческій потребникъ. М., 1639, л. 1 и сл., 327<sub>2</sub>—327<sub>3</sub>, 409—423 об.

<sup>113</sup> Сборникъ о почитаніи икон. М., 1642. [Послесловіе], л. 166, 165 об., 1 второго счета.

<sup>114</sup> См.: ГИМ, собр. Синодальное, № 58.

<sup>115</sup> Цит по кн.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 56.

<sup>116</sup> Там же, с. 59—62.



«Государственный» титульный лист.  
Учение и хитрость ратного строения пехотных людей.  
М., 1647

сывал и статьи «О латинех», «О варварех», «О Махмете», «Из книги на люторы», «Предисловие на еретики»<sup>117</sup>. Конечно, прения с «еретиками» велись на Руси с давних времен, большие сочинения по этому поводу появились в 1610—1620-е годы. Но, пожалуй, именно в сборниках 1630—1640-х годов в единую систему были увязаны мировая история, наука, «еретики» и «еретическое», русская история и пути «правверия» на Руси.

<sup>117</sup> ГБЛ, собр. Андропова, № 2. Со сборником ознакомила меня Л. В. Тиганова.



Перейдем к третьему направлению общественных интересов, отразившемуся в историко-культурных сборниках общемировой тематики 1630—1640-х годов. Неисчислимо количество сведений, сообщаемых сборниками, не только уверяло читателей в глобальном разделении мира на народы правые и неправые, но и указывало на их противоборство и на грандиозность масштабов борьбы России с «агарянами» и прочими «неверными». Новые дополнения к «Хронографам» обзоревали перипетии этой борьбы в XVII в. Сравнительно частные, местные события приобретали значение мировых.

Возведение ко «всемирности» хорошо видно на примере новой по типу «Есиповской летописи» 1636—1638 г. Перед нами своеобразный монографический сборник сведений о Сибири с древнейших времен до ее покорения русскими. Автор летописи, бывший новгородец, подьячий Савва Есипов не столько описывал военные события, сколько через библейские параллели раскрывал их общее значение. Заключительная глава «Есиповской летописи» вся посвящалась разъяснению значимости присоединения Сибири к России. Если летописи старого типа лишь время от времени поминали борьбу с «агарянами», а рассказы о конкретных исторических эпизодах были выдвинуты на передний план, то «Есиповская летопись» целиком была пронизана многочисленными подчеркиваниями того, что Сибирь «взята бысть от православных христиан» у неверных, что еще в одной области мира потеснены идолопоклонники и «бесермене». И кончал свое сочинение С. Есипов таким восклицанием: «Упразнимся, братие, паки на божия чюдеса, еже содеяшеса во дни наша в новопросвещенных местех!»<sup>118</sup>.

В 1630—1640-е годы идею противоборства мировых сил проповедовали разные авторы, творившие в разных местах Русского государства. Так, сравнительно частный факт взятия города Азова донскими казаками в 1637 г. в «Повести о взятии Азова», сразу же вставленной в «Хронографы», тоже был интерпретирован в масштабах мировой истории: «Сей убо бяше град Азов поставлен бе... от греческаго языка в прежнее лета от древних родов при апостоле Павле»; но «агаряне» захватили Иерусалим, потом Царьград, и вот уже «около Белово и Чернаво моря и Синего моря же православная христианская вера... поплена до основания». Однако «все великое донское войско прежних воин Александра царя Макидонскаго... себе вмениша» и вернуло Азов.

<sup>118</sup> Список, сделанный в 1649 г. соликамским посадским человеком И. А. Сычевым, ГПБ, Q.XVII.33.— Сибирские летописи. СПб., 1907, с. 170.

«И сия написахом впредь на память роду христианскому»<sup>119</sup>.

Пожалуй, в 1630-е годы тема мирового противоборства России и мирового значения ее борьбы стала энергично развиваться в русской литературе, особенно в историко-культурных сборниках. В предыдущие десятилетия эта тема излагалась менее масштабно. Объяснение столь широко распространившегося в 1630—1640-е годы общественного интереса к месту России в мировой истории и культуре прежде всего подыскивается во внешнеполитических обстоятельствах. Оправившись после несчастий Смутного времени, Россия вновь выступила на мировой арене как значительная сила. Смоленская война 1632—1634 гг., присоединение Сибири, взятие Азова 1637 г., коренное переустройство южных границ, постоянный нажим на Крым и Турцию, представительные соборы, проводившиеся в Москве по внешнеполитическим вопросам,— все это, видимо, питало и развивало новые представления о наступательной позиции России в мире, сумевшей «избавити православных христиан от плену и разхищенья», «от варварскаго нахожения» и могущей воздать «мечь врагам за их бусурманския неправды»<sup>120</sup>.

Второе издание «Прѣлога» 1642—1643 гг. в отличие от ущербного первого издания уже достаточно полно отразило «международные» культурные запросы российского общества, преобладавшие в 1630—1640-е годы над интересами внутрисоциальными. Настроения верхов общества в это время как бы царили над настроениями всего российского общества. Но уже зазвучали одинокие резкие голоса, диссонировавшие с общей гармонией.

---

<sup>119</sup> «Историческая» повесть о взятии Азова в 1637 г. / Подгот. к печати А. Н. Робинсон.— В кн.: Воинские повести древней Руси. М.; Л., 1949, с. 47, 50, 56.

<sup>120</sup> Документы Собора 1642 г.— СГГД. М., 1822, ч. 3, с. 386.



1. Стремление верхов к умиротворению общества  
(Старопечатные предисловия и послесловия.  
Послание Герасима Фирсова)

1650-е — первая половина 1660-х годов — это время проведения и утверждения никоновских реформ, породивших большое число разнообразных сочинений и документов. Подавляющее большинство их было посвящено относительно частным, утилитарным темам. Не так уж много памятников широко характеризовало общественные настроения тех лет. К таковым из рукописных источников относились лишь единичные документально-полемические сочинения со вкраплениями очень кратких характеристик общероссийской обстановки да одна-две повести. Среди печатных изданий 1650-х — первой половины 1660-х годов было немало повторений прошлого. Пожалуй, не более 15 изданий отличалось оригинальными предисловиями и послесловиями. Они-то и составляют основной фонд текстов для наших наблюдений.

Старопечатные предисловия и послесловия 1650-х — начала 1660-х годов делятся на три хронологические группы. Для этих текстов первой половины 1650-х годов были типичны довольно длинные панегирики царю и патриарху за проводимые церковные реформы, например в предисловиях, сочиненных Епифанием Славинецким: Алексей Михайлович и Никон «преданья им грады украшают, к сим суд праведен, правду нелицеприятну, любовь истинну, благочестие неповредно храняще...»<sup>1</sup>; «О, достохвалнаго, благоприятнаго, ползonoснаго, благопотребнаго священноначалническаго тщателства, им же... пажить уготовляется... вода... в напоение.. почерпается благолепие устрояется... чин... опасно соблюдается» и т. д.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Служебник. М., 1655, с. 41. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте. Такое же предисловие помещалось и в последующих изданиях «Служебника» 1657 и 1658 гг.

<sup>2</sup> Скрижалъ. М., 1655—1656, с. 11—12. У предисловия пагинация постраничная, а у «Сказания въкратце, како и ким исправися чин

Но издатели не увлекались идеализацией событий. Во всех их похвалах поминались некие теневые обстоятельства, в которых вершили реформы царь и патриарх: «Воистинну бо их благочестным повелением лукавство исчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися...» («Служебник», 42—43). Эти отрицательные обстоятельства пояснялись и поконкретнее: власти «от священноначалствуемых мрачную умовреднаго невежества тму прогоняют», «темен неведения мрак разрешающе», «нвежества во многих уме лежащего камень... от мысленнаго таинственных священнодейств кладязя отвалити потщася» («Скрижаль», с. 4, 9—10). Издательские панегирики, несомненно, намекали на противодействие в российском обществе распространению никоновских реформ. Автор предисловия к «Скрижали» открыто негодовал: то, что ввел Никон, «неким неискусным и самомудрым, паче же суюмудрым скаредовиднаго безчиния рачителем есть ненавистно. Сии бо темным умовредныя ненависти или дебелаго неведения мраком душевредне омрачившеся и мысленная очеса своя во еже на светлую исправлений лучи не зрети смеживше... Оле, пагубоноснаго роптания! О, песмыслении ропотницы!...» («Скрижаль», с. 13—14).

Если последователи Никона были раздражены, то противники его реформ тоже испытывали отрицательные чувства. Например, Иван Неронов писал в своих посланиях в 1653 и 1654 гг.: «Люди божия смущаемы и печалию погружаемы», «пыне мнози озлоблены и утрашены», «чадом церковным везде плачь»<sup>3</sup>. Казалось бы, в обеих группировках должно было усилиться взаимное озлобление.

Но если говорить о настроениях верхов, то нельзя пройти мимо того факта, что те же панегирики царю и патриарху в старопечатных предисловиях и послесловиях выражали вовсе не чувства ненависти или злобы. Хулы в адрес противников были редки. Авторы нажимали на слова «согласие», «союз», «любовь», например: правленные при Никоне книги «друга друзей вси согласуют... ради церков-

проскомидии» в составе «Скрижали» пагинация полистная. Далее ссылки на страницы и листы данного издания приводятся в тексте.

Ср. «покаянные» стихи, сочиненные не ранее патриаршества Никона: «Второй Иерусалим явися царство Московское. Убо зрите и разумейте, вернии сынове света, Российское достояние» (Сергеев В. Н. Русские песнопения XVII в. на историческую тему.— В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1975. М., 1976, с. 41).

<sup>3</sup> Материалы для истории раскола за первое время его существования, изд. Н. И. Субботиным. М., 1875, ч. 1, с. 38, 39, 72.

наго соуза и согласия... Во едином согласии вся сочеташа... к согласию же и к соединению благому церкви»<sup>4</sup>. Общественное согласие рисовалось целью реформ. Авторы подчеркивали мирную, радостную устремленность иконовских реформ на каждом мыслимом этапе. Сначала бог «благоволи... всех православия питомцов... возвеселити правоверных догмат целостию утешити». Затем «от духа премудрости и кротости подвигся» патриарх. «Всеим сущым под ними тожде творити повелеша» царь с патриархом, и вот уже как бы в самом деле «истинна ликует, правда цветет, любовь владычествует» («Скрижаль», с. 2, 41, 43, л. 2 об.). Авторы, по-видимому, очень хотели любви и мира в обществе.

Особенно ясно желание мира видно из издательских обращений к читателям, ко «всеуму православному роду российскому» («Скрижаль», с. 18). Прямыми и косвенными призывами и пожеланиями о мире авторы буквально заполнили предисловия и послесловия: «Буди же вам, христоменитому достоянию, всем известно, яко да союз мира церковнаго твердо в душе кротости хранится и да не будет несогласия ради распри в церковном телеси» («Кормчая», л. 647); «и ничто же по сему нужнейши и краснейши есть человеком сего ино мнети по словеси божественаго Павла, пишуща к римляном: Аще возможно еже от вас, со всеми человеки мир имейте» («Служебник», л. 1 об.). Патриарх Никон в грамоте, опубликованной отдельной книжечкой, также обещал читателям время, когда «устремляющыяся на ны волны и бури утишит и мир сотворит»<sup>5</sup>. Издатели не испытывали озлобления к тем, кто не принимал иконовских реформ.

Правда, издательские призывы и пожелания к читателям о мире имели существенный оттенок. Так, в предисловии к «Служебнику» провозглашалось: «Праведно есть и нам всякую церковных ограждений новину потребляти» (с. 7). Этот призыв был взят из речи Никона, помещенной в том же «Служебнике» (с. 16). Из контекста предисловия и, конечно, из речи Никона следует, что под «новиной» авторы подразумевали дониконовские порядки, а в качестве старого выдавали иконовские реформы. Все перевернуто с ног на голову! Подменной оценок автор предисловия стре-

<sup>4</sup> Кормчая. М., 1653, л. 647—647 об. Далее ссылки на листы данного издания приводятся в тексте.

<sup>5</sup> Грамота Никона о Крестном монастыре. М., 1656, с. 25. Ср. такие же заверения в царской грамоте 1654 г.: «...мир строится и, любя, тем присно на лучшее преуспевати... присно благих желающе и лучшее преспевающе» (ПСЗ. СПб., 1830, т. 1, с. 330).

мился сбить упрямых читателей с панталыку. Авторские предложения мира и согласия читателям имели скрытое условие: принять сторону Никона. На таком скрытом условии основывались многочисленные воззвания к читательской массе о знаменующем общий мир единокорным почитанием царя и патриарха: «Должно убо всем повсюду обитающим православным народом восхвалити же и прославити» царя и патриарха — за реформы; «да возрадуютъжесьея вси живущии под державою их и да возвеселятся... да под единым их государским повелением вси повсюду православные народи живуще утешительными песньми славити имут» — никоновские реформы («Служебник», с. 40, 44). Иногда же повод для восхвалений назывался несколько яснее: «Елико же кто вас, православных читателей иафефороссийскаго народа, со благодарением сие дело от них приемше хвалу... благодарение... молитвы воздадите»<sup>6</sup>. Пожалуй, только однажды формулировка условия будущего мира вырывалась из пут двусмысленности: «... аще чада божия непорочна быти вождедеют многокозненну зависть истребят, искреннюю любовь в сердце своем насадят, богомерзкое безчине возненавидят, боголюбезное благочиние возлюбят и, самому первостолному церковнаго священноначалия чиноначалнику во всем благоумне покоршесьея, досточестная воздадут о сем благодарения» («Скрижаль», с. 16—17). Издатели ставили читателям условия мира не жестко, но твердо. Подобная позиция не обостряла сложившуюся обстановку, но и не смягчала ее.

В старопечатных изданиях второй половины 1650-х годов произошла смена акцентов. Прежде всего описания распрей и несогласий стали гораздо определеннее. Например, сам Никон печатно объявлял: «... мнози, купно и особь собирающесея, о нас глаголаху неподобная и грехи наша понимающе... Тии же которавшии на нас не удовлившесея сим, но и ложная от лукаваго сердца видения и сония пред очи простейших предлагаху. Прости же и ненаученнии... внимают баснем их крамолным и бесовским и ложным их пророчеством... и чудо, како и сим таковым лживым сновидцом мнози ненаказаннии последуют»<sup>7</sup>. Издатели уже не чувствовали некие «душевредные облака», а отчетливо видели толпы враждебно настроенных людей.

В старопечатных обращениях к читателю постоянно ста-

<sup>6</sup> Постная триодь. М., 1656, л. 2.

<sup>7</sup> Никон. Поучение о моровой язве. М., 1656, с. 23—24, 25—26, 38. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

ла предусматриваться неприятная ситуация: «аще... обрящещи яково в чесом сумнительное тебе», «аще где и слычися яковому чесому привпасти поползновению»<sup>8</sup>; «аще ли суть нецыи, чтуще книги сия... и не хотят веровати», «аще кто не веровати сему хочет»<sup>9</sup> Издатели, которые обращались «всем, всякаго чина и возраста, мужеска полу и женска, православным христианом» («Поучение», с. 2), теперь постоянно ощущали присутствие сомневающихся или даже недружественных читателей. Все это вполне соответствовало реальной обстановке проведения никоновских реформ, начавшемуся общественному расколу.

Естественно, что печатные упоминания о будущем мире и согласии перестали быть такими частыми, как прежде. Издатели теперь не увлекали читателей к миру, а вежливо просили его, как, например, в послесловии к «Евангелию»: «Честнозем вашим всех благих, наипаче же мира, любви... просим»<sup>10</sup>. Желание мира словно потеряло остроту. Издатели без прежней уверенности надеялись на наступление мира: «... и вем, яко всяк от вас восхощет послушати Христа» — и призывали не столько к благополучному миру, сколько к общему плачу по поводу распри: «Но приидете убо вси... и восплачем вси православнии народи, мужи, жены и отрочата, всякаго чина и возраста... Возставим общь плачь... Возвысим глас моления вместо ненавидимаго... кричания» («Поучение», с. 44—45). В сознании издателей момент наступления общественного мира явно отдалился. Надежда на мир стала более холодной.

Будущее казалось иным. Авторы теперь раздавали только внешне примирительное, а на самом деле досадливое прощение инакомыслящим: «Буди им милость божия и не постави им господи греха, аще ли живыя или отшедшия» («Поучение», с. 25); «буди им милость господня, понеже немощ человеческую помышляют» («Рай», л. 51 об.). Авторы уже словно не могли справиться с читателями и пускали дело на самотек.

Но совсем отказаться от воздействия на читателей, конечно, было невозможно. Издатели переменили репительные призывы к читателям на сравнительно осторожные уговоры, вроде такого: «Не точию не внимати леть есть лжеслове-

<sup>8</sup> Ирмологий. М., 1657, л. нумерованн. 5, 6 об. Далее ссылки на листы данного издания приводятся в тексте.

<sup>9</sup> *Никон*. Слово о создании Иверского монастыря.— В кн.: Рай мысленный. Иверский монастырь, 1658, л. 51, 64. Далее ссылки на листы данного издания приводятся в тексте.

<sup>10</sup> Евангелие. М., 1657. Послесловие, л. 2 об.

сно оных лживых сповидцов, но и блюстися их яко губителей» («Поучение», с. 35). Издатели понимали, что читатели вполне могут не «блюстися». Издатели перестали толкать читателей к немедленному нужному действию и вынуждены были побуждать их к размышлениям: «... да искусит вещью... но иже искусом познав, уразумеет лучшее» («Рай», л. 64 об.); «судите сами, чада возлюбленная, кого вам требе послушати...» («Поучение», с. 40—41). Приходилось ждать, чего решит читатель.

Издатели отсылали к неким авторитетным советникам: «Тебе, православного читателя, с покорением любезно молим... да не предвариши осудити или укорити нас, но прежде... сведущим вникнув», «исправи умом своим, и не еди-» точно, но со множайшими мудрости сея достойными и искусными» («Ирмологий», л. нумерованн. 5 об., 6 об.). Это был новый элемент в обращениях издателей к читателям и, следовательно, в сознании издателей. Между двумя сторонами — авторами и читателями — вдруг появилась третья сторона.

Неожиданно четкое отражение этого нового явления находим в рукописном сочинении одного монастырского краснбая — в огромном богословском послании влиятельного соловецкого инокa Герасима Фирсова к архимандриту Саввино-Звенигородского монастыря Никанору, составленном не позднее 1658 г.<sup>11</sup> Здесь немало говорилось об истолковании различных текстов, и в конце послания многознающий Герасим Фирсов вывел лапидарное правило осмысления сочинений: «Достоит... навикнути истинное... не собою, но ходатайством посреде некако вышележащаго нас чина служебническаго»<sup>12</sup>. То есть предполагалось, что теперь автор непосредственно не мог внушить нужное читателю; для этого требовался третейский суд.

На примере самого себя Фирсов пояснял должное поведение читателя: «Паче же бояся и никако же отнюдь веруя своему разуму когда, со многою боязнию и смотрением прилагаю се, яко, аще имать ин некий разум добрейший, от сих чтый да смотрят и разумевае...» (129). Ни авторы, ни читатели не мыслились у Фирсова главными сторонами; за главную силу выдавались какие-то мудрые истолковате-

<sup>11</sup> Датировку см.: *Никольский Н.* Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова по неизданным текстам: (К истории северно-русской литературы XVII века). СПб., 1916, с. XXIV.

<sup>12</sup> *Никольский Н.* Сочинения соловецкого инокa Герасима Фирсова..., с. 130. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.



ли, примирявшие возраставшее расхождение писателей и читателей. Вот снова мирный выход из общественного конфликта, предложенный писателями, тяготевшими к российским верхам.

Издатели 1650-х годов даже несколько конкретизировали условия мирного улаживания разногласий. Судя по энциклопедическим замечаниям, в качестве третьей, решающей стороны авторы были склонны выбирать тех, «елико кто изобилует дарованием родоязычия», «аще сам искусен греческа диалекта», «яже аще кто усердие имея к писанию божественному и к сему поне малейшую часть греческа языка навывковение» («Постная триодь», л. 1 об.; «Ирмологий», л. нумерованн. 5 об.; «Евангелие», л. 2). То же с присущей ему определенностью заявлял Герасим Фирсов: «... добро убо свершенным и обучена имущим душевная чювьства к разсуждению лучшаго и злаго» (115). Издатели фактически открещивались от «простых и ненаученных» читателей и слушателей: «Простии же и пенаученнии не ведуце полезнаго» («Поучение», с. 26). Герасим Фирсов осуждал резко: «Не добро же простым и еще сущим о Христе младенцем», от них «всяка бо прелесть и ересь сице введена бысть житию» (115, 128). Путь общественного умиротворения, понравившийся всем этим издателям и авторам, не был демократическим. У такого рода авторов имелся идейный ориентир. Ведь наиболее развернуто и резко «простии» осуждались в правительственных документах тех лет, например в царских грамотах: «Есть некие, именуются всеу православные христиана, розных всяких чинов люди, от преепроста ума своего и своим неразумием и нерадением, гордости ради... без покаяния всегда пребывают»<sup>13</sup> Издатели книг думали об умиротворении в интересах верхов.

Наметившаяся общественная позиция издателей получила законченное воплощение в книгах первой половины 1660-х годов. Тогда из четырех книг в свет выпускались издания преимущественно богословского содержания — «Анфологион, сиесть Цветословие» (сборник переводов Арсения Грека), «Библия», толкования Иоанна Златоуста на «Евангелие», сборник переводов Епифания Славинецкого из отцов церкви. Уже сам по себе подобный репертуар изданий предполагал подготовленного читателя.

Любопытна в связи с этим история сборника переводов

---

<sup>13</sup> Царская грамота 1660 г. в Великий Новгород.— ААЭ. СПб., 1836, т. 4, с. 160.

Епифания Славинецкого. На титульном листе сообщалось, что книга была составлена еще в 1656 г., а издали ее только в 1665 г., т. е. тогда, когда возобладала ориентация издателей на очень образованного читателя. Замечательно, что из предисловий и послесловий исчезли упоминания о «простых» читателях. Издатель теперь упрекал своих современников за то, что они в учености отставали от Максима Грека: «Во всех благоискусен бе сый и много от человек ныняшняго настоящего времени отстоящ мудростию и разумом во всяком остроумии»<sup>14</sup>. При таких требованиях мало кто мог считаться достойным чтения книги.

Представления издателей об избранном читателе детализируются по тому предисловию к печатной «Библии», которое написал Епифаний Славинецкий. Эпитеты говорят сами за себя: «Читателю благочестивому и в писаниих люботщаливому», «иже дар по благодати духа святаго родо-язычия имей», «любомудрию твоему» — вот к какому знатоку в первую очередь адресовалась книга<sup>15</sup>. В наставлениях читателю уже не шло речи о советниках: «... егда вникнув в сию божественную книгу... первее увеждь вину вещи... и тогда держай», «аще восхощеши, чтый изследити о сих», «веси и сам» — самому читателю доверялось разбираться в прочитанном (л. 2, стб. 2; л. 2 об., стб. 1 и 2).

Разбираться же надо было в длиннейших, бесконечных фразах с массой вставных и придаточных предложений<sup>16</sup>. Например, о том, что царь повелел издать «Библию», сообщалось так (цитируем с большими сокращениями): «Сие ведение... возлюби и взыска... по некоего мудраго словеси, „певесту водити себе и любитель быти красоты ея“, благоверный... царь... и не себе единому, по Сираху, трудися о взыскании ея, но и всем ищущым наказания; восхоте и сию божественную книгу, Ветхий и Новый завет, прежде не сущу зде в велицей России художеством типографства издану, ныне издати и миру даровати; паче же нам, роду славянороссийскому, благодатно преизбыточествова; юже ныне видев, благочестивый и православный читателю ...не

<sup>14</sup> Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея. М., 1664. Послесловие, л. 2—2 об.

<sup>15</sup> Библия. М., 1663, л. 2, стб. 1 и 2; л. 2 об., стб. 2. Далее ссылки на листы и столбцы данного издания приводятся в тексте.

<sup>16</sup> О стиле предисловия Епифания Славинецкого к «Библии» см.: «...широковещательность изложения, когда при изложении главной мысли в нее вводится много второстепенных определительных (параллелизм церковных песнопений, акафистов); конструкция речи близко подходит к языку церковных книг» (Ротар И. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII века. Киев, 1901, с. 59, сноска 2).

забывая достойна делателя мзды твоея, иже бо николи же никто же мимошедших времен от царей и благочестивых князей zde, в велицей России, сипцево великое сокровище, паче многих тысящ всяческих сокровищ мира сего, о нем же в начале тебе изъявлено, яково есть, церкви великороссийстей предложити усердствова типографии художеством, яко же...» и т. д. и т. п. (л. 2, стб. 1—2). Подобное изложение было рассчитано на образованнейшего читателя, который легко бы следил за ходом мыслей, потому что все эти сведения и объяснения, похвалы и цитаты в более полном и связном виде уже присутствовали в его памяти.

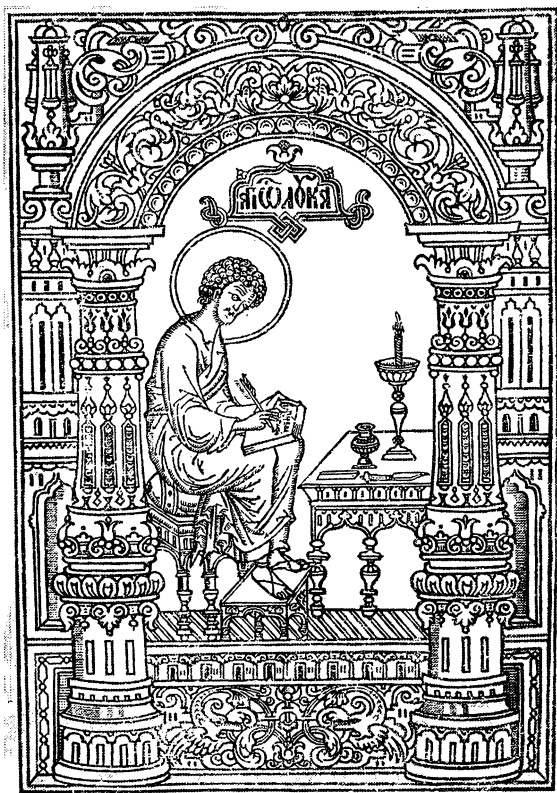
Издание «Библии» не предназначалось для широкой массы читателей. Недаром в предисловии Епифаний Славинецкий без обычных количественных определений «чтущего» народа отмечал, что книга издана «ради... zde в велицей России ищущих и хотящих имети я», и только (л. 2 об., стб. 2). Правда, в кратком и, надо сказать, шаблонном послесловии издатели обращались ко «всем же повсюду православным христианом, господием, и братии, и другом» (л. 516, стб. 2); но это шаблонное обращение было использовано просто по традиции. Предисловие к «Библии» вернее, чем послесловие, указывало на реальный круг читателей, желанных издателям.

Прочие впервые изданные четьи книги половины 1660-х годов предназначались издателями для того же довольно редкостного, наученного языкам читателя, понимавшего «различна речения» и «с греческих и славенских различных переводов произволы» — варианты<sup>17</sup>. Стремление издателей замкнуться в сравнительно узком кругу «искусных» читателей проявилось во время резкого обострения споров из-за никоновских реформ. В посланиях, челобитных и грамотах тех лет открыто признавалось наличие раскола, «иже на Москве глаголетца от всемножественного народа»: «... и учал быти раскол: в книгах речь, а в людех другая»; «брань бо сия лютейшая... смущение убо велие... распря и несогласие»; «ныне в народе многое размышление и соблазн, а и в иных местех и расколы» и др.<sup>18</sup> То, что в этих условиях

---

<sup>17</sup> Беседы Иоанна Златоуста на Евангелие от Иоанна. М., 1665, л. 2; Сборник переводов Епифания Славинецкого. М., 1665, л. тит. об.

<sup>18</sup> Послание Никона 1662 г. — В кн.: *Гиббелет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882, ч. 1. Приложения, с. 226; челобитная чудовского монаха Савватия около 1662 г. — Три челобитные: справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря: (Три памятника из первоначальной истории старообрядства) / Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862, с. 40; челобитная



Умиротворенный книгописецу (Лука).  
Евангелие. М., 1653

издатели книг еще не пошли на печатную полемику с противниками никоновских реформ, а как бы отгородились от них, свидетельствовало о прежней, мирной позиции издателей и их руководителей. Только возможности для сохранения мира все сужались и вот почти исчезли. Через год-другой тактика верхов была изменена. Появление Симеона Полоцкого на общественной арене помогло российским верхам начать и в печати ожесточенную борьбу с «простими», с «невеждами», с раскольниками.

---

Ивана Неронова 1660 г.— Материалы для истории раскола..., ч. 1, с. 168, 170, 176; грамота царя Алексея Михайловича 1662 г.— Гиббелет Н. Историческое исследование..., с. 243.

## 2. Отгороженность от «нагих-босых» («Повесть о Горе-Злочастии».) Сатирические повести. Пословицы)

«Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело Молотца во иноческий чин», при всей своей лиричности, отразила большой комплекс социальных представлений ее автора. Однако прежде чем заняться социальными воззрениями неизвестного автора, желательно поточнее датировать эту знаменитую «Повесть». Исследователи относят ее к XVII в., охотнее ко второй половине XVII в., чем к первой половине. Чтобы определеннее атрибутировать «Повесть», обратим внимание на некоторые ее реалии.

Главным для датировки в данном случае является следующее высказывание «Повести» о Молодце: «Крестил он лице свое белое... горазд он крестится, ведет он все по писанному учению»<sup>19</sup> Упоминание крещения «по писанному учению» объясняется использованием в «Повести» традиционного фольклорно-былинного выражения. Если автор как-то соотносил привычное фольклорное выражение с современной ему действительностью, то тогда стоит подумать, когда в XVII в. могло и когда не могло употребляться выражение «крестится... по писанному учению». Патриарх Никон, как известно, заменил двухперстное крещение, завещанное «писанием», на трехперстное. Реформы Никона, включая перемену в способе крещения, широко, общенародно объявлялись не «писанием», а печатными изданиями. Связь реформ Никона с печатным «учением» была в те времена общепризнанной: соответствующие никоновские документы ссылались прежде всего на печатные греческие и московские книги; противники реформ обвиняли Никона прежде всего в следовании «книгам латиногреческим печатным»<sup>20</sup>. Значит, можно предположить, что Молодец в

<sup>19</sup> Цитирую по факсимильному изданию рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1773 в кн.: *Симоны П. К.* Повесть о Горе и Злочастии, как Горе-Злочастие довело Молотца во иноческий чин, по единственной сохранившейся рукописи XVIII-го века. СПб., 1907, с. 8. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте работы.

<sup>20</sup> Об этом см., напр.: *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909, т. 1, с. 194, 234, 236, 458 и др.

Ср. противопоставление «писания» и «печати» в песнопении о Никоне, приписываемом Аввакуму: «А како мы в писание слышахом не вразумихомся... А како нас угодиик антихристов прельстил... и всем даде свою богомерскую печать на челе и на десной руке. О, люте, злый Никоне... Не ты ли потоптал закон и книги пророческия, не ты ли поругал троицу трисоставную, в ней же мы крещаемся и им же мы зна-

«Повести о Горе-Злочастии» крестился по старому, «писанному учению»; автор сказал бы иначе, если бы дело происходило после окончательного утверждения иконовских реформ. Троеперстие было утверждено церковным собором 1656 г., но затем последовал десятилетний период разногласий, когда большинство населения крестилось двуперстно по-прежнему; только «заповедь» собора в июле 1666 г. положила начало резкому реальному разделению на старообрядцев, которые продолжали креститься «по писанному учению», и на «никониан», крестившихся по установлениям иконовских печатных книг<sup>21</sup>. Отсюда можно предположить, что «Повесть о Горе-Злочастии» появилась не позднее 1666—1667 гг. Это предположение, конечно, шаткое: если автор бездумно повторил привычное выражение о «писанном учении», то оно не имеет датирующего значения.

Второе датирующее высказывание в «Повести»: «Ты поиди Молодец на царев кабак» (14). Кабак в «Повести» упоминается неоднократно. Но в соответствии с царскими указами в период с 1652 г. до 1 сентября 1664 г. кабаки были переименованы в «кружечные дворы» (сокращенно «кружала») <sup>22</sup>. Значит, «Повесть» могла быть написана или до, или после этого периода. Правда, такое предположение тоже шатко: в народе кружечные дворы могли по-старому называть кабаками и после царских указов; даже в официальных документах 1652—1654 гг. кружечный двор нет-нет и прозывался кабаком<sup>23</sup>. И все-таки доводы, хоть и шаткие, очерчивают некие хронологические рамки: «Повесть о Горе-Злочастии» могла появиться или не позднее начала 1650-х годов, или в середине 1660-х годов.

Дополнительные наблюдения позволяют указать предпочтительное время появления «Повести». Дело в том, что в

---

менаемся и кладем на лица своя?.. Не ты ли предал печать скверную всем человеком? О господи, владыко, творец наш, помилуй нас от... его печати скверная» (цит. по кн.: Древнерусские рукописи Пушкинского дома: (Обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965, с. 190—191).

<sup>21</sup> Кантрев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, с. 503, 507, 509 и др. См. также: Макарий. История русской церкви. М., 1883, т. 12, с. 667, 770.

<sup>22</sup> Ср. царские указы и грамоты 1651 г., 16 августа 1652 г., 15 июня 1663 г., в марте 1664 г.— ПСЗ. СПб., 1830, т. 1, с. 262, 579; ААЭ. СПб., 1836, т. 4, с. 88; ДАИ. СПб., 1851, т. 4, с. 371. См. также: Прыжов И. Г. История кабаков в России в связи с историей русского народа. 2-е изд. Казань, 1914, с. 109—112.

<sup>23</sup> Ср., напр., крестоприводную запись в августе 1652 г., память в декабре 1653 — январе 1654 г.— ААЭ, т. 4, с. 90, 93; АИ. СПб., 1842, т. 4, с. 199.

«Повести» можно обнаружить множество косвенных связей с правительственными мероприятиями и требованиями конца 1640-х — начала 1650-х годов и с более поздними; притом не с самими постановлениями, а с их результатами, с привычными обстоятельствами, сложившимися после соблюдения таких постановлений. Так освещается в «Повести» история пьянства Молодца. Рассказывается, что, «как будет день уже до вечера, а солнце на западе, от сна Молодец пробуждается» в кабацкой избе и покидает кабак (6—7). В упоминании того, что Молодец уходит из кабака именно вечером, возможно, отразился установившийся обычай, введенный царскими предписаниями 1652—1653 гг.: кружечные двory (а затем и кабаки) «запирать за час до вечера» летом, а зимой еще раньше<sup>24</sup>. Совет Молодцу на случай пира — «не пей, чадо, двух чар за едину» (3) — тоже можно сопоставить с указами 1652—1653 гг.: «А продавать вино... по одной чарке человеку, а болши той указной чарки одному человеку продавать не велели»<sup>25</sup>. В кабаке Молодец «испывал чару зелена вина, запывал он чашею меду слатково и пил он Молодец пиво пьяное» (6). Но в кружечных дворах первоначально было запрещено торговать медом и пивом: «... пива и меду продажного отнюдь бы не было»; правда, затем вроде бы разрешили завести мед и пиво на кружечных дворах, но, вероятно, не везде; и еще в 1660 г. документы осторожно оговаривались: «А буде на кружечных дворах изволит великий государь опроче вина быть пиву и меду...»; только с новым открытием кабаков в 1664 г. повсеместно разрешалось «пиво и мед продавать»<sup>26</sup>. Молодец действительно пил в кабаке, а не на кружечном дворе. Наконец, от соблазна пьянства «Молодец в монастыр пошел» (22); и тут нельзя не вспомнить череду строжайших церковных запрещений 1649—1652 гг.: «Во всех монастырех хмелное питье, вино и мед и пиво, отставить»<sup>27</sup>. Эта россыпь бытовых деталей в «Повести» позволяет относить произведение не ко времени до начала 1650-х годов, а скорее к середине 1660-х годов.

Наш хронологический выбор подтверждает еще одна реалия в «Повести»: Горе внушает Молодцу «убити и ограбить, чтобы Молотца за то повесили или с камнем в воду посадили» (22). Повешение или утопление за разбой или

<sup>24</sup> ААЭ, т. 4, с. 88, 95.

<sup>25</sup> Там же, с. 88, 95.

<sup>26</sup> ПСЗ, т. 1, с. 521, 579; ААЭ, т. 4, с. 88, 95; ДАИ, т. 4, с. 370. См. также: Прыжов И. Т. История кабаков в России..., с. 111—122.

<sup>27</sup> Прыжов И. Т. История кабаков в России..., с. 57, 485 и сл.

ные преступления специально не оговаривалось «Уложением» царя Алексея Михайловича 1649 г., но именно серия царских указов 1654—1659 гг. уточнила, за какие вины вешать<sup>28</sup>. Любопытно, что уточняющее указание на повешение за убийство содержит, кроме «Повести о Горе-Злочастии», также и «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы», тоже сочиненное после 1652 г. (но до 1681 г.): «А тебе, княгина Улита Юрьевна, повешеной быть на воротех и зле ростиляпой, или в землю по плечь жывой быть закопаной, что мы напрасно здумали зло на князя неправедно»<sup>29</sup>. И все-таки нельзя не отметить разницу. В «Сказании об убиении» ориентация на правовые нормы более ощутима: по «Уложению» 1649 г., законание заживо действительно полагалось жене, убившей мужа. В «Повести о Горе-Злочастии» же оглядки на конкретные обычаи уголовного права, возможно, и не было; повешение Молодцу могло назначаться по традициям фольклора; ср., например, пословицы о разбойниках: «Дошол тать в цель — ведут его на рель», «жаль вора да повесить», «злое ремесло на рель занесло», «опочинь вор на рели»<sup>30</sup>. Датировка «Повести о Горе-Злочастии» все-таки выходит предположительной.

Но тем нужнее для датировки возможные подтверждения с разных сторон. Вот совсем иная реалья в «Повести»: когда у Молодца в очередной раз «не стало денъги, ни полу-денги», то «пришла ему быстра река, за рекою перевоицики, а просят у него перевозного, ино дать Молодцу нечево» (15); но за спетую песню перевозчики вдруг перевезли Молодца, «а не взяли у него перевозного» (19). Здесь вспоминается уставная царская грамота 1654 г., запрещающая злоупотребления разными поборами на перевозах; грамота установила единую небольшую плату за перевоз: «На великих реках... в вешнюю полуую воду... с пешаго человека по деньге ... на меньших реках... с пешаго человека по полушке»<sup>31</sup>. Отсюда, возможно, и проистекала уступчивость перевозчиков в «Повести о Горе-Злочастии». Быть может, не случайно, что эпизод с перевозчиком и платой перевоз-

<sup>28</sup> ПСЗ, т. 1, с. 340, 370, 488. См. также: *Сергеевский Н. Д.* Смертная казнь в России в XVII и первой половине XVIII века.— *Журнал гражданского и уголовного права*, 1884, кн. 9, ноябрь, с. 9, 18, 20—22.

<sup>29</sup> Повести о начале Москвы / Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.; Л., 1964, с. 202—203. О датировке «Сказания» см. с. 141—143.

<sup>30</sup> Сборник пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий / Собр. и пригот. к печати П. Симони. СПб., 1899, с. 96, 100, 105, 130.

<sup>31</sup> ПСЗ, т. 1, с. 331.



ного есть также в упомянутом «Сказании об убиении Даниила Суздальского», хотя перевозчик здесь жадный и коварный<sup>32</sup>.

И еще несколько соответствий. В «Повести о Горе-Злочасти» подчеркнута необходимость соблюдения «вежества» в поведении: «... люди... учнут тя чтить и жаловать... за вежество» (11); вопрос о «вежестве» постоянно вставал с конца 1640-х по начало 1660-х годов; и документы отмечали: «... невежливым обычаем пришли к государеву двору»; «в челобитной вашей писано с болшим невежеством»; «говорил с невежеством»; «учали бить челом с болшим невежеством»<sup>33</sup>. В «Повести о Горе-Злочасти» отмечается место детей купеческих на пиру: «место среднее, где сядят дети гостиные» (8); датирующая зацепка здесь такова: именно в 1659 г. вспыхнул спор о месте купечества; некоторые купцы претендовали быть выше даже самих дьяков; спор дошел до царя; после разбирательства по царскому указу и боярскому приговору было велено, чтобы «гости были написаны дьяков ниже многими месты», т. е. в месте среднем или ближе к среднему, потому что «ныне-де в гостинном чину люди молодые и дети обычных отцов торговых людей»<sup>34</sup>. В «Повести о Горе-Злочасти» находим описание зажиточного двора: «Двор что град стоит, изба на дворе, что высок терем» (8); оказывается, в 1650-е годы шли споры и о высоте надворных строений, которые хозяева нередко делали высокими, затемняя свет соседям; последовал царский указ<sup>35</sup>.

Разумеется, не удастся жестко приурочить «Повесть о Горе-Злочасти» к бытовым явлениям тех или иных десятилетий XVII в., потому что история русского быта изучена недостаточно подробно. Однако предварительные сопоставления, изложенные нами, свидетельствуют, пожалуй, в пользу предположения о середине 1660-х годов как о времени появления «Повести о Горе-Злочасти» в том виде, какой передал ее единственный дошедший до нас список. Вот почему мы рассматриваем «Повесть о Горе-Злочасти» в данной главе нашей работы.

Обратимся к социальным представлениям автора «Повести». Прежде всего показательно пристрастие автора к

<sup>32</sup> Повести о начале Москвы, с. 201—202.

<sup>33</sup> Распросные речи 1649 г., царские грамоты 1650—1652, 1655 и 1662 гг.—ДАИ, СПб., 1848, т. 3, с. 242, 266; ПСЗ, т. 1, с. 364, 568, 569.

<sup>34</sup> ПСЗ, т. 1, с. 484, 485.

<sup>35</sup> Там же.

группировке людей. Автор эмоционально делил общество на две противоположные части: есть люди «мудрые», «мудрые и разумные», «мудрые и досужие» (т. е. искусные) и есть люди «глупые», «глупые-немудрые» (3, 4, 9, 13). Проводилось в «Повести» еще одно разделение людей: есть «государя люди добрые» (8—11, 18—19) и, значит, наоборот, есть и люди злые, плохие. Соотношение всех этих категорий людей было несложным. Оно подсказывается синонимами к слову «добрый». Например, в одной из фраз «Повести» синонимом к слову «добрый» было слово «мудрый»; эти слова были поставлены автором в единый синонимический ряд прилагательных: «Ты послушай пословицы добрая, и хитрая, и мудрая» (3). Такие примеры не единичны. Все «доброе», хорошее означало у автора «мудрое», «разумное». Так что «люди добрые» у автора «Повести» могли означать то же, что «люди мудрые». И действительно, автор иногда прямо приравнивал эти определения в характеристиках людей. Например, «добрый Молодец» значил и «разумный Молодец»; оба эпитета рядом выглядели тавтологией: «... добро[й] еси ты и разумный Молодец» (11). Люди «добрые» — это у автора, несомненно, были люди «мудрые и разумные».

По «Повести» можно понять, отчего у автора возникло подобное приравнивание. В одном месте «Повести» автор мимоходом объяснял зарождение хорошего именно от разумного: почему молодец запел «хорошую напевочку»? «Запел он хорошую напевочку от великаго, крепкаго разума» (18). Беглость такого разъяснения у автора свидетельствует о привычном сращении следствия и причины — понятий хорошего и разумного. В другом месте «Повести» автор также мимоходом пояснил свое мнение и о «мудрых» людях: раз люди «мудрые», то не приведут ко злу; наставление Молодцу — «а знайся, чадо, с мудрыми и разумными водися и з друзи надежными дружися...» — завершалось разъяснением: «... которая бы тебя злу не доставили» (4). Понятием «люди мудрые» привычно порождалось у автора понятие «люди добрые, не злые»; это были, в сущности, единые понятия у автора — «люди мудрые-добрые» и «люди глупые-плохие».

Но деление людей на «мудрых-добрых» и «глупых-злых» — чисто оценочное. Имело ли оно у автора «Повести» социальный смысл? Надо сопоставить его с действительно социальной градацией людей у автора «Повести». Люди в «Повести» иногда назывались по их занятиям или происхождению. К «мудрым-добрым людям» автор причислял,

например, мастеров-портных (19) и «детей гостиных» (8; детей купеческих?), а к «глухим-злым людям» относил костарей, корчемников, голов кабацких (4), «лядей», т. е. лентяев, и бражников (13). Однако такие обозначения в «Повести» единичны и не заполняют всего объема авторских понятий о людях хороших и плохих.

В «Повести» присутствует еще одно социальное деление людей — на «богата и убога», т. е. на богатых и бедных. Сама формулировка такого противопоставления в «Повести» почти незаметна, так как употреблена автором всего один лишь раз, и притом в контексте, примиряющем, смазывающем противоположение; Молодцу советуют: «Не безчестуй, чадо, богата и убога, а имей всех равно, по единому» (4). Поэтому только на формулировку опираться не следует.

Зато контрастное изображение богатых и бедных, имущих и неимущих пронизывает всю «Повесть». У богатых — деньги, «живота болшы старова» (12), у них «богатество» (13); у бедных же — «не стало денъги, ни полу денги» (7), они терпят «безъживотие злое... безконечную нищету и недостатки последние» (2—3). У богатых «двор, что град; стоит изба на дворе, что высок терем, а в избе... дубовой стол» (8); у бедных же — «нет ничево» (18), ни двора, ни избы, ни стола. Богатые одеты в «драгие порты, чиры и чулочки.. рубашка» (7; ср. 18—19); бедным же «ведома нагота и босота безмерная, легота-безпроторица великая» (14; ср. 2), у них в лучшем случае «гунка кабацкая» и «лапотки-отопочки» (7; ср. 19); показательно, что горе бедняцкое «босо-наго и нет на Горе ни ниточки, еще лычком Горе подпоясано» (16). Различие во внешности усиливается и тем, что богатому родиться «белешенку», у богатого «тело белое» и «ясные очи» (7, 10, 16, 19); а бедный «родился головенкою», у бедного «изъсушила печал... белое тело... и ясныя очи замутились» (10, 19); а самое бедное действующее лицо — «Горе горинское» — вообще «нечистое» и «серое» (13, 17, 18)<sup>36</sup>. Наконец, изображенные в «Повести» богатые люди сыты, они «пьют-ядят, потешаются» (8); бедным же «кушати стало нечево» (7); показательно признание обедневшего Молодца: «Уже три дни... не едал

<sup>36</sup> При различных истолкованиях образа Горя (см. известные работы Ф. И. Буслаева и Д. С. Лихачева), несомненно, это олицетворение человеческого состояния или качества, наблюдающееся в фольклоре и переходящее в книжность. Ср. олицетворение в «Притче о Хмеле». Ср. олицетворение в «Сказании о птицах»: «Ворог тот человек сам себе, которой возьмется за ходое дело; а Худо и давно за него примется» (Древнерусские сказания о птицах / Сообщение X. Лопарева.

и Молодец ни полу куса хлеба» (16). Противопоставление богатых и бедных получилось в «Повести» исключительно выразительным, хотя автор «Повести» не старался специально противопоставить одних другим.

Авторскую мысль о соотношении людей «мудрых-добрых» и людей богатых выдает соответствующее словоупотребление. Человек богатый и человек мудрый для автора «Повести» фактически были синонимами; недаром эти понятия свободно подменялись одно другим в обращении к Молодцу: «Не хвастай своим богатством, бывали люди.. и мудрая тебя и досужае» (12—13). Искусная мудрость и богатство связывались у автора как причина и следствие; поэтому автор объяснял богатство Молодца его разумностью: «И учал он жити умеючи, от великаго разума наживал он живота болшы старова» (12); поэтому в наставлениях Молодцу мудрость исключала бедность: «Ты послушай пословицы добрыя, и хитрыя, и мудрыя — не будет тебе нужды великия, ты не будеш в бедности великоя» (3). Автор «Повести» различал людей «мудрых-добрых-богатых» и людей «глупых-плохих-бедных». Вот в чем заключалось у автора скрытое социальное различие людей «мудрых-разумных» и людей «глупых-немудрых». Скрытым это различие было и оттого, что автор «Повести» выражал свои социальные представления как писатель-рассказчик, а не как теоретик-публицист.

Однако сглаженность социального деления людей в «Повести» нельзя преувеличивать. Автор «Повести» ввел длинный ряд дополнительных различий между людьми «мудрыми-добрыми-богатыми» и людьми «глупыми-плохими-бедными». Они, по изображению «Повести», различались

---

СПб., 1896, с. 3). Ср. олицетворение в песне «Про гостя Терентиша»; занеуджила жена:

А Недуг-ат пошевеливается  
Под одеялом соболиным...  
А Недуг-ат непутем в окошко скочил...  
Он оставил, Недужишша,  
Кафтан хрушетой камки,  
Камзол баберековой...

(Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. 2-е изд., доп. М., 1977, с. 19). В этой юмористической песне сделан двойной шаг в персонификации: под Недугом мог подразумеваться любовник. Ср. также возможное олицетворение в «Повести о Еруслане Лазаревиче»: «Потеха у меня во царстве людей добрых не оставила, всех перевела и хочет меня извести. Выходит, брате, ис тово озера чюдо о трех головах, а емлет у меня на всякий день по человеку» (Летописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихомировым. М., 1859, т. 2, отд. II, с. 123).

своим отношением к обществу. «Разумных-богатых» людей, в представлении автора «Повести», выделяли смирение и тихость; поэтому «добрые люди» «разумному» Молодцу советовали: «Смирение ко всем имей и ты с кротостью держись...» (11); поэтому разум и смирение превращались у автора в синонимы, ср. синонимичное словосочетание: «Будет Молодец уже в разуме-в беззлобии» (3).

Слова «смирение», «кротость» имели в «Повести» социальный смысл. Слово «смирение» означало у автора прежде всего «вежество», умение по правилам вести себя в обществе; вот почему эти слова стояли в одном ряду синонимов: «за твое смирение и за вежество» (11); вот почему автор отметил, что, усвоив наставления смирению, «средил Молодец честен пир отчеством и вежеством» (12); автор даже поместил в «Повести» правила и примеры смиренного «вежества» на пирах (3, 8—9, 12). Смирение означало и подчинение обычаю; недаром автор отметил также, что смиренный Молодец «присмотрел невесту себе по обычаю» (12). «Мудрые-добрые-богатые» люди считались также и смиренными, послушными.

И наоборот, «глупые-злые-бедные» люди представляли в «Повести» беспокойными и непокорными: «Ино зло племя человеческо в начале пошло непокорливо, ко отцову учению зазорчиво, к своей матери непокорливо и к советному другу обманчиво» (2). Безумие — это и есть несмирение: «А на безумие обратились... а прямое смирение отринули» (2). Глупость — это и есть непослушание; поэтому когда Молодец был «глуп, не в полном разуме и не совершен разумом,—своему отцу стыдно покориться» (4—5). Люди «глупые» насмешливы: «... глупая люди немудрыя чем тебе насмеялися» (9); насмешливо и Горе, которое «над Молотцем насмисялося» (21). Люди «глупые» — это и есть воры и разбойники; поэтому Молодца предупреждали: «Бойся глупа, чтобы глупыя на тя не подумали да не сняли с тебя драгих порт... Не дружися, чадо, з глупыми-немудрыми, не думай украсти-огрabitи и обмануть-солгать...» (3—4). Вообще «думать» — это дело людей плохих: «А зла не думай на отца и матерь» (4). Люди бедные, «нагие» — это отпетые разбойники; в «Повести» так и говорилось неоднократно: «А нагому-босому шумит розбой» (14, 15); Горе «научает... убити и ограбити» (22). Богатые в «Повести» представляли угодными обществу, а бедные — опасными для общества. Подобное социальное деление нельзя не признать резким.

Деление обостряется изображением различного места

людей в обществе. Богатым-смирненным людям положен почет: ведь «учнут... чтить и жаловать за... смирение и за вежество» (11). А озлобленным беднякам — «срамные позоры немерные», много «позорства, и стыда великаго, и племяни укору, и поносу безделнаго», у них неизбежность «жития сего позорного» (2, 4, 16); недаром Молодцу, когда он беден, всегда «стыдно» и «срамно» (5, 8, 15, 17). Богатые-смирненные люди «безпечалны», «веселы», у них «счастье» (9, 12, 18). А у «нагого» «скорби неисцелныя и печали неутешныя», он «кручиноват, скорбен, нерадостен» (9—10); его будущее — «в горе погинути», «замучится»: или быть уморену «смертью голодною», или «быть... истравлену... удавлену... убитому», или ждать, «чтобы... повесили или с камнем в воду посадили» (14, 16, 17, 20, 22). Автор «Повести» не пускался в рассуждения по поводу разделения людей в обществе. Но художественные представления автора о социальном делении людей являлись очень четкими и развитыми. У автора воочию были противопоставлены люди богатые-смирненные-почтенные и люди неимущие-непокорные-позорные.

Социальная позиция автора в «Повести» раскрывается также вполне ясно. Не нужно гадать, на чьей стороне стоял автор, если имущих он назвал людьми «мудрыми-добрыми», а неимущих — «глупыми-злыми». Отношение автора к социальному делению общества выяснимо по литературной форме его отдельных высказываний. Так, автор любил в «Повести» перечислять признаки бедности, наготы, бессчастия людей. За этим не столько крылась жалость к бедным, сколько выражалось ощущение прочности, неизбежности отделения бедных от богатых. Автор, собственно, признавал это и прямо: «Не бывает бражнику богату, не бывает костарю в славе доброй» (19). Кроме угнетающих перечислений проявления наготы-босоты, в «Повести» много парадоксальных, саркастических высказываний о якобы богатой жизни «глухых-злых-нагих» людей: бедному удастся «богато жить — убити и ограбити, чтобы... за то повесили» (22); бедные избавились от бедности: «босоты и наготы они избыли» — «во гроб вселились» (13); нищему Молодцу «житие... бог дал великое — ясти-кушати стало нечево» (7); в богатые одежды «учал Молодец наряжати — обувал он лапотки, надевал он гунку кабацкую» (7; ср. 15); Молодцу особый почет: его ведет «под руку под правую» «Горе злочастное» (22); самый «голый» и самый «злой» персонаж — Горе зловеще хвасталось довольством: «А вся родня наша добрая, все мы гладкие-умилные» (20); и вообще счастье и покой бедным: «в горе жить — некручишу быть», «когда у меня

нет ничего, и тужить мне не о чем», «да не бьют-не мучат нагих-босых и из раю нагих-босых не выгонят, а с тово свету сюды не вытепут» (15, 17, 18) и др. Все эти саркастические высказывания отдавали не живым сочувствием автора к бедным, а жестким и спокойным авторским ощущением вечной и непреодолимой отделенности бедных от богатых<sup>37</sup>.

Этому социальному мироощущению автора, казалось бы, противоречит изображение жизни Молодца. Какое место занимал Молодец в обществе? Судя по «Повести», он скорее относился к людям имущим, к купцам, к купеческим детям: родители наказывали ему, как «сбирать богатство» (4), и «наживал Молодец пятьдесят рублей» (5); на пиру сажали его к «детям гостиным» (8), и было надето на Молодце «платье гостиное» (14). Пожалуй, специфически купеческий совет принимал к сведению Молодец: «А чюжих ты дел не обьявлявай, а что слышишь или видишь не скажывай... не имей ты упатки вилавья, не вейся змиею лукавою» (11)<sup>38</sup>. Этот купеческий Молодец, побывавший в шкуре «нагих-босых», вроде бы воплощал связь двух полюсов общества.

Однако связь эта кажущаяся. Как в «Повести» было изображено общение Молодца с окружающими? Молодец охотно общался только с людьми своего круга, а не с «нагими-босыми»: дома — со внешне пристойным «милым-надежным» другом и с иными «милыми друзьями», а на чужой стороне — постоянно с «добрыми людьми» и опять-таки с «честными» друзьями; от Горя он всегда стремился «уехати», уйти, убежать и пытался вернуться домой к «честным своим родителям». Молодец все-таки старался выполнить наставления своих родителей: «Не ходи, чадо, к костарем и корчемникам; не знайся, чадо, з головами кабацкими; не дружися, чадо, з глупыми-немудрыми... А знайся, чадо, с мудрыми и разумными...» (4). Не только

---

<sup>37</sup> Вот почему Д. С. Лихачев отмечает «глубокий пессимизм самого замысла „Повести о Горе-Злочастии“», «трагический характер „Повести“»: «лишенная сатирической направленности, „Повесть о Горе-Злочастии“ не смешна, а трагична» (*Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М., 1975, с. 328; Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» древней Руси. Л., 1976, с. 70, 71).*

<sup>38</sup> О купеческом происхождении Молодца пишут: *Переверзев В. Ф. Литература древней Руси. М., 1971, с. 246—247, 252; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 148; Он же. Великое наследие, с. 318, 327.*



«Голенький» (Иаков Боровицкий).  
Рай мысленный. Иверский монастырь, 1659, ч. 2

родители Молодца, но и сам автор «Повести» на примере Молодца учил не водиться с «нагими-босыми».

Знаменательно также, чем социально расплачивался Молодец за свои ошибки. У него «все имение и взоры... изменились» (10), однако он не выбывал из круга «добрых людей», к которому принадлежал по рождению: «гунка кабацкая» не навсегда прирастала к нему, но опять заменялась «платьем гостинным», а уж в самом худшем случае — «портами крестьянскими» перед возвращением домой (19); Молодец никогда не забывал «житие свое первое» и выбирал «спасеный путь» (17, 22); он продолжал в «Повести» называться «добрым» Молодцем; у него сохранялось «белое



тѣло» (16) и «белос лице» (10). Полное превращение Молодца в «нагого-босого» человека, полный его переход в число «глухих-бедных» в «Повести» были как бы невозможны. Молодец по недоразумению (то друг обманул, то Горе в облике архангела Гавриила обмануло) лишь «примешался» на время к «недобрым» людям, да и ушел от них<sup>39</sup>. Автор «Повести» сочувствовал именно такому Молодцу, его вынужденному соприкосновению с миром бедности. Автор целиком стоял на позициях «добрых-богатых-смиранных» людей. Получается, что по своей главной идее «Повесть о Горе-Злочасти» нельзя безусловно относить к произведениям демократическим; во всяком случае, это не демократизм по меркам литературы Нового времени.

Как же тогда «Повесть о Горе-Злочасти» вписывается в картину идейной жизни русского общества первой половины 1660-х годов? Сопоставим «Повесть» с произведениями, прямо говорящими о «нагих-босых». Таких произведений, близких к «Повести» по времени своего появления или бытования, обнаруживается очень мало; это все небольшие сатирические или юмористические произведения: «Азбука о голом и небогатом человеке» по исчезнувшему списку середины XVII в. и сохранившемуся списку 1663 г.; «Сказание о птицах», упоминаемое в документе 1679 г.; «Сказание о поше Саве», датируемое серединой XVII в.; «Повесть о Шемякином суде», датируемая второй половиной XVII в.; некоторые пословицы в самом раннем из дошедших до нас сборников пословиц конца XVII в.; две песни из сборника Кириши Данилова.

Мы не упомянули «Службу кабаку» (по списку 1666 г.), которая, казалось бы, обильнее всех произведений XVII в. рассказывает о «нагих-босых», об их жизни, привычках, поведении. Но если посмотреть внимательнее, то можно убедиться, что в «Службе кабаку» под «голыми» подразумевались только пропойцы; автор гиперболически показывал, что в пьянство и в общение с пьяницами втянуты «все искуснии человеци и благонарочитии в разуме»: «поп и дякон... чернцы... дячки... мудрые философы... служилые люди... князе и бояре, и воеводы... пушкар и салдаты... сабелники... лекари и обманщики... тати и разбойницы...

---

<sup>39</sup> Ср.: «Но в шумной толпе „гулящих людей“ Молодец выглядит белой вороной, случайным гостем» (Панченко А. М. «Повесть о Горе-Злочасти».— В кн.: История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980, с. 398).

холопии... жонки... мужни жены... зернщики, и костари, и такалщики... ростовщики... скупщики... купцы, десятники и довотчики... пономари туды ж, что люди, в стадо бредут... омыльные ж люди туды же пьют, и всякий человек рукоделны и простые искусники... повары... лесники... кузнецы...»<sup>40</sup>. Следующие одна за другой картины всеобщего гомерического разложения, с массой сочных деталей, свидетельствуют о том, что поле зрения автора «Службы кабаку» было необычно суженным; он создал сатирическую «монографию» об одном явлении — пьянстве, но смотрел, так сказать, мимо собственно жизни бедных и богатых. (Подробнее о «Службе кабаку» см. в следующей главе.)

Что касается остальных перечисленных произведений, то «нагие-босые» в них были те же и отношение авторов к «нагим-босым» было таким же, что и в «Повести о Горе-Злочастии». Оценки богатым и бедным находим те же, что в «Повести о Горе-Злочастии: богатые — это умные, а бедные — это глупые. Например: «Гусь рече: Глупому да безумному добра не нажить и богатства не видать, а разумному везде добро, милость от людей, честь и слава»<sup>41</sup>; «умом наживают, а безумием и старое теряют»<sup>42</sup>. Ср. еще: «Ведай себе, человеце: на ком худое платье, то пьяница; или наг ходит, то пьяница ж»<sup>43</sup>; раз «ни пула не стало», то «по делам воистинну дурак»<sup>44</sup>.

Пословицы и поговорки в сборнике конца XVII в. недвусмысленно утверждали: богатым быть хорошо, а бедным быть плохо. Ведь «богат шол в пир, а убог брел в мир»; «богат ищет места, а убог смотрит теста»; «убоному — робята, а богатому телята»; «богат мыслит о злате, а убог о блате» («Болото» — так называлось место в Москве, где казнили преступников); «бедность и мудраго смиряет» и т. д. и т. п.<sup>45</sup>

<sup>40</sup> «Служба кабаку». — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., доп. М., 1977, с. 38, 48—49.

<sup>41</sup> Древнерусские сказания о птицах, с. 2.

Старинные сборники русских пословиц..., с. 148.

<sup>43</sup> «Притча о Хмеле». — В кн.: Памятники старинной русской литературы. СПб., 1860, вып. 2, с. 448.

<sup>44</sup> «Сказание о лоне Саве». — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века, с. 56.

<sup>45</sup> Старинные сборники русских пословиц..., с. 78, 79, 80, 145 и др. Только один раз в сборнике пословиц конца XVII в. встречается пословица как будто с противоположным смыслом: «Богат ждет пакости, а убог радости» (с. 78). Здесь, возможно, перенутаны рифмующиеся слова; первоначально могло быть так: «Богат ждет радости, а убог пакости». Если же принимать пословицу в том виде, в каком

Произведения, подобные «Повести о Горе-Злочастии», напоминали о бесперспективности жизни «нагих-босых»: «Не бывать гулящему богатому»<sup>46</sup>. О «голеньких» говорилось не столько с жалостливостью, сколько с сарказмом: «Есть в людех всего много, да нам не дадут... Люди богатыя пьют и едят, а голеньких не съсужают а голеньким не дадут»<sup>47</sup>; «ржи много в поле, да нам нет доли»; «подлинная весть, что нечево есть»; «ретка есть — отрыгается, а рыбка есть — не случается»<sup>48</sup>. Как и в «Повести о Горе-Злочастии», сарказм выражал безжалостное и спокойное убеждение в непреодолимости границы между бедными и богатыми: «Беден часто ся озирает, хотя и не ево кличют»; «вопрос: что-де бос; ответ: сопогов нет»; «дали ногому рубашку, ин толста», «родился наг, пропади и с платьем»<sup>49</sup>; «а нагому безрукай за пазуху наклал»<sup>50</sup>. Обнадеживающие высказывания звучали издевательски: «Богатым злато нищих ради»<sup>51</sup>; «а и денег нету — перед деньгами»<sup>52</sup>. И вообще бедному не надо ни на что претендовать: «Бедному кус за ломтя место»<sup>53</sup>.

Судя по пословицам, быть бедным — это хуже худшего: «Бедной в нуже, что жаба в луже»; «бедному везде бедно»; «опоясан мешком да бредет пешком», «пожили в нуже, да нажили хуже»; «свинопас и рубашку пропас», «у гола

---

она записана в сборнике, то все равно она проявляет сочувствие прежде всего к богатому.

Глубоко верно замечание А. М. Панченко: «Однако нельзя видеть в демократической прозе и поэзии XVII в. прямое сатирическое обличение... На самом деле мотив обличения Шемяки в повести почти не ощущается... Совсем трудно решить, кого осуждает „Повесть о Ерше Ершовиче“...» (Истоки русской беллетристики: Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 555—556).

О социальном смысле пословиц см.: *Пушкарев Л. Н.* Общественно-политическая жизнь России: Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982, с. 76—155.

<sup>46</sup> Песня «Ох, в горе жить — не кручинну быть». — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, с. 198.

<sup>47</sup> «Азбука о голом и небогатом человеке» по Трондхеймскому списку 1663 г. / Подгот. Н. С. Демковой. — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века, с. 229.

<sup>48</sup> Старинные сборники русских пословиц..., с. 132, 137, 138.

<sup>49</sup> Там же, с. 81, 86, 97, 138.

<sup>50</sup> Песня «Агафоушка». — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, с. 142.

<sup>51</sup> Старинные сборники русских пословиц..., с. 78.

<sup>52</sup> Песня «Ох, в горе жить — не кручинну быть». — В кн.: Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым, с. 198.

<sup>53</sup> Старинные сборники русских пословиц..., с. 78.

гол голик», «человек убог, что конь без ног» и т. д.<sup>54</sup> Оттенок насмешливой презрительности проглядывал в пословицах о бедноте и об обедневших людях: «Астрахань — арбузами, а мы — гологузами»; «наготы-босаты навешаны шесты»; «прыток без порток, без коня в поле скачот»; «одолела дворянина густая крашенина» (холщовая одежда)<sup>55</sup>. И в «Повести о Горе-Злочастии», и в сатирических повестях, и в юмористических песнях, и в пословицах сочинители, как правило, не сочувствовали бедности, а, наоборот, подобно богатому человеку в «Повести о Шемякином суде», были склонны «поносить убожество»<sup>56</sup>.

Как и в «Повести о Горе-Злочастии», главные герои повестей и песен не принадлежали действительно к «нагим-босым». Вот, например, «Повесть о Шемякином суде»: «В неких местех живяше два брата земледельцы, один богат, други убог... бедный». Но разве это «убогий», если у него «свои дровни»; если он едет «ко двору своему», а у двора его «подворотня»; если есть у него «шапка» и «плат»; если судья не сомневается, что ему «убогий» «узел сулит злата», да не один, а три узла?<sup>57</sup> Это не «нагой-босой», а просто человек менее состоятельный, чем богатый брат. Не относится к «нагим» по своему происхождению и герой «Азбуки о голом и небогатом человеке»: «Отец мой и мати моя оставили мне имение были свое...»; «фѣрези были у меня добры...»; «земля моя пуста...»<sup>58</sup>. Вовсе не «нагим» является Молодец в песнях о Горе и в песне о реке Смородине<sup>59</sup>.

Как и в «Повести о Горе-Злочастии», главные герои повестей и песен не хотели становиться «нагими-недобрыми», не хотели общаться с «нагими» и не общались с ними. Герой «Азбуки» признавался: «Солгать, украсть не хочитца»; «где мне подетися от лихь людей-от недобрыхь?». От небогатых и «лихих» герой готов был отбиваться дубиною: «Охнул бы у меня мужик, как бы я ево дубиною по

<sup>54</sup> Там же, с. 81, 130, 135, 141, 146, 154.

<sup>55</sup> Там же, с. 76, 125, 131, 133.

<sup>56</sup> «Повесть о Шемякином суде». — В кн.: Русская демократическая сатира XVII века, с. 17.

<sup>57</sup> Там же, с. 17—18.

<sup>58</sup> «Азбука о голом и небогатом человеке». — Там же, с. 229, 230.

<sup>59</sup> Ср.: «Принадлежность героя к высокому кругу — факт сравнительно редкий для народных песен неисторического содержания», по «песня показывает его в начале в кругу „разумных“, и сам он принадлежит к этому кругу» (Пугилов Б. Н. «Добрый молодец и река Смородина» и «Повесть о Горе-Злочастии». — Труды Отдела древнерусской литературы, М.; Л., 1956, т. 12, с. 228, 230).



*Богатый книгописец (Давид).  
Брашно духовное. Иверский монастырь, 1661*

спине ожог, чтоб впредь бы на меня зла не мыслил». Герою «Азбуки» хотелось иного: «з богатыми в пиру сесть... хотелось мне, молодцу, с богатыми поводится»; «я, коли бы был богат, тогда бы и людей не знал»<sup>60</sup>. Герои не изображались в общении с «нагими-босыми» ни в «Повести о Горе-Злочастии», ни в сатирических повестях, ни в песнях.

Герои терпели наказание, если по каким-либо причинам уклонялись от общения именно с «богатыми-добрými» или с благонамеренными людьми. Так было показано не только

<sup>60</sup> «Азбука о голом и небогатом человеке» по двум спискам XVII в.— В кн.: Русская демократическая сатира XVII века, с. 229, 230, 27, 28.

в «Повести о Горе-Злочастий», но и, например, в «Сказании о попе Саве»: «... в приходе у него богатые мужики»; однако «людми он добрыми хвалитца, а сам от них пятитца», «со многими людми разбронился», стал «добрых людей варами... называть»; и вот финал: «И как над ними наругался, толко сам в беду попался... на цепь попал... Радуйся, с добрыми людми поброняся, а в хлебне сидя, веселяся»<sup>61</sup>. Во всех приведенных сочинениях, включая пословицы, авторы глядели на «нагих-босых» людей, в сущности, глазами людей «богатых-разумных».

Проявления «недемократичности» общепризнанно демократических произведений XVII в. можно объяснить тем, что на демократические по происхождению материалы оказали влияние те, кто их обрабатывал, — составители, не принадлежавшие к демократическим кругам. Позиция составителей могла влиять, например, на подбор пословиц или песен в соответствующих сборниках<sup>62</sup>, на подбор высказываний и афоризмов в повестях. Но отделить якобы чуждое народу влияние составителей мешает цельность произведений, отсутствие в них явственной идейной раздвоенности. Вот почему более естественным представляется другое объяснение: отрицательное отношение к «нагим-босым» в произведениях преобладало потому, что собственный взгляд «нагих-босых» на самих себя еще не сформировался; так или иначе, но заимствовалось отношение господствующих слоев к бедным<sup>63</sup>. Собственно демократическую точку зрения на «нагих-босых» еще не найти ни в челобитных разных несчастных людей, ни даже в челобитных Аввакума. Демократическая точка зрения на «нагих-босых» постепенно стала заявлять о себе, по-видимому, не ранее последней трети XVII в.<sup>64</sup> До этого времени, в 1650-е — первой половине 1660-х годов, демократические круги еще не противопоставили чего-либо идейно значительного верхам русского общества, отгородившимся от «нагих-босых» и вообще от низов.

<sup>61</sup> «Сказание о попе Саве». — Там же, с. 55—57.

<sup>62</sup> Старишние сборники русских пословиц..., с. 68.

<sup>63</sup> «Мировоззрение феодального крестьянина и ремесленника... испытывало непрекращающееся и сильное влияние церковной идеологии и мировоззрения правящих классов» (*Пушкарев Л. Н.* Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений. — В кн.: Исторические записки. М., 1973, т. 92, с. 326—327).

<sup>64</sup> Недаром А. Н. Робинсон не обнаружил принципиальной разницы в трактовке темы богатства и бедности русскими старопечатными изданиями вплоть до первой половины 1660-х годов, а новые черты указал лишь с 1670-х годов, в творчестве Аввакума. — См.: *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 246—277.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1660-х—1670-е ГОДЫ



1. Половинчатое отношение общества  
к новым литературным явлениям  
(Книги Верхней типографии.

«Житие» Аввакума. «Статир». «Служба кабаку»)

Авторы второй половины 1660-х—1670-х годов в общем делятся на два лагеря: на тех, кто принадлежал или тяготел к верхам феодального общества, и на тех, кто ориентировался на демократические круги. Каждый из лагерей создавал свои произведения массовой предназначенности. Мы не можем обозреть все памятники такого рода даже за сравнительно короткий промежуток времени и поэтому обращаемся лишь к так называемым ярким представителям.

К памятникам, созданным в верхах общества, принадлежат московские печатные книги. Ведь делами Московского печатного двора постоянно занимались царь и патриарх. Книгопечатание и массовость — явления, тесно связанные. Поэтому первостепенное значение для нашей темы имеют печатные издания. В нашем распоряжении три вида соответствующих источников: печатные книги, печатные листы, настенные или в виде листовок, и, наконец, рукописи, готовившиеся к печати, но по разным причинам так и не изданные.

В течение второй половины 1660-х—1670-х годов в Москве было напечатано 20 книг, предназначавшихся для чтения. Из них мы не будем рассматривать переиздания чetyрех книг, уже выходивших в Москве ранее, например пятое издание «Прблога» 1675—1677 гг. или второе издание «Тестаментa Василия, царя греческого, к сыну его Льву Философу» 1680 г.; не будем рассматривать такие учебные книги, как «Буквари языка словенска» 1667, 1669 и 1679 гг.; не будем рассматривать пособия, печатавшиеся специально для священников, вроде «Поучения святительского к новопоставленному иерею» 1670 г. Для нас наиболее показательны те действительно чetyри книги второй

половины 1660-х—1670-х годов, которые до того еще не издавались на Руси и явно были рассчитаны, как мы сказали бы сейчас, на массового читателя. Таких книг появилось шесть; они выпущены Симеоном Полоцким или не без его участия: 1) полемический противораскольнический «Жезл правления» 1667 г.; 2) документальное, тоже противораскольническое «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов» 1677 г.; 3) целиком сочиненная стихами «Псалтырь рифмотворная» 1680 г.; 4) большая повесть — «История о Варлааме и Иоасафе» 1681 г.; 5) и 6) сборники проповедей «Обед душевный» и «Вечеря душевная», опубликованные в 1681 и 1683 гг., но подготовленные к печати еще в 1675—1676 гг.<sup>1</sup>

Примерно с этого же времени в Москве начали издавать и выпустили более десятка печатных листов с картинками и текстами для чтения, в том числе известные «Семь смертных грехов» 1665 г. с гравюрой Симона Ушакова<sup>2</sup>. Кроме того, были подготовлены для издания, хотя и не изданы, три огромных тома: «Хронограф» Дорофея Монеувасийского 1665 г. и стихотворные «Вертоград многоцветный» и «Рифмологион» Симеона Полоцкого 1678 г. О предполагавшемся их напечатании ясно извещают предисловия и послесловия в рукописях. Это, пожалуй, все: предисловия к иным крупным рукописным книгам, составленным при царском дворе в 1660—1670-е годы, не содержат бесспорных упоминаний о печатании.

Несмотря на разнообразие жанров, перечисленные книги и листы объединяет в монолитную группу общность места происхождения — Московский печатный двор и Верхняя типография, а в особенности их массовая предназначенность. Московские издатели обращались «скоротечным типом» ко всему «мирови», ко всему «православному народу», к «людям российским» «всякаго чина и возраста», «в ползу юных и старых, духовных и мирских различных санов»; к тому, кто знатен, и к тому, «аще и в худе доме кто родится»; к тому, кто учен, и к тому, «аще же и не учился»; к тем, которые любят читать, и к тем, которые на чтение «ити отрицаются, мирскими упражняющеся деяни или паче безделии». Имелись в виду читатели «вкусов различных» — «каждо по своей гортани», в том числе «гневливец... лени-

<sup>1</sup> См.: Зёрнова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958.

<sup>2</sup> См.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881, т. 2/3, № 674, 697, 712, 722, 732, 773, 778, 797, 1130, 1209, 1239, 1317—1320,



вещ... глупец... псевежда... усумляющийся в вере... отчаянник... ненавистник... продерзвивый... сквернословец... блудник... пияница...» и т. п. «Всем вам обще и комуждо особь» предлагалась печатная книга, и именно к «домашней потребе», «не дабы тако в церкви чтенней быти, но еже в домех часто ю читати»<sup>3</sup>.

Отберем теперь источники более демократического происхождения. Они разнородны: одни сочинены сторонниками раскола, которые временами были вхожи даже в высшие правительственные круги; другие произведения написаны далеко от Москвы скромными местными ортодоксами; третьи появились в самой низовой демократической среде. Мы выбираем лишь по одному памятнику от каждой группы для сравнения с общей картиной, которую дает нам анализ печатных изданий.

Из старообрядческих сочинений показательны «Житие» протопопа Аввакума, в особенности последняя авторская редакция «В» 1675 г., массовая предназначенность которой наиболее явственна. Аввакум в этой редакции «Жития» обращался в первую очередь ко множеству последователей раскола, ко «всякому убо правоверну»: «Вот вам, питомникам церковным, предлагаю Житие свое от юности и до лет пятьдесят пяти годов... сказываю вам деемая мною», «что сделаю я, то людям и сказываю», «нужно бо есть побеседовати... к вашему спасению». Именно от последователей раскола Аввакум ожидал оценки своего «Жития»: «Ну-су, всяк правоверный, разсуди...», «у всякаго правоверна прощения прошу... Простите же и молитесь о мне, а я о вас, чтущих сие и послушающих». Заодно Аввакум имел в виду и колеблющихся читателей: «Сице всяк веруай в онь не постыдится, а не веруай осужден будет», «мы верни суть... а иже кому недоразумно, тот смотри... и подкреп-

---

<sup>3</sup> Предисловия к читателям в старопечатных книгах.— См.: Извещение чудесе о сложении триех первых перстов. М., 1667, л. 7; [*Симеон Полоцкий*]. Жезл правления. М., 1667, л. 15, 22 об.; Тестамент, или Завет Василия, царя греческого. М., 1680, л. 3 об.; *Симеон Полоцкий*. Псалтырь рифмотворная. М., 1680, л. 2 об., 6 об., 7 об., 127; *Симеон Полоцкий*. Обед душевный. М., 1681, л. 4, 9 об., 10; *Симеон Полоцкий*. Вечеря душевная. М., 1683, л. 4. Обращения к читателям на старопечатных листах.— См.: *Ровинский Д.* Русские народные картинки, т. 2/3, № 797, 1130. Предисловия к рукописным книгам: к «Хронографу» Дорофея Монеувасийского.— См.: ГИМ, собр. Синодальное, № 343, л. 6 об.; к «Вертограду многоцветному» и «Рифмологиону».— См.: *Симеон Полоцкий*. Избр. соч. / Подгот. текста И. П. Еремина. М.; Л., 1953, с. 159, 207, 263. Далее ссылки на листы и страницы данных изданий и рукописей приводятся в тексте.

лийся»<sup>4</sup>. Сравнительно с универсальной аудиторией печатных изданий круг читателей «Жития» мыслится более специфическим. «Житие» Аввакума прямее и богаче, чем печатные издания, отражало вкусы старообрядческой части читателей.

Почти из неисчерпаемой группы местных произведений мы выделили малоизвестный «Статир» 1684 г. — рукописный сборник проповедей, составленный соликамским священником, не сообщившим своего имени. Предуралье и Урал в XVII в. отличались литературной и читательской активностью; недаром с этими местами связывается возникновение таких памятников, как «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Соломонии бесноватой», «Служба кабаку», «Хронограф» с отголосками, напоминающими о «Слове о полку Игореве»<sup>5</sup>, и, наконец, «Статир». Хотя «Статир» был адресован «всем правоверным мужем и женам, старцем и юношам, старицам и девам, слушателем и пререкателем, хулникам и любителем», но по предисловию видно, что автор под «всеми» подразумевал всех соликамских жителей, а не всю Россию<sup>6</sup>. «Статир», таким образом, может раскрыть настроения еще одной, на этот раз местной, группировки читателей и слушателей. Наконец, из сочинений демократических низов мы используем уже упомянутую «Службу кабаку» по списку 1666 г. Сравнительно с произведениями демократической сатиры второй половины XVII в. «Служба кабаку» яснее обозначает массового адресата: «Приидете, вси искуснии человеци и благонарочитии в разуме», «приидете всяк град и страна», «слышите, благочестия млады, и внушите, приезние гости»<sup>7</sup>.

Разумеется, нельзя верить в полную серьезность этих

---

<sup>4</sup> «Житие» Аввакума / Подгот. к печати Н. С. Демковой. — В кн.: Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Елифания. Л., 1975, с. 76, 10—11, 60, 17, 35, 59. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

<sup>5</sup> См.: Дёмин А. С. «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII вв. М., 1978, с. 87—94.

<sup>6</sup> ГБЛ, собр. Румянцева, № 411, л. 9 об. Далее ссылки на листы данной рукописи приводятся в тексте. Впервые в историко-литературном исследовании использование предисловия к «Статиру» см.: Робинсон А. Н. Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI—XVII века: (Иван Вишенский, Аввакум, Симеон Полоцкий). — В кн.: Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII — начало XVIII в.). М., 1971, с. 66.

<sup>7</sup> Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текстов В. П. Адриановой-Перетц. М., 1977, с. 38. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

обращений в сатирическом памятнике. Однако «Служба кабаку» подвергала сомнению не само ожидаемое множество слушателей и читателей, а «благочестие» этого множества. «Служба кабаку» представляла дело так, будто все неравнодушны к вину, все находятся на грани загула и запоя. Но тут за пародийным адресатом вырисовывался действительный адресат, особенно в тех местах «Службы», где насмешка переходила почти в настоящее серьезное поучение. «Служба кабаку» имела в виду людей, начинающих спиваться: «Приидете, вси искуснии человеци и благонарочитии в разуме, почюдимся такового пития науке... И мало по малу и сами гораздни станем пити и людей станем учити... Се довлеет нам, братие, отбегати, яко ото лва, снедающа человека. Тому почудимся, в мале часе како изчезе мудрость, иступи же нагота, и безумием наполнихся, видящим на смех, а себе с пропою на великую срамоту» (38); «приидете, вси искуснии и благонарочитии в разуме, отбежим такового рва самохотнаго... Вси отривайтесе, яко не добре нам, смышляющим и влекущим нас в ров погибели. Невинно бо есть нам вино, но проклято есть пьянство с неудержанием» и пр. (39).

Главные адресаты «Службы кабаку» экзотичны, но немалочисленны; это часть городских, крестьянских, монастырских низов, которых печатные книги затрагивали в последнюю очередь. Таким образом, выбранные нами рукописные источники помогут дополнить свидетельства печатных изданий о культурных общественных настроениях 1660—1670-х годов.

Прежде всего обратимся к четрым печатным книгам второй половины 1660-х — начала 1680-х годов. Для них характерна небывалая четкость новых литературных форм. Вот, например, «Жезл правления» — высокоорганизованное изложение полемики с расколоучителями Никитой Пустосвятом и Лазарем. Книга ведет спор в своей первой части с «Челобитной» Никиты, обличавшей никоновские реформы, а во второй части — с сочинением Лазаря, но не вперемешку с обоими. Высказывания расколоучителей пронумерованы и рассматриваются строго по ходу их следования в сочинениях, а не в произвольном порядке. Цитаты четко отделены от сопутствующего разбора, никогда не смешиваются: цитата — «Обличение Никитино 1-е», затем разбор — «Возобличение», затем снова цитата «Обличение Никитино 2-е», затем «Возобличение» и т. д. Если в приводимых цитатах Никита или Лазарь, в свою очередь, цитируют

«писание» или что-либо еще, то их цитация выделена другим шрифтом; если в цитате что-либо необходимо пояснить автору «Жезла», то пояснение печатается в квадратных скобках. Если в собственном тексте Полоцкому требуется что-то пояснить, то добавляется особый раздел с подзаголовком «Разум словес предиреченных». Все в «Жезле правления» оформлено исключительно четко.

Полемическая книга с такой выразительно расчлененной композицией на Руси еще не появлялась. В сравнении с «Жезлом правления» предшествующие большие сочинения и разборы, написанные, например, Максимом Греком, или справщиками Московского печатного двора, или проповедниками раскола, выглядят просто хаотичными. При составлении «Жезла правления» Симеон Полоцкий использовал манеру спора из католических полемических трактатов, но подошел к делу сугубо творчески. Ведь борьба с российской старообрядческой агитацией никакими католическими трактатами не предусматривалась. К конкретному материалу приходилось применяться самому. При всем том составители «Жезла» не излагали новых идей; «Жезл» ортодоксален. Новая четкая форма предназначалась для максимально ясного выражения мыслей старых. Симеон Полоцкий и прочие составители и издатели книги добивались вразумительности изложения для множества читателей. Это была их главная литературная цель. Недаром в предисловии к «Жезлу» Полоцкий с определенностью обещал читателю: «Разум удобь возмеш» (л. нумерованн. 4). Композиция книги, по замыслу Полоцкого, должна была облегчить труд читателя настолько, что читатель мог словно на «позорище духовныя брани... смотрети очима» (л. 18).

Продолжая спор с расколом, другая печатная книга — «Извещение чюдесе», случившегося с царским ясельничим Федором Вышеславцевым, также отличалась некоторой новизной литературной формы. Не о только что происшедшем «чуде» в основном рассказывалось, а о процессе его документального засвидетельствования: кто поименно из родных и знакомых Федора и в какое время видел «чудо»; какое и кому «даде свидетелство о чюдеси бывшем не точию устно, но и писанием»; «руки ко скаскам приложиша» ли; что подтвердили свидетели на допросах; какие документы вновь подписали и пр.

С 1620—1630-х годов материалы деловой письменности стали широко вводиться в житийные чудеса и в повести о пренесении мощей, но столь длинное, скрупулезное, мелочное оглашение свидетельств «чуда» в повествовательном па-

мятнике предлагалось, пожалуй, впервые. Причина обращения к данной литературной форме та же, что и в «Жезле правления», — стремление авторов книги к особенно убеждающей ясности в общем-то старой идеи. Как и составители и издатели «Жезла», авторы «Извещения» надеялись, что благодаря форме повествования смысл его станет для многочисленных читателей убедительным до физической очевидности: «... многим видети внешними очима светло, тако благоволити дати всем внутренними зеницами зрети разумно...» (л. 8 об.).

Нова была литературная форма и других «убеждающих», хотя и не полемических печатных книг, например «Обеда душевного» Симеона Полоцкого. Проповеди, распределенные в этом сборнике по неделям года, строились по единообразной четкой схеме: заголовок; цитата из «писания»; пояснение, при каких обстоятельствах появилось это высказывание, которому посвящается проповедь; предупреждение о реальной нравоучительной цели проповеди; и, наконец, сама проповедь, как правило, ортодоксальная, небольшая и просто изложенная. Автор не без гордости отметил, что в предлагаемом «писании словеса, яко во орологии [часах] колеса, чинно составляются» (л. 9 об.).

Ничего подобного по строго целенаправленной выдержанности формы среди древнерусских поучительных сборников XVI—XVII вв. еще не появлялось. Даже напечатанный в 1665 г. в Москве сборник поучений отцов церкви в переводе ученого теолога Епифания Славинецкого был очень громоздок и малопонятен. Епифаний, правда, снабдил тексты массой печатных же пояснений на полях книги, но и сами пояснения нередко оказывались невразумительными. Епифаний больше старался для многоумных комментаторов, чем для широкой массы читателей. Симеон Полоцкий же рассчитывал на гораздо более обширную аудиторию и соответственно переработал рукописные экземпляры своих уже произнесенных проповедей, когда готовил их к набору.

Сравнительно простой язык проповедей Полоцкого тоже был обдуманной нововведением. Ведь еще недавно, в 1644 г. в «Кирилловой книге», издатели перед читателями извинялись как в недостатке в том, что «въпросто сие предисловие вам плетено» (л. 12). Симеон Полоцкий же в предисловии к своей книге настаивал на простоте языка, нужной для ясности изложения: его «Обед душевный» «несть яко иностранными земли хитростми ветийскими довлеукрашен... Не украсих же... яко удобнее простое слово уразумеваемо есть в писании, неже красотами художественными покро-

вспное. Яко удобее ядро снадается излученное, нежели в коже си содержимое» (л. 7 об.). Симеон в предисловии привел много цитат из отцов церкви в пользу простоты языка и ясности сочинений и заключал: «А понеже сице простоту слова толицыи столпи церкви ублажиша, ты, благочестивый читателю, приими любезно обед сей простоуготованный» (л. 8).

Симеон Полоцкий, конечно, пользовался опытом украинско-польских поучительных и полемических сочинений и риторик, но в своих особых целях. Например, «простая мова» ряда украинских проповедников конца XVI—XVII в. служила прежде всего целям национально-политической борьбы<sup>8</sup>. «Простота слова» Полоцкого же служила преимущественно целям литературным. Полоцкий старался довести свои проповеди до исключительной ясности, надеясь, что здесь все «удобь узрит» читатель (л. 6 об.).

Предназначенность новых литературных форм множеству читателей для ясности разумения наблюдаем и в вовсе не полемической и не поучающей «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого. Впервые на Руси Полоцкий переложил всю «Псалтырь» на силлабические стихи, но не из подражания известной ему польской стихотворной «Псалтыри»: «... известую, яко не подражах преводника полскаго во украшении пиитическом». Полоцкий сочинял, «снисходя обычаю рода и страны» российской (л. 5 об.).

Первостепенное значение у Полоцкого имело стремление к вящей ясности смысла псалмов, притом для множества современных читателей. Свое «благохотение ко совершению того дела предприятаго» Симеон подтверждал многократно: «Намерение мое... стихотворно превести я [Псалтырь] с толиким изяснением, елико вместится может»; «во мнозех местех толк zde положися, еже во сущем [т. е. в канонической Псалтыри] глубоко сокрыся»; «сия бо суть во исполнение разума... светлейшаго ради истолкования псалмов»; «да ся от чтущих удобь уразумевают»; «да сущаго неудобное откровенно будет» (л. 2 об., 4, 6, 7).

Стремление к ясности смысла печатного текста стало своего рода увлечением издателей 1660—1670-х годов, в особенности «лакомо желающего» Симеона Полоцкого. В своем «Букваре» 1679 г. Симеон даже восхвалил в стихах смысловую ясность «писания», т. е. текста писанного: «Что сердце мыслит и ум рассуждает, то писание удобь возве-

---

<sup>8</sup> См.: Робинсон А. Н. Зарождение концепции авторского стиля в украинской и русской литературах конца XVI—XVII века, с. 33—83.



*Энергичный книгописец (Иоанн Дамаскин).  
Октоих. М., 1666*

щает. Безгласно убо, но зело явственнo... Яко зеркало зрящему являет, какво лице его пребывает... Подобне книги елма ся читают, лице совести светло проявляют» (л. нeнумерован. 3). В предыдущих изданиях «Букваря» о ясности «писания» ничего не говорилось.

Судя по разнообразию использованных новых литературных форм, писатели и издатели спешили испробовать на читателях разные способы и пути для достижения желанной ясности, но ни в каких преобладающих формах это стремление не концентрировали. Наоборот, новых форм появлялось все больше и больше. Чтобы максимально обеспечить ясность смысла книг и печатных листов, издатели вто-

рой половины 1660-х — начала 1680-х годов постоянно прибегали сразу к нескольким различным приемам. Какая бы новая литературная форма ни использовалась, изложение при этом обязательно расчленялось на удобовоспринимаемые части и кусочки, нередко с заголовками и подзаголовками. Подзаголовки использовались даже на настенных печатных листах (№ 1209) <sup>9</sup>.

Излюбленным способом членения текста служил счет, ранее никогда в таком обилии не употреблявшийся. Нумеровались не только главы, главки, стихи, цитаты, но и сами рассуждения, казалось бы не подвластные счету. Так, постоянно нумеровались доводы, разъяснения, причины, или «вины», качества, обстоятельства и пр. На печатных листах нумеровались единообразные четырехстишия, двустишия, афористические выражения (печатные листы № 778, 797, 1317—1320). Ясность смысла нумерованных перечней приравнивалась к очевидности рисунка: «яже на листе суть изображенны те словом сице» («Обед душевный», л. 2). Ясность нумерованных «вин» считалась максимальной: «... их же словес может ли что светлее во сведетелство быти?»; «сия вины благословныя тому суть не доволны во утверждение истины, кто не разумом яко человек, но упорством яко дивий зверь водится» («Извещение чудесе», л. 11—11 об., 14; печатный лист № 797).

До назойливости часто употреблявшимся видом членения и пояснения изложения в изданиях второй половины 1660-х — 1670-х годов были развернутые сравнения и сопоставления. Ведь, как обосновывал Симеон Полоцкий, «подобием вещь яснее изьявляется», «еже да яснее уразумеется» («Жезл правления», л. 21 об., 27). В своих изданиях Симеон Полоцкий набрал огромную коллекцию необычных для того времени, причудливых сравнений и сопоставлений, которыми он не только просвещал читателей, но и впечатляюще пояснял предмет изложения. Вот, например, начало одного из таких сочинений: «Во градах великих, богатая и умная жители имущих, чинныя обыкоша и предоволныя устроить-

---

<sup>9</sup> В «Предлагаголении» к «Книге о сивиллях» 1672 г. Николай Спафарий так объяснял это пристрастие к разделению текста: «...яко да чиновне и несмешена будет повесть наша. Чин бо свят есть, по философу, всех вещей сего ради: что нечиновно пишется, то зело темно и не удобь разумно является; что же чиновне и во своих местах положено,—удобь разумно и безтрудно есть» (липовой список, который «издася» для царя, ГБЛ, собр. Румянцева, № 227, л. 15 об.). Мы несколько иначе расставляем знаки препинания, чем в издании этого текста. См.: *Николай Спафарий. Эстетические трактаты* / Подгот. текстов О. А. Белобровой. Л., 1978, с. 54.



ся апофеи, всякая врачевства на различныя роды болезней содержащая, слушателие православнии: да всяк, коим либо недугом одержимый, по совету и прописанию врача искуснаго полезное в них обрящет былие во исцеление недуга свое» («Обед душевный», л. 43). Оказывается, речь идет о пользе проповедей. Проповеди — это аптека. И до Симеона Полоцкого сравнивали иногда поучение пастырское с врачевством. Но сопоставление с таким непривычным и новым на Руси заведением, как общедоступная аптека, — это уже пововедение и изыск самого Симеона.

Желание издателей второй половины 1660-х — 1670-х годов все расчлнить и пояснить переходило далеко за прежние границы. Пояснения в книгах стали «вылезать» за пределы основного текста. Например, печатная «История о Варлааме и Иоасафе» была не только разделена на многочисленные главы, но и начинена обилием впетекстовых пояснений: тексту каждой главы, обычно у верхнего поля, предшествовало краткое изложение ее содержания, а на боковых полях мелким шрифтом методично пояснялась тема каждой части главы. Хотя здесь Полоцкий использовал кутеинское издание «Истории о Варлааме» 1639 г., по опять-таки не бездумно, не механически, а с многообразными исправлениями и с добавлением новых материалов<sup>10</sup>. В результате читательской массе на Руси был предложен текст древней повести с новой, небывало подробной и всепроникающей системой пояснений, как бы конкурирующей с основным изложением: ибо можно было пробегать глазами пояснения, не вчитываясь в саму повесть.

Но сверх того издателям понадобились еще дополнительные пространные пояснения, которые совсем оторвались от основного текста и составили самостоятельные разделы, постоянно присутствовавшие в печатных книгах второй половины 1660-х — 1670-х годов. Имеем в виду циклы предисловий и послесловий. Правда, в «Извещении чудесе» совершенно нет дополнений к основному тексту (книжка небольшая), но зато в 7 четых книгах Симеона Полоцкого 1660—1670-х годов вместе содержится 33 предисловия и послесловия. В одной только «Псалтыри рифмотворной» фактически 8 предисловий и еще 2 послесловия к разным разделам; в «Истории о Варлааме» и в «Обеде душевном» — по 7 предисловий и одному послесловию; в «Жезле

---

<sup>10</sup> См.: *Иттигина Л. А.* Редакторская работа Симеона Полоцкого над изданием «Повести о Варлааме и Иоасафе». — В кн.: *Источниковедение литературы Древней Руси*. Л., 1980, с. 259—265.

правления» — 6 предисловий и еще одно предисловие ко второй части книги и т. д.

Вкус к циклизации предисловий русские издатели постепенно приобрели от книг «литовской», т. е. в основном украинской, печати, но не копируя их, а действуя творчески. Первые, единичные проявления новой манеры в русских книгах различимы во втором издании «Азбуки» В. Бурцева 1637 г. (вставка стихотворного предисловия),

«Кирилловой книге» 1644 г. (несколько оригинальных предисловий, включая стихотворное), в «Рае мысленном» 1658 г. (герб со стихами и предисловие). Однако только с издания «Библии» в 1663 г. циклизация разнообразных предисловий прочно вступила в свои права.

В циклы предисловий были втянуты ранее нейтральные, особые элементы книг — титульные листы и оглавления. Издатели стали обогащать титульные листы различными пояснениями и объяснениями. Например, титульный лист «Псалтыри рифмотворной» уже и по литературной форме выглядел наподобие вступительного послания или грамоты, начинаясь характерной для тех формулой «Во славу господа бога, в троице лиц, в единстве естества славимаго» и заканчиваясь авторской подписью, напечатанной с соответствующим отступом: «Стихотворил иеромонах Симеон Полоцкий». Такого рода титульные листы, а также оглавления в виде подробнейших поглавных рефератов книги (например, в «Истории о Варлааме» и в «Обеде душевном») являлись уже не чем иным, как предисловиями.

Предисловия по многу раз, но в разных вариантах поясняли содержание и значение книги. Форма предисловий обязательно чередовалась. За обычным прозаическим предисловием могли следовать стихи, за стихами — описание церемонии или службы на темы книги, затем снова прозаическое послание или посвящение, за ним — стихотворный диалог, потом снова проза — и все об одном и том же и для одного и того же: «удобнейшаго ради познания» читателями ортодоксального содержания книги.

Однако циклизация предисловий объяснима не только стремлением издателей к пояснениям и разъяснениям. Способ пояснения содержания книг целой цепью предисловий в какой-то мере противоречил принципу максимальной ясности, ибо большой цикл предисловий, поставленный на первое место, «заслонял» собственное содержание книги, отодвинутое на второе место. Ясность книг все-таки не была для издателей единственной литературной целью. Издатели обряжали старые идеи в новые одежды и для большей при-

влекательности, «сладости» книг для читателей: «... сокровенное открыти и неявленное явити... и потоком сладости... жаждущих сердца... народа усладити» («Библия» 1663 г., предисловие, л. 2); «яко всяк хотяй душевнаго услаждения... доволны себе обрящет» («Вертоград многоцветный», с. 206).

Небывалое разнообразие литературных форм, в том числе использование метафор и стихов, по замыслу издателей, должно было усиливать приманчивость книг для читателей, «ибо услаждает рифм слух и сердце, чести понуждает», помогает «приятно... здраво и весело читати» («Псалтырь рифмотворная», л. 6—7); «присвойственную себе сладостию сердцам читателей приятнейшим суще, аки пуждею влекут я ко читанию частейшему» («Вертоград многоцветный», с. 208). Были рассчитаны на привлечение читательского внимания непривычные лаконично-метафорические названия книг; многозначительные афористические высказывания, напечатанные на первых листах книг или на гравюрах; загадочные симметричные буквенные таблицы. Важнейший, а иногда и единственный смысл этих новых словесно-изобразительных и эмблематических элементов заключался в приглашении, прихочивании читателей к чтению предлагаемой книги. Например, большая буквенная таблица в «Псалтыри рифмотворной» Симеона Полоцкого заключала в себе легко расшифровываемый призыв, который повторялся множество раз в причудливом расположении: «Псалмы пойте богу нашему» (л. 8). Или, например, метафорическое название книги «Обед душевный» тоже имело в виду разжигание читательского аппетита: «Обед сей любезно ядите», «яже вся, аще вы прежуете разсуждения зубами, сладкий мед устам вашим будет» (л. 8 об., 688 об.).

Старые идеи, но в привлекательной форме, повторялись и иллюстрированными печатными листами — «Семь смертных грехов», «Лествица подвижничества», «О сложении перстов», «Коло в мире превращает» и т. д.: «Зряй, человеце, сию главу, сердцем умилися» (№ 799, с. 203). «Умиленно зрение» служило здесь главной приманкой для читателей (№ 773).

Мы не исчерпали всей новизны литературных форм в изданиях второй половины 1660-х — начала 1680-х годов, но проследили за теми, которые с большей или меньшей определенностью свидетельствуют о стремлении издателей к ясности и привлекательности изложения для множества читателей. Мы пока не касаемся вопроса, были ли те книги

действительно понятны и интересны читателям, а говорим о самих намерениях издателей.

Приходится признать определенную оригинальность издательских целей. Ведь начиная с XI—XII вв. в древнерусской литературе бытовала традиция составления особо простых и доступных сочинений для необразованных, малограмотных слушателей. Однако издатели второй половины 1660-х — начала 1680-х годов к подобной традиции почти не обращались, разве только в букварях. Издатели думали преимущественно об иных, небукварных читателях. Комплекс литературных форм, использованных издателями, исключительно разнообразен и нетрадиционен. И ясность их изложения тоже иная — изоэтрная и нарядная.

В своих литературных целях московские издатели не следовали и за современными украинскими изданиями. Возьмем для сравнения две типичные украинские книги Иоанникия Галятовского — «Ключ разумения» (Киев, 1659) и «Месиа правдивый» (Киев, 1669). «Ключ разумения» — это сборник проповедей, сопоставимый с «Обедом душевным» Симеона Полоцкого, а «Месиа правдивый» — книга полемики, сопоставимая с «Жезлом правления». В названных украинских книгах, как и в ряде прочих украинских изданий, задача ясности и привлекательности изложения не ставилась так остро, как в московских изданиях. У Иоанникия Галятовского предисловие к читателям обычно одно, и притом максимально краткое; послесловие предупреждает только об опечатках; вопроса о том, что читателям или слушателям что-то может быть непонятным, даже не возникает. Проповеди Иоанникия Галятовского менее тщательно и менее наглядно расчленены на части, чем у Симеона Полоцкого. Нумерация доводов, причин и т. п. применяется гораздо реже и не так четко, как у Симеона Полоцкого. Таким образом, московские издатели выбирали себе цели не по моде, а по необходимости.

Добавочным свидетельством тому служат сами же украинские издания. Как только печатавшаяся на Украине книга предназначалась для русских читателей (в этом случае она имела посвящение царю и печаталась на русском языке), в ней сразу же чувствовалось повышенное внимание составителей к ясности и понятности повествования. Вот, например, сборник проповедей Лазаря Барановича «Меч духовный» (Киев, 1666) и книга рассуждений Иннокентия Гизеля (нередко полемика по поводу церковных догматов) «Мир с богом человеку» (Киев, 1669). Здесь по-

мещены уже пространные предисловия к читателям, с подробными объяснениями метафорических названий книг; вслед за одним предисловием следует иное — «Увещения предисловная к удобнейшему разумению всего учения сего». Подробнейше объясняются гравюры, фронтисписы. Скрупулезно нумеруется разнообразный материал — доводы, причины, качества и пр. Четко, до мелочей, как затем у Симеона Полоцкого, членятся проповеди. Условия именно российской действительности заставляли издателей заботиться о ясности и доступности их книг.

Ставку на ясность и привлекательность изложения московские издатели делали не столько по приказу властей, сколько по собственной инициативе. Симеон Полоцкий неизменно заявлял о сочинении невиданных новопечатных книг по его личному желанию: «Написах, жителствуя в... граде Москве... вегда ми... впаде во ум псалмы покающия предложити стихотворне», «аз труды сия... начах писати, рифмы слагати» («Псалтырь рифмотворная», л. 4, 127); «труды трудом ово по повелению началствующих, ово по моему свойственному благохотению... прилагая» («Вертоград многоцветный», с. 209).

Главной побудительной причиной стремления издателей к ясности и привлекательности изложения были сами российские читатели. В этом не оставляет сомнений множество обращений издателей к читателям и высказываний о читателях. По целям издателей и по их высказываниям можно понять и их представления о читателях. Издатели, конечно же, считали массу российских читателей менее подготовленной и знающей, чем читателей, например, украинских. Так это, очевидно, и было на самом деле. Однако упреки в отсталости допускались с большой осторожностью. Основной акцент делался на ином. Перед взором издателей второй половины 1660-х — 1670-х годов русская читательская масса представала досадно половинчатой в своих настроениях. Читатель хотя и желал ясного изложения различных тем, но не столь обостренно, как сами авторы. Чаще самим издателям приходилось тянуть читателя к ясности понимания: «Ты же, о читателю, изволь чести умно... внимая разумно»; «но буди правый писаний читатель, не слов ловитель, по ума искатель... токмо прилежно рассуждати тебе»; «мощно и тебе есть неких не знати, изволи ума словес поискати» («Жезл правления», л. нумерованн. 4; «Псалтырь рифмотворная», л. 7 об.; «Рифмологион», с. 219).

Та же половинчатость и какая-то нерешительность отмечались в читательском отношении к новым литератур-

ным формам. С одной стороны, читатели вроде бы начали отвергать старые формы и приветствовать формы новые. В «Вертограде многоцветном» можно обнаружить намек на противопоставление новых литературных форм старым. Симеон Полоцкий сравнивал старые формы, созданные «ветийскаго художества ухищрениемъ», с диким травостоем: «... яко трава на поли, не хитростию художника искуснаго, но естеством изводимая, смешенно раждается и не скоро нищущим обретаема бывает». Новая же форма, в частности стихотворного «Вертограда», гораздо яснее: «Иже бо удобнейшаго ради обретения... яко же есть обычай цветовертником искусным всяческих цветов и зелий роды же и виды благочинно по сподом и лехам сеяти и садити,— тако и во моем сем Верте многоцветном художественне и по благочинию вся устроишася» (с. 206, 207). Издатели, вероятно, почувствовали, что читатели тоже не удовлетворяются старыми, традиционными формами изложения, которые кажутся им недостаточно ясными и понятными. Во всяком случае, Симеон Полоцкий от имени всех читателей пожаловался на неясность привычной формы даже самой «Псалтыри»: в ней «разум сокровенный споду содевает, чтый бо ли поющ псалмы со трудом — то знает» («Псалтырь рифмотворная», л. 2 об.).

В издании своих проповедей Симеон Полоцкий также номинал читателей и слушателей, не довольствовавшихся традиционными для поучений примерами и суждениями: «Но может некто, человеческое держяй разсуждение, сицевая в сердца своем сохранять помышления», «может некто от собрания вашего приити во усумление и удивителство, како сие быти может» («Обед душевный», л. 14, 92).

Издатели, по-видимому, исходили из предпосылки о том, что новые формы должны были нравиться читателям. Недаром Симеон Полоцкий в «Псалтыри рифмотворной» пояснял: «Не еже теми мысленными богатствы единому ми красоватися и богатети» (л. 4). И затем прямо свидетельствовал о популярности на Руси аналогичного стихотворного переложения «Псалтыри», хотя и на польском языке: «... яко мнози во всех странах малыя, белыя, черныя и червоныя России, паче же во велицей России, в самом царствующем и богоспасаемом граде Москве возлюблше сладкое и согласное пение полския Псалтыри, стиховно преложенныя, обыкоша тоя псалмы пети... о сладости пения увеселяющесе...» (л. 5—5 об.). Недаром в другом месте Симеон Полоцкий констатировал: «Рифмотворное писание распространяется в нашем славенstem книжном языке,—

еже во инех волею честь имать и убажение» («Вертоград многоцветный», с. 208).

С другой же стороны, из этих слов Полоцкого нельзя делать вывод, будто множество русских читателей 1660—1670-х годов стали безусловными поборниками новых литературных форм и приемов. Судя по книжным предисловиям, издатели как раз предвидели, что новые формы и приемы будут непривычны для читателей. Ведь каждая из названных выше книг не являлась в мир абсолютно неожиданно, а имела ближайших предшественников по тем или иным литературным формам, и издатели получали впечатление о читательской реакции. Так, Полоцкий признавал: «Мало словенских стих доселе бяше... отчаеваю,— рачителей бо тоя мало знаю», «в тме незнания любим пребывати» («Рифмологион», с. 158, 159); «зде зрится ново дело», «труды сия... в России новыя» («Псалтырь рифмотворная», л. 7—7 об.). И поэтому неизменно насыщал предисловия «к благочестивому читателю» повторявшимися пояснениями о стихотворной форме, о числе слогов, о рифмах, о смысле метафорических заглавий и пр. В печатных листах также попадаются симптоматичные пояснения. «Зде являем делателно седмь смертныя грехи»,— предупреждал Симон Ушаков о, казалось бы, совершенно понятном факте «живописного» изображения, а не словесного изложения сюжета на листе (№ 778).

В представлении издателей, читатель с осязаемой настроенностью относился к новым литературным формам. Вот почему издатели и авторы старались смягчить читательское недоверие разными, тоже многократно повторявшимися оправданиями. Например, в предисловиях к «Псалтыри рифмотворной» варьировались заверения в том, что «художество стихотворения» — не новейшая выдумка, а искусство, употребляемое с древнейших времен; что стихотворные труды вовсе не странны, но народам «иным — обычны»; что они угодны церкви и одобряемы царем; что надо и «нашим славенским в рифмах миру дати»; что сложение «славенских» стихов — большой труд, достойный уважения почти наравне с трудами библейскими. «Под трудами Давида мой аз полагаю» — так оценивал свое дело Полоцкий. Так что «ниже да удивишия тому, читателю благочестивый», если стихотворное изложение отличается от привычного, «здравым умом да судиши труд»: здесь «разум един есть, речение ново» (л. 2 об.—7 об.) и т. д. и т. п. Сходные доводы приводились в «Жезле правления», «Обеде душевном» и «Вечере душевной» в отношении новых прозаиче-

ских форм. Значит, читательская масса второй половины 1660-х — начала 1680-х годов, по-видимому, весьма неопределенно тяготела к конкретным формам новым, хотя уже и отталкивалась от старых литературных форм<sup>11</sup>. Анализ московских печатных изданий, особенно книжных предисловий и послесловий тех лет, приводит нас к предположению о зарождении у читательской массы смутного умонастроения отчужденности, отстраненности по отношению к литературе, книге.

Сравним теперь печатные произведения с «Житием» Аввакума. Известно, что «Житие» составлено из отдельных эпизодов, по новому для житийной традиции принципу: «тово всево говорить много, разве малое помянуть» (26). Каждый эпизод необычно краток, примерно одна-две странички рукописи в осьмушку, но с отточенными внутренними связями. Вот схема первого же эпизода в «Житии»: «А в нашей Росии бысть затмение солнцу в 162 году... В то время Никон-отступник веру казил... Паки потом минув годов с четырнатцеть, вдругоряд затмение солнцу было... Протопопа Аввакума, беднова горемыку, в то время остригли...» (14). Сжато и четко излагались разнообразные сюжеты и в стихотворениях «Вертограда» и «Рифмологиона», в проповедях «Обеда» и «Вечери» Симеона Полоцкого. Однако там, где благопристойный Симеон обязательно что-то сказал бы или пояснил, Аввакум смело перескакивал через целые пласты повествования.

Аввакум в «Житии» любил, например, сжимать или обрывать цитаты и пересказы речей. Так, царь, прочивший Никона в патриархи, «пишет к нему послание навстречу: „Пресвященному Никону, митрополиту новгородскому и великолукскому и всеа Русии, радоватися“, и прочая» (22); библейский Иов «в язве лежа... и сниде бог к нему, и прочая» (30); «я идучи говорю: „Не надейся... на сыны человеческия, в них же несть спасения“, и прочая» (47). Или: «Он же вздохнул и иное говорил кое-што» (43); «и с ним кое-што говоря про меня, да и поехал домой» (47); «много кое-чево говоря, с криком розошлись... Я после ево написал послание... к царю послал: кое о чем многонокко поговоря...

---

<sup>11</sup> Симеон Полоцкий в «Псалтыри рифмотворной» писал и о другом типе читателей — о «гаждателях», «зоилах», вовсе не приемлющих ничего нового. Этот тип для нас менее интересен, чем основной читатель новых книг, главная надежда Симеона Полоцкого, к которой он апеллировал: «Не слушай буих и ненаказанных, в тме невежества злобою связанных» (л. 7).



И много тех присылок было. Говорено кое о чем не мало» (54—55). Сами эпизоды Аввакум резко обрывал еще чаще: «Полно тово говорить плачевнова дела» (27); «што тово много и говорить» (28); «полно тово» (36); «полно о сем» (41); «да што много разсуждать» (54) и т. д. Такое свертывание изложения вряд ли можно объяснить нехваткой бумаги или писательским неумением Аввакума, который великолепно владел пространной украшенной речью (см., например, его послания к отдельным лицам). Нельзя думать и о каком-то украинском влиянии. Перед нами индивидуально разработанный писателем литературный прием. Аввакум намеренно обрубал все ответвления в рассказе, оставляя голый, укороченный, ясно различимый ствол. Да при этом еще сомпевався: «Иное было, кажется, и не надобно говорить» (59).

В общем, и издатели книг, и Аввакум стремились к вящей четкости, прямоте, ясности своего повествования, хотя Аввакум специально и не распространялся о таких литературных целях «Жития».

Максимально простые и ясные эпизоды «Жития», несомненно, предназначались именно для массы «правоверных» читателей. Недаром можно заметить любопытное различие. Дополнительные рассказы в конце «Жития», первоначально изложенные Аввакумом не для множества читателей, а лишь для его сподвижника Епифания, сохранили также и в редакции «В» более традиционно-житийную манеру повествования — несколько более пространную, риторичную, нравоучительную. Аввакум, вероятно, сам ощущал различие, оговорившись в данном месте: «Однако уж розвякался» (66). О стиле и построении основных эпизодов «Жития» Аввакум отзывался иначе: «... реченно просто... понеже люблю свой русской природной язык, виршами философскими не обык речи красить» (112).

И издатели книг, и Аввакум предложили массе читателей новые формы изложения, видимо по опыту зная новые общественные потребности. Но Аввакум достиг гораздо большей лапидарности, чем, например, Симеон Полоцкий. Значит ли это, что множество старообрядческих читателей сильнее всех прочих нуждались в ясности сочинений? В «Житии» нет прямых характеристик читателям. Поэтому о желаниях массы «правоверных» можно догадываться лишь по косвенным свидетельствам. Так, в конце одного из эпизодов Аввакум поучает всякого «правоверного»: «Того ради пеослабно ища правды, всяк молися Христу... Писанное впи-май: „Се полагаю в Сионе камень и камень соблазну; вси

бо не сходящийся с нами о нем претыкаются или соблажняются» (28). Далее он толкует цитату из апостольского послания, потому что уверен, что читатель ее не поймет: «Разумеешь ли сие?.. Внимай-ко гораздо и слушай, что пророк говорит со апостолом». Но, судя по толкованию, Аввакум знал, что читателю будут непонятны форма, язык высказывания; поэтому цитату Аввакум пояснил в своем знаменитом просторечном стиле: «Просто молоть, дьяволю волю творят, а о христове повелении не радят. Но аще кто преткнется — о камень сей сокрушится, а на нем же камень падет — сотрывает его... что жернов дурака в муку перемелет» (28).

К подобному пересказу почти на другой язык Аввакум в «Житии» прибегал неоднократно: «А инде писано: „Славящая мя — прославлю“... Вот смотри, безумне, не сам себя величай, но от бога ожидай» (76). «В Деяниях зачало 36 и 42 зачало: „...Мнози же от веровавших прихождаху, исповедующе и сказующе дела своя“... Сказывай, небось, лише совесть крепку держи» (80). Целая «Книга толкований» написана Аввакумом в таком духе.

Все это позволяет предположить, что читателям Аввакума действительно уже стал неясен библейский язык. Если Симеон Полоцкий жаловался на неясность «Псалтыри» для читателей и переделал ее в стихи, то Аввакум, как видим, поступил еще радикальнее. Массе старообрядческих читателей 1670-х годов старые литературные формы, вероятно, были еще более неясны, чем прочим российским читателям.

Однако Аввакум не надеялся и на полное понимание «правоверными» читателями новых, введенных им форм повествования. В начале «Жития» он даже как бы извинялся за необычную сокращенность своих пересказов: «Посем создася Адам, и прочая. Аще хоцещи пространно разумети, чти Маргарит. Аз кратко помянул, смотрение показуя» (17). По всему «Житию» рассеяны отсылки на более подробные сочинения — для тех «правоверных», кого озадачит аввакумовская сжатость: «Чти книгу Дионисиеву, там пространно уразумеешь» (15); «чти Житие Феодора Едесского, там обрящещи» (35); «в послании... тамо чтый, да разумеет» (56).

Время от времени Аввакум чувствовал необходимость пояснить быстро законченный эпизод. Так, нарисовав картину возвышения Никона, Аввакум по своему обыкновению резко оборвал рассказ: «Егда же приехал, с нами яко лис: челом да здорово! Ведает, что быть ему в патриархах и чтоб откуля помешка какова не учинилась. Много о тех

кознях говорить». Но затем все-таки стал объяснять: «Царь его на патриаршество зовет, а он бытто не хочет, мрачил царя и людей, а со Анною по ночам укладывают, как чему быть, и много пружався со дьяволом, взошел на патриаршество божиим попусщением, укрепя царя своим кознованием и клятвою лукавою» (22—23). Видимо, не всегда простота и краткость эпизода удачно сочетались с его понятностью для «правоверных» читателей.

Аввакум все же рассчитывал на ббльшую близость массы читателей, чем, например, Симеон Полоцкий. У Аввакума нет оговорок об ожидаемой настороженности или враждебности «правоверных» читателей к тому, как он пишет; нет длинных разъяснений, нет оправданий формы. Он даже уверен, что «верные» будут понятливее всех остальных людей: «Верный да разумеет, что делается в земли нашей... Говорить о том престанем, в день века будет познано всеми» (14).

Все это была уверенность наперед, основанная на предыдущем опыте. Ведь Аввакум писал уже третью редакцию своего «Жития», а до написания «Жития» он неоднократно рассказывал его отдельные эпизоды. Аввакум действительно хорошо знал, как его рассказы воспринимали старообрядческие читатели и слушатели.

«Житие» Аввакума подтверждает половинчатую, отчужденную настроенность читательского множества 1670-х годов по отношению к литературе: отталкивание от старых литературных форм, но еще неопределенность в предпочтении форм новых. Правда, по «Житию», масса старообрядческих читателей кажется все-таки более решительной в отвержении старого и приятии нового, чем масса «благонамеренных читателей».

Прямое подтверждение нашей гипотезы о существовании в читательской массе некоего состояния отчуждения, отстранения от литературы находим в рукописном сборнике проповедей 1684 г. под названием «Статир».

В предисловии к сборнику автор описывает вкусы простых соликамцев. Им неясны, даже темны, и новые и старые формы изложения: «Человецы обычай имуть всегда новая слышати. Обед же и Вечерю люботруднаго и премудраго мужа отца Симеона Полоцкаго слог и тая простейшим людем за высоту словес тяжка бысть слышати и грубым разумом не внимателна, а божественнаго Златоуста беседы его и правоучения... зело неразумително не точию слышачим, но и чтущим. Велми бо препросты страны сея жите-

ли, в ней же ми обитати, не точию от мирян, но и от священник, иностранным языком тая Златоустаго писания нарицаху. И по таковой вине аз, грубы, начах простейшия беседы издавати» (л. 5—5 об.).

Соликамские жители недоверчиво относились и к совсем новым литературным формам, еще более простым. Автор, пытавшийся сочинять проповеди совсем простые, сетует: «Зело бо невежества исполнени жители страны сея, яже впред рекох. Велми бо мя укоряху, и порицаху, и сопротивляху ми ся, и посмеявахуся, и всякими хухнателмисми имяны укоряху... мянщи, яко бы аз ново ввожу... едва не вси пенавистию дыхаху» (л. 7 об.). И добавляет в послесловии к читателю: «Иже ты твердыя пищи не можеш, почто мягкаго вкушати не хочеш?» (л. 203).

Показательно, что к попыткам упростить язык и стиль проповеди и толкования Священного писания «благонамеренный» читатель, как видим по «Статиру», отнесился гораздо жестче, чем читатель старообрядческий.

Проверим наше предположение на произведении, которое предназначалось не для «благонамеренных» и не для «правоверных» читателей, а в первую очередь для опустившихся, спивающихся, для, как мы сказали бы сейчас, деклассированных людей. Казалось бы, нельзя многого ждать от такого сочинения — от «Службы кабаку». Однако небывало смелая пародия на церковную службу уже предполагала раскованность восприятия тех, кто «не пекущися о житейских», «Христа помянул, а собак подразнил», «вместо же молитвы к богу сатанинския песни совершаху» (43, 49).

Притом форма и смысл «Службы кабаку» гораздо сложнее и изощреннее, чем только пародия на службу с прямой издевкой над пьяницами и кабатчиками. Сюда примешано и сострадание к пьющим. Вот один из отрывков, совсем не издевательский по тону: «Егда славнии челоуецы, в животех искуснии, в разуме, за уныние хмелем обвеселяхуся, тогда, егда во многия дни се творимо, до нага пропивахуся... Егда же просыпашеся, тогда болезнию озаряшеся и частым оханьем согубяшеся. Егда же в меру трезваго разума достигаше, тогда печалию болезнено уязвляшеся, яко „много пропито, неведомо, что конец житию моему будет, не вем, откуда и как почати жити“, и обеты и каеты на себя и клятву налагаше, яко впред не пити. Егда же долго не пиваше, тогда же похотию, яко стрелою, уязвляшеся, как бы мощно испити в славу божию. Егда же чрез клятву дерзаше, на питье простирашеся, и испиваше, и на пугвицы изливаше, и семо и овамо, яко болван бездушен

валяхуся, сам себе душегубец и убийца являшесь, и в горшая напасти впадаше горчае перваго» (39—40).

Автор иногда даже как бы защищал пьющих от «добрых людей»: «Чего и не творим, ино добрые люди втрое прибавят. Всяк ся ублюет, толко не всяк на себя скажет. Под лесом видят, а под носом не слышат» (40). Автор испытывал сложные чувства по отношению к пьяницам. Очень непростое, неординарное произведение предназначалось для «шалной» среды любителей кабака. Вероятно, чем оторваннее были люди от установленных сословных норм, тем благодуще они воспринимали необычные литературные эксперименты.

Но пародия, составленная с полной внешней серьезностью, хотя и с некоторой жалостливостью, оказалась бы недостаточно доступной ее потребителям. Поэтому автор (или авторы, редакторы) ввел целый ряд пояснений в том ключе, который сразу понятен кабацким завсегдатаям. Почти каждый кусок пародии на церковную службу сопровождался раешником: «Дом потешен, голодом изнавешан, робята пищать, ести хотят, а мы право божимся, что и сами не етчи ложимся», «с ярыжными спознался, и на полатях в саже повалялся, взявши кошел, и под окны пошел» (38) и пр. Каждый раздел обычно пересыпался и заключался пословицами: «Глядение лихое пуще прошенья бывает» (37, 46); «Каеты много, а воротить нелзе» (38, 46); «Когда сором, ты закройся перстом» (40); «Говорят: без дениг — вода пить» (45) и т. д. Регулярно вставлялись и привычные недвусмысленные поучения: «Правдивый человек, аще пьет и по корчмам водится, в позор будет. Старость его не честна, ни многолетна, и в силе воровство его лишит, седины же его срам ему приносят, старость бо жития его с позоры... злоба покрывает разум его и лесть пьянства превратит душу его. Рачение бо злое губит добрая, и желание бо похоти предлагает его в ров погибели. Скончавшуся ему от воровства никто по нем не потужит, исполнит лета своя в питии, и угодна бы бесу душа его» (42). Наконец, прямо называлась и цель пародийной службы пьяницам: «Тем вас, непослушных, в песнях поносных уляпаем» (43).

Думается, что кабацкие слушатели «Службы кабаку» 1660-х годов пребывали в знакомом уже нам состоянии отстраненности, отчужденности и от старого и от нового. Старые литературные формы уже были для них неэффективны, а новые — недостаточно усвоены<sup>12</sup>. Но при всем том пизо-

<sup>12</sup> Раздражение, даже ненависть «ярыжек» к «Службе кабаку» возникли гораздо позже, чуть ли не сто лет спустя. Свидетельство об

ной, демократический читатель и слушатель решительнее отходили от старого, оказывались более радикальными в предрасположении к новому, чем читатели других общественных слоев.

На сравнительно небольшом материале мы пришли к выводу о возникновении отчужденного отношения к литературе у части российской читательской массы второй половины 1660-х — 1670-х годов. Проявления отчужденности или отстраненности, вероятно, можно найти и у тогдашней массы зрителей по отношению к изобразительному искусству, и просто у массы людей в быту. Так, например, показателем рисунок художника Василия Кондакова, исполненный где-то между 1666 и 1690 гг. Художник нарисовал молодого модника в новом светском костюме XVII в. и без бороды. В данном случае важно, как В. Кондаков в качестве современника отнесся к новой моде: «Пафос рисунка и надписи к нему не в насмешке и осуждении человека с позиций собственной безгрешности, а в паидании и нравственной помощи», «по сравнению со старообрядческой культурой, в этом вопросе радикальной и резко осудительной, рисунок Василия Кондакова исполнен скорее тревоги за человека и мягкого назидания»<sup>13</sup>. Типичное состояние отстраненности или отчужденности: В. Кондаков не цепляется за старое, но и не поддерживает новое, он устраняется от решительной оценки.

Отчужденное или отстраненное отношение читателей к литературе, к имевшимся старым и предлагаемым новым литературным формам нельзя трактовать как отказ читателей от литературы или как полное охлаждение их к литературе. Характеризуемое нами состояние части читательской массы сродни смутному неудовольствию, холодности, может быть, скептичности. Оттенки этого состояния и различающиеся группы читателей будут проясняться при расширении круга изучаемых источников.

Перейдем теперь к вопросу о социальных факторах, породивших настроения отчужденности от литературы в русском обществе второй половины 1660-х — 1670-х годов. Привлеченные нами источники помогают выдвинуть лишь некоторые предположения, ибо мы имеем дело с мнениями

---

этом появилось лишь в списке середины XVIII в., в особом предисловии к «Службе кабаку». Его текст см.: Русская демократическая сатира XVII века, с. 156—157.

<sup>13</sup> Сергеев В. Н. Литературный источник рисунка XVII в. работы Василия Кондакова. — ТОДРЛ. Л., 1977, т. 32, с. 336, 337.



*Книгописецъ под бурными облаками (Марк).  
Евангелие. М., 1677*

авторов о массе читателей, а не с непосредственными проявлениями настроений самой этой массы. В качестве примера вновь обратимся к «Жезлу правления» Симеона Полоцкого. Весь полемический антираскольнический «Жезл», особенно в первой половине, пронизан авторскими обращениями к читателям и высказываниями, позволяющими судить о том, как читательская масса, по мнению автора, относилась к основной теме книги — к расколу.

Часты и, следовательно, не случайны в «Жезле» обращения, состоящие из трех элементов: придите — смотрите — рассудите. Например: «На сие же позорище духовныя брани, молим, да изыдет всяк православный благоразумыма

смотриши очима и узрит, уповаем... сего Жезла победу» (л. 18); «приидите семо... виждьте и судите» (л. 23); «да приидут... и да почюдяться» (л. 56); «приидите и виждьте» (л. 75); «виждьте убо и веждьте, людие правовернии» (л. 28); «сие видяще, о православнии, что речете?» (л. 74) и др.

Традиционные обращения к читателям и слушателям в древнерусских полемических сочинениях обычно содержат глагол типа «виждь» или «виждьте» с уже стершимся предметным значением. Людям просто предлагается подумать над тем или иным доводом. Симеон Полоцкий же усилил метафорически-образный смысл подобных обращений, побуждая людей якобы прийти и посмотреть на некое зрелище. За этим крылось определенное авторское представление о людях.

Глаголы в повелительном наклонении или в вопросительной форме имеют оттенок несделанности дела теми, к кому они обращены. Значит, «людие правовернии» представлялись Симеону Полоцкому стоящими где-то поодаль от фронта схватки с раскольниками, еще только сторонними зрителями схватки, пока лишь собирающимися вынести свой приговор. Недаром в предисловии к «Жезлу», обращаясь к российским людям, Симеон Полоцкий настаивал: «Изберите вы едино, что вам» — стан раскольников или стан борцов против тех (л. 15).

В «Жезле» нередки наставления, воспреещающие какое-либо действие: «Не буди сие в тебе, о православный народе российский, еже верити клеветником» (л. 60 об.); «лестных его словес во ушеса ваша не впускайте» (л. 43 об.) и т. п. Повелительные глаголы в отрицательной форме обозначают как раз склонность адресата к порицаемым действиям. Значит, в представлении Симеона Полоцкого, российский народ все-таки «впускал в ушеса» учение раскольников, занимал колеблющуюся позицию.

И действительно, Симеон иногда прямо говорил о колебаниях: «...о православнии людие... да не к тому колеблетесь. Оставьте вожды слепыя...» (л. 82); «примите сей Жезл... утверждайтесь им и прочыя колеблющыя утверждайте» (л. 15 об.); «вы паки, о благочестивии людие, иже сих престлестников лжею и хитростию поколебастесь или во усумнение приидосте ...утвердитесь сим Жезлом нашим» (л. 67—67 об.).

Показательно также стихотворное предисловие к «Жезлу правления». Настало время, говорит автор, «Жезл» «во мир испустити», где «подпор есть Жезл немощным, твердость



укрепленным, оружие боримым, казнь же развращенным» (л. нумерованн. 4). Симеон Полоцкий делит «мир», всех людей в России на четыре категории. «Развращенные» — это раскольники. Первые же три категории в данном перечне — это те «благочестивые люди», к которым постоянно обращается Симеон в «Жезле». Общая характеристика «благочестивых людей» получается симптоматичной.

Словосочетания типа «подпор немощным» богаты смыслом, обозначая одновременно и то состояние, в котором человек находится, и то, чего ему недостает. «Благочестивые люди» у Полоцкого предстают пассивными или слабыми в борьбе против раскольников: они немощны и нуждаются в подпоре; они, правда, укреплены, но не крепки истинно и нуждаются в твердости; они боримы, т. е. не борются, а подвергаются нападению, и пока безоружны. Симеон Полоцкий представлял себе российский народ находящимся в состоянии какой-то нерешительности или созерцательности по отношению к расколу.

В «Жезле правления» встречаются заверения Симеона Полоцкого о единстве «православного множества» перед лицом раскольников. Однако подобные заверения редки, шаблонны, носят чисто официозный характер. Например, когда в особом предисловии к царю Симеон пишет «мы едино есмы, сей Жезл тебе приносящий», то в действительности он имеет в виду только официальный церковный собор против раскольников, а не весь народ (л. нумерованн. 3). Когда Симеон пишет: «...мы, православнии людие, не подвижный... имама камень веры... яко же всем есть известно» (л. 71 об.—72), то это общепринятая официальная формула, благое пожелание.

В подавляющем же большинстве высказываний «Жезла» о российском народе засвидетельствована одна и та же мысль: «стадо» колеблется, «Жезл» нужен «во утверждение колеблющихся» — так заявлено даже на самом титульном листе книги. Для значительной части «стада» российского раскол, вероятно, оставался течением по преимуществу догматическим, не очень сильно задевавшим материальные и социальные интересы массы «благонамеренных людей». Правда, об этом «Жезл» уже не сообщает ничего определенного.

Но вот что ясно заметно: отношение читателей к новым литературным формам «Жезла» оказывалось таким же половинчатым и колеблющимся, как и отношение читателей к основной теме книги — к расколу. Указания на читательское восприятие того и другого тесно переплетены в «Жез-

ле» и, видимо, отражают реальную связь: отношение читателей к литературной форме памятника зависело от их отношения к социальной теме памятника. Читательская масса сторонилась формальных новаций «Жезла», потому что сторонилась и раскола, и борьбы с ним.

Кстати, о подобном отношении к расколу и его противникам писал В. О. Ключевский: «Масса общества вместе с царем относилась к делу двойственно: принимали нововведение по долгу церковного послушания, но не сочувствовали нововводителю за его отталкивающий характер и образ действий; сострадали жертвам его нетерпимости, но не могли одобрять непристойных выходов его иступленных противников против властей и учреждений...»<sup>14</sup>.

Можно предположить далее, что холодок «благонамеренных читателей» по отношению, например, к «Псалтыри рифмотворной» являлся следствием их отчужденной, колеблющейся настроенности по отношению к «латинству», к новому «вежеству», к новым веяниям в просвещении; несколько большая решительность литературных вкусов старообрядческих и демократических читателей была порождена большей решительностью их позиции в конкретных социальных вопросах и т. д. Здесь необходимы дальнейшие исследования.

В общем, в 1660—1670-е годы разнообразным авторам приходилось творить в неладной, неудобной обстановке отсутствия должного взаимопонимания с читателями, в среде которых росли настроения отчужденности, скептичности, половичатости по отношению к старым и новым культурным и социальным явлениям.

Читательское настроение отчужденности от литературы не прошло безразлично и для литературы в целом. Это состояние духа общества способствовало процессам, которые уже отметил Д. С. Лихачев,— «раскрепощению личности», «активизации читателей», «увеличению гибкости и „интеллигентности“ эстетического сознания», тому, что «движение литературы начинает контролироваться читателем»<sup>15</sup>. Писатели в этих условиях перепробовали множество новых литературных форм, в том числе заимствованных с Запада, не монополизировав и не навязывая ни одну из них.

---

Ключевский В. О. Соч. М., 1957, т. 3, ч. 3, с. 316—317.

Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 139, 171 и др.; *Он же*. Поэтика древнерусской литературы. 2-е изд., доп. Л., 1971, с. 90.

Отчужденное отношение читателей к формам традиционным для древнерусской литературы и к формам небывалым, так сказать экспериментальным, в конце концов вело к преобладанию чего-то иного, среднего, промежуточного, переходного. Разнородные переходные явления XVII в. неоднократно описывались нашими историками, филологами, искусствоведами. Возникновение переходных явлений связано со многими причинами, среди которых нельзя забывать о давлении массы читателей на писателей. Так, например, именно для психологического состояния отчужденности читательской массы от литературы естествен любопытный факт опрозрачивания стихов, когда «новые стихотворные жанры ассоциировались с теми традиционными прозаическими, которые требовали витийственности,— жанрами по преимуществу панегирическими (похвалами, эпистолиями и пр.). Даже распространенные в западной поэзии барокко акростихи воспринимались на Руси как традиционная тайнопись...»<sup>16-17</sup>. В самой русской литературе читательская отчужденность способствовала появлению произведений, ни на что из привычного старого или непривычного нового не похожих. Еще М. Н. Сперанский отметил, что, например, две исторические сказочные повести второй половины XVII в. о византийском царе Михаиле III («Слово» об убийстве Михаила московским «извоздником» лошадей Василием и «Сказание» о смерти Левтасара, сына Михаила, по пророчеству золотого попугая) породила «группа средних и низших классов грамотных людей», «которая, тесно связанная в своих литературных интересах с предшествующим временем (как, впрочем, и вся литература половины XVII в.), но не примыкающая открыто к новизне, в то же время реагирующая на оживление литературного движения половины века, создает в области повествовательного жанра нечто своеобразное...»<sup>18</sup>.

Не без воздействия отчужденного отношения читателей к литературе произошли перемены в составе литературных героев. «Историческое имя героя стало явным препятствием в развитии литературы», но открыто вымышленный типический герой в литературе XVII в. не появился. «Одним из самых значительных переходных явлений было появление безымянности действующих лиц. В литературе наступа-

---

<sup>16-17</sup> Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 161—162.

<sup>18</sup> Сперанский М. Н. Эволюция русской повести в XVII веке.— ТОДРЛ. Л., 1934, т. 1, с. 138.

от целый период, когда героями многих литературных произведений, по преимуществу вышедших из демократической среды, оказались безымянные личности. Безымянность героя уже сама по себе означала, что произошло открытие новых, совсем иных, чем прежде, путей художественного обобщения. Вместе с тем безымянность героя в свою очередь облегчила путь вымыслу, путь к созданию типических, вовсе не идеализированных образов»<sup>19</sup>. Массовый читательский вкус принимал лишь нечто половинчатое.

Влиянием читателя, который чуждался и старого и нового в литературе, возможно, объяснима замедленность в преодолении средневекового литературного этикета: хотя «разрушение системы литературного этикета началось еще в XVI в., но целиком эта система не была разрушена ни в XVI, ни в XVII в....»<sup>20</sup>. В условиях «шатания» традиционных вкусов XVII в. «появился тип писателя, сознающего значительность того, что он пишет и делает, необыкновенность своего положения и свой гражданский долг»<sup>21</sup>. От писателя теперь больше, чем раньше, зависело, куда он поведет читателя.

Перечисленные нами примеры можно дополнить и нужно глубже проанализировать. Но и в данном виде они подтверждают, что отчужденная настроенность читателей по отношению к литературе послужила одним из заметных факторов развития всей литературы, а не только комплекса произведений массовой предназначенности.

Общая картина представляется нам такой: авторы 1660—1670-х годов, писавшие для широкой массы читателей, вынуждены были заниматься активными поисками способов и средств воздействия на общество, отчужденно относившееся к литературе. Авторы стремились к особой ясности своих сочинений, пробовали многообразные формы изложения — от явно перенесенных с Запада до совершенно неповторимых, выработанных ими самими индивидуально, старались пояснить и оправдать эти формы, но в конце концов общими силами нащупывали и разрабатывали оригинальные формы, не похожие ни на традиционные древнерусские, ни на современные западноевропейские, ни на литературные формы ближайшего или более отдаленного будущего.

---

<sup>19</sup> Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, с. 113, 114.

<sup>20</sup> Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 121.

<sup>21</sup> Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 146.

Что барочно в намеченной нами цепи объектов: литературные формы — цели авторов — настроения общества? <sup>22</sup> Мы снова сталкиваемся со знакомой особенностью: отчетливой связи с барокко почти ни у чего нет. Несомненно барочны лишь некоторые литературные формы у Симеона Полоцкого <sup>23</sup>. Но с такой же уверенностью нельзя утверждать барочность форм в произведениях Аввакума и демократической сатиры. Кроме того, использование, функция барочных форм даже у Симеона Полоцкого не имеют барочного характера. Правда, стремление Полоцкого сделать изложение привлекательным для читателей еще можно считать слабой аналогией желаниям барочных писателей «потрясти взбудораженное воображение, изумить и подавить, все равно чем...» <sup>24</sup>.

Но главное стремление Полоцкого и других русских писателей второй половины 1660-х—1670-х годов — стремление к ясности изложения — выпадает из круга барочных явлений. Ведь, по мнению многих исследователей, для барокко типичны «отречение от понятного», преобладание «темного стиля», «отвращение к ясности выражения идей», «культ тайн и загадок», желание «парализовать интеллектуальный контроль со стороны читателя», «зыбкость образа, его преднамеренная неопределенность» и т. п. <sup>25</sup> Стрем-

---

<sup>22</sup> Это часть того «общего типологического ряда» для сравнения литератур, о котором писала И. Г. Неупокоева: последовательно разыскивается «сходство внутри идейно-художественных структур сравниваемых литературных явлений или процессов, которое зависит от сходства определенного комплекса исторических условий и проявляется как в сходстве основных художественных задач и решений, так и в сходстве своих общественных функций» (Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976, с. 155).

<sup>23</sup> См.: Еремин И. П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. — ТОДРЛ. М.; Л., 1948, т. 6, с. 125—148; Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы, с. 88.

<sup>24</sup> Указание на эту барочную черту см., напр.: Морозов А. А. Проблемы барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века: (Состояние вопроса и задачи изучения). — Рус. лит., 1962, № 3, с. 11.

<sup>25</sup> См., напр.: Вельфлин Г. Ренессанс и барокко / Пер. с нем. Е. Лундберга. СПб., 1913, с. 86; Морозов А. А. Проблемы европейского барокко. — Вopr. лит., 1968, № 12, с. 115—116; Чижевский Д. Барокко в русской литературе. — Československá rusistika, 1968, № 1, s. 11; Самарин Р. М. Проблема реализма в западноевропейских литературах XVII века. — В кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 64; Кланицаи Т. Что последовало за Возрождением в истории литературы и искусства Европы? — Там же, с. 93, 101; Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 185; Софронова Л. А. Некоторые проблемы поэтики польского барокко. — Сов. славяноведение, 1974, № 1, с. 73.

ление к ясности изложения можно отнести к явлениям, предвосхищавшим классицизм. Но и подобная связь достаточно условна. Ведь корни авторских устремлений второй половины 1660-х—1670-х годов оказываются не определенно классицистическими и не определенно барочными.

Ни к чему не удастся подключить отчужденное отношение массы русских читателей к литературе и к ряду социальных процессов. С большой натяжкой, чисто логически можно зачислить это отчужденное отношение в слабые начальные проявления барочной антиномичности, когда «человек мечется среди сомнений и противоречий, кажущихся ему неразрешимыми»; когда «отношение к миру... как бы эмансипировано от личного чувства. Это „видение со стороны“ не означает ни нейтральности, ни безучастности, в нем выражено трагическое восприятие мира, перед ужасом которого человек как бы перестает ощущать самого себя»; когда «художественно отражается процесс „отчуждения“ человека в обществе от своей общественной природы»; когда «прежняя вера уступает место скепсису» и преобладают «ощущения растерянности и смятения», «сомнения в разумности мира и человеческого существования», «со специфическими оттенками холодной отчужденности и истерического надрыва»<sup>26</sup>.

Однако отчужденная настроенность русских читателей в дальнейшем не развилась в барочный скепсис, да и с самого начала не тяготела к барочному комплексу. Недаром несомненно барочные печатные украинские книги второй половины XVII в. совершенно не касаются темы отчужденности читателя<sup>27</sup>. Эта тема возникает только тогда, когда книга предназначена для российского читателя: «Читателя

<sup>26</sup> Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII — начала XVIII века, с. 10, 11; История немецкой литературы. М., 1962, т. 1, с. 417. Текст А. А. Морозова; *Пинский Л.* Испанский плутовской роман и барокко.— *Вопр. лит.*, 1962, № 7, с. 148; *Аникст А. А.* Ренессанс, маньеризм и барокко в литературе и театре Западной Европы.— В кн.: Ренессанс. Барокко. Классицизм: Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV—XVII веков. М., 1966, с. 213; *Виннер Ю. В.* О «семинадцатом веке» как особой эпохе в истории западноевропейских литератур.— В кн.: XVII век в мировом литературном развитии, с. 57; *Кланицаи Т.* Что последовало за Возрождением в истории литературы и искусства Европы? — Там же, с. 92; *Сигал Н. А.* Тенденции барокко во французской драматургии 30—40-х годов XVII века.— Там же, с. 243; *Свидерская М. И.* Становление нового художественного видения в итальянской живописи на рубеже XVI—XVII веков.— Там же, с. 397.

<sup>27</sup> О барочности книг И. Галятовского, Л. Барановича, А. Радивиловского см., напр.: *Иванько І. В.* Про українське літературне барокко.— Радянське літературознавство, 1970, № 10, с. 52.

молим, дабы, аще что ново и странно в сей книзе мнетися ему будет, не абие ся того ради отвращал...»<sup>28</sup>.

Подтверждаются слова Ю. М. Лотмана и Д. С. Лихачева о барокко в России: «В русской культуре барокко как значимая эпоха отсутствует, скорее давая себя чувствовать как некоторая тенденция, чем в качестве структурного целого»<sup>29</sup>; «речь может идти только о некотором сходстве форм, отчасти заимствованных, при решительном различии в содержании»<sup>30</sup>. Барокко в русской литературе 1660—1670-х годов проявилось лишь поверхностно, формально, частично, во внешних элементах. Барочность творчества отдельных писателей отвергать нельзя. Но творили они в небарочной среде. Наша попытка установить более глубокие соответствия с барокко приводит не к отрицанию существования барочности, а к озадачивающей неопределенности: в целом русскую литературу XVII в. нельзя от барокко резко отмежевать, но и к барокко нельзя вплотную присоединить. Определенности суждений «мешает» многое, включая и гипотетичность наших выводов об эстетической настроенности русского общества XVII в.

И все-таки, думаю, есть объективная, главная причина неопределенности: принципиальная несводимость друг к другу литератур, в которых были развиты литературные направления, и литератур без развитых направлений. Это два разных состояния литературы, два разных типа литератур. Литература с развитыми направлениями и литература без развитых направлений разнородны. В подтверждение нашей мысли сошлемся на книгу И. Г. Неупокоевой «История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа». И. Г. Неупокоева руководствуется высказыванием В. И. Ленина: «...при общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»<sup>31</sup>.

<sup>28</sup> *Иннокентий Гизель*. Мир с богом человеку. Киев, 1669, л. ненемерованн. 14 об.

<sup>29</sup> *Лотман Ю.* Замечания к проблеме барокко в русской литературе.— *Československá rusistika*, 1968, N 1, s. 21.

<sup>30</sup> *Лихачев Д. С.* Человек в литературе древней Руси, с. 147. Ср. также замечание о «непроявленности» русского барокко, см.: *Чернов И. А.* Литературная культура русского барокко: (Пути и методы изучения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1975, с. 8; *Он же*. Из лекций по теоретическому литературоведению: I. Барокко. Литература. Литературоведение. (Специальный курс). Тарту, 1976, с. 8.

<sup>31</sup> *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 45, с. 379.

И. Г. Неупокоева указывает на «неравномерность исторического развития и связанную с этим несопоставимость исторической и эстетической сущности и функций многих процессов», на «многотипность регионального и зонального развития в пределах одного синхронного среза», на «различную степень развитости», «степень зрелости и широты» литературных явлений. Один из важнейших выводов И. Г. Неупокоевой: «Наряду с литературами „классического“ типа развития, проходящими последовательно все основные его этапы, история всемирной литературы включает в себя и процессы, условно говоря, „не классические“, для которых характерен либо „пропуск“ отдельных стадий, либо их „симбиоз“, резкое убыстрение или, напротив, замедление процесса по сравнению с тем, который считается „классическим“. Нередко можно наблюдать и иную функциональную значимость этапов, по видимости сходных с этапами „классического“ типа развития»<sup>32</sup>. Отсюда практические следствия для нас: при обобщениях русскую литературу XVII в. нельзя непосредственно присоединять к группе западноевропейских литератур с развитыми литературными направлениями<sup>33</sup>. Русская литература XVII в. непосредственно входит в группу литератур, отличающихся неразвитостью направлений; с такими литературами (в том числе не только славянскими) прежде всего и следует сравнивать русскую литературу XVII в. Пока же остается невыясненным, типично ли для состояния неразвитости направлений отчужденное отношение общества к литературе<sup>34</sup>.

Заранее можно ожидать много непривычного. Для научного анализа состояние неразвитости гораздо сложнее состояния развитости. В литературах, выделяемых по признаку неразвитости направлений, многообразные явления, «концы» и «начала» сплелись друг с другом в причудливый,

---

<sup>32</sup> Неупокоева И. Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. М., 1976, с. 269. (О многотипности развития литературы см. с. 101, 105, 148, 203, 232, 319 и др.) См. также: Гачев Г. Д. Ускоренное развитие литературы: (На материале болгарской литературы первой половины XIX в.). М., 1964.

<sup>33</sup> Примечательно, что И. А. Чернов, обозревший гигантскую научную литературу о барокко, обозначает 1730—1750-е годы как «эпоху развитого барокко в России», подразумевая, следовательно, XVII век как время неразвитого барокко в России. См.: Чернов И. А. Из лекций по теоретическому литературоведению с. 140.

<sup>34</sup> Необходимо проверить также, насколько типичны в XVII в. для литератур с неразвитыми направлениями механистические представления о переменчивости жизни. О них см.: Дёмин А. С. Русская литература второй половины XVI — начала XVII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеку. М., 1977.



странный узел. Недаром Д. С. Лихачев выявил парадоксальные факты того, что «барокко в России приняло на себя функции ренессанса» и что «оно было лишено тех четких форм, которые позволили бы отличить его от классицизма с полной ясностью»<sup>35</sup>. Литературы, в которых не развились направления, шли своим особым путем от средневековья к Новому времени. Для описания такого пути необходимы соответствующие своеобразные научные понятия и, может быть, даже свой научный аппарат.

## 2. Небезнадежная отсталость читательской массы («Жезл правления». Издания проповедей. Рукописные сочинения Симеона Полоцкого)

Продолжим наблюдения над отношением писателей к читателям, а читателей к литературе в 1660—1670-е годы<sup>36</sup>. Для этого мы вновь обратимся к «Жезлу правления», а заодно и к другим сочинениям Симеона Полоцкого: этот приезжий придворный писатель, оказывается, был чуток к давлению российской читательской массы.

Начнем с «Жезла правления»<sup>37</sup>. В целом «Жезл правления», разумеется, не принадлежит к сочинениям художественным. Но у него есть интересная литературная особенность: необычайное обилие афоризмов. В «Жезле» ровно сто главок, и каждая из них начинается с афоризмов и далее содержит немало афористических выражений<sup>38</sup>.

---

<sup>35</sup> Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 207, 212. Ср.: «В русских социально-исторических условиях западное школьное барокко преобразовывалось в такое направление, которое подготавливало классицизм и, если угодно, приняло на себя функции „предклассицизма“» (Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 16). Ср. также: «В българската литературна история Барокът е „предвъзрожденски“ и отчасти „възрожденски“ феномен» (Георгиев Е. Барок в българската литература.— Литературна мисъл, 1971, № 6, с. 62).

<sup>36</sup> Соответственное продолжение рассуждений о барокко см. также в конце данного раздела.

<sup>37</sup> Об истории создания и печатания «Жезла» см.: Дёмин А. С. «Жезл правления» и афористика Симеона Полоцкого.— В кн.: Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982, с. 60—66.

<sup>38</sup> Впервые это отметил Л. Н. Майков, но как недостаток изложения: «В сухом внешнем однообразии Симеоновых возобличений было много отталкивающего; каждый параграф его полемических ответов... обыкновенно... начинается с какой-нибудь общей, нередко бессодержательной сентенции, смысл которой применяется к данному случаю...» (Майков Л. Н. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1880, с. 32).

Нет общепринятого и пригодного для всех случаев определения, что такое афоризм<sup>39</sup>. При определении афоризма мы опираемся в первую очередь на материал «Жезла правления». Афоризм в «Жезле» — это законченное высказывание Полоцкого (или иного автора, на которого он ссылается) в виде отдельного предложения или в виде относительно самостоятельной части сложного предложения<sup>40</sup>. Таково, например, высказывание-предложение в третьей главке «Жезла»: «Зря в солнце помрачается» (л. 23). Мы используем это высказывание в роли основного примера для пояснений.

Как известно, афоризм может быть близок к загадке и пословице; может быть близок к высказыванию, содержащему сравнительный оборот. Однако в отличие от них афоризм прям по смыслу. Он прямо называет главный объект в отличие от загадки и пословицы и прямо называет качество этого объекта в отличие от высказывания со сравнительным оборотом<sup>41</sup>. Например, в приведенном выше предложении нет загадки и нет сравнения; объект и его качество названы непосредственно.

От всякого рода иных неафористических высказываний в «Жезле правления» афоризмы отличаются отточенностью формы и подчеркнутостью содержания. Во-первых, афоризмы кратки, насчитывают не более 7—10 полнозначных слов. Степень их краткости бывает разная. В приведенном нами афоризме всего лишь три полнозначных слова. Во-вторых, афоризмы парадоксальны, содержат открытое или скрытое противопоставление, указывают на неожиданную связь<sup>42</sup>.

---

<sup>39</sup> Ср.: «Точного же терминологического значения у слова „афоризм“ нет» (*Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки: (Заметки по общей теории клише). М., 1970, с. 12). См. также: *Крикманн А. А.* Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы.— В кн.: *Паремиологические исследования*; Сб. ст. М., 1984, с. 149—151.

<sup>40</sup> Ср. определение афоризма как «законченного» высказывания в различных словарях и энциклопедиях. «В паремиологической литературе этим словом обычно обозначают авторские изречения...» (*Пермяков Г. Л.* От поговорки до сказки, с. 12).

<sup>41</sup> Ср.: афоризмы «как раз чаще всего имеют прямой смысл» (Там же). Ср. также: «...афоризмы (в узком смысле), т. е. паремии, обладающие прямой мотивировкой значения» в противоположность образной мотивировке значения в пословицах (*Черкасский М. А.* Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы: (пословицы и афоризмы).— В кн.: *Паремиологический сборник: Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст)*. М., 1978, с. 36).

<sup>42</sup> Сюда можно отнести следующее замечание: «...свойство афористичности подразумевает способность высказывания восприниматься как имплицитно содержащее более широкую информацию, чем та, ко-

Степень парадоксальности афоризмов тоже бывает разная. В афоризме, взятом нами за пример, парадоксальность противопоставления не очень сильна, но все-таки ощутима: чем светлее предмет, тем, оказывается, хуже, а не лучше его разглядывать. В третьих, афоризмы обозначают некие истины, верные всегда и для всех<sup>43</sup>. Поэтому глаголы в афоризмах стоят, как правило, в настоящем времени. В приводимом афоризме высказана «вечная» истина о зрении человека и солнце: «Зряй в солнце помрачается».

Сверх обязательных признаков афоризмы в «Жезле правления» обладают еще дополнительными чертами: форма и содержание афоризмов не всегда, но часто бывают добавочно обострены. Так, краткость афоризма нередко усугубляется неполнотой предложения; некоторые слова лишь подразумеваются. Например, в цитированном афоризме подразумевается еще столько же слов, сколько присутствует. В полном виде данное предложение выглядело бы приблизительно так: «Человек, зряй в ослепительное солнце, помрачается очима». Парадоксальность смысла афоризмов усиливается от неожиданно возникающих в них смысловых, звуковых, ритмических переключек слов. В данном афоризме намечена хотя и не слишком выразительная, но явственно контрастная связь слов («солнце» — «мрак»), отчего эффектнее выглядит конец высказывания. Значительность смысла афоризмов возрастает от того, что афоризмы обычно стоят в ответственных или заметных местах произведения. Например, цитируемый афоризм стоит в самом начале главы, с него начинаются рассуждения. В общем, высказывание «Зряй в солнце помрачается» с той или иной степенью яркости демонстрирует все важные качества афоризма.

В настоящее время существуют два основных метода в изучении древнерусских афоризмов и пословиц. Один метод, выработанный очень давно, пришел в литературоведение из фольклористики: пословицы и афоризмы изучают как самостоятельные минимальные «произведения». (См., например, серию статей В. П. Адриановой-Перетц о взаимосвязях пословиц и книжных афоризмов в древней Руси и об их «че-

---

торая эксплицитно выражена непосредственно в его тексте» (Там же, с. 37).

<sup>43</sup> Ср.: «свойство сентенциозности» у афоризмов (Там же, с. 38); «...морали-афоризмы, излагающие некоторое положение вещей (как правило, в обобщенном виде)» (*Падучева Е. В.* О семантических связях между басней и ее моралью (на материале басен Эзопа). — В кн.: *Паремиологические исследования*, с. 227).

ловековедческой» тематике<sup>44</sup> и статью Л. Н. Пушкарева о социальном содержании древнерусских пословиц<sup>45</sup>).

Другой метод, более поздний, сформировался в самом литературоведении: афоризмы и пословицы изучаются в контексте произведений. (См., например, работы Д. С. Лихачева и Б. А. Рыбакова о социально-психологическом облике Даниила Заточника и о возможном круге его афористических сочинений<sup>46</sup>.) Мы также стремимся анализировать афоризмы и пословицы в контексте сочинений Полоцкого.

Афоризмы в «Жезле правления» имели тройной смысл. Первое и главное — они служили, так сказать, подстегивающим элементом в системе антираскольнических рассуждений «Жезла». Афоризм сразу же, обычно с самого начала рассуждения, ставил читателя перед крайним, категорическим, абсолютизированным выводом о пороках раскольников. Например, в уже упомянутой третьей главке «Жезла» Полоцкий не только обвинял раскольников в неверном истолковании конкретных мест «Скрижали», но и вступительным афоризмом «Зряй в солнце помрачается» утверждал нечто большее, а именно вообще непосильность для раскольников понимать правильные книги. Подобный абсолютизирующий смысл афоризма Полоцкий тут же разъяснял: «Выше силы стремление погубляет силу», «так и ум свой возводяй в предлоги вышесилныя обезумляется» (л. 23).

Широко, гиперболически обвиняющих афоризмов в рас-

---

<sup>44</sup> *Адрианова-Перетц В. П.* Пословицы.— В кн.: Русское народное поэтическое творчество. М.; Л., 1953. Т. 1. Очерки по истории народного поэтического творчества X—начала XVIII века, с. 443—446; *Она же.* Из истории русской афористической речи.— В кн.: Проблемы современной филологии: Сб. статей к семидесятилетию акад. В. В. Виноградова. М., 1965, с. 301—303; *Она же.* Афоризмы Изборника Святослава 1076 г. и русские пословицы.— ТОДРЛ. Л., 1970, т. 25, с. 13—19; *Она же.* Библейские афоризмы и русские пословицы.— ТОДРЛ. Л., 1971, т. 26, с. 8—12; *Она же.* Человек в учительной литературе древней Руси.— ТОДРЛ. Л., 1972, т. 27, с. 4—68.

<sup>45</sup> *Пушкарев Л. Н.* Пословицы в записях XVII в. как источник по изучению общественных отношений.— В кн.: Исторические записки. М., 1973, т. 92, с. 312—335. Ср. его монографию 1982 г.

<sup>46</sup> *Лихачев Д. С.* Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М., 1975, с. 205—221; *Он же.* Социальные основы стиля Моления Даниила Заточника.— ТОДРЛ. М.; Л., 1954, т. 10, с. 105—119; *Рыбаков Б. А.* Даниил Заточник и владимирское летописание конца XII в.— В кн.: Археографический ежегодник за 1970 год. М., 1971, с. 66—89. О силе модального воздействия «Александрии» благодаря афоризмам см.: *Творогов О. В.* Стилистические особенности романа об Александре Македонском.— В кн.: Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965, с. 177—179.

суждениях «Жезла» было предостаточно. Раскольники, обобщал Полоцкий, действуют без разума: «Благо есть ревновати по бозе, но с разумом» (л. 20 об.). На раскольников нельзя полагаться ни в чем: «...слепый есть вождь сам погибаяй и иныя ведый в погибель» (л. 22 об.). Раскольники все воспринимают искаженно: «...поврежденное имей чювство вкушения — и сладокопиция желчию именует» (л. 151). Учение раскольников зыбко: «Основанию здания подвигнуся, вся храмина бедствует и ко еже пасти преклопяется» (л. 71 об.). Внимать учению раскольников противоестественно: «...солнце не приемлет от луны света» (л. 93). Заметить раскольника легко: «Птица и зверь от гласа познавается» (л. 24). Учение раскола надо уничтожить: «...злое древо посекается и во огонь вметается» (л. 49).

В контексте главок «Жезла» афоризмы наряду с полемическим смыслом нередко имели и второй смысл — философско-этический. Например, высказывание «Лукавый человек от лукаваго сокровища износит лукавая» (л. 48 об.) означало не только то, что раскольники — это «лукавые», но и то, что вообще все плохое неотвратно рождает плохое же. Полоцкий тут же старательно пояснял эту мысль: «И никто же, зол сущь, может добрая глаголати... И злое древо плоды злы творит: не может бо злое древо плод добр творити; убо от злаго плода злое древо познавается». Наконец, афоризмы в «Жезле» имели и третий постоянный смысл, сами по себе, вне контекста и вне системы полемических рассуждений. Это очевидно. По примерам, приведенным выше, можно заметить, что в «Жезле» преобладали «естественнонаучные» афоризмы, указывавшие на связи разнообразных природных явлений и в особенности касавшиеся солнца, света.

Острота и свежесть всех трех смыслов у афоризмов в «Жезле» несомненны. Полоцкого никак нельзя обвинить в бездумном повторении чужих изречений или стершихся выражений. Он, применяясь к моменту, чаще всего по-своему излагал знаменитые изречения или придумывал афоризмы сам. Приведем лишь один пример. Очередную главку в «Жезле» Полоцкий начал с поговорки: «Безумных полна суть вся» (л. 40 об.). Что могло быть более стертым по смыслу, не привлекающим внимания, чем примелькавшаяся поговорка? Но у Полоцкого эта сентенция выразительно и даже с некоторым юмором указывала и на «безумство» раскольников, и вообще на глупость слишком мудрствующих, и просто на обилие дураков вокруг. Так получилось оттого,

что Полоцкий предупредил о поговорке, сделав ссылку на ее общеупотребимость: «Безумных полна суть вся,— обычно глаголется». Но еще больше оттого, что он превратил поговорку в новый афоризм, неожиданно срифмовав обе части фразы («вся» — «глаголется»).

«Жезл правления» в определенной степени «держится» на афоризмах, и притом оригинальным образом. Никакому отдельно взятому русскому, украинскому, белорусскому, польскому или латвискому произведению Полоцкий в «Жезле» не следовал точно. Что же касается каких-либо национальных жанрово-стилистических традиций в полемике, то по такому малоизученному вопросу мы в предварительном порядке можем сказать следующее. В данном случае нельзя отдать предпочтение влиянию специфических традиций украинской или польской полемической литературы. Украинские полемические памятники всегда конкретны и деловиты. Для них насыщение афоризмами как раз не было характерным. Афоризмы лишь эпизодически встречаются, например, в украинских полемических произведениях конца XVI — начала XVII в., включая сочинения Петра Скарги и Ивана Вишенского. Почти нет афоризмов и в напечатанных на Украине полемических и учительных книгах 1650—1660-х годов Лазаря Барановича, Иоанникия Гялятовского, Иннокентия Гизеля.

Но одну из русско-украинских литературных традиций Полоцкий действительно мог использовать. Эта традиция зародилась на Руси в публицистике примерно XV—XVI вв. Русские авторы посланий и челобитных любили ссылаться на общие, вечные истины и от них вести свои рассуждения. Так, заметную роль играли сентенции-афоризмы в писаниях 1540-х годов Ивана Пересветова, поданных Ивану Грозному. Афоризмы использовались и в посланиях Ивана Грозного, например в первом послании Андрею Курбскому.

Во второй половине XVI в. подобная традиция перешла границы Руси и стала типичной для ожесточенных посланий православных авторов ко врагам. Например, много афоризмов присутствовало в посланиях старца Артемия, бывшего игумена Троице-Сергиева монастыря, бежавшего в Литву. Ту же опору на афоризмы имело изданное отдельной брошюрой в 1598 г. полемическое послание анонимного клирика острожского к униату Ипатию Потюю (в ответных же посланиях Курбского к Грозному или Ипатия к клирику почти нет афоризмов). Той же манеры не чуждались во взаимной переписке раскольники и «никониане»...



*Щеголеватый книгописец (Давид).  
Псалтырь. М., 1678*

Полоцкий оказался более оригинальным писателем, чем его обычно оценивают сейчас. Если он в «Жезле» и использовал отмеченную выше литературную манеру (так сказать, не латинскую, а греческую), то значительно ее обогатив и усилив. Столь четко и разнообразно выраженного тройного смысла афоризмов не находим ни в одном из только что перечисленных сочинений.

Нельзя ограничиваться только классификацией смысла афоризмов. Дальнейшее их изучение связано с выбором области для объяснений. Нас интересует воздействие общества на литературу. За афоризмами мы стремимся раз-

личить представления Полоцкого о массе современных читателей, т. е. о современном ему российском обществе. Для этого прежде надо выяснить, каковы были адресаты «Жезла правления» и чего хотел Полоцкий от подобных адресатов.

Есть все основания считать «Жезл правления» произведением массовой предназначенности. Массовая предназначенность «Жезла» выражена в высшей степени энергично. Книга адресовалась не к расколу учителям Никите и Лазарю, с которыми велась полемика, а к свидетелям полемики — российским читателям. Обращения к российскому народу и российским читателям были многократны и повсеместны в тексте «Жезла». В начале первой части «Жезла» Полоцкий заявлял, что предлагаемые «возобличения» он хочет «яве всем православным показать» (л. 19 об.—20). И во многих «возобличениях» прямо обращался к массе читателей: «...виждь, православный народе» (л. 22 об.), «чти, благодестивый читателю» (л. 96) и т. д.

Полоцкий в «Жезле» никогда не выпускал читателей из виду. Главная цель Полоцкого была полемической. Все в «Жезле» служило цели активного воздействия на читательскую массу, ее церковно-политическому просвещению. Полоцкий использовал разнообразные способы убеждения читателей — от «ругательных» эпитетов и возмущенных восклицаний по поводу раскольников до тщательного, построчного исторического и филологического комментирования раскольнических сочинений. Своими афоризмами, особенно афоризмами «естественно-научными», приводящими в пример неоспоримые явления природы, Полоцкий систематично стремился внушить читателям «Жезла» крайние, самые радикальные мнения о раскольниках.

Вторая цель Полоцкого была собственно просветительской. Для широкого круга читателей печатались на полях в «Жезле» упрощающие пояснения к некоторым архаическим или малопонятым словам и выражениям: «Утвердити»



*Щеголеватый книгописец  
(Давид).  
Фрагмент. Псалтырь. М., 1678*



пояснялось как «укрепити», «щуд» пояснялся как «исполн», «досады» пояснялись как «ругания», «вселися чреву» — вселися во чрево», «енѣмема» — «нанесение», «метафорически» — «преноспе» и т. д. (л. 5 об., 9, 12, 30, 39, 55 об.).

Полоцкий не остановился только на элементарных просветительных задачах. Многочисленные и многообразные «естественно-научные» и философические афоризмы в «Жезле» составляли своего рода разрозненный курс морали, богословия и природоведения для читателей. Полоцкий являлся и более глубоким писателем, чем может показаться. Он живо и энергично просвещал своих читателей. Только о вялом, нетворческом следовании традиционным целям у Полоцкого говорить нельзя. Ведь просветительные цели не составляли большого и важного пласта в традициях русских и украинских полемических сочинений XVI—XVII вв. Ограничимся лишь одним примером из украинской полемической литературы — уже упомянутым «Отписом» анонимного клирика острожского. Печатный «Отпис» предназначался для многих читателей: ср. предисловие «До чителника». Афоризмов в «Отписе» немало, но их главный смысл не полемический, не философический, не естественнонаучный, а логический. Из афоризмов конструировались сами рассуждения.

Вот первые же фразы «Отписа», представляющие собой серию афоризмов: «Малый хмары оболочок кды под насветлейшее солнце подступит, мало не весь свет потемняет. И мал квас все вмешение квасит,— светчит голос божий. И наменьшее прилучившися доброму злое всю доброту псует...» и т. д. Вся эта цепь афоризмов служила для плавного перехода от одной темы к другой и в конце концов к теме о дьяволе: «Обычай бо неприятеля оного сердца и мысли людские с пилностью выпатровати...» и пр.<sup>47</sup> Цель автора «Отписа» была вовсе не глубинно-просветительной, а поверхностно-орнаментальной. Афоризмы вместе составляли цепь быстрых вступительных силлогизмов, посылок и следствий, бегло напоминаемых читателю.

Более детальное проикновение в цели Полоцкого позволяет судить о главном для нас — об отношении Полоцкого к массе читателей, для которых предназначался «Жезл». Правда, в «Жезле» нет прямых высказываний Полоцкого о читательской массе. Наши выводы о представлениях Полоцкого о читателях сделаны исключительно по косвенным,

---

<sup>47</sup> РИБ. СПб., 1903. Т. 19. Памятники полемической литературы Западной Руси, кн. 3, стб. 384—385.

зато обильным данным. Мы исходим из той предпосылки, что, например, чем больше Полоцкий повторял или пояснял свои афоризмы, тем, следовательно, меньше он был уверен в читателях «Жезла».

Так, можно предполагать, что Полоцкий не был уверен в бескомпромиссной настроенности «благонамеренных» читателей «Жезла» против раскольников. Отсюда сильнейший противораскольнический напор на читателей в «Жезле». Предположение о том, что Полоцкий предназначал «Жезл правления» массе читателей, колебавшихся или не прояснивших своего отношения к расколу, подтверждается анализом иных, чем афоризмы, литературных средств «Жезла»<sup>48</sup>.

Подробнее охарактеризуем представления Полоцкого о степени просвещенности массы российских читателей. Предполагаем, что Симеон Полоцкий признавал лишь житейскую опытность своих читателей, но почти ничего сверх того. Эталонем понятности для читателей в «Жезле» служили афоризмы на житейски самые очевидные темы. Их Полоцкий использовал обычно без каких-либо пояснений: «Солнце хотевый соглядати стези не видит» (л. 23); «в нощи ничесоже совершенно познаваем телесныма очима» (л. 21); «слепый не токмо в нощи не видит, но и в светлом полудне» (л. 32 об.).

Полоцкий явственно ощущал, что всякое отвлечение от зримого быта в области более абстрактные сразу затрудняло читателям понимание содержания афоризмов и сентенций. Все афоризмы, кроме бытовых, Полоцкий всегда пояснял.

Полоцкий вовсе не падался на знания читателей богословских тонкостей или на склонность читателей к философским обобщениям. Например, после высказывания с богословским содержанием — «Вещественное солнце естеством своим есть пресветло» (л. 21 об.) — Полоцкий долго распространялся о необходимости различать свет видимый, физический, и свет невидимый, мысленный, божественный. Точно так же прямое философическое высказывание о двух типах перемен в мире — «Сугубо [двойко] есть изменение» — потребовало разъяснений раз в пять длиннее главного речения: «Сугубо есть изменение: или от совершенства в несовершенство, или противне — от несовершенства в совершенство. Сие [первое] есть похвално, оное [второе] же гаждения достойно» (л. 149 об.).

Добавочными изречениями пояснялись и афоризмы со

<sup>48</sup> Об этом см. раздел 1 данной главы, с. 181—185.

скрытым общефилософским смыслом. Например, более об- щий смысл афоризма «Злато цену си имеет, аще и от блата возмется» раскрывался через нагнетание однотипных изре- чений: «Злато цену си имеет, аще и от блата возмется. Бисер, от прокаженных рук изнедый, не губит цены своя. Крест или образ Спаса нашего, аще бы и от жида был чин- но соделаи, не имама не почитати или не творити поклона» (л. 54 об.).

О скептическом отношении Полоцкого к уровню москов- ской образованности исследователи, начиная с Л. Н. Май- кова, писали немало. Но вот любопытный нюанс. С особой охотой и неустанной изобретательностью Полоцкий разъяс- нял и повторял в «Жезле» следующий философский пара- докс: одно и то же не для всех одно и то же. Подобная философическая идея для нас примитивна и неинтересна. Но Полоцкий явно считал, что она плохо знакома массе современников. Афоризмов на эту тему в «Жезле» больше всего: «Орел светлая очеса своя в солнце зрением исправля- ет. Нощная же птица сова и петопырь в конец светлыми солнца лучами помрачатся» (л. 26); «солнечное сияние здравым зеницам есть свет, недугующим же помрачение» (л. 115 об.); «птица неискусная плаванию выну гаждае глубокия воды, но не суть того ради оны гаждательны» (л. 147) и пр.

Полоцкий, очевидно, падеялся, что читатели в конце концов будут в состоянии воспринять непривычную диалек- тическую мысль о том, что одно и то же не для всех одно и то же. В ней он прямо-таки старался натаскивать чита- телей, прибегая к подробнейшим предметным сопоставле- ниям и истолкованиям. Например, рассуждал о разной прони- цаемости стекла: «Скло дебелости плоти есть заключенно, ибо дебелая плоть проикнути его не может, не разлив е. Тонкости же лучей солпечных и остроте зрениа челове- ческаго есть отверзенно, ибо и лучи и зрение проходита скло кроме повреждения его целости» (л. 34). Или, напри- мер, разворачивал целую серию поясняющих рассуждений: «Здравое сырице [желудок] всякую пищу добре варит и ползу деет плоти. Немощное паки и здравотворными ядми повреждается, не могуци их сварити. Тако и ум благораз- судный, всякое писание душеполезно читая, благоползуется. Ум же неискусный...» и т. д. (л. 33—33 об.).

Оттенок надежды во взглядах Полоцкого на российское общество лишь слегка затронут исследователями<sup>49</sup>.

<sup>49</sup> Ср.: «Постоянно отмечая разрыв между „аристократами духа“ и толпой, силлабики надеялись этот разрыв сократить с помощью про-

К нему мы еще вернемся. В целом же на примере «Жезла» ясно видно, что ощущение малой просвещенности российской читательской массы было выражено у Полоцкого гораздо сильнее и определеннее, чем надежда на их успехи в просвещении. Вот характерный пример. Афоризмы «Жезла» во всей их совокупности подводили ко всеобщей идее о противоречивости мира. В предисловии к «Жезлу» Полоцкий однажды отметил: «Обаче в предивном согласи устроения чудное естеств обретаемо есть противство. Кто не созерцает светом зеницу своєю, яко огнь воде весма есть вопреки; и кто не известися искусством, яко тма свету прекоходне шествует...» (л. 16). Однако этот тезис Полоцкий в «Жезле» даже не пытался развивать и проповедовать, отнеся его, как видно, к разряду недоступных для читательской массы.

Думаем, что Полоцкий не находился в плену условных представлений о читателях, перенесенных им в Россию от украинских и польских полемистов. В «Жезле» афоризмы разжевывались так, как это не делалось в украинских и польских книгах, предназначенных для массового читателя. Полоцкий ориентировался на российскую реальность. Недаром у него менялось изложение в зависимости от типа читателей. В качестве примера используем тоже лишь один источник. По своему церковно-полемическому характеру, активной обращенности к читателям и обилию сентенций была близка к «Жезлу правления» «Книга о исхождении святого духа и о иных святых вещех», составленная Полоцким в 1677 г.<sup>50</sup> Из одиннадцати обширных бесед в книге восемь сочинены Полоцким (остальные переведены) и наполнены огромным количеством богословских «свидетельств» против учения протестантов.

Однако «Книга бесед» фактически предназначалась очень узкой группе избранных читателей. Полоцкий адресовал «Книгу» особому, привилегированному, «люботрудному» читателю, который «хотя и о исхождении духа святого препираться со суперники», т. е. с протестантами (л. 9 об. и др.).

---

свещения» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 189). В «Жезле» Полоцкий показал себя «в постоянной конфронтации с познавательными способностями читателя и с развивающимся уровнем его познаний» (Маггаузерова С. Две теории текста в русской литературе XVII в.—ТОДРЛ. Л., 1976, т. 31, с. 274). В «Жезле» обнаружилось авторское «стремление преодолеть традиционный догматизм мышления» читателей (Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978, с. 151).

<sup>50</sup> Беловой список см.: ГИМ, собр. Синодальное, № 289. Далее ссылки на листы данной рукописи приводятся в тексте.

Соответственно к уровню знаний такого читателя приравнивались и афоризмы. Те афоризмы, которые в «Жезле правления» обязательно пояснялись бы, в «Книге о исхождении святого духа» следовали без каких-либо пояснений. В качестве сразу понятных «люборачитателям» Полоцкий употреблял такие богословские афоризмы, как «бог скорей есть еже воздати мзду благу добрым, нежели злыя казнити» (л. 37 об.); «Христос не равно всем пособствие деет» (л. 64 об.); «и худая вещь изящнейшая знаменовати может» (л. 103—103 об.) и т. д.

Мы лишь частично проанализировали представления Полоцкого о российской читательской массе, оставив без изучения далее возникающие вопросы, в частности вопрос о реальных настроениях реальной массы читателей в России XVII в. Для этого требуется большое историко-статистическое исследование. Тем не менее мы можем предположить, что в «Жезле правления» Полоцкий адресовался к российской читательской массе не ахти как образованной, к тем самым читателям, которые «не во Афинех родились, ни у мудрых философ учились». Но одновременно эта масса читателей внушала Полоцкому кое-какую надежду на лучшее будущее.

Продолжим наши наблюдения над представлениями Полоцкого о массе российских читателей. Основными источниками для дальнейших наблюдений являются произведения массовой предназначённости. Поэтому мы сразу можем отвести менее нужные книги Полоцкого. Малопродуктивными для нашей темы оказываются изданные Полоцким «Буквари языка славенска» 1669 и 1679 гг., «Тестамент Василия, царя греческого Василия к сыну его Льву Философу» 1680 г., «Псалтырь рифмотворная» 1681 г. и «История о Варлааме и Иоасафе» 1680 г. Массовая предназначённость этих изданий несомненна, но личная обращённость Полоцкого к читателям здесь выразилась слабо, потому что в перечисленных пяти книгах он большей частью переиздавал или перелагал чужие произведения. Афористичен, например, «Тестамент Василия» или же в составе «Букваря» «Слословец Геннадия Константинопольского», но то сочинения других авторов, а не Полоцкого. Правда, Полоцкому принадлежали предисловия к изданиям. Есть в предисловиях и афоризмы, в основном об учении, чтении, книге. Однако сравнительно с «Жезлом правления» их очень немного, и к облику читателя «Жезла» они не добавляют ничего существенно нового.

Большинство рукописных книг Симсона Полоцкого мы также вынуждены отклонить. Вот «Венец веры кафолическия, на основании символа святых апостол из различных цветов богословских и прочих соплетенный» 1670 г.<sup>51</sup> Массовое предназначение книги вроде бы обозначено: на титульном листе она предлагается «душам верных», открывается «Предисловием к читателю православному» и написана в форме ответов на вопросы. Однако все это только внешняя привязка к читателю. На самом же деле Полоцкий о читателях серьезно не думал: он подготовил чисто теоретический сборник «разсуждений» и притч по поводу разных мест символа веры, притом без каких-либо обращений к читателям. Почти нет в книге и афоризмов.

Не предназначалась для широкого множества читателей и получерновая «Книга приветствы на господския и иныя праздники и иныя речи разныя», которую Полоцкий пополнял до конца жизни. Только две статьи в этом разнородном прозаическом сборнике Полоцкого имели массового адресата: это предисловия для печатного «Букваря» и для печатного «Часослова»<sup>52</sup>. Принципиально новых данных для нашей темы они также не содержат.

Далее. Сборник по преимуществу черновых документов и посланий Полоцкого, не являющийся цельной книгой, содержит особую черновую часть — «Словеса похвальная купно же и нравоучительная на двадесят и один праздник угодников божиих... народовещательная ползы ради всех христиан православных»<sup>53</sup>. Такую отдельную книжицу в 1675 г. Полоцкий преподнес царю. Но ее заголовок не может нас обмануть. Хотя в предисловии Полоцкий просил царя книгу «не в сокровищех царских положить, но церкви в прочтение отдати», но непосредственно для массы слушателей эта книжица не предназначалась. «Книгу о пастырском попечении» Полоцкий составил из переводов сочинений Григория Двоеслова и предназначил высокопоставленному «читателю — епископства желателю»<sup>54</sup>. Наконец, в «Книге сказаний об иконах» Полоцкий пересказал не принадлежавшие ему произведения об иконах<sup>55</sup>.

Перебор печатных и рукописных книг Симеона Полоцкого заставляет вслед за «Жезлом правления» остановиться на изданиях проповедей, а также на «Вертограде много-

<sup>51</sup> Беловой список см.: ГИМ, собр. Синодальное, № 286.

<sup>52</sup> ГИМ, собр. Синодальное, № 229, л. 237—238, 255—256.

<sup>53</sup> Там же, № 130, л. 231 и сл.

<sup>54</sup> Там же, № 663.

<sup>55</sup> Там же, № 542.

цветном» и «Рифмологионе». Эти книги мы будем анализировать менее подробно, чем «Жезл правления».

Хорошо известны два толстых тома проповедей Полоцкого — «Обед душевный» и «Вечеря душевная», — вышедшие после его смерти в 1681—1683 гг. Меньше четко установленных сведений имеется о прижизненных изданиях проповедей Полоцкого. До нас дошли экземпляры небольшой книжки в 24 листа (4°), содержащей две проповеди: «Поучение о благоговейном стоянии во храме божии и слушании божественных литургий» и «Поучение от иереев сущим под ними в пасстве их о еже пребывати им во всяком благочестии и не пети бесовских песней, и не творити игр и всякаго безчинства, паче же не ходити к волхвом и чародеем, ни же призывати их в дома»<sup>56</sup>. У книги нет титульного листа, нет предисловия или послесловия. Ни автор, ни дата выхода не названы.

Библиографы с давних пор и вполне справедливо приписывают книгу Симеону Полоцкому на том основании, что обе проповеди в той же последовательности и под теми же заглавиями были переизданы в «Вечере душевной»<sup>57</sup>. Кроме того, исследователи знают, что на церковном соборе 1690 г. патриарх Иоаким, критикуя покойного Полоцкого, говорил: «Он же Симеон Полоцкий написа особое в образе о благоговейном в храме стоянии...»<sup>58</sup>. И затем Иоаким разбирал положения именно данной проповеди.

Однако датировка издания вызывает разноречия. Одни книговеды (В. С. Сопиков, Евгений) так и не обозначили даты. Другие (П. М. Строев, И. П. Сахаров, В. М. Ундольский и даже А. С. Зернова) без каких-либо разъяснений относят издание книги ко времени около 1668 г. Мы считаем правильной датировку, обоснованную в работах И. А. Татарского и В. Е. Попова. Они учли пометы Симеона Полоцкого о времени составления этих проповедей в одном из черновых списков «Вечери душевной»<sup>59</sup>. Против

---

<sup>56</sup> Далее ссылки на листы данного издания, называемого нами «Два поучения», приводятся в тексте.

<sup>57</sup> Вечеря душевная. М., 1683. «Приложение слов на различные нужды», л. 8—23 второго счета. Далее ссылки на листы данного издания приводятся в тексте.

<sup>58</sup> Родосский А. Описание старопечатных и церковнославянских книг, хранящихся в библиотеке С.-Петербургской духовной академии. СПб., 1891, вып. 1, с. 317.

<sup>59</sup> Татарский И. А. Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность): Опыт исследования из истории просвещения и внутренней церковной жизни во второй половине XVII века. М., 1886, с. 173, 278; Попов В. Е. Симеон Полоцкий как проповедник. М., 1886, с. 63.

начала «Поучения о благоговейном стоянии» помечено: «1671 Aug. 3 dla I-mo M. P.», т. е. писано «1671 августа 3 для митрополита Павла». В конце же «Поучения от иереев» помечено: «Pisane anno 1670 may 27 na roskazanie Preosw. metrop. Paula», т. е. «писано года 1670 мая 27 для произнесения преосв. митроп. Павла»<sup>60</sup>. Таким образом, книга с двумя поучениями могла быть напечатана не ранее августа 1671 г.

Не могла книжечка выйти после «Вечери душевной», ибо в «Вечере», например, «Поучение от иереев» переиздано с различными мелкими исправлениями первоначальных неясностей или неудачных выражений. Например, первоначально было напечатано: «...ему же яко первейшему словесныя паствы пастырю и пастырсьй всех пачалнику аз подражая, глаголю вам тожде...» («Два поучения», л. 12). К кому глаголет проповедник: и к богу, и к слушателям тоже? Эта неясность исправлена в «Вечере»: «...его же яко первейшаго словеснаго стада пастыря и пастырей всех началника аз подражая, глаголю вам тожде...» («Вечера душевная», л. 15 об. второго счета).

Две проповеди, сочиненные Полоцким для митрополита сарского и подонского Павла, вышли отдельным изданием, скорее всего, при жизни митрополита. Павел умер 7 сентября 1676 г. Значит, рассматриваемое издание появилось где-то между августом 1671 г. и сентябрем 1676 г. По древнерусскому календарю август был последним месяцем года, а сентябрь — первым. В таком случае самое вероятное время выхода книжечки — 1672—1675 гг. По уточнению М. Н. Сменцовского, издание обеих проповедей было осуществлено до 13 сентября 1675 г., ибо в «Чиновнике» патриарха Иоакима под этим днем записано, что патриарх «давал на всякую церковь поучение вновь напечатано о стоянии в церкви со страхом Божиим»<sup>61</sup>.

Можно еще точнее определить время выхода книжечки с двумя проповедями, если учесть запись в упомянутом черновом списке «Вечери душевной». «Поучение о благоговейном стоянии» занимает здесь л. 525—528 об., а «Поучение от иереев» — л. 531—534 об. Между двумя поучения-

---

<sup>60</sup> ГИМ, собр. Синодальное, № 657, л. 525, 534 об. Издание помет см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 3, с. 218.

<sup>61</sup> Сменцовский М. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899, с. 112, сноска 5. На это сведение обратил мое внимание Ю. А. Лабынцев.



ми находятся два пустых листа — л. 529—530 об. На л. 530 есть только три строчки такой записи: «Сие слово напечатано А [нно] 1674 iulii и списано против печати». Независимо от того, относится ли эта запись к предыдущему «Поучению о благоговейном стоянии» или к последующему «Поучению от иереев», она позволяет сделать вывод, что книжечка с двумя проповедями Полоцкого была издава в июле 1674 г.<sup>62</sup>

До нас дошли экземпляры еще одной проповеди, изданной в виде отдельной книжечки, с пагинацией не по листам, а по страницам (всего 27 страниц). Книжечка также в 4°, без титульного листа, без предисловия или послесловия и без указания выходных данных. По шрифту, заставке и концовке издание это несомненно московское. Так как проповедь называется «Поучение о благоговейном стоянии во храме божии», то, очевидно по аналогии, издание также приписали Симеону Полоцкому и также отнесли ко времени около 1668 г. В действительности же текст этого «Поучения о благоговейном стоянии» совершенно другой, чем в книге двух проповедей Полоцкого. Оно отсутствует в «Вечере». Требуется специальные разыскания для достоверного установления автора и даты выхода этого загадочного «Поучения».

Для последующих наблюдений мы используем в основном книжечку с двумя поучениями и бегло «Обед» и «Вечерю». Вывод о массовой предназначенности книг проповедей можно сделать и по предисловиям к «Обеду» и «Вечере», и по постоянным в каждой проповеди обращениям автора к аудитории, и по пояснениям некоторых слов на полях книги: «отребляющий» — «отъемлющий», «кощунники» — «смехотворцы, сквернословцы», «напеватели» — «шептунны» и т. д. («Два поучения», л. 12 об., 18, 18 об.). Адресат этих книг в общем сходен с адресатом «Жезла правления».

Однако нельзя не обратить внимание и на различия между книгами проповедей и «Жезлом правления», причем не только жанровые. Прежде всего несколько различались адресаты книг. Аудиторию проповедей составлял не весь российский народ сразу, как в «Жезле правления», а «слушателие православные», раздробившиеся по тем или иным церквам. Различалась и сила давления на аудиторию в «Жезле правления» и в книгах проповедей. Такие энергич-

---

<sup>62</sup> Об этой важной записи сообщил мне Ю. А. Лабынцев и дала соответствующие консультации Ж. Н. Иванова.

ные средства воздействия на аудиторию, как афоризмы, в книгах проповедей использовались гораздо реже, чем в «Жезле правления». В проповедях Полоцкого к слушателям были обращены преимущественно более спокойные, размеренные литературные средства, вроде неторопливых, развернутых сравнений. Афоризмы нередко включались в состав сравнений.

Самостоятельные афоризмы в проповедях Полоцкого также были соответственно более спокойно-однообразны, чем в «Жезле». Обычно это евангельские, библейские, святоотческие и тому подобные цитаты. Различался и преобладавший смысл афоризмов в «Жезле правления» и в книгах проповедей. Так, афористические цитаты в проповедях Полоцкого употреблялись несколько в ином контексте, чем в «Жезле правления». Если в «Жезле правления» афоризмы, как правило, имели в виду качества не автора и не читателей, а, так сказать, третьих лиц — раскольников, то в проповедях афористические цитаты относились в начале проповеди обычно к проповеднику, а во всем остальном тексте — к его слушателям.

Различались, наконец, и представления Полоцкого об аудитории. Рассмотрим тот случай, когда, употребляя афористическую цитату, Полоцкий имел в виду себя. Так, в книге, содержащей два поучения, «Почтение от иереев» начиналось со знаменитого евангельского афоризма о мире и мече. «...Не мните,—предупреждал Полоцкий слушателей,—яко приидох воврещи мир на землю вашу. Не приидох воврещи мир, но мечь» («Два поучения», л. 12). Евангельский афоризм был своеобразно переосмыслен Полоцким. Смысл евангельского афоризма стал очень узким: Полоцкий всего лишь грозился обличить грехи слушателей<sup>63</sup>.

Применение Полоцким евангельской цитаты для обозначения своих собственных действий не входило в традиции древнерусских поучений. Цитатами древнерусские авторы обычно не описывали, а лишь оправдывали или объясняли свои действия. Полоцкий же, вероятно, следовал манере украинских или польских проповедников. Но в отличие от них он старался подробнее пояснить русским слушателям новый, узкий, метафорический смысл афоризма. «Мечь

---

<sup>63</sup> Ср.: «...иносказательное толкование Писания — это излюбленный метод силлабиков. Симеон Полоцкий настойчиво пропагандировал этот метод уже в первом своем большом труде московского периода — в „Жезле правления...“» (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века, с. 187).

же не железный, — пояснял Полоцкий, — но духовный, иже есть глагол божий; мечь, посекающий не тело и душу, но страсти душевныя и телесныя... Мечь, злобу убивающий...» и т. д. («Два поучения», л. 12—12 об.).

Пояснение нового смысла афоризма заняло в книге Полоцкого почти две страницы печатного текста. А ведь это выражение вступительное, не связанное непосредственно с главным содержанием поучения. Полоцкий вряд ли увлекся и забыл о слушателях. Скорее всего, он был уверен в том, что прием личностного переосмысления евангельской цитаты нов для слушателей и не без трудности может быть постигнут ими. Подобных примеров в проповедях немало. Книги проповедей не с богословской, а с более обыденной стороны, чем «Жезл правления», раскрывали представления Полоцкого о его аудитории.

Обратимся к тем случаям, когда афористические цитаты в проповедях употреблялись в контексте, подразумевавшем аудиторию, ее действия и нравы. Например, в книге, содержащей две проповеди, в «Почении о благоговейном стоянии» Полоцкий использовал известное евангельское выражение в даваемом слушателям совете: каждый «да воздаст божия богови и кесарева кесареви» («Два поучения», л. 9). Но все изложение в этой части проповеди показывает: в афористическую цитату Полоцкий вложил только тот смысл, что в церкви надо кланяться иконам и не надо кланяться хлебу и вину; что разные предметы богослужения должны быть почитаемы в разной степени. Смысл евангельской цитаты стал у Полоцкого узким, утилитарно-обрядовым.

Таких остроумно переосмысленных цитат в проповедях Полоцкого очень много. Но он всегда ставил их в конце пространных рассуждений и наставлений, чтобы постепенно подвести слушателей к пониманию нового смысла афоризмов. Вероятно, Полоцкий ощущал, что всякое свободное переосмысление евангельских цитат было непривычно для его слушателей. Сравнительно с «Жезлом правления» проповеди несколько больше отражали представления Полоцкого о недостаточной книжной искушенности его слушателей.

Различия между книгами проповедей и «Жезлом правления» можно перевести и в более широкий план. Проповеди Полоцкого относились к более «высокой» литературе, чем «Жезл». Поэтому в них сравнительно редки афоризмы на темы быта и материальной повседневности. Поэтому язык афористических цитат и собственных афоризмов Полоцко-

го в проповедях более абстрактен, чем в «Жезле правления».

Проповеди приоткрывают и взгляд Полоцкого на языковую культуру его слушателей. С одной стороны, язык проповедей Полоцкого, видимо, отвечал привычным ожиданиям самих слушателей. Выберем, например, тот редкий случай, когда Полоцкий использовал в проповеди афоризм бытового содержания. Так, в упомянутом уже «Поучении о еже не пети бесовских песней» Полоцкий говорил слушателям: «Реку вам нечто смешное, и никто же да поречет безвременству: хотяй бо тину очистити, первее своя руки да покаляет», т. е.: скажу вам нечто неподходящее, и никто же да не попеняет на неуместность: хотящий грязь очистить только свои руки испачкает («Два поучения», л. 20). Здесь Полоцкий извинялся перед слушателями за слишком «низкий» афоризм, по-видимому исходя из того, что слушатели настроены на высокий лад. Конечно, это всего лишь предположения. Требуются исследования.

Теперь найдем еще более редкий случай, когда Полоцкий в проповеди использовал конкретную по языку половицу. Например, одно из поучений «Вечери душевной» Полоцкий начинал так: «Общенародное есть присловие: правда очи колет,—слушателие православнии...» (л. 517). Здесь ссылка на общеупотребимость служила своего рода оправданием употребления половицы; Полоцкий полагал, что слушатели ожидали в проповеди более отвлеченного выражения.

С другой же стороны, Полоцкий ощущал, что не все в языке проповедей понятно слушателям. Обратимся к типичной для проповедей массе высказываний отвлеченного характера. К ним относятся и афористические цитаты, и собственные афоризмы Полоцкого, и его афоризмы в составе развернутых сравнений. Выразительный пример находим в приписываемом Полоцкому «Поучении о благоговейном стоянии во храме», изданном отдельной книжечкой. В проповеди процитировано высказывание Иустина Философа: «Яко же бо отлучившойся души телесе мертво тело и зловонно и нечисто, тако отлучившойся страха божия души мертва есть душа и зловонна и нечиста» (с. 16). Непосредственно перед цитатой проповедник вставил свой афоризм: «В нем же бо страх божий не обитает, того душа мертва бывает». В результате дважды повторялась одна и та же мысль, но краткий, живой, рифмованный афоризм явно предназначался для разъяснения цитаты из Иустина Философа. Разъяснялось не ее переосмысление, а именно

прямой смысл цитаты, которая по своему языку была, вероятно, не совсем доступной слушателям проповеди<sup>64</sup>.

Другой пример — собственный афоризм Полоцкого о «покалении» рук тиной — мы уже приводили. На поле книги в этом месте печатно пояснялось, что словом «тина» обозначена грязь. О самой простой вещи Полоцкий говорил довольно отвлеченно и принужден был пояснить свое высказывание. Полоцкий предусмотрел, что слушателям проповеди и читателям книги абстрактные выражения недостаточно ясны.

И наконец, третий пример. Часть одного из развернутых сравнений Полоцкого составляло афористическое высказывание об огне. Но высказывание звучало для слушателей так туманно, что Полоцкий прервал сопоставление и попытался конкретизировать сначала само отвлеченное изречение: «Огненнаго родство естества неудобь в тесноте вмещается, православнии слушателие, ибо всячески ищуще себе исхождения, вещь теснящую силне растерзывает. Терзает твердая орудия стрелбищная, стены же, и великая разоряет здания, исхождению си деющая препинание...» и т. д. («Обед душевный», л. 25).

Короче говоря, где бы ни находились отвлеченные афористические высказывания в проповедях, Полоцкий в той или иной мере всегда ощущал недостаточную понятность их языка для слушателей. В книгах проповедей отчетливо отразилось представление Полоцкого о недостаточной филологической образованности его аудитории. Вот то новое, что дают нам проповеди Полоцкого сравнительно с «Жезлом правления».

Картину отличий проповедей от «Жезла правления» позволяют завершить теоретические рассуждения Полоцкого о языке. В «Жезле» их нет. В книгах проповедей они есть. В частности, в «Предисловии к читателю благочестивому» в «Обеде душевном» Полоцкий сформулировал свой вывод в следующем афоризме: «Ово яко удобнее простое слово уразумеваемо есть в писании, неже красотами художественными покровенное» (л. 7 об.). Изречение имело только прямой смысл, и не надо было пояснять его смысл переносный. Язык изречения также сравнительно прост. Однако и это высказывание Полоцкий подкрепил добавочным, максимально ясным «бытовым» сопоставлением («яко удобнее ядро сне-

---

<sup>64</sup> Ср. прямое свидетельство Симеона Полоцкого о неясности языка «Псалтыри» для русских читателей того времени. Об этом см. раздел 1 дашной главы, с. 173, 177.

дается излученное, нежели в коже содержимое») и серией ссылок на отцов церкви. Полоцкий, несомненно, понимал, что для «благонамеренных» читателей, притерпевшихся к псевдобопонятной риторике, утверждение о нужности простоты изложения могло выглядеть парадоксальным и неубедительным. Читатели, по мнению Полоцкого, не желали языковых новаций. Это еще одна деталь в картину отличий нефилологичного слушателя проповедей от небогословного читателя «Жезла правления».

Но при всех отличиях книг проповедей от «Жезла правления» открывается и нечто принципиально общее между ними: все они предназначались для слушателей и читателей, с точки зрения Полоцкого малообразованных гуманитарно. Недаром изречения Полоцкого о языке, книге, человеческой мысли, «художествах» и пр. во всех этих изданиях обязательно сопровождались пояснениями. Правда, можно заметить и иное. Несмотря на защиту простого языка, Полоцкий к своим абстрактным изречениям в проповедях делал пояснения чаще всего в том же отвлеченно-возвышенном стиле<sup>65</sup>. Слушатели и читатели должны были привыкать к стилю Полоцкого, к чему их и призывали книжные предисловия.

Данному явлению аналогичны в «Жезле правления» попытки Полоцкого приучить читателей к диалектическим размышлениям. И в книгах проповедей, и в «Жезле правления» перед Полоцким стояла хитроумная задача: составлять сочинения, соответствовавшие самым высоким требованиям данного жанра, но доступные для читателей и слушателей, не доросших до таких требований. В общем, и в проповедях и в «Жезле» убеждение Полоцкого в малой просвещенности своей аудитории проявлялось гораздо более весомо, чем легкая надежда на возможность интеллектуального роста этой массы читателей и слушателей.

Привлечем к кругу сопоставлений рукописную книгу Полоцкого «Вертоград многоцветный» 1677 г. Исследователи уже давно отмечали, что в этом огромном сборнике нравоучительных стихотворений почти каждое стихотворение напоминает маленькую проповедь, с примером и моралью. Однако в жанровом отношении, помимо самого поверхностного сходства, названные книги Полоцкого несопоставимы.

---

<sup>65</sup> О «мнимой простоте придворной проповеди» Симеона Полоцкого и о его отношении к «простому» языку см.: *Робинсон А. Н.* Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 341—347.

Мы выстраиваем их в очередь по сравнимой степени их массовой предназначенности.

Массовая предназначенность «Вертограда» несомненна. Как известно, Полоцкий собирался издать «Вертоград»; правда, не успел. В одном из беловых списков книги стихотворениям предшествовало обширное «Предисловие к благочестивому читателю», перечислявшее разные виды читателей, включая и неблагочестивых, для которых будет полезен «Вертоград»<sup>66</sup>. Аудитория стихотворного сборника мыслилась даже несколько более разнообразной, чем у книг проповедей.

Сопоставим степень давления Полоцкого на аудиторию в «Вертограде» и в ранее рассмотренных книгах. Главным объектом для нас служат афоризмы. Обилие афоризмов в произведении, как мы уже знаем, служит показателем тесной обращенности автора к читателям. На первый взгляд кажется, что афоризмы в «Вертограде» попадают на каждом шагу, что их там не бывало много<sup>67</sup>. Отчего возникает такой эффект? Обратим внимание на цель стихотворного и цель афористического изложения у Полоцкого. В предисловии к «Вертограду» Полоцкий сформулировал задачу своего стихотворного изложения так: «...в немноге пространстве многая заключающаяся удобнее памятию содержатися могут» (л. 3 об.). В стихах Полоцкий стремился к краткости высказываний; задачи стихотворного и афористического изложения у него совпадали. Вот отчего стихотворения «Вертограда», строчка за строчкой, афористичны.

Действительно ли афоризмы все это? Например, стихотворение о епископе, который в наказание за сожжение пищих заживо сгнил и сам, содержит такие строчки: «...злому делу зла казнь богом сотворися», «от праведна судии прав суд сотворися». Подобные высказывания кратки, выразительны, однако они относятся только к данному сюжету, к данной конкретной ситуации, описанной стихотворением. Всеобщих истин эти высказывания не обозначают. Они приближаются к афоризмам, но законченными афоризмами не

---

<sup>66</sup> ГИМ, собр. Синодальное, № 288. Далее ссылки на листы данной рукописи приводятся в тексте.

<sup>67</sup> Ср.: «...те афоризмы, которые действительно принадлежали или только приписывались Аристотелю, Платону, Аристиппу, Фалесу и, разумеется, пророкам и апостолам, занимают видное место в стихотворной продукции силлабиков. Не случайно многие тексты Вертограда многоцветного находят аналогию в сборнике Апофегмата, где собраны „цветы красноречия“ античных мудрецов» (*Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII века, с. 185).

являются. Легко убедиться в том, что в «Вертограде» преобладают такого рода высказывания. Настоящие афоризмы в «Вертограде» встречаются гораздо реже, не во всяком стихотворении.

В «Вертограде» меньше афоризмов и меньше непосредственных обращений к читателям и слушателям, чем в книгах проповедей Полоцкого. Соответственно и степень обращенности к аудитории слабее в «Вертограде», чем в проповедях. По реальной силе массовой предназначенности «Вертоград многоцветный» надо поставить именно после рассмотренных ранее книг Полоцкого.

Сопоставим представления Полоцкого о читателях и слушателях, выраженные, с одной стороны, в «Вертограде» и, с другой стороны, в проповедях и «Жезле правления». Сначала скажем о явлениях, бросающихся в глаза. Подавляющее большинство афоризмов в стихотворениях «Вертограда» имело четкий, прямой правоучительный смысл. Например: «Правый сын отеческия правы сохраняет, теми в себе умерша отца изъясляет» (л. 19 об.); «благодарствие дары людем умножает, неблагодарствие же и малых лишает» (л. 41 об.), «яко тело без души труп смрадный бывает, тако без благодати душа истлевет» (л. 42 об.); «бисер под ноги вепром посыпает, неблагодарным кто благо творет» (л. 46) и т. д.

Каждый афоризм в стихотворениях «Вертограда» обычно занимал строчку в двустишии и пояснялся всего лишь одной строчкой. Примером являются приведенные выше двустишия. Только более трудные по языку афоризмы пояснялись несколькими строками, вроде следующего афоризма с неологизмами, заключавшего краткое стихотворение:

Агарь Аврааму сына Исмайла  
    скоро и удобно, по злаго родила.  
Сарра же не скоро, по чадо святое  
    Исаака роди, чадо преблагое.  
Тако мы пред богом во злых агарствуем,  
    во благих паки делех обычно сарствуем.

(Л. 20)

Полоцкий знал, что его афористические правоучения хорошо усвоены читателями и требуют лишь краткого пояснения или легкого напоминания. Главная цель Полоцкого заключалась не в пояснении афоризмов, а в объединении их в некую гигантскую систему. Читатель, видимо, не был силен как раз в охвате целой правоучительной системы. Если в «Жезле правления» и книгах проповедей Полоцкий тянул



читателей и слушателей к еще недостаточно изведанным ими новым мыслям, то в «Вертограде многоцветном» он в основном старался закрепить в их сознании невиданно полный свод истин старых. В общем, и «Вертоград», и книги проповедей, и «Жезл правления» были рассчитаны на читателей, не имевших широкого и систематичного образования.

Необходимо еще указать в «Вертограде» на явления гораздо менее заметные. Иногда афоризмы в стихотворениях «Вертограда» имели несколько необычный смысл. Таков, например, афоризм в первом же стихотворении книги. В отдельности этот афоризм выглядит привычно категоричным: «Уне бяше умрети телом, не душею» (л. 18). В составе же стихотворения смысл афоризма заметно меняется:

Аарон в пустыни телца сотворил есть,  
смерти боялся плоти, тяжко согрешил есть,  
Уне бяше умрети телом, не душею:  
по смерти страшна комуждо косою своею.

(Л. 18)

Это извиняющее, сострадательное «но» в последней строке стихотворения смягчает, делает каким-то половинчатым абсолютный смысл афористического вывода: да, лучше умереть, чем согрешить... но не всегда.

Приведенное стихотворение стояло первым в цикле из четырех стихотворений под общим названием «Аарон». В последующих стихотворениях цикла Полоцкий продолжал оправдания подобного отступления от жесткого правила: «и грешащих не люте судом исправляют», потому что можно согрешить «за страх», «не охотою», в силу обстоятельств. Весь цикл стихотворений вводил и разъяснял гуманистическую альтернативу, очевидно вовсе не привычную, но все-таки доступную для читателей «Вертограда».

Констатация невежественности массы была главной в мироощущении Полоцкого<sup>68</sup>; по заблуждения и малую просвещенность читательской массы он все-таки не считал безнадежными и даже как-то верил в способность российских читателей к быстрому интеллектуальному развитию.

---

<sup>68</sup> Ср. в «Вертограде» стихотворение «Глас народа»: этот глас «найпаче от правды далеко бывает», «никоя правды в себе заключает», «не веруй убо гласу общему народа» и пр. (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века, с. 188—189; *Он же*. История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко.— ТОДРЛ. Л., 1979, т. 34, с. 191).

Добавим к кругу сопоставлений две пьесы Симеона Полоцкого — о блудном сыне и о Навуходоносоре<sup>69</sup>. Обе пьесы находятся в составе огромного рукописного «Рифмологиона», который состоит из множества малых и больших приветственных и панегирических стихотворений Полоцкого, адресованных царю, тому или иному члену царской семьи, тому или иному царскому приближенному. Стихотворные «приветства» «Рифмологиона» первоначально не имели массовой предназначенности.

Но посмотрим на пьесы, переписанные в конце сборника. Пьеса о Навуходоносоре предназначалась довольно большой группе придворных: Полоцкий, как говорилось в предисловии к пьесе, хотел ее «представить» царю и «всем предстоящим князем, бояром» (с. 162). Более широкому собранию зрителей, пожалуй, предназначалась пьеса о блудном сыне. В прологе и эпилоге к ней Полоцкий уже не обращался к царю, а адресовался к зрителям, которые, судя по употребленным эпитетам, не были чрезвычайно знатными: «Благороднии, благочестивии, государие премилостивии!.. Извольте убо милость си явити, очеса и слух к действию приклонити» (с. 138, 160). По выраженной предназначенности для целой аудитории, в качестве источника для изучения представлений Полоцкого о некоем множестве зрителей, пьесы Полоцкого правомерно выделить из «Рифмологиона» и рассматривать отдельно от него.

По сравнению с «Жезлом правления», книгами проповедей и «Вертоградом многоцветным» аудитория пьес была более узкой, а авторский нажим на аудиторию — более слабым: афоризмов — поменьше, обращений к зрителям — по два-три в каждой пьесе. Вот почему пьесы Полоцкого мы рассматриваем после названных книг.

Сопоставим авторские представления об аудитории, начав опять-таки с самых броских явлений в пьесах. Афоризмы в них почти всегда имели строгий правоучительный смысл, почти никогда не пояснялись, будучи, следовательно, совершенно ясными и привычными для слушателей, и вместе составляли своего рода нравственный кодекс,

---

<sup>69</sup> «Комидия притчи о блуднем сыне»; «О Навуходоносоре царе, о теле злате и о триех отрощех, в печи не сожженных». Список в «Рифмологионе, или Стихослове» Симеона Полоцкого 1678 г. ГИМ, собр. Синодальное, № 287. Подгот. к печати А. С. Дёмин. — См.: Ранняя русская драматургия: (XVII — первая половина XVIII в.). М., 1972. Кн. 2. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте.

преподнесенный зрителям пьес. Все это напоминает афористику «Вертограда многоцветного». Однако нужно отметить и дополнительную роль афоризмов в пьесах. Так, в пьесе о блудном сыне первый же персонаж, появившийся на сцене, Отец, высказывал афористическое правило и тут же приводил в пример самого себя:

Кто несуменно в него уповаает,  
того никако господь оставляет.  
Сам искусих се во всяцей потребе,  
егда уповах на живуща в небе.  
Он мою юность добре есть управил,  
на живот честный в мире мя наставил.  
Он ми науку дал и разум благий,  
даде богатства господь мой предрагий.

(С. 139)

Отец выступал как олицетворение общего принципа.

Подобное сочетание афоризма с его олицетворением и практическим претворением было характерно для пьес. Например, Блудный сын высказывал общее правило и тут же переходил к делу:

Не добро богатому мало слуг имети.  
С ким имам ясти, пити? Кто нам будет пети?  
Прискорбно ми есть без слуг...

(С. 145)

Слуги Блудного также руководствовались некими общими положениями, сразу же выполняемыми. Так, один из слуг говорил растратившемуся Блудному:

Злато и разум слуг собирает.  
Кто буй, то трое купно погубляет.  
Доволно служих, заплаты не чаю,  
тем же от тебе днесь ся отдаляю.

(С. 149—150)

Встреченный изголодавшимся Блудным Купец тоже быстро переходил от общих слов к делу:

Глад мощно хлебом скоро утолити.  
Аз продам хлеба, изволи купити.

(С. 151)

Почти каждый персонаж в пьесах Полоцкого изрекал афоризмы и иллюстрировал их своими действиями.

Все вместе афоризмы в пьесах Полоцкого не столько образовывали свод однотипных правил, сколько демонстриро-

вали столкновение разных жизненных принципов у разных действующих лиц. Выразителен, например, перечень разных мотивов поведения персонажей в пьесе о Навуходносоре. Воины, приговаривая, вяжут отроков, не подчинившихся Навуходносору. Но один делает это потому, что он ярый мужбист:

Кто врага царска хочет пощадити,  
сам есть достоин смертно казним быти.

Другой воин вяжет отроков, потому что он шкурник:

Аз и две коже готов есмь издрати  
с одного хребта, а сам не страдати.

Следующий воин вяжет потому, что он юдофоб:

Мне евренна толь сладко убити,  
яко же меда сладка чашу пити.

(С. 167)

То, как «живяше» люди, сочетание и столкновение их жизненных принципов старались «аки вещь живу» показать и одновременно растолковать зрителям пьесы Симеона Полоцкого.

Сравнительно с «Вертоградом многоцветным» в пьесах Полоцкий ставил перед аудиторией более сложные задачи, ибо круг зрителей пьес мыслился более узким, более избранным, чем круг читателей «Вертограда». Однако в целом представления Полоцкого о большей или меньшей российской аудитории в принципе оказывались одинаковыми: он с неумолимой определенностью осознавал главную слабость своих читателей, слушателей, зрителей, но без громких деклараций надеялся побудить их к более широкомасштабному мышлению.

Афоризмы в пьесах Полоцкого использовались и в иной, менее заметной роли, чем только что охарактеризованная. Например, Блудный сын просил Отца:

Бог волю дал есть: се птицы летают,  
зверие в лесах волно пребывают.  
И ты мне, отче, изволь волю дати,  
разумну сущу, весь мир посещати.

(С. 141)

Судя по пояснениям к изречению о воле, Блудный подразумевал под волей безграничную свободу. Отец соглашался с самим изречением, но в понятие воли вкладывал ограничи-

тельный, дисциплинирующий смысл:

Не хочу тебе аз воли отъяти,  
юже всякому бог изволил дати.  
Точию в дому вящше приучися,  
странству удобен пред нами явися.

(С. 142)

Понимание воли Блудным Отец осуждал: «...юности воля сия несть спасенна» (с. 142). Пьеса предлагала две теоретически противоположные трактовки понятия «воля». Пьеса утверждала половинчатое правило: истинная воля бывает в пределах «неволи». Когда Сын старший обращался к Отцу: «...не преступаю воли твоя», то Отец откликнулся: «Моя твоя суть, вся свободна тебе» (с. 157—158).

Полоцкий в пьесе старался подвести аудиторию к правильному пониманию афоризма о воле. Обсуждение и разъяснение вопроса о воле человека проходили через всю пьесу. Они начинались с полемики Блудного и Отца. Затем Блудный решительно отвергал порядок в отцовском доме, где «ничто бяше свободно по воли творити... не свободно играти...» (с. 144—145). Но после пережитых злоключений признавал волю, строго отмеренную каждому в его пределах:

Мерилом правым вся суть размеренна,  
вся по естеству в чине положенна.  
Горé прекрасно светила сияют,  
землю пространну плоды украшают.  
Рибами море зело исполнися,  
воздух птицами красно удобрися.

(С. 158)

И в эпилоге пьесы звучал совет зрителям:

...да юных добре наставляют,  
ничто на волю младых не спущают.

(С. 160)

Знаменательно это словосочетание: «на волю младых», а не «на волю младым». «Воля младых» — значит «воля в понимании младых». Незрелое понимание воли младыми и предлагалось исправлять наставлениями.

Если истолкованию воли в пьесе было уделено столь много места, то, значит, для зрителей подобное истолкование было не совсем привычным или даже совсем непривычным. Половинчатое, неабсолютное, диалектическое истолкование изречения «Бог волю дал есть» в пьесе напоминает



богословском, филологическом, философском, историческом и ином гуманитарном познании.

Но нигде у Полоцкого не находим проявлений острого чувства несоответствия, противоречия, пропасти между читателем реальным и читателем желаемым, должным. Книги Полоцкого были литературой великого терпения. Атмосферы конфликта не было. Позиция Полоцкого кажется нам пехотой на типично барочную.

В читательской массе второй половины XVII в. действительно происходило что-то обнадеживавшее Полоцкого-просветителя. Косвенное свидетельство дает демократическая литература XVII в. По наблюдению Д. С. Лихачева, герои демократической литературы стали выражать «недовольство своей судьбой, своим положением, окружающим — это черта нового, неизвестная предшествующим периодам... Для демократической литературы XVII в. характерен конфликт личности со средой, жалобы этой личности на свою долю, вызов общественным порядкам, иногда же — неуверенность в себе, мольба, испуг, страх перед миром, ощущение собственной незащитности, вера в судьбу, в рок, тема смерти, самоубийства и первые попытки противостоять своей судьбе, исправить несправедливость»<sup>70</sup>.

Читательская масса, видимо, находилась в том же состоянии, что и литературные герои. Но до рождения нового массового читателя и до перехода к литературе Нового времени было еще далеко. Логичные и стройные книги Полоцкого лишь отдаленно и глухо предчувствовали нового читателя и новую литературу в России.

Отсюда следует, как нам думается, любопытное теоретическое предположение. Между русской литературой XVII в., литературой «предчувствий» нового, и западноевропейской литературой XVII в., литературой барокко, оказывается принципиальная, стадийная разница: наша медленно, ощупью приближалась к порогу в Новое время, а та — уже давно переступила этот порог. Перед нами два разнородных пути литературного развития, несводимые друг к другу.

---

<sup>70</sup> Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси, с. 137.

КОНЕЦ XVII в.  
В АТМОСФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ.

(Старопечатные и рукописные сочинения  
Иоакима Савелова, Афанасия Холмогорского,  
Евфимия Чудовского, Сильвестра Медведева,  
Евфросина и др.)



Прежде чем входить в общественные настроения конца XVII в., дадим необходимый источниковедческий очерк. Конец XVII в. источниковедчески сильно отличается от предыдущего периода: источников, в которых отразились общественные настроения, совсем немного, а соответствующих крупных сочинений наберется едва больше десяти.

Объемистость и содержательность даже самых крупных произведений о настроениях конца XVII в. также не очень велики: например, объем известного печатного «Увета духовного» Афанасия Холмогорского 1682 г. все-таки не идет в сравнение с объемом и богатством содержания знаменитого «Жезла правления» Симеона Полоцкого 1667 г., не говоря уже об «Обеде душевном» и «Вечере душевной». Относительно более обильный материал по общественным настроениям содержат лишь печатные поучения патриарха Иоакима да «Созерцание краткое» Кариона Истомина и Сильвестра Медведева. Это немного. Так что, занимаясь концом XVII в., мы не можем позволить себе роскошь пользоваться только самыми крупными, интересными и знаменитыми литературными памятниками, как это делалось при изучении 1660—1670-х годов. Для конца XVII в. приходится подбирать памятники и помельче.

Привлечение более мелких памятников все-таки не спасает положения. Жанровый состав всей россыпи памятников конца XVII в., характеризующих общественные настроения, оказывается не пестрее, а беднее, тусклее, чем в 1660—1670-е годы. Оригинальных старопечатных предисловий и послесловий, так вырубавших нас ранее,— единицы<sup>1</sup>. Пре-

<sup>1</sup> «Предисловие на книгу Гипик». — См.: Устав, М., 1682; Предис-



обладают поучения<sup>2</sup> и церковно-полемические трактаты<sup>3</sup>. К ним присоединяется несколько исторических сочинений<sup>4</sup>

словие.— См.: Увет духовный. М., 1682; послание Евфимия Чудовского в качестве предисловия к «Щиту веры». — Отрывок см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862, отд. 2, ч. 2; послание патриарха Адриана в качестве предисловия.— См.: Православное исповедание веры. М., 1696; «Во известие книги сея читателю». — См.: Толковое евангелие. М., 1698. Далее ссылки на листы упомянутых изданий приводятся в тексте данной работы. Издания и сочинения называются в ссылках сокращенно: «Устав», «Увет», «Щит», «Православное исповедание», «Толковое евангелие».

<sup>2</sup> Слово патриарха Иоакима на Никиту Пустосвята. М., 1682; «Возглашение увещательное всему российскому народу... Иоакима патриарха... в нем же изъявление на расколников...» — См.: Увет духовный. М., 1682; Слово благодарственное патриарха Иоакима об избавлении церкви от отступников. М., 1683; поучение 1687 г., написанное для произнесения патриархом Иоакимом.— Отрывок см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2; «Слово поучительное святейшаго Иоакима патриарха всероссийскаго». — См.: Остен: Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865; Служба, житие и слово на Иоанна Воина. М., 1695. Далее ссылки на листы или на страницы указанных изданий приводятся в тексте данной работы. Издания и сочинения называются в ссылках сокращенно: «Слово на Никиту», «Слово благодарственное», поучение для патриарха, «Слово поучительное», «Служба».

<sup>3</sup> Полемика Афанасия Холмогорского с раскольничьей челобитной.— См.: Увет духовный. М., 1682; «Известие истинное православных и показание светлое о новоправлении книжном...» Сильвестра Медведева 1688 г.— См.: *Белокуров С. А.* Сильвестра Медведева Известие истинное... М., 1886; «Книга о пресуществлении тела и крове Христовы...» Афанасия Холмогорского 1688 г.— Отрывок см.: *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ холмогорский: Его жизнь и труды... СПб., 1908; «Остен» 1690 г.— Отрывок см.: *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2; «Отразительное писание...» Евфросина.— См.: *Лопарев Х.* Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей: Вновь найденный старообрядческий трактат против самосожжения 1691 года. СПб., 1895. Далее ссылки на листы или на страницы указанных изданий приводятся в тексте данной работы. Сочинения называются в ссылках сокращенно: «Известие», «Книга о пресуществлении», «Остен», «Отразительное писание».

<sup>4</sup> «История о вере и челобитная о стрельцах Саввы Романова.— См.: Летописи русской литературы и древности, издаваемые Н. Тихонравовым. М., 1863, т. 5; Летописец 1619—1691 гг./Подгот. к печати В. И. Буганов.— См.: ПСРЛ. М., 1968, т. 31; «Созерцание краткое...» Кариона Истомина, отредактированное Сильвестром Медведевым в 1687—1689 гг.— См.: Сильвестра Медведева Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся в гражданстве/Подгот. текст А. Прозоровский.— ЧОИДР, 1894, кн. 4, отд. 2; сочинение Авраамия 1696 г.— См.: *Бакланова Н. А.* «Тетради» старца Авраамия.— Исторический архив. М.; Л., 1951, т. 6. Далее ссылки на страницы указанных изданий приводятся в тексте данной работы, Сочинения

и ряд грамот<sup>5</sup>. Художественных повестей и сказаний нет<sup>6</sup>; есть, правда, стихотворные произведения<sup>7</sup>. В общем, на обнаружение ярких эстетических явлений надеяться нельзя. Информация о настроениях получается довольно однообразной. Создается впечатление, что не только в начале XVIII в., но уже в конце XVII в. было «не до литературы»<sup>8</sup>.

Больше того. На основании имеющихся источников информация об общественных настроениях конца XVII в. составляет не только однообразная, но и однобокая. Дело в том, что, во-первых, удается раскрыть социальные на-

---

называются в ссылках сокращенно: «История», «Летописец», «Созерцание», «Тетради».

О «Созерцании кратком», сочиненном Карионом Истоминым и отредактированном Сильвестром Медведевым, см.: *Волков М. Я.* «Созерцание краткое» как источник по истории общественно-политической мысли.— В кн.: Общество и государство в феодальной России. М., 1975, с. 198—208.

<sup>5</sup> Соборное постановление в ноябре 1681 г.— См.: АИ. СПб., 1842, т. 5; челобитная московских стрельцов, гостей, посадских людей и ямщиков 6 июня 1682 г.— См.: ААЭ. СПб., 1836, т. 4; изветное письмо 2 сентября 1682 г.— Там же; грамота патриарха Иоакима 25 сентября 1682 г.— Там же; царская окружная грамота в сентябре 1682 г.— Там же; настольная грамота патриарха Иоакима 5 апреля 1683 г.— См.: АИ, т. 5; царские указные статьи 5 октября 1682 г.— См.: ААЭ, т. 4; царский указ 21 мая 1683 г.— См.: ПСЗ. СПб., 1830, т. 2; соборное постановление до 1689 г.— См.: АИ, т. 5. Далее ссылки на страницы указанных изданий приводятся в тексте данной работы. Документы называются в ссылках сокращенно: ноябрьское постановление, июньская челобитная и т. д.

<sup>6</sup> «Повесть о Фроле Скобееве» относится к более позднему периоду.

<sup>7</sup> «Книга желательного приветство мудрости» Кариона Истомина 1683 г.— См.: *Браиловский С. Н.* К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя «Карион».— Известия Отделения русского языка и словесности АН, 1909, т. 14, кн. 1; «Рифмы краесогласнии о прелести суетнаго сего мира...» 1691—1692 гг.— См.: *Панченко А. М.* Стихотворный отклик на свержение царевны Софьи.— В кн.: Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: Ежегодник, 1974. М., 1975; «Стих о жизни патриарших певчих» не ранее 1684 г.— См.: Русская демократическая сатира XVII века/Подгот. текста Н. С. Демковой. М., 1977. Далее ссылки на страницы указанных изданий приводятся в тексте данной работы. Сочинения называются в ссылках сокращенно: «Книга приветство», «Рифмы», «Стих». Мало прямых указаний на общественные настроения можно найти и в ценной публикации: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики/Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова, М., 1983. Ч. 1—2.

<sup>8</sup> Ср.: «В так называемую Петровскую эпоху, занятую ускоренным развитием экономики и государственности, было „не до литературы“» (*Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973, с. 213).

роения отдельных авторов, но не читательской массы: в печатных и рукописных источниках конца XVII в. обращения к читателям обычно слишком общи и традиционны, и в текстах, как правило, уже не чувствуется той заботы о читателе или тех стараний воздействовать на читателя, которые мы наблюдали, например, у Симеона Полоцкого. Было уже «не до читателя». Во-вторых, раскрываются настроения преимущественно верхов общества, так как подавляющее большинство авторов привлекаемых нами сочинений принадлежали к этим верхам или ориентировались на эти верхи. В-третьих, социальные настроения верхов общества определеннее всего устанавливаются для 1682—1683 гг. или для первой половины 1680-х годов, т. е. для времени первого стрелецкого или, точнее, стрелецко-раскольничьего мятежа, потрясшего верхи общества: больше половины собранных источников относится именно к этим годам, образуя компактную группу. Более поздние источники разрозненны, и совсем нет литературных источников по общественным настроениям второго стрелецкого мятежа 1698 г. Обзор источников предупреждает о неизбежной ущербности предпринимаемого анализа.

Характеристику общественных настроений конца XVII в. мы начнем с обычной для русских старопечатных книг темы. В старопечатных предисловиях и послесловиях нередко говорилось о советах и совещаниях царя, патриарха и иных важных лиц по поводу составления и издания той или иной книги. Эту тему уже развивал Иван Федоров. В печатных книгах конца XVII в. эта тема приобрела особый смысловой оттенок. Издатели стали усиленно подчеркивать широкую соборность подобных совещаний: «...совета, совещаша же синодално... пред всем священным собором... чтоша, при всех российских архиереех соборне исправиша... и руками своими подписавши архиерее суть сии...» (далее следовал длинный перечень подписавших, см. «Устав», л. 3 об.—4 об.). Соборы у издателей как бы непрерывно громоздились один на другой, и, хотя авторы не посвящали свои сочинения специально соборам, о цепи соборов в книгах повествовалось долго (см., напр., «Увет», л. 20—40, 61 и сл.).

Широкие и непрерывные сборища и соборы представляли у издателей как заграда против всякого зла: «...совещаша же синодално... дабы... крамола и спона места не имела...» («Устав», л. 3 об.); «ради совершенного исправления погрешенных вин церковнаго благочиния» («Увет», л. 40); «по-

неже тогда все архиереи, архимандриты, игумены, священники же и диаконы всего царствующего града Москвы мнози те книги несом ради правды, еже бы, увидя истину в них престали того зла» («Увет», л. 61 об.).

Противостоящие злу соборы означали у издателей, пожалуй, нечто большее, чем заседания по церковнокнижным вопросам. Соборы представляли как воплощение сил добра, объединители всего положительного, центр притяжения людей. Поэтому издатели старательно напоминали о признаках высокой значительности соборов и совещаний: «...собор великий собор в преименитый свой царствующий град Москву», «соизволи убо собору быти во царских его палатах» и т. п. («Увет», л. 20, 40). Поэтому издатели особенно нажимали на архитектурность соборов: указывалось, что «тщатели» «во оном делании время не малое... трудишася» («Устав», л. 4); описывалась церемония внимательного рассмотрения, чтения, слушания, исправления документов «на вящее утверждение и подкрепление» добрых дел; издатели все повторяли, что одному, второму, третьему соборному сидению и рассмотрению «не удовлися», «не доволно вмени», а посему следовали еще соборы и рассмотрения («Увет», л. 26 об., 31 об., 34, 39 об.). Наконец, поэтому издатели отсылали людей к подлинным документам подобных соборов и совещаний: «Аще ли же кто в чесом усумнится, да идет на печатный царскаго пресветлаго величества двор и в его государской в книгохранительной палате самага преводу и на нем исправления... и указа, како повелеся делати, да посмотрит...» («Толковое евангелие», л. 6).

Издатели, конечно, говорили не только о соборах, но и вообще о людях, согласных с соборными решениями. Речи о таких людях нередко были рифмованными. Рифмовка то проступала неявно, как случайные глагольные созвучия, например: «... дабы вси православнии христиано-российстии народи незаблудным и воздержателным жития путем добраго подвига течение совершали, и присноразрешителным идем и питием, подобне нечинным пением и празднеством, не церковным типическим повелением сотвореным, не внимали, но, да отческим типиколожением последующе, всякое церковное песнопение по типуку совершали» («Устав», л. 2 об.). А временами рифмовка становилась явственной, что видно по проставленным в книгах ударениям: «И яко же... церковь... от всех христиан содержйтся, такожде и zde в Российском царстве и древле и ныне красйтся» («Увет», л. 10); или рифмовка ясна сразу: «Книгу же сию всяк благоразумный читай в ползе и живи благополучно в

лете долзе» («Толковое евангелие», л. 6 об.). Рифмовкой в данных случаях выражался смысловой оттенок некоей замкнутости, объединения вкуче всех «благоразумных». Недаром ритмом и рифмовкой подчеркивался сбор всех «благоразумных» в единое место:

Убо тецые, тецые к нему,  
жаждущие, без сумнения.  
Отверзен есть кладязь,  
изчищен источник,  
струи независтны,  
вода невозмущёна,  
течет изобилно,  
жажду утоляет,  
сердца утешает,  
очи просвещает,  
грехи оmyвает,  
душы спасает  
и вечное в небе царство обещает.

(«Православное исповедание», л. 7 об.)

Всех «благоразумных» людей издатели были склонны представлять выделенными в цельную группировку.

Еще яснее и эмоциональнее подобное представление о единой массе всех «благоразумных» людей выражалось благодаря риторическим повторам: «Един господь, едина вера, едино крещение, един бог и отец всем, иже надо всеми и о всех и во всех нас»; «... сладко есть видети всюду мир... мног мир любящим церковное благокрасотство, мног мир последующим и покаяющимся...»; «... общий смысл всего народа и государства, общий в вере святей разум, общее святых отец учение...»; «тамо пастыри... тамо благочестивии православнии цари... тамо вси людие...» («Увет», л. 2 нумерованн., 5, 8—8 об.).

В представлениях издателей, выделявших «благоразумных» людей в единую группировку, присутствовал сильный элемент противоположения «благоразумных» людей людям «неблагоразумным». Это видно по последовательности риторических повторов: «... едину православную веру содержим, яже есть святых апостол, яже есть святых отец, яже есть православных всех, яже есть вера вселенную укрепи. Елицы же тако не мудрствуют, прокляти да будут. Елицы же тако не мудрствуют, далече церкви святыя да отженутся. Мы убо древнему законоположению церковному последуем. Мы заповедания святых отец соблюдаем. Мы... проклинаем.

Мы... проклинаем. Мы... анафеме предаем» и т. д. («Увет», л. 271—272).

Вполне возможно, что склонность к резкому эмоциональному противопоставительному выделению «благоразумных» людей была свойственна сознанию не только издателей и соответственно общественных верхов, но и всего русского общества конца XVII в. Например, в сочинении старообрядца Евфросина, отнюдь к верхам не принадлежавшего, находим места с длиннейшими словесными повторами и с таким же выделительно-противопоставительным смыслом: «О, елико христиане, вонмите и внушите, елицы своему спасению истиннии искателие, елицы евангелския истинныи любителие, елицы... послушатели, елицы... пекущийся, елицы... верующе, елицы ведать... елицы слышать... елицы... женущии, елицы желаютъ... елицы тчатся...— сии вси зде с нами днесь снитидеся во умное се истязалище...» («Отрачительное писание», с. 7).

Но вернемся к настроениям верхов. Склонность издателей и стоявших за ними верхов к резкому отделению людей «благоразумных» от людей «неблагоразумных» вытекала из представления верхов о разделенности современного русского общества. Это основополагающее представление определяло социальную настроенность верхов, оно имело многообразные литературные формы выражения. Придворные авторы конца XVII в., говоря о внутреннем положении России, нередко использовали традиционные, но наполненные новым содержанием сравнения с морской бурей: в России «пагубоглаголивья волны лживых словес воставаху, но о каменную благозакония твердь зле стирахуся тии» («Слово на Никиту», л. 3); «... во всем обладании Росийскаго царствия, яко корабль мирную ладью, да... возпасаем... прогнати, яко веслами беззаконное волнение, да не опровержеться... паства волнами неправды» (апрельская грамота, с. 167—168); «корабль, волнующийся среди пучины волн» (поучение для патриарха, с. 498); «паки воздвижесе житейское море бедоносными яростми волны, яже своим свирепым гнева волнением мало-мало не опроверже росийскаго гражданства и царскаго величества самодержавства» («Созерцание», с. 94). Волны и твердь, волны и ладья, пучина волн и корабль, яростное море и «самодержавство», буря и нечто, противостоящее ей,— так о России, о ее внутриполитическом (а не внешнеполитическом) состоянии сочинители раньше не писали. Придворные авторы конца XVII в. испытывали ощущение глубокой разделенности русского общества.

Конечно, авторы использовали и иные сравнения, менее броские. Например, внутренняя разобщенность в обществе символизировалась образами пшеницы и плевел: «... во многоплодном поле... яко плевелы истребляти» (сентябрьская патриаршая грамота, с. 371). Ощущение разделенности общества было устойчивым. И эту разделенность чувствовали не только верхи. Например, у того же старообрядца Евфросина, когда он касался той же общественной темы, появлялось то же сравнение и с тем же смыслом: «Но иде же пшеница, ту и терние родится, и звонец и волчець задавляють класы» («Отразительное писание», с. 9).

О положении общества авторы неожиданно заговорили и стихами в прозе:

Царем ли подобает повиноватися  
или за мужики безумными гонятися,  
презрев их?  
Пастырям ли истинным послушание лучши отдавати  
или бесноватым таимичищным врагом внимати?  
В пастве ли достоин быти  
и под началом  
или, яко скоту, без пасения на всякия грехи и своеволю  
бродити?  
Мудрых ли и разумных слушати достоин  
или кто безумствует?  
Воздержным ли людем сокровища вверяют  
или пьяницам и вертопрахом то предавають?..

(«Увет», л. 72)

Строка положительная — строка отрицательная. Этой формой рассуждений подчеркивалась мысль о раздвоенности общества. Представление о разделенности общества являлось у писателей не расплывчатым ощущением, а острым впечатлением.

То же впечатление резкой разделенности общества испытывали авторы, далекие от верхов. Например, причисляемый к демократической сатире «Стих о жизни патриарших певчих» также был насыщен построчным контрастным противопоставлением<sup>9</sup>:

Чужые кровлю кроют, а свои голосом воют...  
Овому честь бог дарует, овин же искупают.

---

<sup>9</sup> Ср. вывод Н. С. Демковой: «Вся вторая часть Стиха посвящена теме общего неустройства жизни, вопиющих социальных контрастов»; «Стих — ... с двухчастной структурой стиха и синтаксически контрастной противопоставленностью обеих частей... такая конструк-

Овии трудишася, овии в труд их внидоша.

Овии скачют, овии же плачют.

Инии веселяшеся, инии же всегда слезяшеся.

(С. 235)

Конкретные поводы для настроений у разных общественных слоев выступали разные, но общее социальное впечатление сходилось.

Да и не только впечатлением это было, а осознанным мнением. О неладности обстановки говорилось и прямо. Документы признавали: «... множатся церковные противники... развратники же святая церкве там умножаются... противники умпожились... урастает на святую церковь противление...» (ноябрьское постановление, с. 109, 110, 117). Авторы сочинений отмечали «многия разности и несогласия и от того смущение и... бываемую молву» («Устав», л. 3); «велия беды, величайшия напасти, многия раздоры и нестроения» («Увет», л. 3). С конца же 1680-х годов все авторы повторяли бесконечно: «... ныне суть великия... вражды и беды несказанныя и злыя друг на друга вымыслы», «великия пакости и нестроения и разрушения», «... смута и мятеж в государстве делается» («Созерцание», с. 18, 27, 38 и мн. др.); «... в царствующем граде Москве... крамолы и мятежи творяше и ереси всеваше» (постановление до 1689 г., с. 338); «... творят ненависти друг друга, распри, раздоры, свары, нестроение, мятежи и всяку злую вещь в российском народе между человеки ненависти соделаша, несогласии устроиша ко распрям, раздором и мятежем (избави, боже, от браней и кровопролития)...» («Известие», с. 40); «свары и распри, вражды и ересь...» («Слово поучательное», с. 116)<sup>10</sup>. Старообрядческие писатели не отставали от писателей придворных в подобных жалобах: «... много смятения о том в народе... сомнение и мятеж в наших душах христианских» («История», с. 133).

С конца 1680-х годов представления авторов о раздробленности общества усугубились; в России, судя по автор-

---

ция фразы... усиливает обличительный пафос Стиха» (Русская демократическая сатира XVII века, с. 241—242).

<sup>10</sup> О том же говорилось в подложной речи Ивана Грозного, составленной в 1691—1692 гг. «В памятник постоянно чувствуется стремление провести параллели между временем молодого Ивана IV и молодого Петра I» (Автократов В. Н. «Речь Ивана Грозного» как политический памфлет конца XVII века.— ТОДРЛ. М.; Л., 1955, т. 11, с. 271). Ср.: «...в нынешнее злолютовство кипящее время от злых человеков...» (Послание патриарха Иоакима 1683 г., цит. по кн.: Брайловский С. Н. Один из «Пестрых» XVII-го столетия. СПб., 1902, с. 143).



ским высказываниям, ссорились все со всеми: «... начаша люди зело ради неправд и нестерпимых обид себе стужати и друг на друга глаголати, яко той неправду дает, иный на того, наипаче же на временников и великих судей и на начальных людей» («Созерцание», с. 37); «словесы ласкаем, но дела снедаем всех люте» («Рифмы», с. 89); «паче день дне и час часа... между духовными и мирскими людьми то умножают» («Известие», с. 40).

Усилившееся ощущение враждебности социальной обстановки испытывали авторы не только близкие к верхам, но и из других общественных слоев. Недаром старообрядец Евфросин не без иронии, но и не без ожесточения заменял образ спора с противной стороной образом сражения: «Жестоко ты рыкнул, яже зде азъ услышалъ. Звягомая вамъ песня во уши наши вниде. Дано ти было время, да покаешися о своемъ деле, а понеж отринул и к правде не возникнул, ступай же в поле сечися с сопротивуборцемъ... лукъ к бедре повешай, копие же скоряе в руку, щитом заклонися, конем в рати несися, стреляй, прободай, ногами потопай, аще еси силенъ, и в смерть уязвляй» («Отрагительное писание», с. 4; ср. еще с. 7, 25, 28 и др.).

Разделенность общества в некоторые моменты ощущалась как распад общества. В большом летописном «Описании о сем, еже содеяся грех ради наших по преставлении царя Феодора Алексеевича всея Росии во царствующем граде Москве, колико бысть смятение и убийство между собою православных хрестиян в народе» приводились знаменательные слова стрельцов к властям: «Мы, рече, и сами, взяв жен своих и детей, пойдем из государства вон... А когда вам надобны воры, и вы с ними оставайтесь в государстве своем. Мы же и сами пойдем в иное царство...» («Летописец», с. 197). Показательно, что в печатной книжечке, сохранившей службу, житие и поучение об Иоанне Воине, автор чрезвычайно часто возвращался к одной и той же теме: он обличал «зломысленных рабов бегство», «злобных рабов бежание», «зломысленне рабов от господей бегания», «суетное и злокозненное рабов и рабынь от господей бегание», «бегство челоовеков служащих из полков или из домов или из вотчин» и т. д. (л. 1 об., 2, 7 об., 16 об., 60 и др.)<sup>11</sup>. Таковы были основные формы выражения писате-

---

<sup>11</sup> Ср. массовое бегство от властей в конце XVII в.: «Бегство в леса, пустыни и горы было бегством от крепостничества, но оно обрело и свою идеологию и психологию как побег из мира «скверны»... Таким образом, смертоносным становился факт прикоснове-

лями конца XVII в. их ощущений, впечатлений, представлений о разделенности современного им русского общества.

Естественно поэтому, что писатели резко выделяли, с их точки зрения, «благоразумных» людей и еще более резко людей «неблагоразумных». Тьма эпитетов обрушивалась на головы противной стороны: «злые человеки», «мятежники святых церкви», «крамолники», «самомненные», «самозаконнии же и своеобычнии и самоволнии человецы», «вредословцы и возмутители» и пр. Это самые частые прозвища раскольников и бунтовавших стрельцов верхами общества только из двух книг 1682 г. — «Слова на Никиту Пустосвята» и «Увета духовного».

Рельефный обобщенный облик толпы «мятежников» и «крамолников» был выработан в верхах общества довольно быстро. Это видно в грамотах по капитальным перечням запретных действий — плодам типизаторской работы верхов, например: «...многолюдством и с невежеством и с шумом не приходит и никакой наглости не чинить... о всяких делех бить челом вежливо и нешумко, и ни на кого ничего не затевать, и ничем ни к кому не приметываться, и не клепать... и ни в какие чюжие дела не вступаться некоторыми делы... собою ни с кем не управлятися... людей и крестьян... свойственниками их не называть»; о смуте «не токмо говорить, и мыслить не надобно»; еще хуже «буде кто... прежние дела учнет хвалить» (октябрьские указные статьи, с. 386—387).

Противная сторона в поучениях конца XVII в. выступала обязательным, предрешенным источником зла; отсюда



*Нахмурившийся книгописец  
(Матфей).  
Фрагмент. Евангелие. М.,  
1681*

---

ния к «скверне». Какая оставалась альтернатива? Бегство в леса, горы, пустыни, а если и они переставали служить защитой — в огонь»; вырабатывалось «освящение бесповоротного, бескомпромиссного разрыва с миром крепостничества» (Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодализма. М., 1977, с. 113—114, 121).

вопросы и неуклонные ответы авторов: «Кто брань воздвигнет? — Самозаконный. Кто смущение и в людех крамолу сотвори? — Самозаконный и своевольный. Кто упивается и ум свой богодарованный... погубляет и кто святую церковь презирает и ей не покаряется? — Все самозаконный» («Увет», л. 3 об.—4). В процитированном отрывке из «Возглашения увещательного» патриарха Иоакима, напечатанного в «Увете духовном», упоминание об упивающихся да и вся конструкция вопросо-ответов, вероятно, восходили к соответствующему месту старинной «Повести о хмеле» и тем способствовали лепке облика «злых человеков» конца XVII в.

Выделение «злых человеков» в единую группировку у писателей, выражавших представления верхов общества, подчеркивалось также и теми средствами, которые использовались для выделения людей «благоразумных», — риторическими повторами и рифмовкой: «А который сообщник кому в коих делех бывает, той с оным в тех делех и воздания участник бывает... Таковии бо воистинну не суть сынове церкви, не суть государям своим вернии слуги, не суть благочестию помощницы не сопротивляются... не заступают не болезнуют ... не творят» («Слово благодарственное», с. 97—98, 102—104).

Но особенно едко писатели отделяли «злых» людей от «благоразумных», когда заговаривали о невежестве. Невежество объявлялось кардинальным признаком противной стороны. Этот порок врагов мастерски выставлял и обличал в свое время Симеон Полоцкий. А в конце XVII в. обвинения в невежестве получили грандиозный размах. Раскольники и бунтовщики характеризовались у писателей прежде всего как «безумные человеки», «неразумливи человецы», «неискусные человеки», «глупые», «малоумные люди», «неученые люди», «грубии», «безразумны», «малосмыслящи», «не верящи божественнаго писания», «словес силы не разумеют», «не уведевше силы словес», «не знающие писания», «писания не умеющие», «ничего не знают». Ругательства так и сыпались: «невегласы», «невежды», «прости невежды», «оные расколники грубые мужики», «мужики-пропойцы и бесноватыи неуки», «простолюдини и незнающие», «неуки, простаки непосвященнии», «мужички-орачики», «пустачи». Их мысли и писания обзывались соответственно: «срамный их ум и лестное учение», «бабии басни», «безумие», «мракодержимая словеса», «безумные писма», «неразумие», «безумство», «паучинное их ткание», «скудость ума», «глупство», «грубость и глупость», «неве-

жество», «несмыслство», «разума неимение», «простые разглагольства и шутства», «безделство и своеумие». (Приведены выражения из «Слова на Никиту», «Устава», «Увета», сентябрьской патриаршей грамоты, «Книги приветство», «Слова благодарственного», поучения для патриарха, «Созерцания», «Известия», «Щита», «Православного исповедания», «Толкового евангелия», а также из «Отразительного писания».)

Невежество своих противников верхи общества превращали в абсолютно непреодолимое качество: «... и таким неуместным слепцом и невегласом писания божественных книг знати есть невозможно», «таким невеждам полагати разсуждения не подобает» («Слово на Никиту», л. 7, 29—29 об.); «не лучилося им грамматического, не токмо философского и богословского, учения видати, знати же — ни» («Увет», л. 264 об.); «не могут право разсуждати» («Созерцание», с. 92); «... яко святыи апостол вещаше: не во всех бо есть разум»; «сам же малосмыслящий и не учився да не разсуждает безделством и своеумием» («Толковое евангелие», л. 3, 6). Подобные же отсекающие утверждения, в свою очередь, использовали и старообрядцы: «Не могут они окаянники книжнихъ словъ разобрати, когда можеть слепая узоры вышивати» («Отразительное писание», с. 87—88). Рассекание общества на взаимоисключающие группировки возобладало в умах.

Господствовавшее в верхах и низах умонастроение разделенности общества сопровождалось комплексом дополнительных социальных чувств. Верхи отдавали себе отчет, что «простолюдины, не ведая истинного писания» «такожде неразумни суще»; что «злии человецы... учат невеждей и простых людей»; «простой народ возмутили», «блазни испустиша в простой народ», «яко и мужик вереща песнь ину»; что «безумнии невегласи-мужики, иже не знают истинно и аза, с ними же», т. е. со «злыми людьми»; что «большая часть не наказанных поселян в них»; что с ними «и инии невежди-миряне и неuki, самыя худыя люди и ярыжныя з кабаков пропойцы» (ноябрьское постановление, с. 117; «Слово на Никиту», л. 3 об., 25 об.; «Увет», л. 57 об., 64; «Увет», л. 13; «Книга приветство», с. 19; «Слово благодарственное», с. 42; «Созерцание», с. 59; и др.).

И вот чувства: верхи желали как можно дальше отодвинуться от «невежд» и поэтому давали себе волю в уничижениях. Уничижительность могла быть не очень заметной, когда писатели бегло касались мнений «невежд»: «На Москве всяких чинов люди пишут в тетрадах и на листах

и в столбцах выписки, имянуя из книг божественнаго писания...» (ноябрьское соборное постановление, с. 117); «мнози неразумливии человецы всякаго чина — священники, монахи, и прости, по монастырям и пустыням, во градах, по <так!> домах прелестишася, мнящеся быти во святом писании разумни»; «яко бы лучше хочет написати, а разумом своим не может того слова ради неискусства познати» («Слово на Никиту», л. 57); «мнятся мудри быти» (поучение для патриарха, с. 258); «мнящимся неким ведение закона и писаний имети» («Щит», с. 498). Так же не силен был тогда и саркастический оттенок: «... не ведяще яже глаголют и о чем утверждаются» («Слово на Никиту», л. 3 об.); «не разумеюще ни яже глаголют и ни яже утверждают», «и что глаголют и что пишут,— не знают» («Слово благодарственное», с. 35., ср. еще с. 37).

Намеренное уничтожение становилось явственным, когда писатели приступали к разбору речей и писаний раскольников и мятежников. Рисовались комические сцены их полнейшей неосведомленности: «Иже вопрошени быша о вере: Что есть вера? — И они ея не знают. Вопрошени о книгах: Кия новыя книги и кия старыя и что писано? — Отнюд не разумеют»; «вопрошени же: Что есть вера и кая старая и новая? — Ничего не знают» («Увет», л. 13—13 об., 65 об.); «Что есть вера и какая старая и новая? — И они... сказаша бо, что ничего не знают» («Созерцание», с. 86); «глаголют... яко бы зде, в российской церкви, учинилася вера новая, а какая новая вера и что есть вера,— того не знают» («Слово на Никиту», л. 5 об.). О том же в ином, гротескно-высоком стиле: «Воздуваху скверными усты лживыя ветры учения и, яко пеною текущими, безгласием противу истины связани, демонствуеми же, упором скрежещуще зубы, оцепенеша» («Увет», л. 16 об.).

Саркастически цитировались речи противной стороны: «И еже бы перво что съделано и болши бы того ненадобно» («Увет», л. 260); «Тогда и тогда пиян бех и похвалихся без ума и церковное торжество во праздники господня проспях»; «Како сей чин в церкви и для чего творится тако? Несть в том ползы: человек сие содела; без того жить мощно» (поучение для патриарха, с. 258).

Ход мышления противной стороны представал странным, «вещающа странная ушесам человеческим»: «Кричаще: Победихом, победихом,— а что — неведомо что» («Увет», л. 54 об., 69); мысли противной стороны показывались сбивчивыми: «... ово не в том разуме... полагают, ово лукаво толкуют, ово точию начало емлют, ово средину, ово ко-

пец»; утверждения представляли не соответствующими друг другу: «Глаголют... яко уже ныне антихрист в мире, друзии же глаголют, яко уже и царствует; инии глаголют, яко вскоре имать православных рабов христовых мучити»; высказывания противной стороны представляли алогичными: «Начаша всех нас правоверных нарицати не православными христианы, но еретиками и богоотступниками, и церкви святыя не церкви глаголюще, но простыми храминами и конскими стоялици» и т. д. («Слово благодарственное», с. 73, 77, 39; переназывания особенно часты: ср. еще «Слово на Никиту», л. 6 об., 28 об.; «Увет», л. 12 об.—13, 54 об.—55; «Созерцание», с. 77; «Известие», с. 72 и др.).

Да и что требовать с них, если это все «неуки-мужики и бабы говорили невозбранно, собиралися бо все мужики простыя купами» («Созерцание», с. 76); «и не токмо мужие, но и жены и детищи испытнословят... у мужей и жен то и слово» («Слово поучателное», л. 3—3 об.).

Обычные места сборищ противной стороны говорят сами за себя: «Злии человецы, иже по дворах, истиннии суще волки, тайно ходяще», «из лесу и ис кустов приходяще» («Слово на Никиту», л. 25 об, 29 об.); «паки ис кустов и от ветров»; «они расколники живуще по кустам, по лесам и по дворам всякого чина люди духовнаго и мирскаго»; «бродяги» «в лесу и щелях содержатся... в дебрях непроходных и незнаемых» («Увет», л. 54, 56 об., 63 об., 72 об.—73 и др.). Раздраженное презрение к низам явилось одним из ведущих социальных чувств верхов общества в конце XVII в.

Но аналогичные чувства не были чужды и низам. В разных слоях русского общества конца XVII в. существовал определенный параллелизм чувств. Например, старообрядцы испытывали сходное презрение к «невеждам» — к отделившейся от них секте «капитонов». Обильно отразилось это ироническое презрение в сочинении Евфросина: у «капитонов» «в огонь да в воду толко и уходу»; «тетратки свои чтучи, евангелия не весте»; «а то вы, бедныя, вси на тетратках пали, а книги все попрали»; «а мужик тот, што мерен-дровомеля деревенской... вякаеть и бякаеть»; «вякает, бедной, что кот заблудящей»; «яко ершь из воды, выя колом, а глава копылом, весь дрожа и трясыйся... брада убо плясаше, а зубы щелкаху»; «и скакал ты, веселяся, на одной ношке вертяся» и т. д. и т. п. («Отразительное писание», с. 38, 42, 44, 49, 51, 57 и др.). Игрой слов выражалось представление о полной никчемности «капитонов»: «И ты-су Данило Шунской, шумитель, полно шуметь»;

«проповедник Назарь пришествие намь сказалъ» и т. д. (с. 46, 51 и др.). Не забыто было и уничтожение «капитанов» местом их деятельности: «... а самъ из свиарника в свиарникъ и по хлевамъ все быраешъ»; «достойни они окаяннии со свиниями жировати» (с. 58, 83).

У общественных низов тоже проявлялись презрение и сарказм по отношению к верхам. Правда, примеров этого сохранилось мало. Но вот некоторые из них. В старообрядческой «Истории о вере» Саввы Ромапова не без иронии отмечалось: «... и бросился из кута холмогорский епископ пустобородый... и нача громко говорить, а речей не слышать»; передавался отзыв стрельцов о властях: «Добром с ними не разделаешься, пора-де опять за собачьи кожи приниматься» (с. 138, 147). В антистарообрядческом «Щите веры» не без причины начислялся раскольникам еще один грех: «... осмеяюще предания церкви» (с. 498). Произведение демократической сатиры — «Калязинская челобитная» — еще пример тому. В разных общественных слоях конца XVII в. ощущению резкой разделенности общества неизменно сопутствовало в той или иной степени презрительно-ироническое отношение к противоположной социальной или идеологической группировке.

Комплекс социальных настроений конца XVII в. включал еще одно распространенное чувство. Особенно оно было характерно для верхов. Судя по обобщающим формулам и определениям в сочинениях, верхи постоянно чувствовали острую враждебность низов, их «злое умышление», «безумное невежливое прекословие», «злое безумство и упор», «буесть и невежество»; верхи видели в низах «злоделцев, бедне ся взносящих и о господстве зело не радящих»; верхи знали, что низы «всем ученшым себе людем не благожелателствуют», что они «великих государей указом во всем чинятся противны», «бьют многих знатных и честных людей...», что «уже бо в царствующем граде гнев божий от налогов началнических и неправедных судов возгаратися нача и мысли у людей такожде начаша развращатися», что «служивыя... возсвирепели тако, яко никому же дающе с собою и глаголати», что низы «возмущают все государство»; верхи считали, что низы хотят «властей поставить, кого изберут народом», «для того, чтобы им Московским государством завладети», что «тщяхуся безумнии и глупии государством управляти», «невегласом — мужиком владети или началствовати людьми разумными и величайшим господам и самодержцам всего многонародного государства ука-

зывать» (июньская челобитная, с. 360; «Слово на Никиту», л. 23 об., 25 об., 26 об.; «Увет», л. 68 об.; сентябрьское письмо, с. 369; сентябрьская окружная грамота, с. 373, 375; «Книга приветство», с. 19; «Созерцание», с. 40, 57, 58, 119; «Известие», с. 41).

Понимание верхами социальной опасности рождало на первых порах внешне решительные рифмованные угрозы: бог «вредословцем и возмутителем тщетно возносимыя на ню гордостным беснованием ломит роги, но и текущая на зло ноги, яко вдавшися суете и не стаща на правоте благочестия»; «сокрушал бо и сокрушит проклятым лжесловцем не токмо зубы, но досады вещающъ изрежет язык и губы» («Увет», л. 6 об., 244). Но затем такие угрозы больше не повторялись, а сменились многочисленными призывами к уклонению от инакомыслящих, но не к бою с ними: «... от таковых прелестников сообщения и собеседования, яко от змий, бегайте и от учения их прелестнаго, яко от яда смертоносна, гонзайте... и в дома их себе не приемиште и к ним не входите, но весма, яко от смертоносныя язвы, уклоняйтеся» («Слово благодарственное», с. 85—86). Сами названия полемических противораскольнических книг имели в первую очередь скорее оборонительный, чем наступательный, смысл — «Остен», «Щит веры»: «Аще же Остну сему напрется кто-либо, той, яко Саул, прободется, и, яко Арий, он разсядется, и, яко Иудапредатель, излиет внутренняя своя» («Остен», с. 424); «книга Щит веры... иже защищает... от ражженных лукаваго стрел, пуцаемых на святую восточную церковь... Сим Щитом, читатели православнии, от блядословцев защищайтеся...» («Щит», с. 502). В конце XVII в. верхи по своим эмоциям больше находились в обороне, чем в наступлении.

Сравнения, которые использовались в документах и сочинениях конца XVII в., таят отражение существенного оттенка «оборонительных» социальных чувств писателей. Например, в одной из царских грамот говорилось о стрельцком мятеже 1682 г., что стрельцы делали то, «чего и босурманя творити страшатся, и побиша бояр наших, и думных, и ближних, и иных чинов многих людей, над теми побитых телеса паче босурманов поругающися» (сентябрьская царская грамота, с. 373). Стрельцы казались более чуждыми и опасными, чем босурмане. Летописное же «Описание о сем колико бысть смятение и убийство» в Москве так изображало мятеж 1682 г.: «... стрельцы и салдаты, дияволским наветом колеблющися, яко волны морския, возшумеша и устремишася, яко зверие дивии»; «внидоша



же и в царский дом за преграду, по всем царевым палатам, яко на приступ»; «зле вопиюще, яко волки ревуще» («Летописец», с. 192, 194, 196). Аналогично в «Созерцании кратком»: «И начаша паче вълны свирепства народнаго воздвизати и шум, аки вод многих, умножати»; «готовящеся, яко лвы на лов» (с. 82, 112). Между летописным «Описанием» и «Созерцанием», вероятно, были текстуальные связи, но авторы вряд ли ограничивались только заимствованиями. «Созерцание» содержит и уникальный образ закипающего народного гнева: «... яко котел, вреющий дров, под гнетою паче вретти начинает, тако сердца своя гневом... паче и паче огонь ярости умножатися и гнев их свирепства воспалятися, и от того зело острожелчия их пламень гнева возвысися» (с. 51). Эти сравнения выдавали уже не презрение верхов к низам, а лаконично выраженный страх перед низами.

Сочинения и прямо указывали на страх: «... и бысть на всех властей страх» («История», с. 130); «яко в страсе вси и близ смерти быша» («Книга приветство», с. 19); «кто уже убо ону нужду, страх и трепет, во оно время бывшу в Москве, повествовати возможет?» («Созерцание», с. 77); «не имать быти безстрашен приятель от приятеля, товарищ от товарища...» («Известие», с. 1). Более расплывчатых же признаний в страхе «со жалостию велиею» не счесть: «трудности», «бедно терпети», «скорби», «напасти», «туга» и т. д.<sup>12</sup>

Относительный лаконизм большинства соответствующих сравнений у писателей объясняется тем, что они вспоминали о событиях уже прошедших, о страхе пережитом. Но и после острых событий, после подавления мятежа страх все-таки точил их душу: «А злоба еретическая между православными множится и ширится, яко лютый недуг глаголемый гагрена, все тело церкви святых мало по малу обкружавает и изъядает» («Щит», с. 500).

Страх способствовал появлению у верхов целой гаммы минорных настроений. В природе стали видеть почти одно только злое и печальное. Если в благополучные 1620-е годы приход комет толковался благополучно же, то в конце XVII в.— все наоборот: «Лета 7189-го году на Московском государстве бысть знамение велие: на небеси явися против самой Москвы на зимней запад звезда... хвост у нее велик,

---

<sup>12</sup> Ср.: «Страх перед народными „бунтами“ объединил во второй половине XVII в. абсолютистское правительство, дворянство, русское купечество...» (Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969, с. 84, 207 и др.).

стояще хвостом на Московское государство... Мудрые ж люди о той звезде растолковаху, что та звезда на Московское государство стоит хвостом не к доброму делу. Так и учинилась. О той звезде толкуется: А на кои государства она стоит хвостом, в тех же государствах бывает всякое нестроение и бывает кровное пролитие многое и междуусобныя брани и война великие меж ими. Тако же и збыться в Московском государстве: от стрельцов и от салдатов учинилося смятение великое...» («Летописец», с. 173). Евфимий Чудовский в своих стихах на ту же комету в декабре 1680 г. сказал примерно то же самое:

Комита, егда в небе видена бывает,  
Ни кое благо быти на земли являет,  
Токмо гнев божий и казнь людем возвещает...

Авторы с особой значительностью стали описывать плохую погоду, бури: «В сий же час возмутишася человецы и сотвориша кровопролитие, и того времени вся тварь не возможе зрети, на земле солнце облаки закрыся и теплота в хлад претвореся... и солнечная теплота пременися во хлад и небеса облаки закрышася в то время, в не же возмутишася людие»; «в та времена... хладными облаки покрыся небо, солнце на землю не сияше и ветры зело хладны быша» («Летописец», с. 192, 198); «тогда... зима люта... воста, яже роди прелютыя облаки уныния... и бурю мятежей и отчаянная страхования презелно возстави... воздух мраки и мятежи исполняшеся...» («Созерцание», с. 158). Буря в обществе сливалась с бурей в природе. Впервые в русской литературе эти две стихии были объединены с такой четкой, нарочитой ясностью: не для меланхолического параллелизма, а для выражения ощущения страшного вселенского «смущения» мира, в котором даже облака назывались «смущенными».

Страх, минорные настроения рождали у верхов подозрительность, неверие в хорошее у человека: «Человек же кладязь преглубокий сущ, не скоро подает действие своих дел знаки явные и несумнительныя его склонности... и неудобно объявляется внутрь живущее его изволение» («Известие», с. 34). Настроениям верхов конца XVII в. не позавидуешь.

Однако и низы испытывали в какой-то мере сходные

---

<sup>13</sup> Отрывок из стихов см.: Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отд. 2, ч. 2, с. 596.

чувства: они, по словам старообрядческой «Истории о вере», стали «опасны, потому чтобы вымыслу и коварства какого не было над нами» (с. 134); они опасались, что верхи «будут царством владети паче прежняго и людьми мять и обидети бедных и продавать» («Летописец», с. 189). Придворные писатели подтверждали: «Тако то время исполнися злога, яко страх обят нища и убога» («Книга приветство», с. 20); «ибо и воздух во оное время пременися тихости и воздвижеса буря ветрена зело и облаки мрачны ношахуся, народу вящий страх деюще»; «страх и невинным людям всякого чина»; «ибо люди единыя державы... едиши единих боятся: служивыя — боярских холопей, бояре и холопи — служивых, посацких же и иных чинов, всякия люди отвсюду и всех боятся» («Созерцание», с. 52, 94, 111).

Конец XVII в. в России отличался выразительным набором отрицательных социальных чувств и умонастроений: ощущением резкой разделенности общества, презрением каждого общественного слоя к противоположной общественной группировке и одновременно страхом и унынием.

В самом конце XVII в. в верхах эпизодически проявлялось желание смягчить нарастающую социальную напряженность. Первой ласточкой явилось обращение писателей к «обыкновенной в людех пословице» («Увет», л. 84, 260 и др.), к тому, какая «в жителстве убо человекво общая пословица носится» (поучение для патриарха, с. 258), к утверждениям, что «в правду збывалася тоя пословица в людех» («Созерцание», с. 94). Цитируя пословицы довольно часто, придворные писатели и издатели как бы начинали подыгрывать массовому читателю.

В «Созерцании кратком» вдруг высказывалась примирительная мысль: «... и никто един благороден без единого мнимаго и меншаго жити возмогает», а поэтому надо «дело государево строити без гнева и ненависти» (с. 19). Но сказано это было мельком. Более ощутимую перемену тона показала полемическая «Книга о пресуществлении тела и крове Христова», составленная Афанасием Холмогорским в 1688 г. Проявивший себя острым и беспощадным полемистом несколько лет тому назад, Афанасий теперь успокоительно обещал: «Яко же мяккою некоею губою, теплу воду и чисту имущую, сице реченная вся омываем, потщимся утолити тех надмение и напыщение очищати все»<sup>14</sup>.

---

<sup>14</sup> Цит. по: *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ холмогорский: Его жизнь и труды... СПб., 1908, с. 614. Ср. об этой книге: «Но что



Молящийся о мире.  
Служба и житие Иоанна Воина. М., 1695

Но с особенно искренним старанием хотел уравнивать-примирить знатных и незнатных, богатых и убогих автор стихотворного произведения 1691—1692 гг., которое называлось «Рифмы краесогласнии о прелести суетнаго сего мира... изъяснителны бедств, кая зла страждут в мире сем живущии сановитии-богати и убозии людие. Вразумително чтый сия, велие умиление и ползу обрящет». Заглавие ясно раскрывало «умилительный» замысел произведения. Те же мысли о равной доле и общности бед богатых и убогих многократно

особенно замечательно, она проникнута чувством христианской любви к противникам, которая совершенно отсутствует в произведениях московских полемистов той и другой стороны» (Там же, с. 618).

варьировались потом в стихах:

Днесь повелителя  
Тя и властителя  
Славна творит многим.  
Утре со убогим  
Равняет...  
Иде же вси слави?  
— Худородным равни.  
И домов владыки?  
— Почтены суть с лики  
Убогих!..

Поне бедства многа  
Снедают убога...  
Суцым в славном чину  
Безпокойство в ыну  
И опасение...  
И купецка чина  
Суцих всех кручина,  
Скорбь, туга снедает...

(С. 87, 90, 91, 92)

В другом списке этого необычного произведения добавлялись еще примирительно-«умилительные» строки к читателю:

Вем, яко обрящещи ползу в них всем многу —  
Властелину богату и мужу убогу...  
Ты, о благочестивый сих рифм читателю..  
Умягчи прежде ниву внутрь сердца своего.

(С. 93)

Произведение действительно уникально по отчетливому тону потерянности и миролюбивости<sup>15</sup>. Но все-таки оно не одиноко. И позже тема социального примирения всплывала вновь и вновь. Например, в печатном «Слове на Иоанна Воина» 1695 г. предлагалось делать некий шаг навстречу друг другу: «Сего ради непрестанно в доброе и полезное обучатися и сами, и в дому суцья дети, и рабы, и подданныя в строение и в помощь порученныя люди всякаго добронравия должни наказывати»; «сего ради должно, должно всякой души — малому человеку и великому, мужу и жене, отроку и деве, рабу и господину, госпоже и рабыне...» («Служба», л. 64—64 об., 67 об.). Подобное тяготение к уменьшению социальной напряженности входило в ту эмоциональную «оборонительную» позицию, которую волей-неволей заняли верхи общества в конце XVII в. Но на их туманной мечте о социальном мире лежал налет очень знакомой насильственности: «И добродетель добродетели, яко некая верига или цепь членоскованая держится» («Служба», л. 65). Нет, эмоциональное напряжение, настроения ожесточенности оставались в силе и их смягчения не предвиделось.

<sup>15</sup> А. М. Панченко впервые издал и прокомментировал это сочинение: «Замечательное стихотворение такого анонимного одиночки, который был «внесословен и надпартиен»; эта духовная свобода, столь необычная для человека XVII столетия, и сообщает «Краесогласным пятерострочиям» качество художественной уникальности» («Рифмы», с. 85, 86).

# ЗАКЛЮЧЕНИЕ



## *Принципы составления фундаментальной истории древнерусской литературы*

Связать поэтику русской литературы XVI—XVII вв. с социально-исторической психологией — вот как мыслилась самая общая задача данной книги. Даже при самом благожелательном отношении сразу же можно упрекнуть автора в том, что памятники XVI—XVII вв. привлечены им не исчерпывающе, что поэтика памятников охарактеризована отрывочно, что новые общественные настроения выявлены далеко не все, что они слишком разнородны и исторически объяснены очень бегло и что поэтому цельная картина не составляется.

Все это верно, кроме последнего утверждения. Да, приходилось чем-то ограничиваться в огромном рукописном и старопечатном материале XVI—XVII вв. и стараться идти за явственными показаниями памятников. Так, если отсутствуют литературные памятники, раскрывающие общественные настроения, например времени восстания Степана Разина, то лучше пока оставить эту тему и заниматься более плодотворными свидетельствами<sup>1</sup>. И все-таки прослеживается некая единая линия развития тех общественных настроений XVI—XVII вв., которые удалось подметить. Линия эта такова. Памятники показывают, что после социального кризиса конца XVI — начала XVII в. в России на довольно долгое время установилась ситуация внешнего благополучия. Историки политической жизни, конечно, могут стократно доказать, что это было не так. Но с точки зрения социально-исторической психологии, пожалуй, нельзя не признать господство сходных настроений верхов — настроений убогатворения, благодушия, умиротворения — в течение всего «бунташного» XVII в.<sup>2</sup> Низы же сначала долго

---

<sup>1</sup> О крестьянской войне под предводительством Степана Разина «сохранилось множество документов, но литературных откликов на нее немного» (Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974, с. 215 и сл.).

<sup>2</sup> В беседе со мной А. Н. Робинсон указал на то, что даже в самый разгар восстания Степана Разина столичные верхи были спокойны и даже предавались развлечениям.

молчали, потом подспудная, молчаливая оппозиция стала расширяться, твердеть и обретать голос. Весь XVII век явился временем убыстрявшегося недовольства низов, которое привело к атмосфере открытой и острой социальной вражды в конце XVII в.<sup>3</sup> Одной из непреходящих потребностей верхов в течение XVII в. была потребность властвовать обществом и удерживать власть, а низы все меньше нуждались в верхах. Обострение этого противоречия — в ряду других причин — подтолкнуло (пнуло!) русское общество к новым путям развития в Петровское время.

Изучение общественных настроений — не самоцель для историка литературы. История литературы — вот главное. И надо по возможности ясно представлять себе место темы данной книги в теме самой главной для историка литературы древней Руси. Тогда яснее перспективы.

Произошли любопытные изменения в периодичности появления обобщающих работ по истории древнерусской литературы. Древнерусская литература изучается в течение двухсот с лишним лет. Начиная с первой трети XIX в. все более полные истории древнерусской литературы составлялись в среднем каждые двадцать лет. С 1940-х годов все более глубокие исследования по истории древнерусской литературы стали появляться гораздо чаще. Сейчас такие исследования издаются примерно раз в два-три года. Есть основания предполагать, что советское литературоведение стоит на пороге создания особого, фундаментального труда по истории древнерусской литературы.

Какое конкретное содержание вкладывается в понятие «фундаментальная история»? Всякий подход к истории литературы определяется подходом к отдельному литературному памятнику. Суть фундаментального подхода к памятникам древнерусской литературы сжато мы формулируем так: не эклектическая подробность, а связанная многосторонность характеристик. Отсюда следует наш первый важнейший принцип — принцип многостороннего подбора памятников для создания фундаментального труда по истории древнерусской литературы.

Обычно в обобщающих трудах по древнерусской литературе за господствующую, «нормальную» единицу литературного процесса молчаливо принимается светская или церковная «повесть», «сказание», «житие» — произведение, так сказать, среднего объема, вроде «Слова о полку Игореве»,

---

<sup>3</sup> Ср.: «Недовольство становится и до конца века остается господствующей нотой в настроении народных масс» (*Ключевский В. О.* Соч. М., 1957, т. 3, с. 89).

«Жития Александра Невского» или «Повести о Савве Грудцыне». История древнерусской литературы в таком случае строится как хронологическая цепь «повестей», «сказаний», «житий». Классическим образом работы подобного рода являются первые два тома, посвященные древнерусской литературе, в десятитомной академической «Истории русской литературы» (т. 1. М.; Л., 1941; т. 2, кн. 1. М.; Л., 1945; т. 2, кн. 2, М.; Л., 1948).

В обобщающих историко-литературных работах по древнерусской литературе к древнерусским «повестям» среднего объема эпизодически пристраиваются и памятники, не типичные по величине: единичные огромные «повести», как, например, «История иудейской войны» Иосифа Флавия или «История о Казанском царстве»; единичные огромные сборники «сказаний» и «житий» вроде «Киево-Печерского патерика» или «Великих миней четых» митрополита Макария; и наоборот, совсем мелкие повестушки наподобие апокрифического «Сказания о сотворении Адама» или сатирической «Повести о бражнике». Кроме того, история древнерусской литературы дополняется некоторыми не очень большими памятниками, не относящимися к «повестям», — поучениями, посланиями, пьесами и пр. В общем в традиционных трудах главенствуют источники среднего объема.

Но фундаментальный подход к источникам требует иного: брать привычный объект не только сам по себе, но и в составе более крупного целого, т. е. укрупнять исходную историко-литературную единицу. Какая это единица? Академик Д. С. Лихачев неоднократно указывал на «анфиладный», «ансамблевый» способ создания литературных произведений, преобладавший в древней Руси: мелкие сочинения присоединялись к более крупным или вместе с крупными составляли продолжение сборника; сборник подкладывался к сборнику, образуя более объемистое целое, и т. д. Древнерусские произведения почти никогда не распространялись и не становились фактом культурной жизни общества вне реальных, конкретных рукописных или старопечатных сборников. Древнерусская литература жила сборниками, книгами. Сборник, книга — вот главная единица фундаментального труда по истории древнерусской литературы.

При указанном подходе история древнерусской литературы вовсе не превращается в хронологическую череду сборников. На первый план при таком подходе выступают крупные древнерусские произведения, бытовавшие в виде отдельных, самостоятельных книг, — от «Хроник», «Космографий», «Хронографов», летописей, от так называемой



сербской «Александрии», от сборников определенного состава типа «Прблогов» и «Измарагда» до, например, «Сказания» Авраамия Палицына, «Рифмологиона» Симеона Полоцкого, сборника новелл «Великое зеркало» и пр. История древнерусской литературы — это история сложения грандиозных комплексов из тяготевших друг к другу крупных произведений-книг. Именно такой подход при изложении истории древнерусской литературы был испробован в недавно подготовленном Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР однотомном труде «История русской литературы XI—XX веков. Краткий очерк» (М., 1983).



*Увлеченный книгописец (Матфей).  
Евангелие. М., около 1556*

Выделение сборников в качестве главной историко-литературной единицы ставит историков древнерусской литературы перед острой необходимостью заниматься такими чрезвычайно многочисленными и изменчивыми сборниками, которые не имели заглавия, но тем не менее в каждом отдельном случае представляли собой некое тематическое целое, некое сложное «произведение». Это, например, сборники воинских повестей патриотического содержания, сборники полубытовых житий севернорусских подвижников, сборники эпистолярные, сборники философско-энциклопедические, сборники старообрядческие и т. д. — даже удовлетворительно перечислить их типы пока нет возможности: многое нам еще неизвестно.

Активные поиски и литературоведческое изучение подобных сборников началось со второй половины 1950-х годов и продолжается поныне (очень перспективные работы Я. С. Лурье, Н. А. Казаковой, И. М. Кудрявцева, Р. П. Дмит-

риевой, Г. М. Прохорова, Ю. Д. Рыкова). Последовательное введение сборников в историю древнерусской литературы на равных правах с произведениями-книгами, надо надеяться, будет равносильно внезапному открытию большей массы первоклассных источников, существенно меняющих наши взгляды на развитие древнерусской литературы.

Практика анализа древнерусских сборников показывает также, что исследователям приходится иметь дело с более или менее устойчивыми и нередко причудливыми группами произведений, кочующими из сборника в сборник. За счет таких то «рыхлых», то сцементированных «блоков» произведений зачастую собирались и варьировались древнерусские сборники. «Блок» произведений, таким образом, более мелкая историко-литературная единица, чем сборник. Выдвинутое Д. С. Лихачевым понятие «конвой» произведения вплотную подводит к понятию «блок» произведений. Но сами исторически сложившиеся «блоки» произведений почти совсем не систематизированы исследователями. Например, полезно было бы выяснить, всегда ли «Задонщина», «Сказание об Индийском царстве» и «Слово о двенадцати снах царя Шахаиши» переписывались в сборниках вместе; или, например, с какими именно статьями «Хронографа» составляла некий «блок» Псевдокаллисфенова «Александрия». Группа древнерусской литературы Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР в настоящее время как раз приступает к изучению «блоков» произведений в древнерусских сборниках.

Фундаментальный, синтетический, «сборниковедческий» подход при составлении истории древнерусской литературы помогает и традиционным поискам произведений среднего объема. Вот только два примера. Во-первых, исследование сборников и «блоков» произведений неизбежно заставляет держать в поле зрения неисчислимые россыпи мелких произведений, обычно ускользающих от изучения. В сборниках это какие-то на первый взгляд странные повествовательные отрывки, исторические заметки, поучающие рассуждения, афоризмы и пословицы, какие-то типичные начала и концовки рассказов, эпистолярные обращения и т. п. Такой материал оживляет историю древнерусской литературы. Недаром внимание, казалось бы, к бессвязным отрывкам привело И. М. Кудрявцева к редчайшему открытию — к атрибуции сборника черновых, подготовительных выписок протопопа Аввакума.

Во-вторых, исследование сборников и «блоков» произведений помогает увидеть отдельное произведение как объект,

множественно дающий о себе знать в истории литературы. История древнерусской литературы обычно представляется в виде истории появления все новых и новых произведений. Но ведь даже один и тот же текст, одна и та же редакция произведения, в разные века включенная в разные сборники и в разные «блоки» произведений, становятся разным литературным фактом. «Сборниковедческий» подход позволяет нарисовать более многостороннюю историю древнерусской литературы, с непрерывным сплетением старых и новых произведений. Попыток такого рода ученые-русисты еще не предпринимали.

В общем, фундаментальная история древнерусской литературы — это история и произведений, и «блоков» произведений, и сборников (может быть, еще и книжных собраний и библиотек древней Руси, когда они образовывали некое содержательное единство). Ключом к фундаментальному историко-литературному подходу служит изучение сборников, цельных книг. Такова источниковедческая база будущего фундаментального труда по истории древнерусской литературы. Составление фундаментального теоретического труда по истории древнерусской литературы, как видим, неизбежно расширит горизонты практической деятельности в области археографической, библиографической, публикаторской.

Мы рассмотрели первое следствие из нашего главного тезиса о фундаментальности как о многосторонности. Из этого же тезиса вытекает и второй наш важнейший принцип: надо не только многосторонне выделять древнерусские литературные источники, но и многосторонне их объяснять. Для включения древнерусского памятника в его эпоху исследователи используют целую иерархию объяснений. Каждая область объяснений выявляет в памятнике какую-либо специфическую сторону и предопределяет «свой» вариант истории древнерусской литературы. Сжато очертим основные «объяснительные» подходы исследователей к источникам, а отсюда и к составлению истории древнерусской литературы. Конечно, всего не учесть. Основой служит опыт работы ленинградских и московских исследователей.

Пожалуй, самым старым является цельный взгляд на памятник как на объект с одной сутью или одной главной темой. Общее содержание многих (но не всех) древнерусских литературных произведений обычно легко объяснимо событиями и обстоятельствами социально-политической действительности. Прямую связь источников с реальностью прослеживает великое множество работ. Группировка

литературных произведений по зеркальному отражению исторических событий чаще всего ложилась и ложится в основу построения исследователями истории древнерусской литературы. Однако сейчас оперирование только общим содержанием памятников справедливо считается слишком поверхностным для создания полноценного труда по истории древнерусской литературы.

Другой подход — текстологический. Текстологов в первую очередь интересует происхождение текста памятника и его редакций: не заимствован ли данный текст из других конкретных сочинений, заимствован ли весь текст, или хотя бы отрывки, или хотя бы отдельные выражения. Следует напомнить, что текстологические исследования памятников имеют прочную традицию в русской филологии. Особенно обильное количество текстологических работ выпущено ленинградским Сектором древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, а его главой Д. С. Лихачевым написана широко известная методологическая «Текстология. На материале русской литературы X—XVII вв.» (М.; Л., 1962; изд. 2., перераб. М., 1983).

С текстологической точки зрения история древнерусской литературы представляется сложнейшим переплетением бесчисленных связей памятников: произведений, текстов, списков. Каждая из текстологических работ обычно освещает лишь кусочек из общей картины. И таких «кусочков» подобрано очень много. Довольно неожиданные текстологические связи разных памятников прослежены, например, в работе В. П. Адриановой-Перетц о «Житии Дмитрия Донского» (ТОДРЛ. М.; Л., 1947, т. 5) и в работе Д. С. Лихачева о литературной судьбе «Повести о разорении Рязани Батыем» («Исследования и материалы по древнерусской литературе». М., 1961). Однако капитального труда, охватывающего всю текстологическую историю древнерусской литературы хотя бы в важнейших связях, не создано. И думается, что узкотекстологический обобщающий труд по истории древнерусской литературы вряд ли появится. Ведь такой труд получился бы слишком формальным.

Ученые пошли по пути углубления текстологического подхода. Один из путей — своеобразное размельчение источника методами литературной поэтики. Когда исследователю становится ясно, насколько в целом оригинален текст, созданный древнерусским автором, то разнообразные элементы этого текста можно возводить к жанровым нормам и лингвостилистическим традициям средневековья. О жанровых и лингвостилистических особенностях произведений древне-

русской литературы повествует большое количество научных работ; особенно много их вышло за последние три десятилетия. Появился и первый хронологический обзор явлений поэтики, выдержавший уже три изменявшихся издания, — высоко оцененная «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачева (последнее издание — М., 1979).

С точки зрения поэтики история древнерусской литературы есть связанная история смысловесущих жанров и приемов, порожденных и заимствованных древнерусской литературой. Специалисты по древнерусской литературе с энтузиазмом продолжают накапливать соответствующие наблюдения. Ср., например, коллективную монографию Сектора древнерусской литературы ИРЛИ «Истоки русской беллетристики» (Л., 1970).

Но чисто «формоведческий» труд по истории древнерусской литературы также вряд ли получится удачным. Нельзя не видеть, что старание возможно более полно и тонко дифференцировать и классифицировать литературные формы и приемы как минимальные содержательные элементы превращает работу в структуралистскую схему, в лучшем случае уводит к другим отраслям науки — к семиотике, теории информации и пр., но мало что дает собственно истории литературы. Ни текстология, ни поэтика не может сама породить фундаментальную историю древнерусской литературы.

После работ академика А. А. Шахматова ученые особенно остро поняли, что текст памятника надо обязательно связывать с сознанием древнерусского автора. И факт заимствования текста или литературной формы, и факт возникновения оригинальных текстов или форм в памятнике — все это можно объяснить целями, мыслями и чувствами древнерусского автора. Так действительно можно углубить текстологический подход и выйти за пределы замкнутого круга текстов и их элементов. Недаром и «Текстология» и «Поэтика» Д. С. Лихачева гораздо шире их заглавий; Д. С. Лихачев неизменно доводит данные текстологии и поэтики до объяснений из области сознания древнерусских авторов<sup>4</sup>. Без подобных объяснений не обходится сейчас ни одна серьезная текстологическая работа.

В настоящее время именно богатейшая история идей

---

<sup>4</sup> Сейчас Д. С. Лихачевым подготовлено второе издание «Текстологии». В связи с этим Д. С. Лихачев 3 февраля 1982 г. писал автору данной монографии: «В своей «Текстологии» я всячески выступаю против формализма, текстология у меня превращается в историю литературы, или в литературную (идейную и текстовую) историю».

кладется в основу обобщающих трудов по истории древнерусской литературы. Одних исследователей интересуют преимущественно логические, сформулированные доктрины древнерусских писателей (см., например, работы Я. С. Лурье, А. Н. Робинсона). Другие филологи склонны заниматься стилистикой, искусствоведением в широком смысле, исторической психологией, т. е. образно-эмоциональными представлениями и настроениями древнерусских авторов, читателей и целых общественных групп древней Руси (см., например, предлагаемую монографию, а также серию коллективных монографий Группы древнерусской литературы ИМЛИ о русской старопечатной литературе). Некоторые историки древнерусской литературы расширяют базу наблюдений за счет изучения памятников изобразительного искусства (см. особенно работы Д. С. Лихачева) или явлений древнерусской культуры вообще (работы А. М. Панченко). Ряд молодых историков древнерусской литературы проявляют вкус к прослеживанию идейных связей Востока с Западом (в том числе по вопросу о существовании барокко в литературе древней Руси). Советская наука вплотную подошла к реальной возможности составления глубокой «идееведческой» истории древнерусской литературы. Путь в этом направлении проложен выдающимися книгами опять-таки Д. С. Лихачева «Человек в литературе древней Руси» (2-е изд. М., 1970) и «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили» (Л., 1973).

«Идееведческий» труд по истории древнерусской литературы обладает высокой степенью синтетичности, так как аккумулирует данные текстологии и поэтики, втягивает в свою орбиту синтетические источники, принадлежащие одновременно и истории литературы, и истории театра (например, пьесы в их постановке), и истории изобразительного искусства (например, тексты на иконах или миниатюры с подписями), и истории декламации (например, речи). И все-таки «идееведческую» историю нельзя отождествлять с фундаментальной историей древнерусской литературы. Оригинальное начало в авторских идеях, представлениях, отношениях к действительности, не сводимое к повторению чужих идей, конечно же, нужно объяснять явлениями социально-политической действительности. Только так достигается подлинный историзм в изучении произведений древнерусской литературы как органической части жизни общества, историзм, о котором в недавно вышедших работах немало пишет Д. С. Лихачев: см. раздел в его книге «Литература — реальность — литература» (Л., 1981)

и его статью в коллективной монографии «Взаимодействие наук при изучении литературы» (Л., 1981). Но надо прямо признать: при огромном многообразии и многоуровневости явлений социально-политической действительности, воздействовавших на древнерусскую литературу, при недостаточной обследованности этих явлений историками закончено «историческую» историю древнерусской литературы создать пока очень трудно.

Но, допустим, мы прошли все указанные этапы изучения литературного источника — от его текстологии и поэтики до исторического объяснения идей и представлений его автора. Что же, теперь нам останется спокойно собрать воедино аналогичные наблюдения над другими источниками и вырастет желаемая фундаментальная история древнерусской литературы? Как бы не так! В творчестве многих древнерусских писателей нередко вычлняются и такие идеи, представления и настроения, которые непосредственно не адекватны социально-политической действительности. Это именно образы, результат деятельности писательского воображения и чувства. Когда, например, Аввакум в своих сочинениях изображал черта по-бытовому надоедливый, то в таком необыкновенном для древней Руси образе воплощалось преимущественно собственное художественное творчество Аввакума, и причину этого надо искать также и в особенностях психологии древнерусского писателя, в типе его таланта, в его способностях, характерологических чертах.

Из специалистов по древнерусской литературе мало кто доходил до личностно-психологических объяснений; пожалуй, только академик В. В. Виноградов в своей ранней, но, можно сказать, гениальной статье о языковой психологии Аввакума в сборнике «Русская речь» (Пг., 1923, т. 1). Психологический подход помогает раскрыть художественное ядро или художественную сторону древнерусских литературных памятников, нетрадиционный образный смысл слов и выражений, а в конечном счете поможет создать труд по истории возникновения не литературы вообще, а именно художественной литературы в древней Руси. Вот когда чрезвычайно пригодятся данные о биографии древнерусских писателей, их социальном окружении, их участии в общественной жизни и т. д. Тогда же встанет вопрос о задатках, нейрофизиологических особенностях писателей, отразившихся в их сочинениях (ср. работы Л. С. Выготского, А. Р. Лурия, тбилисской школы психологов). Но это для нас уже слишком отдаленное будущее...

В настоящий момент мы можем заключить следующее: труд по фундаментальной истории древнерусской литературы нельзя создать законченным раз и навсегда; неизменно будут открываться не только новые факты, но и новые важные перспективы изучения литературы. Суть фундаментального подхода состоит в охвате всей известной нам в данный период системы источников и всей прояснившейся системы их объяснений. В настоящий период для составления фундаментальной истории древнерусской литературы, по нашему мнению, первоочередную важность имеет изучение древнерусских сборников, раскрытие художественных представлений древнерусских писателей, определение настроений общественных слоев древней Руси. Созданный многолетними коллективными усилиями фундаментальный труд по истории древнерусской литературы будет иметь не только научное, но и общественно-просветительное значение.



## ПРИЛОЖЕНИЯ

### 1. *Общественные настроения на Руси до изобретения книгопечатания (На примере рукописных предисловий XI—XII вв.)*

В Приложениях к данной книге говорится об отдельных важных ответвлениях социально-психологического изучения древнерусской литературы. Первый же методологически важный вопрос: как определять общественные настроения тех времен, когда на Руси еще не появились печатные книги и не было рукописных сочинений действительно массового предназначения? Тут надо начинать с самых наших начал. И в виде опыта мы обращаемся к наиболее раннему периоду древнерусской литературы — к XI—XII вв.

Раз речь идет об общественных настроениях XI—XII вв., то, может быть, нужно отказаться от поисков произведений массовой предназначенности, а опираться на памятники, реально распространенные в древнерусском обществе? Такой путь небезнадежен, но его недостаток заключается в расплывчатости результатов. Например, нетрудно доказать, что «Евангелие» (тетр) явилось одной из самых распространенных четых книг в древней Руси XI—XII вв. Но что именно в «Евангелии» привлекало древнерусских читателей, писцов, редакторов, переводчиков, когда именно и почему, — на эти вопросы без скрупулезных текстологических исследований не ответить. А дошедших рукописей «Евангелия» XI—XII вв. все-таки маловато; а почти все древнейшие списки «Евангелия» (тетр) дефектны; а текстологические факты зачастую мелки и неопределенны. Все это настораживает и заставляет искать свидетельства об общественных настроениях более испытанным способом: в произведениях пусть не массового предназначения, но все-таки рассчитанных на относительно большое множество читателей и слушателей.

Выделить древнейшие произведения, предназначавшиеся для большого множества читателей и слушателей, также не удастся с бесспорностью. Древнерусские авторы XI—XII вв. в текстах своих сочинений обычно упоминали множество читателей и слушателей — «господию и братию». К «братии» обращались, например, автор «Слова о полку Игореве», игумен Даниил, Кирилл Туровский и многие дру-

гие сочинители. Однако «братие» — это обозначение все-таки узкого круга слушателей и читателей, чаще всего монахов, живущих в одном монастыре, или мирян, предстоящих в данной церкви. Обращение «братие» могло иметь и некоторый расширительный смысл, но вряд ли имело в виду всех древнерусских читателей воедино.

Приходится цепляться за шаткий, но все-таки не бессмысленный довод: раз сочинение в XI—XII вв. бытовало во многих списках, то, значит, оно предназначалось книжниками для многих читателей. Тогда для многих читателей и слушателей XI—XII вв., вероятно, могли предназначаться: «Евангелие», «Апостол», «Псалтырь», «Прólogo», «Перенесис» Ефрема Сирина (сборник его поучений), «Златоструй» Иоанна Златоуста (тоже сборник поучений), «Пандекты» Антиоха Черноризца (сборник поучений и правил поведения), «Пандекты» Никона Черногорца, «Стословец» Геннадия Константинопольского, «Шестоднев» Иоанна Экзарха, «Жития» Николы Мирликийского, Алексея человека божия, Саввы Освященного, Василия Нового, Андрея Юродивого<sup>1</sup>. Конкретные подсчеты разочаровывают: к сожалению, перечисленные выше переводные памятники (кроме «Евангелия») дошли до нас в нескольких или даже двух списках XI—XIV вв. Поэтому опять нельзя уверенно указать какое-либо произведение, предназначавшееся особенно многим читателям Киевской Руси.

В поисках часто повторяемых произведений обратим внимание на предисловия к книгам. Попытаемся обзреть предисловия в комплексе, как литературную форму, как своего рода «жанр».

На примере дошедших древнерусских четьих рукописей XI—XII вв. можно увидеть, что предисловия являлись относительно самостоятельной частью рукописных книг. В роли книжных предисловий неоднократно использовались послания. Так, историко-повествовательное послание Антиоха Черноризца к Евстафию Атталиинскому служило предисловием к «Пандектам» Антиоха в списке XI в., витиевато-уч-

---

<sup>1</sup> Ср.: Шеламанова Н. Б. Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, до конца XIV в. включительно). — В кн.: Археологический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 177—272. Указатель произведений к хронологическому списку Н. Б. Шеламановой см.: Жуковская Л. П. Памятники русской и славянской письменности XI—XIV вв. в книгохранилищах СССР. — Сов. славяноведение, 1961, № 1, с. 57—71. О списках «Евангелия» см.: Жуковская Л. П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М., 1976, с. 355—366.

тивное послание Иоанна Лествичника к Иоанну Раифскому — предисловием к книге об антихристе в списке XII в.

В некоторых четых рукописях XI—XII вв. предисловиями являлись особые пространные прѳологи, обращенные специально к читателям, например «Прѳолог умерен» в «Учительном евангелии» Константина Болгарского, «Прѳолог сотворен Иоаномъ прозвистеръмъ ексархомъ българьскомъ» в «Богословии» Иоанна Дамаскина. Иногда в качестве предисловия выступало первое поучение в сборнике, обычно поучение о чтении книг, отличающееся своим содержанием от общего содержания сборника. Таковым, например, было «Слово некоего калугера о чьтении книг» в начале «Изборника» 1076 г. или «Слово объемя сложение книг тълкование» в начале «Пандектов» Никона Черногорца. В иных же четых книгах XI—XII вв. предисловие бывало кратким, имело вид сравнительно небольшой вступительной части, все-таки особой по содержанию, как, например, предисловие о том, что «подобает ведати» читателям толковой «Чудовской Псалтыри» XI в.<sup>2</sup>

При всем своем разнообразии предисловия осознавались как особые по своей функции части книг и сочинений. Недаром они обычно отделялись от основного текста соответствующими заголовками, а иногда и специфической фразой о завершении «начатка»: «Нъ елма время ны ведеть к предълежащим, реченая бо в начатыце гонеееть...»<sup>3</sup>, «нъ зоветь ны уже время учиновати реченыя главы»<sup>4</sup>. Недаром некоторые «начатки» иногда переписывались и без основного текста. Так, в «Изборнике» 1073 г. среди прочих статей встречаем «Святаго Василиа в начало притьчь», «Евсевия Панфила от началословъныя повести» — только начала, только вступительные части сочинений. Выписки из основного текста сочинений сопровождалась иным заголовком: «Тогожде от пространных поспеянии»<sup>5</sup>.

<sup>2</sup> Два начальных листа рукописи писаны в XIV в., но восстанавливают утраченный ранний текст. См.: *Погорелов В.* Чудовская Псалтырь XI века, отрывок Толкования Феодорита Киррского на псалтырь в древнеболгарском переводе. СПб., 1910, с. III. Рукопись — русская.

<sup>3</sup> *Невоструев К.* Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века... М., 1868, с. 11. «Гонети» — быть достаточным. Здесь и далее при цитировании древнерусских текстов «Ъ» не передается: в этом нет необходимости.

<sup>4</sup> «Антиоха прѳолог» к «Пандектам». — Троицкий сборник конца XII — начала XIII вв. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12, л. 65 об.

<sup>5</sup> Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года. СПб., 1880, л. 66 об., 67, 155.

Будучи относительно самостоятельной частью книги, предисловие могло перемещаться с места на место. Тот же «Изборник» 1073 г. начинался с предисловия писца, которое повторялось еще раз вместо послесловия. В «Житии Феодосия Печерского» в «Успенском сборнике» предисловие также повторялось еще раз на месте послесловия. А в «Пандектах» Антиоха Черноризца в рукописи XI в. одно предисловие добавлялось к другому, происходила циклизация предисловий, и «Пандекты» открывались приписываемым Иоанну Златоусту «Словом како подобает чтению послушати и внимати», затем шло уже упомянутое «Присылание Антиоха Чръноризця», а затем авторский «Прблог» к «Пандектам»<sup>6</sup>.

Принадлежность всех этих предисловий к одной литературной форме закрепляется общностью их содержания, сходством их композиции. Во всех предисловиях особенно постоянными были три специфические темы: прямые обращения к читателям и слушателям, рассуждения о значении чтения, пояснения о предлагаемом сочинении.

В сознании древнерусских книжников XI—XII вв.—переводчиков, редакторов, писцов, авторов,—вероятно, существовало сходное текстовое клише, так сказать, типовое предисловие, которому соответствовали переводимые, редактируемые, переписываемые или новосочиняемые предисловия.

Обилие предисловий в древнерусской письменности XI—XII вв. истолковывается нами как признак того, что книжники предназначали эту литературную форму для множества читателей. И действительно, из 33 дошедших русских четвх книг XI—XII вв. по крайней мере 14 рукописей, т. е. более 40%, содержат предисловия<sup>7</sup>. Если учесть, что некоторые книги из числа 33 дошедших рукописей, имеющие предисловия в полных списках XI—XIV вв., имели такие предисловия в дефектных ныне списках XI—

---

<sup>6</sup> ГИМ, собр. Воскресенское, № 30, пергамен. См.: *Амфилохий*. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М., 1875, с. 45—53. «Слово» Златоуста писано иным почерком, но того же XI в.

<sup>7</sup> По перечню Н. Б. Шеламановой, четырьмя русскими рукописями XI—XII вв. являются № 4, 5, 15, 16, 22—24, 29—32, 35, 44, 51, 57—59, 62, 65, 66, 73, 78, 79, 87, 88, 90—92, 94, 95, 119, 120, 132. Из них предисловия содержат № 4, 5, 15, 31, 51, 57—59, 62, 65, 66, 78—79, 95 (части одной рукописи составляют № 78—79, а также соответственно № 29—30). Можно добавить к расчету четырь русские рукописи с широкой датировкой XII—XIII вв.— № 136, 139, 141, 143—145, 157—160. Из них имеют предисловия № 136, 141, 143. Итого из 43 рукописей по крайней мере 16 книг, т. е. более 37%, с предисловиями.

XII вв., то число книг с предисловиями увеличивается еще больше<sup>8</sup>

Правда, мы оперируем лишь небольшим числом рукописей XI—XII вв., а при подсчетах малые числа таят опасность больших искажений. Поэтому попытаемся добавить, хотя и сугубо предположительно, еще ряд крупных по объему четых сочинений, которые на Руси XI—XII вв. могли бытовать в виде отдельных рукописных книг. Это, во-первых, реально дошедшие читавшиеся на Руси рукописи болгарского и сербского происхождения XI—XII вв., например «Минеи четьи» типа «Супрасльської рукописи»<sup>9</sup>. Это, во-вторых, дефектные русские книги XI—XII вв., начало которых с известным риском восстановимо по более поздним спискам, например сборник огласительных поучений Кирилла Иерусалимского, толковая «Толстовская псалтырь», отличающаяся от «Чудовской псалтыри», и «Пролог» за сентябрь—февраль<sup>10</sup>. Это, в-третьих, мелкие отрывки XI—XII вв. тех сочинений, состав которых также восстановим по более поздним русским рукописям XIII—XIV вв., например «Златоструй», «Паренесис» Ефрема Сирина, «Псалтырь», «Житие Иоанна Богослова», «Житие Саввы Освященного», толковая «Книга пророков»<sup>11</sup>. Наконец, в-четвертых, это рукописные книги, вероятно существовавшие в XI—XII вв., но дошедшие только в поздних списках. Среди них толковый «Апостол», «Шестоднев» Иоанна Экзарха, «Житие Николы Мирликийского» с чудесами, некоторые «Патерики», «Хроника» Георгия Амартола, «Хроника» Иоанна Малалы, «История иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия», «Космография» Индикоплова, «Повесть временных лет»...

Предварительные дополнения вновь указывают на обилие книжных предисловий в XI—XII вв.: из 23 перечисленных нами сочинений, которые могли бытовать в виде отдельных рукописей, по крайней мере 18 содержат предисловия. Всего, таким образом, из 66 реально дошедших или предположительно существовавших четых рукописных книг

---

<sup>8</sup> Напр., «Пандекты» Антиоха дошли в полном списке XI в., с предисловиями, и еще в отрывке конца XI — начала XII в.— По перечню Н. Б. Шеламановой, № 15 и 35. Ср. «Златоструй», «Паренесис» Ефрема Сирина, толковую «Псалтырь» и пр.— № 24, 29, 30, 44, 95. В дефектных списках или отрывках дошло около половины всех четых рукописей XI—XII и XII—XIII вв.

<sup>9</sup> По перечню Н. Б. Шеламановой, № 26.

<sup>10</sup> Там же, № 34, 44, 158.

<sup>11</sup> Там же, № 24, 28, 93, 94, 132 и 139.

XI—XII вв. 34 рукописи (более 50%) имели предисловия.

А ведь помимо книг предисловия, с той же степенью самостоятельности и с такими же общими темами, присутствовали при многочисленных переводных сочинениях в составе сборников и при оригинальных древнерусских произведениях. Предисловия или вступительные части находим в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе», в Несторовом «Житии Феодосия Печерского», в «Поучении» Владимира Мономаха, в «Хождении» игумена Даниила, в «Словах» Кирилла Туровского, в «Слове о полку Игореве» и т. д.

Обширный комплекс предисловий XI—XII вв. содержал в себе некое типовое предисловие, предназначавшееся книжниками для большого множества читателей. Это, конечно, не начало светской литературы массового предназначения, но ее зачаток. Комплекс предисловий XI—XII вв., их типичная тематика служат основным объектом наших дальнейших наблюдений.

Византийские и болгарские литературные традиции, конечно, повлияли на типичную тематику предисловий в Киевской Руси. Однако сразу видно, что древнерусские книжники действовали с выбором и проявили устойчивое тяготение лишь к некоторым типичным темам.

Комплекс предисловий XI—XII вв. был ориентирован на современного читателя Киевской Руси. Это ясно из обращений к читателям. Авторы оригинальных древнерусских предисловий, бесспорно, обращались к своим современникам. В переводных же предисловиях (при переводных сочинениях) адресат переосмыслялся книжниками и становился древнерусским читателем или слушателем. Внешне, из обращений к читателям, это не видно. Однако факт переосмысления косвенно подтверждается приписками писцов к переводным сочинениям. Например, переписчик XII—XIII вв. переводной «Кормчей» применил ее нравоучения даже к собственной персоне, делая пометы на полях рукописи против соответствующих мест: «О Офреме, държи си крепоко ум, грешнице», «так, Офреме грешнице, не ленися»<sup>12</sup>. Обращение к современнику ощутимо в заметке писца XIII в. к тексту переводного «Жития Саввы Освященного»: «... не токмо послушатель буди тех словес, но и тво-

---

<sup>12</sup> «Ефремовская Кормчая». — ГИМ, собр. Синодальное, № 706 (227), л. 101, 246. — Цит. по кн.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания: (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970, ч. 1, с. 95.

рець...<sup>13</sup>. Вывод об ориентации на современников можно сделать и из такого случая: переводчики «Истории иудейской войны» Иосифа Флавия выбросили предисловие античного автора, сочтя его неинтересным для древнерусских читателей<sup>14</sup>.

Переосмысление адресатов было вполне естественным проявлением «активного отношения древнерусского писца к переписываемому тексту»: «...древнерусские писцы относились к переписываемому ими тексту как к собственному достоянию»; «не только перевод с другого языка, но даже переписывание с русского списка было в условиях древней Руси творческим актом»<sup>15</sup>.

Комплекс предисловий XI—XII вв. отражал представления древнерусских книжников об их читателях и слушателях. Судя по отзывам о читателях, книжникам представлялась вполне благополучная картина: люди радостно стремятся к книге. Например, Кирилл Туровский во вступлении к «Притче о человечестей души и телеси» утверждал: «...мира сего властели и в житиских тружашеися вещех человеци прилежно требуют книжнаго поучения»<sup>16</sup>. «...Слухом слышав, радуешися...» — отмечалась в ином предисловии радость слушающих чтение<sup>17</sup>. «Воистину бо жадаеть душа... на слышание словес» — так характеризовали себя и слушателей авторы русских добавлений к «Житию Николы Мирликийского»<sup>18</sup>. Пользуясь сравнением Златоуста, книжники изображали себя и слушателей как жаждущих: «...аки дети около стояща и желающа аки словесного мле-

<sup>13</sup> Цит. по кн.: *Розов Н. Н.* Книга древней Руси XI—XIV вв. М., 1977, с. 104.

<sup>14</sup> См.: *Мецерский Н. А.* История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. М.; Л., 1958, с. 47. Затем было вставлено оригинальное русское предисловие. (Там же, с. 71). Сошлемся также на более поздний, но выразительный пример актуализирующего отношения читателя к переводному сочинению. Иван Грозный читал «Книгу» Иллариона Великого и записал: «...разгнув книгу, обретох сие послание Великаго Илариона, и припикнув, и видев, яко зело к нынешнему времени ключаемо» (Послания Ивана Грозного/Подгот. текста Д. С. Лихачева, Я. С. Лурье. М.; Л., 1951, с. 166).

<sup>15</sup> *Жуковская Л. П.* Изборник 1073 г. Судьба книги, состояние и задачи изучения. — В кн.: Изборник Святослава 1073 г. М., 1977, с. 31; *Сапунов Б. В.* «Богословца от словес» в Изборнике 1073 г. и проблема читателя на Руси в XI в. — Там же, с. 235.

<sup>16</sup> *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ. М.; Л., 1956, т. 12, с. 341.

<sup>17</sup> *Невострюев К.* Слово святого Ипполита..., с. 2.

<sup>18</sup> *Леонид.* Житие и чудеса святого Николая Мирликийского и похвала ему: Исследование двух памятников древней русской письменности XI века. СПб., 1881, с. 79.

ка слова»<sup>19</sup> И вообще чтение провозглашалось слаще любого питья и любой пищи: «Сладко бо медвеный сот и добро сахар, обоего же добрее книгий разум...»<sup>20</sup>.

От читателей ожидалась приводящая в трепет требовательность к истинности и полезности сочинений. Поэтому авторы и книжники, извиняясь перед читателями, непременно заверяли в предисловиях и послесловиях или с полной ответственностью переписывали и повторяли такие заверения: «Не от своего сердца (или умысления) сия изношу слова, нъ творим повесть, въземлюще от святаго евангелия»; «мы бо слову несм творцы, нъ пророчьских и апостолских възследующе глагол»; «си глагола мне о сих от книг, а не от себе сказавшу»<sup>21</sup>. Или: «Вам написах, якоже слышах от неложных предавших ми честных мужей»; от «иных много трудившихся хронографъ, и историк, и творецъ»; «написах все, еже видех очима своима грешныма», а уж кое-что «спамятовах худости моя ради и тупости ради умныа»<sup>22</sup>.

Появление и переписывание сочинения оправдывались его пользой для читателей. Слово «польза» повторялось в предисловиях сотни раз: «Испълнь бо есть пользы слово всем послушающим», «потребна бяху писатися и прочитати чловекомъ ползы ради от них бываемыа», «да ми будет доброе се прикупление иже подати ми братии ползю» и пр.<sup>23</sup>

---

<sup>19</sup> Вступление к одному из «Слов» Златоуста по списку конца XIV в. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевской лавры, № 9, л. 43.

<sup>20</sup> *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ, т. 12, с. 340.

<sup>21</sup> *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ. М.; Л., 1958, т. 15, с. 336, 341; ТОДРЛ, т. 12, с. 361.

<sup>22</sup> Цит.: послесловие к «Житию Варлаама и Иоасафа». — Житие и жизнь преподобных отец наших Варлаама пустытника и Иоасафа царевича Индийского: Творение преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. СПб., 1887, с. 538; предисловие к «Хронике» Иоанна Малалы. — В ст.: *Истрин В.* Первая книга Хроники Иоанна Малалы. — Записки Академии наук. VIII серия. По историко-филологическому отделению. СПб., 1897, т. 1, № 3, с. 5; послесловие к «Хождению» Даниила. — В кн.: Путешествие игумена Даниила по святой земле в начале XII-го века: (1113—1115)/Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864, с. 2; послесловие к одному из русских дополнений XI в. к «Житию» Николая Мирликийского. — В кн.: *Леонид.* Житие и чудеса святого Николая Мирликийского..., с. 89.

<sup>23</sup> Цит.: предисловие к «Житию Феодосия Печерского» Нестора. — В кн.: Успенский сборник XII—XIII вв./Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. М., 1971, с. 73; предисловие к «Житию Саввы Освященного». — В кн.: Житие св. Савы Освященного, составленное св. Кириллом Скифопольским, в древнерусском переводе/Изд. И. Помяловский. СПб., 1890, с. XXVII;



Но тот же комплекс predisposиций одновременно отражал и диаметрально противоположные представления книжников о современных читателях. «Да не точию слухом слышав, радуешися,— наставляял книжник читателя,— но... и саму вещь приложив, съмотрив...»<sup>24</sup> Значит, люди больше хотели слушать чтение, чем читать сами, и такое положение не удовлетворяло книжника.

Авторы и переписчики, видимо, опасались, что читаемое может пройти мимо сердца и души читающего, и часто побуждали его делать необходимое усилие. «И да будут слова си... дньсь в сердце твоём и в души твоей»,— переписывал древнерусский книжник Златоустово обращение к читателю в «Изборнике» 1073 г.<sup>25</sup>

«Отврьзете очи ваших сръдец»,— призывали составители и переписчики житий<sup>26</sup>. Владимир Мономах начинал свое «Поучение» с настойчиво выражаемого пожелания: «Да дети мои или ин кто, слышав сю грамотицю приметь е в сердце свое»<sup>27</sup> Игумен Даниил в предисловии к «Хождению» пояснял: «Да и се написах... дабы кто слышав... потщался душею и мыслию» к описанному путешественником<sup>28</sup>.

Еще более частыми в предисловиях оказывались требования книжников к читателям и слушателям «приставити ум к глаголемым», т. е. читать хотя бы с пониманием и прилежанием: «вънимати вам в умы своя», «послушати с всецъем прилежаниемъ», «почитая прилежне с разумом», «да не ослабеют и не разленятся надлъзе почитающе многая». Ведь надо прислушиваться «раде словесе не на въздух рассыпаемааго». Ведь книгу только «попытавьше, разумеим. Не бо без ума се есть писано. Велико зъло есть еже къниг не разумевати...»<sup>29</sup>. За всеми этими поучениями

---

предисловие к «Египетскому патерику» — по рукописи XV в. ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 710, л. 3 об.

<sup>24</sup> *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского.— ТОДРЛ, т. 12, с. 341.

<sup>25</sup> Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, л. 199.

<sup>26</sup> Цит. «Мучение Феодора, Константина, Феофила, Калистра, Васоя и дружины их».— В кн.: *Северьянов С. Н.* Супрасльская рукопись. СПб., 1904, т. 1, с. 55.

<sup>27</sup> Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Т. 1/Подгот. текста Д. С. Лихачева, с. 153.

<sup>28</sup> Путешествие игумена Даниила..., с. 2.

<sup>29</sup> Цит.: предисловие к «Книге» Ипполита.— В кн.: *Невострюев К.* Слово святого Ипполита..., с. 7; предисловие из «Чудовской псалтыри».— В кн.: *Погорелов В.* Чудовская псалтырь XI века, с. 3; вступле-

и увещеваниями вырисовывается облик читателя отнюдь не только с положительными чертами.

Впрочем, книжники XI—XII вв. и прямо обвиняли читателей в поверхностности: «Не тышти ся бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумей, чъто глаголют книги и словеса та, и тришьды обраштя ся о единой главизне»<sup>30</sup>; «не точию бо потребно, но и зело желанно еже писати и часто прочитати»<sup>31</sup>; «да не просто претецемъ языком пишемая глаголюше, но с рассмотрением внемлюще...»<sup>32</sup>. Иногда книжник даже пытался внушить, как происходит проникновение в смысл повествования: «... ухо, слыша словеси деания и повести, к тем мысль си простърет, яко быти тому телесемъ на томъ месте, а мыслию на ономъ, иждеже слово повестию назнамена дело»<sup>33</sup>. Но обычно книжники предпочитали применяться к реальным возможностям большинства современных читателей. Поэтому чрезвычайно распространенной, почти обязательно присутствующей в предисловиях XI—XII вв. была сжатая характеристика содержания и состава предлагаемой книги или произведения, характеристика, облегчающая читательское восприятие последующих текстов.

У сравнительно небольших произведений, независимо от их жанра, предваряющие характеристики были краткими. Так, предисловие к «Алфавитному патерику» сразу сообщало: «В сей книзе списася добродетельное поучение и дивна-

---

ние к «Житию Василия и Капитона, мученных в Херсоне». — В кн.: *Северьянов С. Н.* Супрасльская рукопись, т. 1, с. 533; вступление к «Поучению к людям о вере и любви» из «Златоструя с Торжественником». — В кн.: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1866, вып. 21/30, с. 12; вступление к «Житию Феодосия Печерского» Нестора. — В кн.: Успенский сборник XII—XIII вв., с. 72—73; предисловие к «Златострую». — В кн.: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки... СПб., 1867, вып. 1/40; вступление к одному из «Слов» «Златоструя с Торжественником» по списку XII в. — В кн.: *Срезневский И. И.* Древние памятники письма и языка: (X—XIV веков). СПб., 1863, с. 195.

<sup>30</sup> Вступительное «Слово некоего калугера о чьтении книг». — В кн.: Изборник 1076 года / Изд. подгот. В. С. Голыщенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. М., 1965, с. 152.

<sup>31</sup> Житис св. Савы Освященного, с. XXXII.

<sup>32</sup> *Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. 12, с. 340.

<sup>33</sup> Вступление к «Слову о смокви въ великыи понеделникъ» Иоанна Златоуста. — В кн.: *Северьянов С. Н.* Супрасльская рукопись, т. 1, с. 343. Ср. трактовку процесса чтения в предисловии к «Апокалипсису»: «...се душа прикладание от видимы на мыслыная наволя чтущаго» (По списку XII—XIII вв. БАН, собр. Никольского, № 1, л. 6).

го жития жизнь и речения святыхъ и блаженных отецъ...»<sup>34</sup>. О чем «касаемся беседовати», предупреждал Кирилл Туровский во вступлениях к своим «Словам».

Произведения иного жанра — послания, как правило, также начинались с авторского обозначения темы для адресата. «Въпрашал еси был, благородный княже, — писал киевский митрополит Никифор ко Владимиру Мономаху, — како отвржени быша латина от святыхъ соборныхъ и правыхъ церкви, и се, яко же обещахъся благородству твоему, поведаю ти вины их»<sup>35</sup>.

В более крупных сочинениях, в том числе в самостоятельно бытовавших книгах, эти вступительные характеристики содержания имели даже особую структуру, хорошо демонстрируемую, например, рукописной книгой Ипполита Римского об антихристе. Книга эта, говорится во вступлении, стремится «показати... что и каково есть, в кое же время и лето... откуда же... како же убо... и како ся... что же... будеть, како же... что же... и какова...» будет происходить<sup>36</sup>.

Аналогичные программы предстоящего изложения, нужные не столько авторам, сколько читателям, находим в памятниках различного происхождения: в предисловии к «Прблогу», который показывает персонажей «отечество, и житие, и конецъ каков име кждо, где и когда техъ памяти стваряются учинити...»<sup>37</sup>; в заголовке летописи: «Се повести временныхъ лет, откуда есть пошла руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда руская земля стала есть»<sup>38</sup>.

Специально для читателей авторы или составители часто описывали в предисловиях состав сочинений, деление на части, главы, «слова»: «яко возможно и удоб обретати полезная хотящимъ искати по сих» — «... сдеяхом раздельше рець сию на 20 и 4 слова, на 70 и 3 главизне, на 3 частное 20 и 4...»<sup>39</sup>, «все убо ныне книг сих положение на

<sup>34</sup> По списку XV в. ГБЛ, собр. Московской духовной академии, Фунд., № 58, л. 1.

<sup>35</sup> *Калайдович К. Ф.* Памятники российской словесности XII века. М., 1821, с. 157.

<sup>36</sup> *Невострюев К.* Слово святого Ипполита..., с. 11—12.

<sup>37</sup> Прблог по рукописи императорской Публичной библиотеки Погодинского древлехранилища № 58. Пг., 1917, вып. 1, сентябрь — декабрь, с. 2.

<sup>38</sup> Повесть временных лет, т. 1, с. 9.

<sup>39</sup> Предисловия к «Алфавитному патерику» и к «Апокалипсису» с толкованиями Андрея Кесарийского. — ГБЛ, собр. Московской духовной академии, Фунд., № 58, л. 1 об.; БАН, собр. Никольского, № 1, л. 7.

пять частей абие разделихом...»<sup>40</sup> и т. п. Специально для читателей давались советы, как систематизировать читаемое, «аще хочещи приставити некоей ей же болши главе и разумети, котерий близь себе рекоша, и своя комуждо места обрести...»<sup>41</sup>.

В книгах со сложной композицией авторы или составители обязательно старались «въкратце сказати куюждо главизну повести, яже... поведаемы суть»<sup>42</sup>, т. е. предпослать своего рода резюме каждой части. Таких «предъсловий» и «съказаний» к основному изложению, например в «Апостоле» или «Толковых пророках», наблюдалось значительное количество. Их присутствие, как пояснял список «Хроники» Георгия Амартола, диктовалось заботой книжников о ясности читательского разумения: «Обрящещи убо верни же, разумно же, и незавидно, купно же, и скоро, и о всякомъ сугубо...»<sup>43</sup>.

Постоянство и развитость данной темы в предисловиях XI—XII вв. знаменательны. Более того. Книжники были уверены, что читатели не поймут разветвленного, длинного изложения, и отказывались от него во всеуслышание. Поэтому неизвестный древнерусский автор «Сказания» о Борисе и Глебе во вступлении предупреждал, что будет говорить только «по ряду», не отклоняясь от главного: «... нъ се остаану много глаголати, да не многописании в забыть възлезем»<sup>44</sup>.

Книжники нередко обещали в предисловиях: «бодрено сказати возможем», «многа глаголати не достигаа»<sup>45</sup>, в том числе и Нестор в «Чтении о Борисе и Глебе»: «Да не продолжю речей, нъ воскоре извещаю»<sup>46</sup>. Или еще: «... из-

<sup>40</sup> «Предъсловие Козмы нарицаемого Индикоплова». — В кн.: Книга глаголемая Козмы Индикоплова. СПб., 1886, с. 3.

<sup>41</sup> Амфилохий. Четверо-Евангелие Галичское 1144 года, сличенное с древнеславянскими рукописными евангелиями XI—XII вв. и печатными... М., 1882, т. 1, с. XX.

<sup>42</sup> Предисловие к Хронике Иоанна Малалы. — В кн.: *Истрин В.* Первая книга Хроники Иоанна Малалы, с. 5.

<sup>43</sup> *Истрин В. М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе: Текст, исследование, словарь. Пг., 1920, т. 1, с. 28.

<sup>44</sup> Успенский сборник XII—XIII вв., с. 43.

<sup>45</sup> Житие св. Савы Освященного, с. XXVII; *Вилинский С. Г.* Житие Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1911, ч. 2, с. 351.

<sup>46</sup> *Абрамович Д. И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба... Пг., 1916, с. 2. Ср. в предисловии к «Житию Феодора Студита»: «...реченая не вся ми изписатьи, яко немощно всяко, ни времени ми подающю, яко и не подобне къде» («Выголексиинский сборник» XII в.—ГБЛ, собр. Музейное, № 1832, л. 36).

ложишу простом некымь и неухищренемь словом», «риторьская оставив лестная словеса»<sup>47</sup>. Даже такой ритор, как Климент Смолятич, декларировал простоту своих посланий перед адресатом: «Яко не искушаа твоего благоумиа, но яко просто писавь. Да аще того не могл еси разумети, то всуе приводиши на мя»<sup>48</sup>. Другое дело, насколько простым оказывался стиль Смолятича в действительности.

В случаях более трудных книжники предупреждали: «Се убо наказание разумети не простааго разума есть...»<sup>49</sup>. Недаром митрополит Иларион в сложном для понимания «Слове о законе и благодати», а затем его редакторы и переписчики обязательно сохраняли и выделяли замечание: «Ни к неведущим бо пишемь, нъ преизлиха насыштышемся сладости книжныа...»<sup>50</sup>. Читатели в представлении древнерусских книжников XI—XII вв. гораздо чаще были «неведущими», чем «насыштышимися».

И последнее. Книжники явно шли навстречу потребности древнерусских читателей в возможно более быстром и незатруднительном знакомстве со всем объемом нужной «премудрости» сразу. Поэтому при каждом удобном случае в предисловиях к «Изборникам», «Пандектам», «Патерикам», «Кормчим», «Хроникам» и пр. составители, переводчики, переписчики подчеркивали, что книжная «премудрость» подается в особо ценной для читателей облегченной форме — в виде сборников извлечений, отрывков, высказываний.

Все главное, обещали книжники, выбрано и готово к употреблению: «Събор от мног отець тълковании, въкратъце съложены на память и на готов ответ...», «въкратъце от въсех... кънигъ», «събрани истинная речения... в едино съвокупльше... на пашю ползу», «изложихом сведущих,

---

<sup>47</sup> «Азбучный патерик». — ГБЛ, собр. Московской духовной академии. Фунд., № 58, л. 1 об.; «Златоуст». — ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 9, л. 55 об.

<sup>48</sup> *Никольский Н.* О литературных трудах митрополита Климента Смолятича, писателя XII века. СПб., 1892, с. 104.

<sup>49</sup> Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, л. 66 об.

<sup>50</sup> *Розов Н. П.* Синодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — *Slavia*, 1963, № 2, с. 154. Возможно, по той же причине «Слово на сбор святых отець... Никейскаго събора» Кирилл Туровский начал с оправдания украшенного стиля своего сочинения: «Яко же историци и ветия, рекше летописьци и песнотворци прикланяють своя слухи в бывшая меже цесари рати и въпълчения, да украсять словеса и възвеличать мужествовавшая крепко... и тех славяще похвалами вепчають, колми паче нам лепо есть и хвалу приложити...» (*Еремин И. П.* Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. 15, с. 344).

от многа мало прострохом... с трудомъ събравше и сложивъше» и т. п.<sup>51</sup>

Все легко использовать, как уже собранный мед: «Акы бѣчела любодельна с всякого цвета писаниго събрав акы в един сът»<sup>52</sup>. Все легко обозреть в целом, наподобие ожерелья, сразу видимого на шее: «Едина главизна от другое приемлющи вину, яко же се некия златы чеши с драгымъ каменiemъ и с жьньчюгъмъ съплетены выю хрьстянску украшають»<sup>53</sup>. Все цельно, как здание, сложенное из разных камней<sup>54</sup>.

Книжники сами и объясняли, отчего читатели и слушатели предпочитали простой стиль, простую композицию, упрощенную подачу мыслей: из-за житейских, мирских забот прежде всего. «Весте ли убо, отъкуду нам речь перьвое начася, или кѣде ставися, или чим начахом, или кѣде пристахом? — словами Златоуста древнерусский книжник вопрошал своих рассеянных читателей и тут же оправдывал их невнимательность. — Нъ вы убо, мьню, забывыша, кѣде ны слово устави. Аз веде и не творю вас виновьн, при томъ не укоряю. Къжьдо бо вас жену имать, и дети кърмить, в дому печеться вьсемь, овии в воиньстве ходять, друзии же рукодельници, и на различныя потребы къжьдо вас частить...»<sup>55</sup>

---

<sup>51</sup> Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, л. 2; Предисловие к «Пандектам» Антиоха Черноризца. — В кн.: Пандект монаха Антиоха: По рукописи XI века, принадлежащей Воскресенскому монастырю/Под наблюдением О. М. Бодянского. М., 1913, с. 3; Предисловие к «Пандектам» Никона Черногорца. — В кн.: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1874, вып. 55/65, с. 225; *Истрип В. М.* Книги времени и образныя Георгия Мниха, т. 1, с. 28. Ср. также рассуждение о пользе «въкупъ събрати» материалы в предисловии к «Кормчей». — В кн.: *Бенешевич В. П.* Древнеславянская кормчая: XIV титулов без толкований. СПб., 1906, т. 1, вып. 1, с. 3 и сл. Характерно, что писец переводного «Изборника» 1073 г., «где мог, последовательно заглашал высокий слог перевода, приближая его к обычной деловой манере древнерусского книжника» (*Колесов В. В.* Лексическое варьирование в Изборнике 1073 г. и древнерусский литературный язык. — В кн.: Изборник Святослава 1073 г., с. 110).

<sup>52</sup> Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 года, л. 1 об.

<sup>53</sup> Предисловие к «Пандектам» Никона Черногорца. — В кн.: *Срезневский И. И.* Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, вып. 55/65, с. 224.

<sup>54</sup> *Бодянский О. М.* Шестоднев, составленный Иоанном Ексархом Болгарским: По харатейному списку Московской Синодальной библиотеки 1263 года... — ЧОИДР, 1879, кн. 3, л. 6 об. и сл.

<sup>55</sup> «Иоана Златоустаго слово о десяти девиць и о милости и о казни...» — В кн.: Успенский сборник XII—XIII вв., с. 303—305.

Под пером книжников читатели в момент обращения к книге действительно представляли «смущенными», «печальными» от житейских дел. «Книгам бо есть неищетная глупина, сими бо в печали утешаемы есмы», — указывала «Повесть временных лет» и приводила примеры того, как «книгами... утешая печалныя». Владимир Мономах писал: «Взем Псалтырю, в печали разгнух я, и то ми выня: Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?»<sup>56</sup>. Кирилл Туровский подтверждал: чтение «всея житискыя света сего печали отводить»<sup>57</sup>.

Характерно, какое начало сохраняли книжники в апокрифическом «Слове о Лазаревом воскресении»: «Воспоим весело, дружино, песньми днесь, а плачь отложивше, утешимся»<sup>58</sup>. Сочинитель русских дополнений к «Житию Николы Мирликийского» считал, что чтение «веселье приносит душам», и желал читающим и слушающим: «Да будет вы утеха велика»<sup>59</sup>. Об утешительности чтения говорилось и в «Слове от книг святого Исисхиа»: «Травъници имуть многоразличныи цвет ово на веселие очима, ово же на ухание, ово же на исцеление, — все же годиться человеку. Тако же... имать чьтения... книг»<sup>60</sup>.

В результате представления книжников о древнерусском читателе XI—XII вв. оказываются противоречивыми: с одной стороны, по их мнению, читатель страстно порывается к «сладоу книжна», с другой же стороны, читатель не всякую «сладоу» может усвоить, желает чтения попроще да полегче, постоянно отвлекаемый практическими делами. Но ведь это специфическая разновидность читателя — не теоретика, а практика в жизни, преклоняющегося перед книгой, но далеко не изошренного в чтении. Перед нами образ читателя-неофита. Неофитизм соединяет эти две край-

<sup>56</sup> Повесть временных лет, т. 1, с. 102, 137, 153.

<sup>57</sup> Еремил И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского. — ТОДРЛ, т. 12, с. 340.

<sup>58</sup> Текст цит. по: *Рождественская М. В.* К литературной истории текста Слова о Лазаревом воскресении. — ТОДРЛ. Л., 1970, т. 25, с. 53.

<sup>59</sup> Леонид. Посмертные чудеса святителя Николая архиепископа Мир-Ликийского Чудотворца: Памятник древней русской письменности XI века. Труд Ефрема, епископа Переяславского. СПб., [б. г.], с. 1, 19.

<sup>60</sup> ГБЛ, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 12, л. 14. Не имела ли косвенной связи с темой отвлечения от печали характеристика Бояна в «Слове о полку Игореве»: «О Бояне, соловью старого времени! А бы ты сиа плькы ущекотал...» (Слово о полку Игореве/Подгот. текстов Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. Л., 1967, с. 44). Боян «ущекотал» бы в противоположность «трудных повестий» «Слова о полку Игореве».

пости — увлеченность новым делом и неискушенность в нем. Можно предположить, что в древнерусском обществе XI—XII вв. довольно долго сохранялись черты книжного неофитизма. Комплекс предисловий в литературе Киевской Руси формировался под воздействием потребностей читателя-неофита<sup>61</sup>.

Предположение о читателях-неофитах нуждается в проверке по иным источникам. Летописные произведения, сочиненные в стиле монументального историзма, при котором «литература знала только две краски — черную и белую», а изображения людей были «лаконичны, энергично выписаны и просты»<sup>62</sup>, вероятно, могут дать материал для воссоздания облика читателей-неофитов. Следует помнить, что подавляющее большинство письменных памятников Киевской Руси было обращено к узким, локальным читательским группам, облик которых мог значительно различаться. Однако возможно, что какие-то черты неофитизма отражались и здесь.

Вот, например, «Слово о полку Игореве». Трудно определить, кто конкретно, социально и географически, подразумевался под «братией», к которой взывал автор «Слова о полку Игореве». Ясно лишь, что это слушатели, достаточно искушенные в «словесех», в лаконичных метафорических образах. Но одновременно нельзя не заметить, что «братие» поминаются в авторской речи в «Слове» только в момент пояснения этих метафорических образов. «Братие» помянуты в начале «Слова», когда автор разъясняет, каковы были «старые словесы» Бояна: «Не лепо ли ны бяшет, братие, начяти старыми словесы трудных повести о пълку Игореве», т. е. начать «по замышлению Бояню», который «пущашет 10 соколов на стадо лебедеи». Тут автор поясняет: «Боян же, братие, не 10 соколовъ на стадо лебедеи пущаше, нъ своя веща пръсты на живая струны вьскладаше, они же сами князем славу рокотаху. Почнем, же, братие, повесть сию...»<sup>63</sup>. «Братие» помянуты еще при изображении

---

<sup>61</sup> Ср.: «Над автором господствовал читатель — он же подчас и переписчик книги. Читательские требования этого переписчика книги были сильнее всякого авторского права» (Лихачев Д. С. Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М., 1975, с. 44).

<sup>62</sup> Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970, с. 29, 34.

<sup>63</sup> Слово о полку Игореве. Л., 1967, с. 43—44. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте работы.



поражения Игоря, притом опять в момент пояснения образов и иносказаний: «Ничить трава жалощами, а древо с тугою к земли преклонилось. — Уже бо, братие, повеселая година встала» (49).

Кроме того, в «Слове» есть целый ряд мест, которые можно рассматривать как авторские пояснения к образам и иносказаниям, хотя обращений к «братии» здесь нет. Например: «Тогда при Олзе Гориславличи сеяшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Даждь-Божа внука: в княжих крамолах веци человекомь скратишась» (48); «тоска разлилася по Руской земли: печаль жирна тече средь земли Руский» (49); «лжу... которую то бяше успил... Свять-славь грозныи великыи Киевскийи грозоу: бяшеть притрепал своими сильными плъкы и харалужными мечи» (49—50); «на реце на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земли прострошася Половци» (51); «а не сорокы втроскоташа: на следу Игореве ездит Гзак с Кончаком» (56); «тяжко ти головы кроме плечю, зло ти телу кроме головы: Руской земли без Игоря. Солнце светится на небесе: Игорь князь в Руской земли» (56).

Подобных поясняющих мест в «Слове» гораздо больше, чем процитировано<sup>64</sup>. Они, правда, неоднотипны и могут быть объяснены разными причинами: тем, что изложение вообще невозможно составлять сплошь из метафорических образов; тем, что существовала некая традиция пояснений в поэтической речи XII в.; тем, что некоторые пояснения были внесены в текст «Слова» гораздо позже. И все-таки пояснительность фраз при обращении автора «Слова» к «братии» заставляет держать в запасе еще одно предположение: не так уж искушена была в старых и новых «словесех» та «братия», что слушала «Слово» и поощряла его автора.

Литература, предназначенная для широкого читательского множества, реально появилась лишь тогда, когда на Руси перестал преобладать тип читателя-неофита.

---

<sup>64</sup> Ср. отмеченную Д. С. Лихачевым структуру одной из фраз «Слова»: «Стязи глаголють — половци пдутъ» (Лихачев Д. С. Слово о полку Игореве и культура его времени. Л., 1978, с. 173).

## 2. Критерии ценности художественного образа (На материале «Новой повести о преславном Российском царстве»)

В книге, связывающей социальную психологию с историей литературы, нельзя не коснуться вопроса об общественной, в особенности художественной, ценности древнерусской литературы<sup>65</sup>. Но невозможно сразу объять все проявления художественности, все стороны художественных образов даже в средневековых памятниках<sup>65</sup>. В данном случае для ценностного изучения выбрана лишь художественная изобразительность — сторона немаловажная, хотя и не обязательная для любых образов<sup>67</sup>.

В произведениях всех времен можно найти описания людей, существ, вещей, событий в их яркой, внешне зримой, предметной, живописной наглядности. Описания могут быть краткими, в несколько слов или фраз, а могут быть сквозными через все произведение<sup>68</sup>. Для чего изучать изобразительные описания именно в древнерусской литературе? Есть три разных подхода. В теоретическом плане тайна возникновения художественной изобразительности не раскрыта до конца, и древнерусские материалы могут в этом

---

<sup>65</sup> Ср. замечание о задачах марксистской социальной психологии: «...социальное для социальной психологии...— это коллективный процесс формирования ценностного отношения», «предметом социальной психологии должно быть формирование ценностного отношения как регулятора социального прогресса» (*Шихирев П. Н.* Тенденции развития современной западноевропейской социальной психологии.— Психол. журн., 1983, № 6, с. 150).

<sup>66</sup> «Никакой анализ не может обеспечить полной характеристики образа, ибо сколь угодно подробное расчленение образа на его составные элементы не в состоянии дать всеобъемлющего и адекватного представления об образе» (*Ротенберг В. С.* Психофизиологические аспекты изучения творчества.— В кн.: Художественное творчество: Вопросы комплексного изучения. Л., 1982, с. 59).

<sup>67</sup> «Предметность — необходимое качество образа» (*Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 127). «Бесспорно, что во многих своих формах... частично в литературе, художественный образ обладает своей зримой осязаемостью, наглядной убедительностью», однако «наглядность не составляет характерного признака и множества произведений литературы. Она отнюдь не является критерием художественности, например, в лирике» (*Храпченко М. Б.* Горизонты художественного образа. М., 1982, с. 89, 90).

<sup>68</sup> «Словесный образ бывает разного строения. Он может состоять из слова, сочетания слов, из абзаца, главы литературного произведения и даже из целного или целого литературного произведения» (*Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика, с. 119).

помочь. Историко-литературный подход обещает еще больше нового: ведь художественная изобразительность, несомненно, развивалась в древнерусской литературе и в каждый период времени отличалась своими особенностями<sup>69</sup>.

Наименее испробован литературно-критический подход к древнерусской литературе. Представим, будто ее памятники впервые открылись нашему взору. Тогда самое важное — это определить их ценность для нашего времени, не для древнерусского общества, а для нас, для наших современных читателей вообще. Представление о категории ценности и о задачах аксиологического подхода можно составить по многочисленным работам, появившимся у нас за последние двадцать лет. Литературно-критический, ценностный подход постоянно присутствует в исследованиях по древнерусской литературе, но чаще косвенно, чем прямо. В данном случае делается акцент на некоторых вопросах методологии ценностного подхода к памятнику. По мере изложения можно убедиться, что все три подхода органично связаны.

Казалось бы, самый простой путь определения ценности древнерусских изобразительных описаний — проведение опроса среди современных читателей. Но анкеты дадут картину грубо оценочную. Задача же критика состоит как раз в тонкости, детальности различения того, какие стороны и качества сейчас ценятся у древнерусских памятников, какие критерии ценности приложимы к древнерусским изобразительным отрывкам. Без анализа текстов не обойтись<sup>70</sup>. Методика ценностного исследования вырабатывается на конкретной основе.

Для ценностного анализа изобразительных отрывков из памятников полезно учесть, что в реальной жизни духовная ценность произведения — идеологическая, политическая, моральная, эстетическая, художественная и пр. — ощущается цельно, зачастую нерасчлененно, вперемешку. Это означает, что и в исследовании ценность даже одного отрывка

---

<sup>69</sup> «Каждый из основных типов эстетического освоения жизни — изображение, выражение, конструктивно-пластическое художественное творчество — отличается большим внутренним многообразием. Особенно это касается изображения» (*Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа*, с. 92).

<sup>70</sup> «Ценностный подход к литературе и искусству означает расширение и углубление нашего понимания художественного творчества» (*Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа*, с. 201). «...Погружение в произведение — это одновременно и осмысление своих потребностей, интересов, идеалов» (*Шехтер Т. Е. Произведение искусства как художественная ценность: Автореф. дис. канд. филол. наук. Л., 1982, с. 18*).

надо определять всесторонне: главное, вкупе со всем остальным. То есть вместе с художественно-изобразительной ценностью отрывков, которая является важнейшей для нас в данном случае, надо обнажать тесно сросшиеся с ней иные содержательные ценности.

Когда мы берем какой-либо описательный отрывок из памятника, то руководствуемся примерно следующими критериями. Прежде всего важны понятность отрывка и его тема, а уж потом его художественная изобразительность. Понятный, истолкованный отрывок ценнее непонятого. Отрывок на важную для нас тему нужнее отрывка тематически незначительного.

Далее. Загадочный механизм художественной изобразительности сверкает для нас отдельными, особенно ценными гранями и компонентами. В настоящее время большое значение придается явлению изобразительности не только как результату, но и как процессу. Ценятся психологические компоненты этого процесса — представления с неограниченным множеством ассоциаций, иначе говоря, связей с другими представлениями, эмоциями, понятиями, словами, формами и т. д.<sup>71</sup> Ценятся тонкость и неожиданность взаимодействия ассоциаций в том или ином изобразительном отрывке.

Наконец, художественно-изобразительная ценность отрывка не отсекается от ценности эстетической и от ценности историко-культурной<sup>72</sup>. Все это станет яснее при разборе конкретных примеров.

---

<sup>71</sup> Роль ассоциаций для создания художественного изображения раскрывается в трудах А. А. Потебни: *Пресняков О. П. Поэтика познания и творчества: Теория словесности* А. А. Потебни. М., 1980. Одна из важнейших работ последнего времени об ассоциативности: *Лихачев Д. С. К специфике художественного слова.* — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1979, № 6, с. 509—512. Одна из первых значительных работ об ассоциативности в творчестве древнерусского писателя: *Вилоградов В. В. Наблюдения над стилем Жития протопопа Аввакума.* — В кн.: *Русская речь: Сб-ки статей под ред. Л. В. Щербы.* Пг., 1923, т. 1, с. 217—293.

<sup>72</sup> «Художественные ценности поэтому всегда находятся в живом взаимодействии с идейными, нравственными принципами, вдохновляющими творцов искусства» (*Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа*, с. 192). «Художественные ценности невозможно выделить в «чистом» виде, в их структуре эстетическое связано неразрывными узлами с идеологией, политикой, философией, моралью, познаваем» (*Салеев В. А. Искусство и его оценка.* Минск, 1977, с. 128).

Мы будем говорить о методике определения ценности не какого-то одного литературного явления, отразившегося во многих текстах, а одного текста, вобравшего в себя множество литературных явлений. Рассматривается конкретное описание, которое извлечено из памятника, отличающегося обильной изобразительностью. Для предварительной и относительно полной оценки даже одного отрывка приходится делать очень многое.

Вот этот отрывок. В так называемое Смутное время, в 1611—1612 гг., неизвестным автором была сочинена «Новая повесть о преславном Росийском царстве и великом государстве Московском», призывавшая к решительной борьбе с оккупантами. Автор «Новой повести» изобразил польского короля, предвкушающего полный захват России: «...а хочет сие великое наше государство и в нем безчисленное богатество взяти и владети, и радуется, и кипит злым своим сердцем, чаяти, яко и на месте мало сидит или тако же мало и спит от великия тоя своея радости»<sup>73</sup>. Автор утверждал, что королю не удастся его замысел. Так оно и вышло.

Текст отрывка и его тема вполне понятны нам. Мы сочувствуем политическому настроению автора. Главное же в данном случае заключается в художественно-изобразительной ценности отрывка. Можно утверждать, что в сознании автора повести сложился карикатурный образ короля, без усталости двигающегося, дергающегося, вскакивающего. В том же месте повести автор снова подчеркнул отмеченное свойство короля: «Но зело зель возрадовася во злокозненном сердце своем и воскипе всеми уды своими» (193). Нельзя не заметить это изображение в повести.

Восстановим приблизительную последовательность накопления содержательных оттенков в изображении польского короля. Все началось с предметных авторских ассоциаций. В коротеньком отрывке их не удастся сосчитать точно. «Кипение удами», т. е. всеми членами тела — руками, ногами, головой, торсом и т. д., — это обозначение автором своих бесконечных ассоциаций, правда не прямо перечисляемых, а подразумеваемых, но тем не менее создающих рельефную картину.

<sup>73</sup> Цит. по кн.: Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Росийском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960, с. 193. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте работы.

Автор вместил в облик польского короля не одно представление, как можно было ожидать, а два разных представления — о человеке радующемся и о человеке злобном. Представление о человеке злобном ассоциировалось у автора с резкими, агрессивными движениями персонажа. От злобы король дергался, вскакивал, «кипел удами», напоминал «лютаго и свирепаго и неукротимаго жребца», храпящего, рвущегося из уздечки, готового занести и сбросить всякого в «неисходный ров» (196). Другой злобный персонаж повести — польский пособник Михаил Салтыков также отличался агрессивностью действий: «... начат, аки безумный пес, на аер зря, лаяти и нелепыми славами, аки сущий буй камением ... метати... И ныне дышит и сипит, аки скоропия» (200—201). Радость же человека ассоциировалась у автора с иными, внутренними проявлениями, замыкалась в сердце героя. Поэтому о радующемся короле автор говорил, что тот «возрадовася во... сердцы своем», «вельми рад бысть в сердцы своем», «радуется... своим сердцем». Автор повести сложил два разных представления, с разными ассоциациями, и получилось живое изображение польского короля.

Обращает внимание нешаблонность авторского мышления. Автор изобразил противоположные чувства персонажа — злобу и радость — в их одновременности, чего никто не делал в древнерусской литературе, по крайней мере такой способ описания еще не был общепринят<sup>74</sup>. Смысловой результат получился неожиданным. Представления о «кипящих» движениях злобы и «спрятанных» проявлениях радости при сложении не взаимоуничтожились, а создавали некое единое, «среднее» представление, переходное между двумя крайностями, — представление о короле, который в злобе не устремляется куда-то, а «кипит» на месте, «на месте мало сидит и тако же мало спит», еле сдерживается<sup>75</sup>.

---

«...Стилевые открытия и проявление индивидуальности в искусстве — всеобщий закон развития литературы. Вряд ли можно отказать в действии этого закона писателям древности и средневековья» (*Подгаецкая И. Ю.* Границы индивидуального стиля. — В кн.: *Теория литературных стилей: Современные аспекты изучения.* М., 1982, с. 48—49).

<sup>75</sup> «...Предмет А отражается в предмете В, предмет В — в А: смысл, который обнаружится в результате этого отражения, непередаваем отдельно ни через А, ни через В... Мысль пошла путем сопряжения...» (*Палиевский П. В.* Внутренняя структура образа. — В кн.: *Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Образ, метод, характер.* М., 1962, с. 78—79). В художественном образе «выступает неделимая слитность комплекса иногда близких друг к

Глубина изображения несомненна. Отрывок действительно ценен в изобразительном отношении.

А его более широкая эстетическая ценность? Получившаяся картина объяснима мироощущением, мировоззрением автора. Так, что натолкнуло автора на связь противоположных чувств? Оказывается, автор обладал способностью мыслить сдвоенными, противоречащими, взаимодополняющими категориями, объединять контрастные черты в облике персонажей. Все действующие лица «Новой повести», вплоть до адресатов и самого автора, о которых тоже говорит повесть, являли двойной лик. Даже люди, продавшиеся польскому королю, выступали у автора не совсем предателями. «Того не вем,— пишет автор о них,— все ли от желанного сердца к нему приклонились, или будет втайне искреннее к нам и ныне-де, жжаты, с нами же за веру стояти хотят?» (195). Автор и у жестоких врагов находил проявления жалостливости: «...мню, от иноверных или от тех же врагов, мало-мало кто мякок и жалостлив сердцем, ино и тот, аще не заплачет, и он вздохнет» (207—208). Сам автор, призывавший народ к решительной борьбе с поляками, служил полякам, в чем и признавался: «Грехом своим великим и слабостию и славою мира сего прельстился и к ним, ко врагом, прилепился... Явно мне не мощно от них отстати... Аз же у них ныне зело пожалован» (208). Вот такая раздвоенность! Но и адресаты повести не лучше — хотели бороться и не могли: «Како сами себе презираем и нерадим о себе... А аще и плачем, аще и рыдаем, аще и в перси бием, аще и от сердца въздыхаем, и зельно ему досаждаем, а подвигу и радения не сотворяем, и к богу не прибегаем, и его не умоляем, и над ними, враги, ничем не промышляем...» (206). Представления автора о людях обогащались противоположностями<sup>76</sup>. Для нас, конечно, очень привлека-

---

другу и в то же время несхожих между собой свойств, временами достаточно контрастных... Закон светотени имеет в искусстве весьма важное, основополагающее значение. Комплекс близких и нетождественных друг другу, родственных и контрастирующих качеств можно видеть в художественном образе различных видов искусства» (*Храпченко М. Б.* Горизонты художественного образа, с. 80). См. еще: *Ястребова Н. А.* Дипластика и эстетическое сознание.— В кн.: Актуальные вопросы методологии современного искусствознания. М., 1983, с. 316—332.

<sup>76</sup> Это «попытка отойти в историческом рассказе от прямолинейного разделения всех людей на добрых, наделенных только положительными свойствами, или злых, не имеющих ни одного хорошего качества» (*Дробленкова Н. Ф.* «Новая повесть о преславном Российском царстве»..., с. 148). «Глубина, сила эстетического постижения окружающего нас мира и являются важнейшим источником формирования

тельна подобная диалектическая особенность мышления автора «Новой повести».

Еще вопрос: почему автор добавил к представлению о радости представление именно о злобе? Вспомним, что у литературных персонажей радость по сравнению со злобой выражалась слабее. Автору «Новой повести» же, вероятно, хотелось, чтобы радость человека выражалась внешне так же резко и сильно, как злоба. Это определенное авторское отношение к чувствам. Прочие чувства персонажей тоже показывались автором в броских, бурных, нередко преувеличенных проявлениях. Преувеличение достигалось разными способами: то выбором наиболее броских проявлений чувства в жизни или в литературной традиции, то превышением жизненной меры или традиционной формулы. Горе: «...слезами обливается» (205); «как не восплачемся, како не возрыдаем, како от сердца не воздыхаем, како в перси не бием?» (206) — активные внешние проявления. Стыд: «...стули лице свое» (201) — яркое выражение чувства. Печаль: «...содрогните сердцем» (208) — осязаемое следствие. Лицемерность: «...аки в темне храмине, в скверном своем теле лукавую свою душу затворил» (201) — зримая, наглядная картина. Ожесточение: «...на сердцах наших стоят» (190); «ни за главу, ни за руце, ни за нозе, но за самое злонаравное и жестокое сердце держит» (196) — опять внешняя зримость состояний. Автор даже прямо требовал проявлять чувства и состояния осязаемым делом. Например, от тех, кто роптал на врагов: «Говорите усты, а в делех ваших господь весть, что у вас будет. Паки молю вы с великими слезами и сокрушенным сердцем: ... Время, время пришло вовремя дело — подвиг показати...» (204). Для нашего времени актуальным выглядит это отношение автора «Новой повести» к чувствам человека.

Произведение ценно также исторической реальностью, обусловившей особенности авторского мироощущения. Настроенность русского писателя начала XVII в. на изображение противоречивых человеческих чувств в их бурном проявлении появилась под влиянием драматических событий Смуты. Автор «Новой повести» испытывал тревожную неуверенность в сегодняшнем дне и пристально всматривался в этот опасный мир, боясь проглядеть назревающие беды. Нам должна импонировать эта напряженность связи между творчеством писателя и реальностью.

---

художественных ценностей» (Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа, с. 194).



После проделанного анализа мы яснее представляем себе художественную и эстетическую ценность отрывка о короле. Правда, художественная и эстетическая ценность отрывка, в сущности, потенциальна. Наш современный читатель вряд ли обратится к «Новой повести» специально для удовлетворения своих художественных и эстетических потребностей. Для этого есть другие произведения. Но у отрывка есть еще и историко-культурная ценность, и тут уже его полностью не заменит ничто. Историко-культурная ценность оказывается самой главной.

Определение реальной историко-культурной ценности — дело самое главное, но и самое долгое. Отрывок надо сравнить с другими отрывками, чтобы узнать его место в классификации и в развитии явлений. Прежде всего какова ценность отрывка о короле в составе «Новой повести»? Начнем с самого сходного места, хотя абсолютно сходных мест в произведении практически не бывает. В «Новой повести» выведен положительный персонаж — патриарх Гермоген, противостоящий врагам. Текст отрывка о Гермогене ясный, и тон его патриотический. Но главное — опять-таки степень его художественной изобразительности. Гермоген сравнен со столпом и одновременно с богатырем: «... яко столп, непоколебимо стоит посреди нашей великия земли... И стоит един противу всех их, аки исполин — муже, безо оружия и безо ополчения воиньскаго, токмо учение, яко палицу, в руку свою держа протива великих агарянских полков и побивая всех» (195). Сравнения здесь имеют и реально-изобразительный и символический смысл. Должен предупредить, что здесь и далее я не оцениваю символический смысл отрывков. Художественное изображение и символика — это самостоятельные, разные и даже противостоящие друг другу явления, правда, они могут взаимонакладываться<sup>77</sup>. Изучение символики — совсем другая тема, на которую пока не надо отвлекаться.

Займемся художественной изобразительностью. В отрывке о Гермогене связываются, складываются предметные

---

<sup>77</sup> Ср.: «...символы вносили в литературу сильную струю абстрактности и по самому существу своему были прямо противоположны основным художественным тропам — метафоре, метонимии, сравнению и т. д., основанным на уподоблении, на метко схваченном сходстве или четком выделении главного, на реально наблюдаемом, на живом и непосредственном восприятии мира» (*Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы*. 3-е изд., доп. М., 1979, с. 164).

представления о столпе и о богатыре. Связь представлений совершенно нетрадиционная, пробудившая в сознании автора массу предметных ассоциаций. В отрывке о Гермогене и в других местах повести автор неоднократно выражал те традиционные ассоциации, которые входили в его представления о столпе и богатыре. Зоны сходных ассоциаций в этих представлениях были значительны. Столп, по авторскому представлению, тверд, как «адамант», стоит непоколебимо, «крепко водружан»; на огромном столпе держится вся «великая палата»; столп возвышается среди стен, «един уединен стоит и всех держит»; столп стоит молчаливо — не дожидаться, «чтобы... великий тот столп... своими усты изрек» (195—197, 200—204). Богатырь, по представлению автора, тоже «крепкий»; он тоже «стоит един противу всех»; он тоже возвышающийся «исполин»; ему тоже не до «словеснаго повеления и ручнаго писания» (200—202, 205). Сложение сходных ассоциаций породило образ молчащего мощного гиганта — патриарха Гермогена.

С другой же стороны, в авторских представлениях о богатыре и столпе не менее значительными были зоны противоположных ассоциаций. Однообразный, голый, неподвижный каменный столп — и в противоположность ему живой, активно действующий богатырь в воинском снаряжении, с колчаном, мечом, шлемом, копьём: «... исполин — муже... палицу в руку свою держа протива великих агарянских полков и побивая всех», «неким изрядным оружием препоясався», богатырь этот стремится «острыми стрелами от себя и от всех нас тех общих наших видимых врагов отгоняти, и погубити, и все великое государство от них свободити» (195, 201—202). Сложение противоположных ассоциаций привело к некоему «среднему», переходному смысловому результату. Гермоген мыслился не неподвижным столпом и не ввязавшимся в сражение богатырем, но как бы ожившим столпом, подавшимся вперед, оцетинившимся на борьбу. В результате сложения сходных и противоположных ассоциаций возникло изображение монументального, энергичного, напряженного, колючего стояния Гермогена перед лицом врагов.

По своей художественно-изобразительной ценности отрывок о Гермогене близок к отрывку о польском короле. Те же высоко ценимые компоненты: богатство предметных авторских ассоциаций, неожиданность сложения очень разных представлений, тонкий процесс выработки «средних» представлений и в итоге общая выразительность и глубина изображения. Правда, в отрывке о Гермогене автор связал

представления несколько более демонстративно и грубо, чем в отрывке о короле, что чуть-чуть снижает художественно-образительную ценность отрывка о Гермогене.

Сравним теперь эстетическую ценность отрывков. И тут они близки. Автор повести представлял Гермогена, как и других персонажей, склонным к противочувствиям, к противоположным состояниям: Гермоген одновременно пребывал и в глухой обороне, и в активном наступлении. Автор стремился показать внутреннее состояние Гермогена, как и прочих персонажей, в броских, зримых, преувеличенных внешних проявлениях: тихий Гермоген проявлял свою стойкость, грозно орудуя палицей и стрелами. За этим образом, так же как и за образом короля, вставало Смутное время, с его противоречивостью и неустойчивостью, ощущавшимися автором «Новой повести».

Можно еще привести отрывки из повести, аналогичные в образительном и эстетическом отношении. Отрывок о короле не уникален. Но есть ценность уникальности и есть ценность типичности. Просматривая отрывок за отрывком, эпизод за эпизодом, можно убедиться, что художественно-образительные места в «Новой повести» все-таки не очень часты. Разные места повести разнятся по степени образительности. Вот, например, отрывок, в котором автор повести саркастически характеризует одного из тогдашних главных российских правителей — Федора Андропова: «Ни от царских родов, ни от боярских чинов, ни от иных избранных ратных голов; сказывают, от смердовских рабов. Его же окаяннаго и треклятаго по его злому делу не достоин его во имя Стратилата, но во имя Пилата назвати; или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго; или во имя страсто-терпца, но во имя землеедца; или во имя святителя, но во имя мучителя и гонителя и разорителя и губителя веры христианския. И по словущему реклу его такоже не достоин его по имени святого назвати, но по нужнаго прохода людцкаго — Афедронов». Здесь нет изображения внешности или поведения Федора Андропова. Автор повести не в предметных деталях воображал облик персонажа, а увлекся ассоциациями по контрасту понятий и по созвучию слов. Характеристика получилась литературной, остроумной, эмоциональной, но не образительной, не картинно-цельной. Подобные неизобразительные или малообразительные отрывки в «Новой повести» преобладают.

Вот другой отрывок, точнее, выражение, содержащее на этот раз предметные сравнения: автор повести пишет, что враги «аки злыя волки, похитити хотят... и, аки лютыя

лвы, всегда поглатити нас хотят» (190). Сравнения врагов со злыми волками и лютыми львами из-за полнейшей традиционности и частой употребляемости потеряли в древнерусских произведениях значительную долю своего ассоциативного содержания, предметности, изобразительности. Так и у автора «Новой повести» эти сравнения выступали как литературная условность, знак отрицательного отношения автора к врагам, и только. Подобные отрывки в повести также многочисленны.

Но в «Новой повести» встречаются отрывки и с нетрадиционными, нешаблонными сравнениями. Например, автор повести объявляет, что предатель Федор Андронов «цареву ризницу хочет пусту до конца оставить, аки пустую и безделную храмину» (207). Сравнение ризницы с храминой не относится к часто использовавшимся. И все-таки оно в изобразительном отношении слабо, потому что представления о ризнице и о храмине были по их ассоциативному наполнению слишком близкими, почти тавтологичными. Такие места в повести тоже нередки.

Теперь можно точнее оценить отрывок о короле на фоне «Новой повести». Наиболее ценным для нас бывает не абсолютно уникальное, единичное явление (оно тогда кажется случайным, странным), а явление повторяющееся, но не слишком распространенное. Под эту меру ценности и подходит отрывок о польском короле.

### 3

Историко-культурная ценность отрывка о короле зависит и от его места в более широком литературном окружении — в русской литературе начала XVII в., современной «Новой повести». Вот, например, произведение, совершенно непохожее на «Новую повесть» ни жанром, ни стилем, ни темой, — «Писание о преставлении и о погребении воеводы Михаила Васильевича Скопина-Шуйского», сочиненное в 1610—1612 гг. В повести описывается внешний вид Михаила, смертельно отравленного винным зельем на пиру. Воевода выпил ласково поднесенную ему отраву и еле доехал до дома: «И усмотрила его мати и возрила ему во ясные очи. И очи у него ярко возмутились, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе, стоя, колеблются»<sup>78</sup>.

---

<sup>78</sup> Русская историческая библиотека. 2-е изд., доп. СПб., 1909. Т. 13. Памятники древней русской письменности, относящиеся к

Описание понятно по языку и вызывает сочувствие к герою. Но главное — в художественной изобразительности отрывка. Автор показал устрашающе встречанного человека: недаром мать во все глаза смотрит на сына — так сильно изменился его облик. Не случайно автор рассказывает, как это случилось: выпита чара, «и не в долг час у князя Михаила во утробе возмутилося» (1334). Слово «возмутилося» в данном случае означает не «помутнело», а «взбунтовалось», «полезло наружу». Как бы взбунтовалась и внешность Михаила.

Автор называет состояние Михаила болезнью, но странная «сия болезнь его страшная» (1335). Ее проявления больше похожи на гнев: мутные, горящие глаза; налитое кровью лицо; стоящие дыбом волосы. Весь эпизод отравления оказывается косвенно связанным с темой гнева. Когда Михаилу на пиру паливают чару, то «в той чаре в питии уготовано лютое питье смертное... злое питье, лютое смертное» (1384). Слова «лютый», «злой» имеют здесь много смысловых оттенков: и «плохой», и «жестокий», и «гневный». Лютость и злоба как бы вливаются, переходят в Михаила. Когда же Михаил бросает пир и возвращается домой, то мать вопрошает: «Для чего ты рано и борзо с честнаго пиру отъехал?.. Любо тебе в пиру место было не по отечеству? Или бо тебе кум и кума подарки дарили не почестные?» (1334). То есть мать предполагает, что Михаил гневается.<sup>79</sup> Отравленный человек напоминал автору человека гневного, находящегося вне себя от гнева. В описании внешности Михаила складывались два разных авторских представления — представление о болезни и представление о гневном. Новая, нетрадиционная связь разных, обычно несвязываемых представлений привела к созданию художественного образа потрясенного, опоенного воеводы.

В отрывке из «Писания о Скопине-Шуйском» присутствуют те же ценностные компоненты, что и в отрывке о короле из «Новой повести». Так же тонко, исподволь складываются два разных представления — сложение оригинальное, порождающее яркое изображение. Художественно-изобразительная ценность обоих отрывков приблизительно одинакова.

Мироощущение же авторов «Новой повести» и «Писа-

---

Смутному времени, стб. 1334. Далее ссылки на столбцы данного издания приводятся в тексте работы.

<sup>79</sup> «Для начала XVII в. такой вопрос не был лишь „поэтическим приемом“» (Адрианова-Перетц В. П. Древнерусская литература и фольклор. Л., 1974, с. 70).

ния о преставлении» заметно различалось. Если автор «Новой повести» тяготел к изображению человека в его противоположных чувствах и состояниях, то автор «Писания» больше любил нагнетать хотя и разные, но все-таки однотипные явления. Чаще всего плохое сопоставлялось с плохим же, как, например, болезнь с гневом — два неприятных состояния. Продолжая описание мук отравленного воеводы, автор снова связывал плохое с плохим, тяжкое с тяжким: «Он же на ложе в тосках мечущаяся, и бьющаяся, и стонущая, и кричащая люте зело, аки зверь под землею» (1335). Больной напоминал автору люто мечущегося зверя, а болезнь — давящий, душащий пласт земли.

И дальше несчастья сопоставлялись с несчастьями же. Вот изображаются похороны героя: «...безчисленное множество отовсюду стекаются мужие и жены и... старцы со юпотами, нищии, сленнии и хромии... И тако торжыща истощишася и купилища быша порозни оставльше, а раби — господей своих службы, и домы порозни быша житей своих: всяк возраст стекается на погребение его» (1341). Образ тревожной пустоты города создавался потому, что сборы населения на похороны связывались у автора повести с представлением о поголовном бегстве от какого-то стихийного бедствия — землетрясения или наводнения: «...ако и воздуху потупнути, и земли стонати, и камению колебати, не токмо церкви стенам, но и граду... и мост же церковный наводняшеся пролитием слез от народа» (1341—1342).

Попадают в «Писании о Скопине-Шуйском» художественно-изобразительные отрывки, основанные и не на сопоставлении плохого с плохим. Например, оплакивают умершего Михаила мать и жена: «И те же княгини, мати его и жена, пришедше же в дом свой, и падше на стол свой ниц, плакахуся горце, и захлебающе, стонущи, и слезами своими стол уливая, и слезные быстрины, аки речная струя, на пол с стола пролияшеся...» (1345). Здесь складывались представления о слезах и о речной воде, которой в палате заливают стол и проливают на пол, словно моют столы и полы, похоронив умершего. Слезы и вода речная — это не горестное в сочетании с горестным же, но все-таки нечто однородное материально. Ход мышления у автора «Писания о Скопине-Шуйском» и у автора «Новой повести» различался.

Но в данном случае эстетическую ценность для нас имеет не ход авторского мышления сам по себе, а его соответствие изображаемым лицам и ситуациям. Мышление противоположностями, характерное для автора «Новой по-

вести», приводило к резким, угловатым образам и отвечало публицистическим задачам уничтожить врагов и возвеличить защитников России. Нагнетание же однотипных представлений в повести о Скопине-Шуйском давало более плавные образы и больше соответствовало лирическому выражению неутешной скорби автора. Художественно-изобразительные отрывки в обеих повестях относительно равноценны притертой к своему целому.

Однако есть и прямое сходство в мироощущении авторов обеих повестей. Подобно автору «Новой повести», автор «Писания о Скопине-Шуйском» стремился подчеркнуть напор внутренних состояний человека во внешний мир. Отсюда болеющий герой выглядел как сильно гневающийся или как мечущийся зверь, грусть похорон — как ужас стихийного бедствия, горе — как выматывающий все силы труд. Вот эпизод из тех же похорон Скопина-Шуйского: «...безногие, ползущие, главами своими о землю бьющиеся, плачущие и жалостно причитаху» (1340). Сцена прямо-таки трагическая. Мало того, что люди в горе, они еще и безногие. Сочетаются обычные проявления горя (ср.: «бьющиеся о гробницу» — 1344) с походкой безногих — ползущей, скользкой, ныряющей. У этих двух представлений о людях горящих и людях безногих взаимодействуют ассоциации, отчего биения головой представляются непрерывными, частыми и неистово-размахистыми — «главами о землю». Проявления горя доходят до максимального предела.

И в других местах «Писания о преставлении», не обязательно художественных, персонажи повести выражали свои чувства буйными телодвижениями и действиями. В горе они не только рыдали, но и стонали, вопили, кричали, «захлебываясь» и все заглушая. Обижаясь, тут же глаголали «грубными словесы» (1337). Не только чувства, но и мысли героев оказывались проявленными вовне, как, например, у Михаила Скопина Шуйского: «Не токмо, государь наш, подвигом своим врагов устрашал,— причитает о нем множество народа,— но и мыслию помыслишь на врагов, на литовских и польских людей, и оне и от мысли твоя дале бегут, со страхом емлются» (1336). Не от произнесенного имени, а даже от чужой мысли бегут! Автор «Писания» признавал только преувеличенное (сравнительно с прошлой литературной традицией) внешнее выражение внутренних чувств и состояний человека. Таким отношением к чувствам героев авторы «Писания о преставлении Скопина-Шуйского» и «Новой повести» сходны, притом широко, во множестве случаев. Желание увериться и уверить читателей, что чув-

ства героев именно таковы, а не другие, было сильным как у автора «Писания о Скопине-Шуйском», так и у автора «Новой повести».

Короче говоря, художественно-изобразительная и эстетическая ценность отрывка о короле из «Новой повести» и отрывка о мучениях воеводы из «Писания о Скопине-Шуйском», при всех несовпадениях, является для нас одинаковой в самом основном. Аналогичные отрывки встречаются не только в «Писании о Скопине-Шуйском», но и в некоторых других произведениях начала XVII в., хотя не во всех и не слишком часто. Это означает, что отрывок о короле из «Новой повести» представляет для нас солидную историко-культурную ценность. Он представитель художественно-изобразительной элиты в современной ему русской литературе начала XVII в.

Можно поставить вопрос о месте отрывка о короле в еще более широком контексте — не только в литературе, но и в искусстве (если следовать за методикой работ Ф. И. Буслаева и Д. С. Лихачева). Например, бурное выражение чувств, настроения беспокойства и неуверенности во время Смуты, по-видимому, отозвались в русском иконописании, особенно в так называемой строгановской школе иконописи конца XVI — начала XVII в., в частности в иконах Емельяна Московитина, Никифора Савина, Прокопия Чирина с их неустойчивыми, привставшими на носки, суетливо жестикулирующими, хрупкими, страдающими человечками<sup>80</sup>. Связь литературы и искусства в начале XVII в. требует дополнительных исследований. Чем крупнее выделяемое общекультурное явление, тем яснее ценностная соотнесенность отдельных фактов. Эстетическая ценность отрывка о короле из «Новой повести», вероятно, будет выглядеть более значительной на фоне соответствующих явлений искусств.

#### 4

Еще не закончено определение историко-культурной ценности отрывка о короле. Ценностью обладает не только место явления в его современности, но и место явления в исто-

---

<sup>80</sup> Ср. характеристики иконописания начала XVII в.: Данилова И. Е., Мнева Н. Е. Живопись XVII века. — В кн.: История русского искусства. М., 1959, т. 4, с. 346, 354; Мнева Н. Е. Искусство Московской Руси: Вторая половина XV—XVII вв. М., 1965, с. 185; Она же. Живопись XVII века. — В кн.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII в.: Опыт историко-художественной классификации. М., 1963, с. 323, 329, 335—336, 348, 354.



рии. Есть своя ценность в истории ближней и в истории дальней.

Сначала следует сказать об истории ближней — очень кратко. Одним из непосредственных истоков художественно-изобразительных явлений в литературе начала XVII в. послужили черты изобразительности в официальных документах. Стремление к описанию преувеличенного внешнего выражения чувств и состояний людей распространилось прежде в документах, а потом и в повестях. Например, в «Грамоте утвержденной» 1598 г. об избрании Бориса Годунова царем рассказывалось о сильнейших переживаниях и плачах народа, патриарха, самого Годунова: Борис Годунов «со многим рыданием и плачем паде на землю — и, лежа, слезами землю мочаше на мног час... слезы теча от очю, яко же реки», люди же «толик плачь и вопль и рыдание испущаху, яко и воздуху наполнитися вопля и рыдания от неутешнаго плача и от стонания»<sup>81</sup>. Плачи в «Грамоте утвержденной» описывались гораздо чаще и обильнее, чем это было принято в торжественных посланиях и в житиях XV—XVI вв. Слезы в «Грамоте утвержденной» считались порукой истинности мыслей и желаний, высказываемых людьми: раз Годунов «отрицашеся со многими слезами и рыданием» стать царем, то, значит, действительно не хотел; раз народ рыдал, уговаривая Годунова, то, значит, действительно желал воцарения Бориса, и т. д.

Слезы являлись доказательством истинности признаний и в последующих документах. За частыми упоминаниями слез и рыданий сквозила неуверенность составителей документов в подлинных чувствах и помыслах людей, пока таковые многократно не подтверждены чем-то очевидным. Ранние повести же о Смутном времени дали описание уже целого набора человеческих чувств и желаний в их усиленном материальном проявлении. Художественное изображение чувств героев возникло на роскошной литературной и документальной основе конца XVI — начала XVII в. Вот в каком историческом ряду находился отрывок о короле из «Новой повести».

Этот литературно-исторический ряд оказывается, в сущности, бесконечным, охватывающим всю древнерусскую литературу, вплоть до древнейших времен. Можно перенестись даже на пять веков назад и все-таки разыскать отдаленных предшественников художественно-изобразительных явлений начала XVII в. Казалось бы, ничего похожего на «Новую

---

<sup>81</sup> ААЭ. СПб., 1836, т. 2, с. 31, 33.

повесть» нельзя найти, например, в древнерусском памятнике конца XI — начала XII в. «Сказании о Борисе и Глебе», повествующем о злодейском убийстве в 1015 г. двух юных и кротких князей их сводным братом Святополком, который задумал стать единоличным правителем Киевской Руси. Но вот отрывок из «Сказания»: когда убийцы напали на Глеба, то они «обнажены меча имуще в руках своих, бльщаща ся, акы вода»<sup>82</sup>.

Рассмотрим художественно-изобразительную сторону отрывка. В сознании неведомого нам автора «Сказания» развертывался знакомый процесс сложения представлений и их ассоциаций. Сравнение мечей с водой было неожиданным, нетрадиционным. Другие древнерусские авторы того времени при описании нападений и сражений хотя и упоминали блеск оружия, но все-таки не сравнивали его именно с блеском воды (обычно сравнивали с молнией). Ассоциации, которые могли пробуждаться у автора «Сказания» при упоминании воды, восстановимы как по тексту «Сказания», так и по текстам других памятников, современных «Сказанию» или переписанных вместе с ним в едином пергаменном «Успенском сборнике» конца XII — начала XIII в., одном из древнейших литературных древнерусских сборников, дошедших до нас. Картина получалась примерно такой: обнаженные мечи блестели ярким, холодным, текучим, зыбким, зловецким блеском, — все разносторонние оттенки изображения перечислить невозможно<sup>83</sup>.

Приведенный пример доказывает, что художественно-изобразительные места в древнерусских памятниках существовали чуть ли не с момента возникновения древнерусской литературы. Но если сравнить отрывок о короле из «Новой повести» XVII в. и отрывок о мечах из «Сказания о Борисе и Глебе» XI в., то эволюция художественно-изобразительных

---

<sup>82</sup> «Сказание о Борисе и Глебе» цит. по кн.: Успенский сборник XII—XIII вв./Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971, с. 51, стб. 2. Текст памятника цитируется с упрощением орфографии; далее ссылки на страницы и столбцы данного издания приводятся в тексте работы.

<sup>83</sup> Ср. главные ассоциации и поныне: «Вода...— холодная, жидкость, прозрачная, чистая... мокрая... течет...» (Словарь ассоциативных норм русского языка/Под ред. А. А. Леоптьева. М., 1977, с. 74). См. также замечание именно об этом сравнении: оно передает «серо-белый плеск и мерцание» мечей; «...число значений, содержащихся здесь, нельзя описать даже в вероятностном приближении, потому что значений тут сколько угодно...» (Палиевский П. В. Литература и теория. М., 1979, с. 104).

явлений бросается в глаза. Дело не только в том, что отрывок из «Сказания» менее понятен по языку и менее значителен по теме, чем отрывок из «Новой повести». Яркий образ в «Сказании о Борисе и Глебе» выражен с максимальной лаконичностью — сравнением, состоящим буквально из одного слова. Все ассоциации подразумеваются. Отрывок о короле в «Новой повести» тоже довольно скуп на детали, но не с такой степенью лапидарности. Одна из возможных линий эволюции: художники становятся «разговорчивее» и с большей отчетливостью и подробностью обозначают свои ассоциации. На это понадобились века.

Эстетическое значение отрывков также очень различно. За новым, нетрадиционным сравнением мечей с водой, в сущности, и не значились какие-нибудь важные особенности мировоззрения автора. Автор «Сказания» сопоставил то, что, так сказать, лежало на поверхности, — предметы, обладающие блеском. Необычное сравнение с водой появилось случайно. Автор рассказывал о плавании Глеба в ладье по реке. Убийцы нагнали Глеба и стали прыгать к нему в лодку. Мечи в руках убийц были обнажены над рекой, и сравнение с водой мелькнуло у автора «Сказания», когда он дошел до этого эпизода. Сравнение подсказал непосредственный контекст. Художественное изображение короля в «Новой повести» гораздо глубже мимолетного изображения мечей в «Сказании о Борисе и Глебе». Историко-культурная ценность отрывка о короле заключается в том, что он предстает перед нами как участник развития от свернутых художественно-образительных явлений к относительно более разветвленным явлениям.

Вот еще пример. В «Сказании о Борисе и Глебе» Глеб поминал погибшего брата Бориса: уже не надеюсь «узрети лице твое ангельское» (51.1). Лицо человека сопоставлено с видом ангела! Сопоставление совершенно необычное — тут нет сомнений. Ассоциации, связанные с видом ангела, были исключительно богаты в те времена: это можно проследить по употреблению слов «ангел», «ангельский» в «Сказании о Борисе и Глебе» и в современных ему оригинальных и переводных произведениях. Значит, можно определить, какие ассоциации могли быть перенесены автором: «лицо ангельское» означало не только лицо человека, похожее на ангельский лик, но и лицо существа, пребывающего уже в потустороннем мире; лицо недостижимое и далекое; лицо сияющее и прекрасное; лицо кроткое, нежное и доброе; лицо знакомое и родное и т. д., — все оттенки, сливающиеся в светлый и грустный образ, перечислить невозмож-

но. Однако сам автор, кроме одного-единственного эпитета, больше ничем не выдал своих ассоциаций. Все держится на одном слове.

Один из смысловых оттенков получившегося образа был «средним», переходным: Борис как бы уже не человек, но и не ангел, а что-то переходное от человека к ангелу. И действительно, завершая «Сказание», автор пространно рассуждал об убиенных Борисе и Глебе: «...ангела ли ва [вас] нареку... человека ли ва именуую?». И противоположные определения решительно объединил в нечто среднее: «Вы убо небесьная человека еста, земляная ангела» (5б. 1—2). За этими рассуждениями, вероятно, стояли какие-то богословские представления. Но напрасно искать отражение глубокого реального мироощущения автора в словосочетании «лице твое ангельское». Эпитет «ангельский», скорее всего, был навеян темой благочестивого плача Глеба по Борису. Остается в силе вывод о том, что отрывок о короле из «Новой повести» превосходил отрывки из «Сказания о Борисе и Глебе» развитостью и глубиной художественного изображения. В историко-литературном ряду повышается ценность отрывка о короле. Отрывок не случаен, как могло показаться на первый взгляд, а закономерен.

Для более обстоятельных суждений о ценности даже одного отрывка из «Новой повести» нужно сопоставить множество произведений XI—XVII вв., что равносильно подготовке отдельной монографии по всей древнерусской литературе. Ценностный подход немислим без предваряющих его историко-литературных исследований. Чем полнее история, тем яснее и ценность.

## 5

Ценность отрывка о короле зависит не только от истории одного художественно-образительного явления, но и от сосуществования разных художественно-образительных явлений на протяжении истории. Вернемся к XVII в. и приведем пример из «Повести об азовском осадном сидении донских казаков», написанной в 1642 г. и опять-таки совершенно непохожей на «Новую повесть». «Повесть об осадном сидении» (так называемая поэтическая) рассказывала о защите Азова казаками от турецкого войска. Первое же в повести упоминание азовской степи отличалось художественной образительностью: «Все наши поля чистые от орды нагайския, где у нас была степь чистая, тут стали у нас

одним часом людми их многими, что великия непроходимыя леса темные. От силы их турецкие и от уристания конского земля у нас под Азовым погнулась и реки у нас из Дону вода волны на берегу показала, уступила мест своих, в водополи»<sup>84</sup>. Чистая и светлая степь стала темной, просторная и пустая — непроходимой и тесной, ровная — погнулась, сухая — залилась, спокойная — стала зыбиться волнами и т. д.

В последующих отрывках добавлялись новые детали. Степь грозно потемнела: «Как есть стояла над нами страшная гроза небесная, будто молние...» (551), «как есть наступила тма темная» (552), «черные бе знамена» (552), «воздух... отемниша» (564). Степь тесно заставлена: турки «стали... в восм рядов от Дону, захватя до моря рука за руку» (552), «не могут... очи... видеть другова краю сил... Не перелетит через силу... турецкую никакова птица парящая...» (554). Степь от тяжести войск начала проваливаться: «...подкопы... все обвалились: не удержала силы их [т. е. турок] земля» (559). Тихая степь огласилась шумом: «Почали у них в полках их быти трубы болшие в трубы великия, игры многия, писки великия несказанные, голосами страшными их бусурманскими. После того у них в полках их почала быть стрелба мушкетная и пушечная великая...» (551), «набаты у них гремят, и в трубы трубят, и в барабаны бьют» (552), «рати великия топеря в полях у нас ревут...» (556). Тусклая, потемневшая степь засверкала огнями: «Фитили у них у всех янычар кипят у мушкетов их, что свечи горят... И все у них огненно, и платье на них всех яныческих златоглавое, на янычанях на всех по збурым их одинакая красная, яко зоря кажется. А на главах у всех янычаней шишаки, яко звезды кажутся» (552), «на обе стороны лишь огонь да гром... огонь да дым...» (559). Блеклая степь вдруг расцветилась красками: шатры «великие, яко горы страшные, забелелися» (551), «у нас в полях... хлекчют орлы сизые и грают вороны черные... брешут лисицы бурые...» (556), «знамена... зацвели на поле и прапоры, как есть по полю цветы многия» (559).

Художественное изображение азовской степи складывалось другим путем, чем изображение польского короля в «Новой повести». Главное отличие сводится к тому, что в

---

<sup>84</sup> «Изборник»: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969, с. 551. Текст «Повести» подготовил к печати О. В. Творогов. Далее ссылки на страницы данного издания приводятся в тексте работы.

отрывке о короле связывались представления об очень разных объектах, а в описании степи наслаивались представления о разных сторонах одного и того же объекта. Первый способ создания образа — быстрый, лаконичный, взрывчатый. Второй же способ — медленный, растянутый, пронизывающий нередко все произведение. Он предполагает у автора особо детальное знание объекта описания. Таким образом, ценность хлесткого изображения короля состоит в том, что оно в русской литературе XVII в. не единственное по типу и образует богатую мозаику с другими типами художественного изображения.

Второй способ художественного изображения с исключительной плодотворностью развился в русской литературе XVII в. У него было большое будущее. (Счет на первый и второй способы, конечно, условный.) Подобно первому способу, второй способ тоже стал получать энергию от сжатия. Впечатляющий пример — из «Жития» протопопа Аввакума, написанного в 1670-е годы. В «Житии» Аввакума можно выделить небольшой отрывок, содержащий описание природы Даурии в низовьях реки Ангары. Это один из первых развернутых пейзажей в русской литературе. Аввакум повествует о своей ссылке в Сибирь и о притеснениях, которым подвергал его енисейский воевода Афанасий Пашков. Пашков, в частности, пытался бросить ссыльного протопопа на верную гибель в совершенно безлюдных, диких местах. Аввакум вспоминает в «Житии»: «О горе стало! Горы высокия, дебри непроходимыя, утес каменной, яко стена стоит; в них же витают гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые; в тех же горах орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы [пеликаны], и иные дикие — многое множество птицы разные. На тех горах гуляют звери многие дикие: козы и олени, изубри и лоси, и кабаны, волки, бараны дикие — во очию нашу, а взять пельзя! На те горы выбивал меня Пашков со зверьми, и со змиями, и со птицами витать»<sup>85</sup>.

Приведенный отрывок из «Жития» состоит из двух взаимонаплавающих тематических слоев, частей: Аввакум, во-первых, говорит о себе и, во-вторых, рассказывает о

---

<sup>85</sup> «Житие» Аввакума цитируется по наиболее точному изданию, подготовленному к печати В. Е. Гусевым: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979, с. 32. Далее страницы данного издания указываются в тексте работы.

даурских горах. Вот что можно сказать о первой части. Себя (и любого другого человека на своем месте) Аввакум представлял остановившимся перед даурскими горами: идти дальше нельзя — ведь «дебри непроходимыя»; человек перед горами резко остановлен — перед ним «яко стена стоит»; человек этот только глядит, застыв, — «заломя голову»; он стоит все-таки поодаль гор — видит, «а взять нельзя», дотянуться не может; он стоит, ужасаясь, — «о, горе стало!». Каждый элемент описания был связан у Аввакума с разносторонними ассоциативными представлениями об остановившемся, огорошенном человеке.

О том, что Аввакум представлял себе человека именно ставшего, остановившегося, косвенно свидетельствует необычно частое повторение слова «стать» в контексте этого рассказа; причем слово «стать» получило и предметный смысл: Пашков, рассказывает Аввакум, стал притеснять двух беззащитных вдов, «стал их ворочать... И я ему стал говорить... стал меня из дощеника выбивать... О, горе стало! ...версты три от него стоял... Я веть за вдовы твои стал!» (32—33).

Существование подобных ассоциаций у Аввакума можно проверить по другим, аналогичным местам из его «Жития». Например, связь между представлениями «заломить, закинуть, сильно поднять голову» перед горой и «остановиться, стоять, горюя, переживая» хорошо проявилась в рассказе Аввакума о другом даурском эпизоде. Слово «стать» и тут так же часто повторялось: «...по льду зимою по озеру бежал... итти не могу... стал, на небо взирая, говорить... Ох, горе! ...гора великая льду стала... аз стах на обычном месте...» (49).

Предметные представления Аввакума о человеке, стоящем перед препятствием или перед объектом пристального наблюдения, были разносторонни до бесконечности: человек стоит долго (ср: «часа с три... стояли» — 20); различимы детали позы такого человека (ср. в других местах: «...ста... сиречь распростре руце свои»; «на месте станет, прижав руки, да так и простоит» — 20, 73); понятно горестное настроение этого человека («плачючи... стояли»; «плакавшаяся... стоя» — 20, 23); это настроение не без оттенка торжественной значительности и упорства («став и хвалу богу воздав», «стань среди Москвы, прекрестися знаменем...»; «мняйся стояти, да блюдется, да ся не падет» — 25, 65, 76); и т. д. и т. п. Все эти смысловые оттенки ощутимы в упоминании Аввакумом человека, остановившегося перед даурскими горами. Описание художественно.

Аввакум вник в смысл, казалось бы, случайной человеческой позы, связал ее с массой разнообразных ассоциаций, ранее мелькавших в литературе мимолетно, неясно и в одиночку; смог уяснить в самом обычном и безликом действии нечто важное и индивидуальное. За одной-двумя фразами Аввакума угадывается целый переворот в миро-созерцании, такая зоркость к деталям и такое дробление мира на детали, которые и не снились ранее, особенно в XI—XII вв.

Теперь можно рассмотреть и другую часть цитированного отрывка — описание Аввакумом самих даурских гор. Формально это перечисление птиц и животных, населяющих горы. Но каждый элемент описания имел у Аввакума свои пространственные ассоциации. «В горах тех обретаются змеи великие» — упоминание великих змей ассоциировалось с большой площадью, по которой они ползают по горам. В горах «витают гуси и утицы... вороны... галки... орлы, и соколы, и кречаты, и курята индейские, и бабы, и лебеди, и иные дикие — многое множество, птицы разные» — за каждой птицей ассоциативно был закреплен некий кусок верха, воздуха, неба над землей. Объемные куски складывались. Чем больше перечисление «витающих» птиц, тем крупнее и выше мыслилось обозначаемое пространство. Птицы цветные — «...гуси и утицы — перие красное, вороны черные, а галки серые», пространство у Аввакума окрашивалось, получало цветовую глубину. «На тех же горах гуляют звери многие дикие» — каждый зверь был обязательно окружен пространством горы. Звери не теснились, а «гуляли», и перечнем зверей обозначалась широкая раскинутость даурских гор. Аввакум смог выразить в пейзажном описании богатые, разносторонние, неисчерпаемые пространственные оттенки. На довольно ограниченную местность, увиденную собственными глазами, Аввакум перенес представления, обычно связанные в литературе с богатой обширной страной. Это опять та же манера видеть в малой детали великий мир. Художественное мышление писателей развивалось за счет подключения к общей картине мира все более «мелких», мимолетных или, наоборот, всегдашних, распространенных, обыденных сторон и явлений действительности.

Может показаться, что создание образов целого через нанизывание разносторонних деталей — заслуга XVII в. Но перенесемся в XI в., к упоминавшемуся уже «Сказанию о Борисе и Глебе». В «Сказании» дана характеристика суетной жизни князей: «Къде бо их жития, и слава мира



сего, и багряница, и брячины<sup>86</sup>, серебро и золото, вина и медуе, брашна чьстная, и быстрыи кони, и домове красньи и велиции, и имения многа, и и дани и чьсти бещисльни, и гърдения яже о боярех своих?» (45.1). Это лишь половина характеристики; но и ее пока достаточно. Можно ограничиться прямым смыслом приведенного перечня, не затрагивая его символического смысла. Описывается жизнь князей, проходившая в почете и богатстве,— то, как князья предпочитали «веселитися с чьстными вельможами... в житии семь» (49.2). Автор вспоминал все о новых и новых проявлениях богатой жизни: и о броской одежде князей, и об их украшениях или богатствах, и об обильной еде, и о просторном жилье, и о том, как добротнo они ездят, о том, как их почитают, и пр.— каждая деталь с новой стороны освещала богатую жизнь князей. Целое складывалось из разных сторон, подчас неожиданных. Целое становилось многосторонним. Ассоциации же автора, по-видимому, были бесконечными. Перечень явлений княжеской жизни в «Сказании о Борисе и Глебе» таил возможность неограниченного добавления ассоциаций на ту же тему. Недаром автор тут же добавил еще одну деталь княжеского величия: у князей «множество раб» (новая сторона — князья окружены боярами и рабами), а переписчики «Сказания» ввели в данный перечень упоминание о пирах: слово «брячины» они заменили словами «брачные пирове», и целый ряд деталей стал входить в наметившуюся картину княжеского пира<sup>87</sup>. Образ расширялся каждой новой деталью. Итак, уже в XI в. использовалось художественное составление целого из многосторонних частей, правда, менее систематичное и детальное, чем в XVII в. Этот способ изображения был вечным.

Но этот способ изображения, вероятно, никогда не представлял в чистом виде. Ведь даже в приведенном отрывке из «Сказания о Борисе и Глебе» жизнь князей сопоставлялась с жизнью грешников, складывались два представ-

---

<sup>86</sup> Брачина, брячина — шелковая ткань, род парчи. См.: *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1958, т. 1, стб. 175, 187; *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1975, вып. 1, с. 327; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1964, т. 1, с. 208—209.

<sup>87</sup> Список «Сказания» в «Великих минеях четвех» митрополита Макария середины XVI в.— В кн.: *Житие святых мучеников Бориса и Глеба и службы им/Приготовил к печати Д. И. Абрамович.* Пг., 1916, с. 30.

ления, очень разные, далекие по тем временам. Наряду со вторым использовался первый способ создания образов!

Перечисление благ княжеской жизни имело окончание, которое теперь уместно привести: «Уже все им аки не было николи же, вся с нимь ищезоша, и несть помощи ни от кого же сих: ни от имения, ни от множества раб, ни о[т] славы мира сего. Темь же и Соломон, все прошьд, вся видев, вся сътяжав и, съвъкунив, рече рассмотрив: «Все суета и суетие суетию буди...“» (45. 1—2). Вот блага есть — и вот их нет. Столкновение противоположностей приводило к представлению о «среднем» состоянии, о бесполезности столь ценных княжеских богатств, о легкости, внезапности, полноте исчезновения, казалось бы, прочного, плотного, яркого княжеского быта. В примере из «Сказания о Борисе и Глебе» сочетаются оба способа создания образов. В XVII в. же взаимопроникновение способов дошло до более высокой степени слитности и эффективности.

Какое отношение ко всему этому имеет отрывок о польском короле из «Новой повести»? История второго способа создания образов предохраняет нас от преувеличения художественной ценности отрывка о короле. Мы понимаем, что его художественно-историческая ценность довольно скромная, но ощутимая. Это крепкая вешка на фоне всей древнерусской литературы, в которой, по-видимому, существовали еще многие иные способы создания художественных изображений. Сделанный вывод о ценности отрывка, надо надеяться, останется актуален, пока у нас будет сохраняться потребность в истории образного мышления, в историко-литературной перспективе.

В заключение следует подумать о методической особенности ценностного подхода. Ценностный подход базируется на предваряющих его теоретических и историко-литературных исследованиях. Одно помогает другому. Например, чтобы сравнительно полно определить ценность маленького отрывка о короле из «Новой повести», приходится заниматься всей древнерусской литературой во всех аспектах — историческом, теоретическом, ценностном. А ведь мы совсем не затронули вопрос о месте отрывка в мировой литературе — тема огромная. Всестороннее определение ценности текста бесконечно, как бы мы ни ограничивали исходный объект для наблюдений — отдельным явлением или отдельным отрывком.

### 3. Литературный состав русских старопечатных сборников XVI—XVII вв. (Краткое описание по алфавиту названий)

А. Г. Мирзоян

В данном описании учитываются не все русские старопечатные издания XVI—XVII вв. Описываются лишь те издания, которые, независимо от их названий, фактически являются сборниками различных сочинений. Не описываются издания, содержащие только одно сочинение. Поэтому в данном описании не упоминается, например, «Книга о вере» Нафанаила, хотя это и толстая книга.

Старопечатные сборники XVI—XVII вв. также учитываются не все. Описываются лишь те сборники, в которых преобладают или хотя бы занимают заметное место произведения, предназначавшиеся для чтения. Не описываются сборники церковнослужебные, юридические, военно-уставные с относительно малой долей четьих текстов. Поэтому в данном описании не упоминаются, например, «Служебники», хотя в них можно указать любопытные в бытовом отношении четьи материалы. Не упоминаются и «Триоди постные», хотя они в конце обычно содержат «Житие Марии Египетской» Софрония Александрийского.

Четьи печатные сборники в данном описании тоже учитываются не все. Описываются только нетрадиционные, неканонические сборники разных анонимных сочинений и произведений разных авторов, содержащие подчас неожиданные памятники. В том числе описываются не совсем традиционные в русском книгопечатании «Потребник иноческий» и «Потребник мирской», а также «Чины присяг». Не описываются сборники, так сказать, постоянного, традиционного, сравнительно хорошо известного состава, например «Апостол», «Библия», «Евангелие», «Пролог», «Псалтырь» и пр., хотя в частности состав этих изданий в течение XVI—XVII вв. менялся. Не описываются сборники сочинений одного автора, например собрания произведений Ефрема Сирина, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника, Феофилакта Болгарского, Симеона Полоцкого. Поэтому не упоминается в данном описании и «Маргарит» Иоанна Златоуста, хотя в конце сборника слов этого автора добавлены «Житие Иоанна Златоуста» Георгия Александрийского и слово о пренесении мощей Златоуста. Кроме того, не описываются нами «Азбуки» и «Буквари» из-за преобладающей мелкости четьих текстов в их составе, хотя здесь помещает-

ся целиком «Сказание, како состави святыи Кирил Философ азбуку по языку словенску и книги преводе от греческих на словенский язык».

Наконец, в данном описании учитываются не все издания каждого сборника. Описываются только первое издание и новые редакции в переизданиях. Поэтому описывается, например, первое издание «Служб, жития и чудес Николы Мирликийского» 1640 г. и новая редакция сборника в издании 1643 г. Не описываются простые переиздания.

В итоге для описания нами выбрано 24 старопечатных сборника 1639—1696 гг.

Далее. Состав каждого сборника указывается не полностью. Не учитываются: 1) церковнослужебные тексты, включая молитвы, «чины», «правила» и пр.; 2) справочные тексты, включая оглавления и различные перечни, не содержащие никаких оценок; 3) отрывки из «Ветхого» и «Нового завета»; 4) мелкие четьи тексты объемом менее половины страницы в 2° или одной страницы в 4°, а также стихи объемом меньше четырех строк.

Сочинения, имеющие главы или части, как правило, поглавно не расписываются. Но в некоторых случаях главы или части сочинения все-таки указываются: если главы или части сочинения самостоятельно бытовали в рукописной традиции в качестве отдельных произведений, как, например, чудеса Николы; если главы или части сочинения принадлежат разным авторам или относятся к разным литературным жанрам, как, например, предисловие к «Великим минеям четьим» митрополита Макария в «Увете духовном» Афанасия Холмогорского; если главы или части сочинения содержат интересные исторические сведения, как, например, глава о Мамаевом побоище в «Житии Сергия Радонежского».

Каждый текст описывается в следующем порядке: название сочинения, нередко с использованием подлинного заглавия и с указанием, когда это возможно, автора, адресата и даты; начальные строки всего сочинения в целом, по без предваряющего афоризма, стиха, номера главы или зачала; раскрытие акростиха, если таковой имеется; листы или страницы, занимаемые сочинением в старопечатном сборнике. Двумя и более тире обозначаются главы, части и более мелкие разделы сочинений. Сокращения: Загл.—Заглавие, Нач.—Начало. Тексты XVI—XVII вв. передаются по общепринятой в научных изданиях упрощенной орфографии, а надстрочный знак ' передается как Ъ.

Сборники описываются в алфавитном порядке их названий.

## «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. М., 1648

Предисловие к «Грамматике». Загл.: «С богом починаем. Зде в предисловие вписахом к люботрудне тщатися хотящим к разуму учения грамматического...». Нач.: «Сам убо господь рече, спаситель наш и бог, яко Иоанн евангелист свидетельствует: „Испытайте писания...“». Л. 1—44.

— — «О разуме». Нач.: «Ничто же разума есть честнейше, ибо разум свет есть души словесныя...». Л. 18 об.—19 об.

— — Из первого слова Максима Грека на «хулящих учение». Без загл. Нач.: «Понеже убо рече неции, не вем, что ся им случивше, еретика мене, неповинна человека, называти не страшатся...». Л. 19 об.—21.

— — Из десятого слова Максима Грека «еже на Афродитиана персянина». Нач.: «Аще же не по всему согласуют с богодухновенными писании, яже от неких писуемая книги...». Л. 21—22 об.

— — Из одиннадцатого слова Максима Грека. Нач.: «Бог, иже всех содетель и господь, свидетель вам, благовернейшим, от мене, недостойнаго инока Максима...». Л. 22 об.—25 об.

— — Из двенадцатого слова Максима Грека «о книжном исправлении». Нач.: «Свидетеля вам, господам моим, предълагаю на душу и совесть мою...». Л. 25 об.—33 об.

— — Из предисловия Силуяна, ученика Максима Грека, к переводу «Евангелия от Матфея». Без загл. Нач.: «И да помышляет, яко и из человек несъмь грек и оттуда, но здешния персти и русин...». Л. 33 об.—34 об.

— — Стихотворные «Похвальная словеса сея блаженныя и святыя книги Грамматики, да не не рекутся, яко бы от лица ея быти реченным». Нач.: «Чтущаго мя, яко бы рече, почту и любящаго възлюблю, а уничижающаго не поношу и притекающаго ко мне не отжену...». Л. 40—44.

«Грамматика». Нач.: «Что есть грамматика...». Л. 45—346 об.

Ответы Максима Грека некоему, вопросившему «о грамматикии, и риторикии, и философии». Нач.: «Понеже убо яко подобающему коснувшумися неким мановением...». Л. 347—360.

Истолкование имен. Загл.: «Сословие имен по аз веди

святых сущих в святцах, с толковании словенска языка». Нач.: «Аввакум — борец силных...». Л. 361—373.

Грамматический разбор стиха «Апостол святыи Фома молит милостиваго бога...». Без загл. Нач.: «Рода мужескаго, числа единственнаго...». Л. 373 об.—385 об.

Послесловие к «Грамматике». Без загл. Нач.: «Сице вся божественнаго писания речения и слова и внешних беседованияи словеса...». Л. 386.

Послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Всесилный, и непостижимый, пресущественный бог наш, славимый в трех лицах, иже созда всю тварь видимую и невидимую... той же и ныне благоволив просвети сердечный очи... Алексею Михайловичю всея Руси самодержъцу произвести типографским художеством сию книгу глаголемую Грамматику...». Л. 387—388 об.

**«Жезл правления» Симеона Полоцкого.** Загл.: «Жезл правления на правительство мысленнаго стада православнороссийския церкве; утверждения во утверждение колеблющихся во вере; наказания в наказание непокоривых овец; казни на поражение жестоковых и хищных волков, на стадо Христово нападающих; сооруженный от всего освященнаго собора...». М., 1667

Послание патриарха Иоасафа и всего собора к царю Алексею Михайловичу. Загл.: «Благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю...». Нач.: «Истинну духом истинны наставляемый царь во пророцех написа...». Л. нн. 2—3.

Стихотворное предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Слава отцу и сыну и духу святому...». Акrostих: «Симеон Полоцкий трудился». Л. нн. 4.

Предисловие к изданию. Загл.: «Предисловие». Нач.: «Пастырей всех и всего стада словеснаго архипастырь бог и господь глаголяй...». Л. 1—16.

Предисловие к первой части. Загл.: «К благочестивому читателю». Нач.: «Естество естествующее вся премудростию создавшее тако устрои всю тварь...». Л. 16—18.

«Возобличения» на челобитную Никиты Пустосвята. Загл.: «Часть первая». Нач.: «И аз богомолец твой (глаголет к православному царю)...». Л. 19—88.

Предисловие ко второй части. Загл.: «Часть вторая Жезла правления. Предисловие». Нач.: «Равный борец и подобный Никите хулитель ратуяй на церковь есть Лазарь поп...». Л. 89—89 об.

«Возобличения» на челобитную Лазаря. Без загл. Нач.:

«Нецыи архиереи и иереи оставиша апостольское учение...». Л. 89 об.— 151 об.

**«История, или Повесть» Иоанна Дамаскина о пустынножителе Варлааме и индийском царевиче Иоасафе. М., 1681**  
Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Во славу святых троицы — отца и сына и святого духа, повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексиевича...». Л. тит.

Стихотворное предисловие Симеона Полоцкого к изданию. Загл.: «Предисловие к читателю». Нач.: «Благо есть книги святых читать и полезная от них собирать...». Л. 1—2.

Симеона Полоцкого «Стиси краесогласнии в похвалу преподобнаго отца нашего Иоасафа царя индийскаго». Нач.: «Приидите, вернии людие, внушите. Дивная имам рещи, умилно судите...». Л. 1—4 второго счета.

«Повесть о Варлааме и Иоасафе». Нач.: «Елицы духом божиим водятся, сии суть сынове божи...». Л. 1—213 об. третьего счета.

Симеона Полоцкого стихотворная «Молитва святого Иоасафа, в пустыню входяща». Нач.: «Боже отче всемогущий, боже сыне присносущий...». Л. 214—215 об.

### **Кириллова книга. М., 1644**

Первое стихотворное предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Предисловие и сказание в кратце о добрей сей и блаженней книзе, яко бы о некотором драгоценном низе...». Л. 6—6 об.

Второе стихотворное предисловие к изданию. Загл.: «Предваршему же убо по сих написанию по краегранесию имуще сложение сицево люботрудне чтущым книгу сию». Нач.: «Государьским повелением сия предобрая книга на них, злодеев, учинена, от многих божественных писаний, аки мечь изъострена...». Акrostих: «Господарев царев работник и вам божественни гизиконаистпним рачителем и любителем о бозе радоватися а врагом б креста Хринтова и развратником нншея православня вер скорбети п дечаооватии». Л. 7—14.

Третье предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Ведомо же буди всякому православному и о сем, яко убо многая воспретительная в сей акrostихиде...». Л. 14—15.

Четвертое предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Посем начинается сия блаженная книга чести, аки каменные драгое...». Л. 15.

«Книги ложныя, их же не подобает чести и держати православным христианом, суть же сии». Нач.: «Составлений мирьстий псалмы, еже есть сия: «Грядите вси вернии»; и другое: «Грядите»; и: „Кресту твоему водружшуся на земли“...». Л. 4—5 второго счета.

«Книги еретическия, их же не подобает чести православным». Нач.: «Мартолой, рекше астролог, астрономия, землемерие; Чаровник, в ней же суть дванадесять о прометных лиц звериных и птичиих...». Л. 5—7.

«И сия книги отреченныя». Нач.: «О Китоврасе басни и кощуну; Авгарево послание, что человецы невегласи неразумнии на себе носят...». Л. 7 об.— 8 об.

«Сказание» Кирилла Иерусалимского о восьмом веке, страшном суде и антихристе. Нач.: «О двою Христову пришествию и о знаменях ею Кирил святыи в первой главе сказует...». Л. 1—82 третьего счета.

«Избрание от многих святых отец писании» о троице, «о человечестве сына божия» и пр. «и на богомерзских латин и на прочих еретик обличительная словеса». Нач.: «Многа убо суть видим такова создания божия, о них же мало знаем, ни реци умеем...». Л. 83—557 об.

— — «Глава 25. О римском отпадении, како отступиша от православныя веры и от святыя церкви». Нач.: «При царе Константине и при матере его Ирине бысть и в Риме папа Андреан...». Л. 226—232 об.

— — «Глава 26. О латынских ересех». Нач.: «Прииде от папы Григория кардинал Иван Азимит и с ним латыньстии учителя...». Л. 233—241 об.

— — «Глава 35. О пременении дней и праздников». Нач.: «Не непотребно мною и о нынешнем дерзопреступлении латынском воспомянути...». Л. 308 об.— 355 об.

— — «Глава 36. Слово Максима Грека „на латинов“». Нач.: «Меда глаголют врачевствию сынове с естествоною сладостию своею...». Л. 357—412 об.

— — Глава 37. «Указание» Мелетия Александрийского, «яко дух святыи от единого отца исхождение имать». Нач.: «Иже во святых отца нашего Григория архиепископа солуньскаго новаго Богослова еже во изложении православныя веры...». Л. 413—431 об.

— — Глава 38. Послание Мелетия Александрийского 1594 г. марта 8. Нач.: «Славнейшему и пресветлому, благочестивому же и православному государю и князю острожскому Василию... Скорбь нам творят немалую различности жития сего...». Л. 431 об.— 435 об.

— — Глава 39. Послание Мелетия. Без даты. Нач.:



«Добро воистину и благочестивне рече Василии Великии в первом еже на Евномия...». Л. 436—450 об.

— — Глава 40. Послание Мелетия 1596 г. августа 30. Нач.: «Всеславному и велелепному, благочестивому же и православному государю и владыце острожскому и воеводе киевскому всесветлому князю Василию... Се есть еже глагола спас наш, братие, предъвозвещающая волны будущих бед...». Л. 451—467.

— — Глава 41. Послание Мелетия 1597 г. июля 23. Нач.: «Благочестивым и православным росиом, иже во всем высочайшем начале державнаго королевства польскаго живущим... Мужие росийстии, благочестия воспитание, православия заступницы...». Л. 467—481 об.

— — Глава 42. Послание Мелетия 1597 г. августа 4. Нач.: «Гедиону боголюбезнейшему епископу львовскому и с епископы, со благочестивыми священники и светлыми князи... Смирение наше молит и благословляет всех вас: овых убо яко пастыри добрыя...». Л. 482—489.

— — Глава 43. Послание Мелетия 1597 г. апреля 4. Нач.: «Пресветлому и благочестивому князю Василию, государю и властелю острожскому, воеводе киевскому, старосте володимерскому... Смирение наше желает вам все еже благо и спасително получитьи...». Л. 489 об.— 491 об.

— — Глава 44. Послание Мелетия 1597 г. августа 24. Нач.: «Православным и благочестивым братствам, иже в России обретающимся... Смирение наше молит и благословляет всех вас, о душе святе моля...». Л. 492—494.

— — Глава 45. Послание острожского князя Константина 1595 г. июля 24. Нач.: «Всем благочестивым христоменимым людем, единыя правыя веры сопричастником... Понеже от преименитых благочестивых своих родителей...». Л. 494—500 об.

— — Глава 46. Послание «от святыя Афонския горы скитъствующих». Без даты. Нач.: «Благочестивому князю Василию, поборнику церкви соборныя православныя... Дойде к нам глас плачевныи и толико съкорьбныи...». Л. 501—505 об.

— — Глава 47. Учительное послание Фотия Константинопольского болгарскому князю Михаилу о семи соборах «и какову подобает быти князю». Без даты. Нач.: «Иныя убо благодати, пресветлейшии и возлюбленныи паш сыне, малы и привременны...». Л. 506—548 об.

— — Без обозначения главы. «Изъложение въкратце» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского в вопросах и ответах о вере. Нач.: «Вопрос. Коя веры еси...». Л. 549—552.

Первое послесловие к изданию. Загл.: «Описание сея предобрья книги, како по царьскому велению напечатана бысть». Нач.: «Всесильный убо и всемогий бог, иже вся премудростию своею состраояет...». Л. 558—561.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Но убо, о богособранная чета православия, молим вы трудившиися книги сея...». Л. 561 об.

### **Последование молебного пения и поучение «во время нахождения супостатов». М., 1677**

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Во славу святых единосущных, животворящих и неразделимых троицы — отца и сына и святого духа, повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексиевича...». Л. нп. 1—1 об.

Почтение патриарха Иоакима, «возбуждающее люди до молитвы и поста во время нахождения супостатов». Нач.: «Благодать и мир бога отца вседержителя и едиnorodнаго его сына... Меча бойтеся, — глаголет бог к нам...». Л. 1—22 об. второго счета.

### **Потребник иноческий. М., 1639**

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «В сем Потребнике иноческом не напечатано освящение церкви, понеже прежде сего печатаны потребники трижды...». Л. 10<sub>2</sub>.

«Оглашение малаго образа, еже есть мантия». Нач.: «Блюди, брате, какова обетования даеши владыце Христу...». Л. 10—11 об. второго счета.

Образец поучения священника постригающемуся. Нач.: «Всецедры убо бог и многомилостивыи...». Л. 11 об.—12.

Образец «наказания игумена ко старцу». Нач.: «Се предаю ти, отче имя рек, брата сего имя рек от святого евангелия...». Л. 22 об.—23.

Образец ответной речи старца к игумену. Нач.: «Превыше нашей меры дело сие, честный отче...». Л. 23.

«Оглашение» великого образа. Нач.: «Блюди, чадо, какова обетования даеши владыце Христу...». Л. 32 об.—35.

Образец поучения священника постригающемуся. Нач.: «Прещедры бог и многомилостивыи...». Л. 35—35 об.

Слово Василия Великого «о постничестве, како подобает украшену быти иноку». Нач.: «Достоит иноку прежде всех нестяжательно житие имети...». Л. 50—52.

Послесловие издателей к чину великого образа. Без загл. Нач.: «О сем же убо зде испытавше от переводов различных...». Л. 53<sub>2</sub>—53<sub>4</sub>.

«Оглашение» священника постригающейся. Нач.: «Блюди, сестро, какова обетования даеши владыце Христу...». Л. 64—66 об.

Образец поучения священника постригающейся. Нач.: «Прещедрыи бог и многомилостивыи...». Л. 66 об.—67.

Слово Григория Нисского о исповедающихся. Нач.: «Сице подобает явьствено исповедати вся своя согрешения, отпеле же родися...». Л. 127—129 об.

Образец поучения священника исповедающемуся. Нач.: «Да аще, чадо, волю божию сотвориши...». Л. 134 об.—136.

Образец речи священника к кающимся инокам. Нач.: «Господине брате и сыну, не преступил ли еси своего иноческаго обещания...». Л. 138—139 об.

Образец исповедальной речи иноков к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешный имя рек...». Л. 139 об.—142 об.

Образец речи священника к кающимся инокиням. Нач.: «Повеждь ми, госпоже, сестро и дщи имя рек, не преступила ли еси своего иноческаго обещания...». Л. 142 об.—144.

Образец исповедальной речи инокинь к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешная имя рек...». Л. 144—146 об.

Образец речи священника к кающимся священникам. Нач.: «Како, брате, и господине, и отче, паче же и чадо имя рек, не порочен ли еси...». Л. 146 об.—148 об.

Образец исповедальной речи игуменов к священнику. Нач.: «Согреших, господине отче, пред богом и пред тобою...». Л. 148 об.—152 об.

Образец дополнительной исповедальной речи мирских иереев и дьяконов к священнику. Нач.: «Согреших, отче, от юности моя и доныне...». Л. 153—153 об.

Почтение священника исповедающимся «о ползе душевной». Нач.: «Чадо, не буди ти тяжко кающуся...». Л. 161 об.—163.

Вопрос и ответ Анастасия о кающихся. Нач.: «Аще кто завещает себе на добро дело с клятвою соделати то...». Л. 163—163 об.

«Почтение священником, и священноиноком, и дьяконом». Нач.: «Отче, и сыну, и брате, и господине, помыслим, на какову высоту жития возвани быхом...». Л. 166—168 об.

Образец исповедальной речи больного к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешный...». Л. 171 об.—172 об.

«От божественных писании и от святых правил собрание», или соборное изложение патриарха Филарета «о крещении латынь и о их ересех» 1620 г. декабря 16. Л. 213—327.

— — Предисловие к соборному изложению. Нач.: «Единого и истинного бога нашего, иже прежде всех и надо всеми и во всех...». Л. 213—220.

— — «Глава 1. Ересь римская, иже прияша от мелхиседекия...» Нач.: «Сии изверженнии и проклятии мелхиседекия...». Л. 220 об.— 221 об.

— — «Глава 2. Римская же ересь, иже прияша от Мантана еретика». Нач.: «Мантан убо еретик име две блудницы...». Л. 221 об.— 227.

— — «Глава 3. Римская же ересь, иже прияша от евномиян». Нач.: «Евномияне убо вместо крещения на главы своя возливают воду до пояса...». Л. 227 об.— 228 об.

— — «Глава 4. Римская же ересь, иже прияша от ариан...» Нач.: «Арияне убо ученицы Ариеви, иже от Понта...». Л. 228 об.— 229.

— — «Глава 5. Римская же ересь, иже прияша от месалиян и василиян». Нач.: «Месалияне убо и василияне последуют Оригенову мудрованию...». Л. 229 об.— 233.

— — «Глава 6. Римская же ересь». Нач.: «Мудръствуют и действуют не по апостольскому и святых отец предашию...». Л. 233—238.

— — — — «О новом коленьдаре». Нач.: «По седми же тысящех лет в царство государя царя и великаго князя Ивана Васильевича...». Л. 235.

— — — — «Из епистолии на римляны от седьмаго собора на латыню о опресноцех...» Нач.: «Ведыи буди, яко пресноцы ветхия...». Л. 235 об.— 236 об.

— — — — «О папе Формосе». Нач.: «В лето Льва царя Премудраго, сына Василиева Македонянина, бысть папа в Риме Формос проклятыи...». Л. 236 об.— 238.

— — «Глава 7. Указание от правил обличительно на ереси латыньския Иоанна митрополита русскаго ко архиепископу римскому о опресноцех». Нач.: «Да о тех же убо ересех во изъявлении своем свидетелствует и Тимофей...». Л. 238—238 об.

— — «Глава 8. О фрянзех и о прочих латынях...» Нач.: «Папа римский и елико же западныя страны христиане...». Л. 238 об.— 242.

— — «Глава 9. Указ, како изыскивати и о самех белорусцев, иже приходящих от польскаго и от литовскаго государства...» 1620 г. декабря 16. Нач.: «Божиею милостию аз смиренныи Филарет патриарх московский и всея Руси...». Л. 242—246 об.

— — Образец речи «иже от латынь приходящих» к священнику. Нач.: «Аз имя рек, иже от латыньския веры,

днесь прихожду ко истинному православному християньския непорочныя веры закону...». Л. 250—260.

— — Образец дополнительной речи лютеран к священнику. Нач.: «Отрицаюся и прокливаю всякое еретическое предание и списание их окаяннаго Вифлака и Яна Гуса...». Л. 260—264.

— — Образец утешительного поучения священника «ко оглашенным». Нач.: «Се конец вашего оглашения, предста избавления вашего время...». Л. 278 об.— 279 об.

— — Образец ответной речи «оглашенных» к священнику. Нач.: «И совокупляюся Христови...». Л. 280—280 об.

— — Образец второго поучения священника «ко оглашенным». Нач.: «Се отрекостесь диявола и сочетаетесь Христови...». Л. 281—282.

— — Образец поучения священника «новопросвещенному». Нач.: «Яко да его же приял еси от святыя купели...». Л. 295 об.— 296 об.

— — Образец речи «от срацыи обращающихся» к священнику. Нач.: «Аз имя рек, иже от саракин днесь прихожду к вере християньской не от некия нужды или беды...». Л. 299—302 об.

— — Образец дополнительной речи «от черкас приходящих» к священнику. Нач.: «Отрицаюся всех черкасских самозаконных обычаев...». Л. 302 об.— 305.

— — Образец речи евреев, «к христианстей вере приходящих». Нач.: «Отричуся всех жидовских обычаев и начинании...». Л. 306—307.

— — Образец второй речи тех же. Нач.: «Аз имя рек, иже от жидов, днесь прихожу к вере христианстей не от некия беды или нужда...». Л. 307 об.— 312 об.

— — Образец речи «проклинати ересь от яковитян». Нач.: «Аз имя рек от гнусныя ияковитян и ханцыцарския ереси к непорочней правоверных всею дшею приступаю вере...». Л. 322—324 об.

«Подобаеть же убо нам и о сем ведати». Нач.: «Яже у нас в велицей Росии воокруг страны наша земля великия Росии живущии языцы...». Л. 327<sub>2</sub>—327<sub>3</sub>.

«От собрания преподобнаго отца Иосифа Волоцкаго о иноческом чину, како бысть». Нач.: «Слышахом поругание от живущих стран воокруг живущих земли наша возле предел великия Росии...». Л. 328—360.

Послание Илариона Великого «к некоему брату, прссившу у него, и наказание ко отрекшимся мира...». Нач.: «К старейшему ми брату и Христову рабу убогии аз инок

и последний в братстве Иларион... Вем убо, яко послал ми еси таково слово...». Л. 361—387 об.

Образец новогодней речи святителя к царю. Нач.: «А государь боговенчаннй и благочестивый и христолюбивый царь и великий князь имя рек... В нынешнии в настоящий день праздника...». Л. 405—406 об.

«Номоканон, сиречь Законоправилник». Л. 1—92 об. третьего счета.

— — Первое предисловие к Номоканону. Нач.: «Преосвященным архиепископом и митрополитом, боголюбезным епископом... о всем всегда достоин хранили...». Л. 1.

— — Второе предисловие к Номоканону. Нач.: «В лепоту убо судихом в книгу Номоканона сего сотворити предисловие...». Л. 2—4 об.

— — Третье предисловие к Номоканону. Нач.: «Приемля помышления человеческая должен есть в писании наказан быти...». Л. 5—6.

— — «О чаровании». Нач.: «Чаровницы сии суть, иже негли давидския псалмы поюще...». Л. 16 об.— 17.

— — «О отровах». Нач.: «Отрава же есть, еже напоеньми смертоносными устроить нечто снадно...». Л. 17—17 об.

— — «О волхвовании». Нач.: «Волхвы убо суть, иже негли благотворныя бесы призывают...». Л. 17 об.— 20 об.

— — Из «Жития Андрея Уродивого». Нач.: «Вопрошен быв бес от треблаженнаго Андрея Христа ради уродиваго: „Откуда веси и предъглаголеши некая...“». Л. 21—21 об.

— — Слово 6 из «Отечника». Нач.: «Брат, борим блудом, иде к старцу и моляшеся ему...». Л. 21 об.— 22.

— — «От постных словес Великаго Василия». Нач.: «Аще подобает что в братстве свое имети, сие сопротивно есть...». Л. 33.

— — «Нравоучение» 18 Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к ефесеям. Нач.: «Услышите, молю вси, елицы хотите туне ненавидими быти...». Л. 41 об.— 42.

— — «Нравоучение» 30 Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к евреям. Нач.: «Аще увидиши друга блудяща...». Л. 42 об.

— — Из послания Никона к Сиклистю. Нач.: «Веждь убо, отче мой, яко божественая писания с божественными канонами определяют...». Л. 63—63<sub>2</sub>.

— — «Симеона Солунскаго». Нач.: «Всяк отлученыи, или безсловесне яко же сему мпится или законне...». Л. 63<sub>2</sub>—64 об.

— — Повесть о поучении Иоанна Милостивого пошам. Нач.: «И се паки некто иерей от церкви Иоанна Милости-

ваго начат служити вечерню без стихаря...». Л. 69—70.

— — Поучение «о устроении трапезы» и повесть из «Патерика». Нач.: «Не приноси брашна во уста своя, о иноче, прежде даже не пожрещи...». Л. 78 об.—79.

— — Поучение о посте с добавлением высказываний Афанасия Великого и Никифора патриарха. Нач.: «Смотри zde опасно, что святых апостол правило глаголет...». Л. 80—81.

— — «От Валсамона и от Зонарева толкование» о церковном пении. Нач.: «Божия церкви домове молитвам глаголются...». Л. 86 об.—87 об.

— — Образец речи священника к духовнику. Нач.: «Священная добре уставившии богопроповедницы апостоли...». Л. 89—89 об.

— — Послесловие к «Номоканону». Нач.: «А еже написаны в начале Номоканона сего в предъсловии святии отцы: преподобный отец Иоанн Зонар...». Л. 90.

Первое послесловие к изданию. Загл.: «Описание, еже есть объявление книги сея Потребника». Нач.: «Благоволением бога отца вседержителя и споспешением едиnorodнаго его сына... просветися смысл и очеса сердечная... царю и великому князю Михаилу Федоровичу...». Л. 16—18 четвертого счета.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Молим же вы, о христоименитии, всякаго чина отец и братию...». Л. 18 об.

### **Потребник мирской. М., 1639**

Образец поучения священника венчающимся, «какo лeпo жити християном с женами своими». Нач.: «Послушайте, чада, да скажу вам, что есть тайна християнская...». Л. 143—144 об.

Поучение Иоанна Златоуста к женам, «какo дoстoит с мужами своими жити». Нач.: «Услышите жены заповеди господня и научитесь в молчании повиноватися своим мужем...». Л. 151—152.

«Соборный свиток о законных и о беззаконных брацех» Сисиния Константинопольского 997 г. февраля 21. Нач.: «Три пределы суть о возбраненных брацех...». Л. 154—158 об.

Слово Григория Нисского о исповедающихся. Нач.: «Сиче подобает явственно исповедати вся своя согрешения...». Л. 159—162 об.

Образец речи священника к исповедающемуся. Без загл. Нач.: «Добре прииде, чадо, каятися грехов своих...». Л. 167 об.—173 об.

Образец дополнительной речи священника к женатым и вдовцам. Нач.: «Первая ли у тебе жена или другая...». Л. 173 об.—174.

Образец дополнительной речи священника к «приказным людям и властелем». Нач.: «Государю крест целовав, не изменил ли еси в чем...». Л. 174—175.

Образец исповедальной речи мирянина к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешный имя рек...». Л. 175—181.

Образец дополнительной исповедальной речи вельмож, князей, судей, приказных людей к священнику. Нач.: «Согреших, егда во время рати идьи на брань...». Л. 181 об.—182 об.

Образец исповедальной речи детей к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешный господу богу вседержителю...». Л. 182 об.—183 об.

Образец речи священника к девицам и женам. Нач.: «Госпоже сестро и дщи, повеждь ми изначала отнеле же родилася еси...». Л. 183 об.—187.

Образец речи священника к замужним и вдовам. Нач.: «Первыи ли у тебе муж или другой...». Л. 185—186.

Образец исповедальной речи жен к священнику. Нач.: «Исповедаюся аз многогрешная имя рек...». Л. 187—192 об.

Образец речи священника к священникам. Нач.: «Како, брате и господине и отче, паче же и чадо имя рек, не порочен ли еси...». Л. 193—195.

Образец исповедальной речи игуменов к священнику. Нач.: «Согреших, господине отче, пред богом и пред тобою...». Л. 195—200.

Образец поучения священника кающемуся «о ползе душевней». Нач.: «Чадо, не буди ти тяжко кающуся...». Л. 208 об.—209 об.

Вопрос и ответ Анастасия о кающихся. Нач.: «Аще кто завещает себе на добро дело с клятвою соделати то...». Л. 209 об.—210.

Образец поучения священника «детем духовным». Нач.: «Се, сыну, заповедаю ти аз грешный прежде всего...». Л. 213—215.

Образец поучения священника священникам и дьяконам. Нач.: «Отче и сыне и брате и господине, помыслим, на какову высоту жития возвани быхом...». Л. 215—218 об.

Образец «исповедания вкратце». Нач.: «Исповедаюся аз многогрешный господу богу вседержителю...». Л. 266 об.—267 об.

«От божественных писани и от святых правил собра-



ние», или соборное изложение патриарха Филарета «о крещении латынь и о их ересех» 1620 г. декабря 16. Нач.: «Единого и истинного бога нашего, иже прежде всех и надо всеми и во всех...» Л. 398—512.

«Подобает же убо нам и о сем ведати». Нач.: «Яже у нас в велицей Росии воокруг страны наша земля великия Росии живущии языцы...». Л. 513—514.

«Номоканон». Нач.: «Преосвященным архиепископом и митрополитом, боголюбезным епископом... о всем всегда достоит хранити...». Л. 1—90 об. второго счета.

«Заповедь благочестиваго царя Мануйла Комнина греческаго на обидящих святых церкви». Нач.: «Царь же сей Мануил Комнин тако узаконив и писания подав перушима. Прихождаху же мнози от строитель...». Л. 98—100.

«О том же благочестиваго царя Устинияна». Нач.: «От свитка новыя заповеди великия паче инех иже в чело-вечех. Два еста дара божия...». Л. 100—100 об.

«О том же святаго и равноапостольнаго великаго князя Владимира киевскаго и всея Руси». Нач.: «Тамо бо в его цесарском завещании и законоположении написано в духовной его грамоте. Еже разсмотрив греческий Номоканон и обрете в нем написано...». Л. 100 об.—102.

Первое послесловие к изданию. Загл.: «Описание, еже есть объявление книги сея Потребника». Нач.: «Благоволением бога отца вседержителя и споспешением едиnorodнаго его сына... просветися смысл и очеса сердечная... царю и великому князю Михаилу Феодоровичю...». Л. 1—3 третьего счета.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Молим же вы, о христоименитии, всякаго чина отец и братию...». Л. 3 об.

### **«Православное исповедание веры» Петра Могилы. М., 1696**

Предисловие патриарха Адриана к изданию. Нач.: «Ниже бы весьма потребователно было в нетления ризу безсмертну одеяну естеству человеку...». Л. 3—7 об.

Грамота Нектария Иерусалимскаго 1662 г. ноября 20. Нач.: «Не убо чрезделно, читателю любезнейший, сию книгу прочти...». Л. 11—13.

Грамота Парфения Константинопольскаго и синода 1643 г. марта 11. Нач.: «Мерность наша и с сущим при себе священным архиереев синодом и клиром прочетше посланую нам от сущия церкви в Малой России книгу...». Л. 14—14 об.

«Православное исповедание веры кафолическия и апо-

столския церкви восточныя». Нач.: «Человек христианин православный и католический что долженствует храни-ти...». С. 1—180.

Из третьего слова Иоанна Дамаскина об иконах. Нач.: «Рцем первое, что есть икона. Второе, чесо ради бысть икона...». Л. 181—190 об.

«Изложение веры по откровению» Григория Неокессарийскаго. Нач.: «Един бог отец слова живаго мудрости ипостасныя и мощи и характера...». Л. 191.

«Како же откровение святому Григорию о сем бысть жития его писатель святой Григорий Нисский повестует сице». Нач.: «Начало убо жизни сицево, понеже всякое наказание внешняя философии прешед...». Л. 191 об.—194 об.

**«Рай мысленный, в нем же различныя цветы...» Иверский монастырь, 1658—1659**

Стихи на герб патриарха Никона. Без загл. Нач.: «Егда печать сию вершии сматряем...». Л. тит. об.

«Предословие ко благочестивому читателю» Филофея. Нач.: «Дом пресвятыя пречистыя и преблагословенныя владычицы нашея богородицы и присно девы Марии Иверския и портантиси честныя иконы строение великаго господина святейшаго Никона...». Л. нн. 1—2.

«Сказание о святей горе Афонстей» Стефана Святогорца. Нач.: «Подобен возлюбленне и вожделенне зело иже блаженных путь в законе господне ходящих добродетельных муж стезе их ревнующе...». Л. 1—34.

«О священной обители Иверской и честней иконе портантской. Чудо 21». Нач.: «В лета благочестивейшаго и присно памятнаго царя Конъстантина процвете вера наша...». Л. 35—48.

«Слово благополезно» патриарха Никона о создании Иверскаго монастыря и о пренесении мощей Иакова Боровицкаго. Нач.: «Великая от вещей великих требуют и повестей и светлая дела светлаго и сказания требуют...». Л. 49 об.—73.

Похвальное слово о чудесах иконы богородицы в Иверском монастыре. Нач.: «Приидем днесъ, вернии, на боговидный всего мира позор, да усмотрим ныне не в зеркале и гаданиих...». Л. 73 об.—77 об.

Слово о явлении мощей Иакова Боровицкаго. Нач.: «Прежде век непостижимым мановением Божиим представленное падшаго рода человеческа спасение...». Л. 1—30.

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Анфологион, сиесть Цветословие страдалчества и мучения святыя великомученицы Екатерины, и святого великомученика Феодора Стратилата...». Л. 1 об.— 2.

«Мучение» девы Екатерины, «ново преведено от греческаго языка во славенский». Нач.: «С надежду веснепаго въхода нищй земледелатель труда отнюд ниже пота помышляет...». С. 1—57.

«Мучение» Феодора Стратилата, «ново преведено от греческаго языка во славенский». Нач.: «Ино несть сладчайшее во блазей души благочестиваго человека, благословеннии христиане...». С. 58—94.

«Житие Алексея человека божия». Нач.: «Се достиже время воздержания, возлюблени, поприще отверзеся...». С. нн. 1, с. 1—37 второго счета.

Вопросы и ответы Иустина Философа «о безтелесном и о бозе и о воскресении мертвых». Нач.: «Откуду явленно аще есть нечто безтелесное...». С. 38—81.

«Изложение главизн поучительных» Агапита диакона царю Иустиниану. Нач.: «Чести всякия превышше имей достоинство царю, почитаеши паче всех...». С. 82—114.

«Четверострочия святого Григория Богослова, преведена от еллиногреческаго языка в славенский монахом Арсением Греком на общую ползу». Нач.: «Сущее. Деяние ли предъпочитал бы еси или зрение...». С. 115—168.

Высказывание Григория Богослова «о исповедании». Нач.: «Не медли исповедати свой грех...». С. 169.

Ответ Григория Богослова Филагрию. Нач.: «Филагрию вопросившу о здравии Богослова. Он же отвеща: «Вопрошаеши мя, како живем...». Л. нн. 1—1 об.

Высказывание Григория Богослова «еже о Кесарии, брате его». Нач.: «Жду архангельскаго гласа последнюю трубу...». Л. нн. 1 об.

«Главизны» Нила о молитве. Нач.: «Иже хочет благовонный фимиам устроити...». С. 170—178.

«Главы поучительныя», или «притчи» Нила. Нач.: «Начало спасению есть себе самаго зазрение...». С. 179—209.

«Главизны» Максима к Елпидию попу «о любви». Нач.: «Любовь убо есть залог души благ...». С. 210—367.

«Стоглав» Геннадия Константинопольского «о вере, еже убо православную веру имети основание добрых дел есть». Нач.: «Веруй во отца, и сына, и святого духа — троицу неразделну...». С. 368—394.

Беседа Василия Великого о лихоимстве. Нач.: «Сугуб

есть вид искушений или убо скорби мучат сердца...». С. 395—421.

Слово Иоанна Златоуста «о еже обаче всеу мятется всяк человек живой». Нач.: «Понуждает недро глубинное рыболовца, егда мрежю въверг...». С. 422—439.

«О молитве святаго Иоанна Златоустаго». Нач.: «Яко же бо телу свет солнце, тако души молитва...». С. 440—441.

Стихотворная молитва Димитрия Кантакузина к богородице. Нач.: «Всех царя и бога мати благая...». С. 441—459.

О грехах и добродетелях. Без загл. Нач.: «Зде являем делателно седмь смертныя грехи...». С. 460—477.

«Главы, преведеныя от книги нарицаемая Рай о деянии и житии преподобных отец Нилом ипоком, нецыи же глаголют Ионою Геометром, списаны быти ироелеиакки». Нач.: «Яко безсмертна есть читающим полза...». Л. нн. 1—18 об. второго счета.

### **Сборник переводов Епифания Славинецкого. М., 1665**

Первое предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Во славу человеколюбца единого триипостаснаго бога отца и сына и святаго духа сии богодухновенныя книги великих пастырей церковных...». Л. тит.

Второе предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Ныне же благоволением и помощью бога отца вседержителя и споспешением едиnorodнаго его сына господа нашего...». Л. тит.—тит. об.

Третье предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «А свидетелствованы сия свята и богодухновенныя книги во типографии...». Л. тит. об.

«Житие Григория Богослова» Григория пресвитера. Нач.: «Созывает убо нас, о мужие, Григорий Великий, иже богословия тезоименитый...». Л. 1—10 об.

Стихи о Григории Богослове. Без загл. Нач.: «Григорий свиритствует богословием духа глубины...». Л. 11 об.

«Иже во святых отца нашего Григория Назианзина Богослова ответное в Понт бегства ради и паки возшествия оттуду по пресвитера хиротонии, в нем же кий священства обет и какову быти подобает епископу, слово 1». Нач.: «Победихся и победу исповедую...». Л. 1—15 второго счета.

«К призвавшим в начале и не сряцшым, по еже быти пресвитеру, слово 2». Нач.: «Како косненни на наше слово, о любимици и братие...». Л. 15—16.

«На Иулиана царя обличительное первое, слово 3». Нач.: «Услышите сия вси языцы...». Л. 16—34.

«На Иулиана царя обличительное второе, слово 4». Нач.: «Сия убо моих словес первое тризна скончася и совершися...». Л. 34 об.—41 об.

«Ответное на самыя по възшествии бегства, слово 5». Нач.: «Ничто же крепшее старости...». Л. 42—42 об.

«Григориа Назианзина Богослова на Григориа епископа Нисскаго, Великаго Василиа брата наставша на хиротонию, слово 6». Нач.: «Любимича верна не есть измена...». Л. 42 об.—43 об.

«Ответное на своего отца Григориа, присущу ему Василию, егда епископ хиротонисася Сасимск, слово 7». Нач.: «Паки на мя помазание и дух...». Л. 44—45.

«На отца своего, егда попусти ему пещися назианскою церковию, слово 8». Нач.: «Уста моя отверзох и привлекох дух...». Л. 45—46.

«На словеса и на сравнителя Иулиана, слово 9». Нач.: «Кое мучителство, им же из любве присно мучимся...». Л. 46 об.—49.

«На Кесариа своего брата нагробное, присущым еще родителем, слово 10». Нач.: «Мните мя негли, о любимичи и братие и отцеве...». Л. 49—54.

«На сестру свою Горгонию нагробное, слово 11». Нач.: «Сестру похваляя, своим почюждуся...». Л. 54—58.

«Мирное первое о единении монашествующих по молчании, при присутствии отца своего, слово 12». Нач.: «Решит мой язык усердие...». Л. 58—62 об.

«Мирное 2 на сошествие, еже по крамоле сотворихом единославнии, слово 13». Нач.: «Тепла ревность, кроток дух...». Л. 62 об.—65.

«Мирное 3, глаголанное в Константинограде на бывшее людем любопрение о епископех неких, разнесшихся к друг другу, слово 14». Нач.: «Мир любезный сладко и вещь и имя...». Л. 65—68.

«На отца, молчаца язвы ради града, слово 15». Нач.: «Что решите, чин похваляемый...». Л. 68 об.—72 об.

«Григориа Назианзина Богослова о нищелюбии, слово 16». Нач.: «Мужие, братие и соубози нищии бо вси...». Л. 73—81 об.

«К гражданствующим в Нанзианзе ужасающимся и пачалнику гневающуся, слово 17». Нач.: «Чревом моим, чревом моим болю...». Л. 82—84 об.

«На святаго священномученика Киприана слово, из села по едином памяти дни възшедшу, слово 18». Нач.: «Мало Киприан убеже нас от тщеты...». Л. 84 об.—88.

«На своего отца, в нем же и на Нопну мать утешительное, речеса же при присутствии Василия, на него же и предъначалие творит слова, слово 19». Нач.: «Человече божий и верный рабе...». Л. 88 об.— 96 об.

«На Василиа епископа Кесарии каппадокийския надгробное, слово 20». Нач.: «Имяше убо многи нам подълоги словес...». Л. 96 об.— 112 об.

«На великаго Афанасиа архиепископа александрийскаго, слово 21». Нач.: «Афанасиа похваляя, добродетель похваляю...». Л. 112 об.— 119.

«Григориа Назианзина Богослова на Маккавей, слово 22». Нач.: «Что же Маккавей, сих бо настоящее торжество не у многих...». Л. 119—122.

«На Ирона любомудреца, от изгнания возшедшаго, слово 23». Нач. «Любомудреца похваляю и, аще труждаюся телесем...». Л. 122—126.

«На из Египта пришедшыя, слово 24». Нач.: «Суцыя от Египта провещаю...». Л. 126—128.

«Ко ариапом и на себе самаго, слово 25». Нач.: «Где когда суть убожество нам поносяще...». Л. 128 об.— 131 об.

«О воразглаголаниих благочинии и яко не всякаго человека ниже всякаго времени о бозе разглаголстовати, слово 26». Нач.: «Понеже соидостеса усердно и многочеловеческое торжество...». Л. 131 об.— 137 об.

«На себе самаго и ко глаголющим пожелавати его седилица Константиня града, слово 27». Нач.: «Аз чюждуся, что когда есть...». Л. 138—140.

«На себе самаго, из села возшедшаго по бывших по Максиму, слово 28». Нач.: «Желах вас, о чяда, и възъжелался...». Л. 140—143 об.

«О догмате, сиречь о богословии слово 1 и о поставлении епископ, глава 29». Нач.: «Егда вижду нынешнее языкоболение...». Л. 144—146.

«На хиротонию доарийскаго беседа, изданная Евлалиа епископа, слово 30». Нач.: «Примите наше слово, братие...». Л. 146—146 об.

«На реченное евангелиа, егда сконча Иисус словеса сия и прочая, слово 31». Нач.: «Рыбари предизбрав Иисус и сам мрежествует...». Л. 146 об.— 150 об.

«Соборное на 150 епископов присутствие, слово 32». Нач.: «Како вам наша, о любезнии пастырие...». Л. 150 об.— 155 об.

«На евномианы предразглаголание, слово 33». Нач.: «Ко во слове художным слово и да от писания начну...». Л. 156—157 об.

«О богословии слово второе, глава 34». Нач.: «Понеже возочистихом словом Богослова...». Л. 157 об.—164 об.

«О сыне слово первое, глава 35». Нач.: «Яже убо рекл бы кто, присекая...». Л. 164 об.—169.

«О сыне слово 2, глава 36». Нач.: «Понеже тебе убо из мыслей извития и плетения довольно растрясохом...». Л. 169—173 об.

«О святом душе, слово 37». Нач.: «Убо о сыне слово таково и тако пробеже...». Л. 173 об.—179.

«На богоявления, или рождество спасово, слово 38». Нач.: «Христос раждается, прославите...». Л. 179 об.—182 об.

«На святых светых появлениях, слово 39». Нач.: «Паки Иисус мой и паки тайна...». Л. 182 об.—186.

«На святое крещение, слово 40». Нач.: «Вчера светлый светов день торжествоваше...». Л. 186 об.—196 об.

«Иже во святых отца нашего Григория архиепископа константинопольскаго Богослова слово 1 на пасху и медление, глава 41». Нач.: «Воскресения день и начало десно...». Л. 196 об.—197 об.

«На святую пасху слово 2, глава 42». Нач.: «На стражи моей стану...». Л. 197 об.—202 об.

«На новую неделю и на весну и на мученика Маманта, слово 43». Нач.: «Обновлением чтится ветхий закон...». Л. 202 об.—205 об.

«На святую пятидесятницу, слово 44». Нач.: «О празднике мала возлюбумудрствуем...». Л. 205 об.—208 об.

«К Евагрию монаху о божестве, слово 45». Нач.: «Зело же чуждуся и велми удивляюся трезвости...». Л. 209—210.

«К Нектарию епископу Константина града, слово 46». Нач.: «Мнится на сущую жизнь оставити...». Л. 210—210 об.

«Знаменание на Езекиила, слово 47». Нач.: «Непщует человека быти словесное...». Л. 211.

«На Аполинария ко Климонию пресвитеру послание 1, слово 48». Нач.: «Честнейшему и боголюбезнейшему брату и сопресвитеру Климонию Григорий во господе радоватися. Хотем уведати, кое новосечение при церкви...». Л. 211 об.—213 об.

«На Аполинария ко Климонию послание 2, слово 49». Нач.: «Понеже мнози пришедше ко твоему благоговению...». Л. 214—215.

«Метафрасис на Екклесиаста, глава 50». Нач.: «Сия же глаголет Соломон Давыда царя и пророка сын...». Л. 215—220.

Стихи о Василии Великом. Без загл. Нач.: «Василий воистинну великий столп церковный...». Л. 221 об.

«Шестоднев» Василия Великого.

— — «Беседа 1. В начале сотвори бог небо и землю». Нач.: «Лепотствующее начало о мира составлении имущу повествовати...». Л. 1—4 об. третьего счета.

— — «Беседа 2 о еже не видима бе земля и неустроена». Нач.: «Малым утренне в закосневше глаголом...». Л. 4 об.—7 об.

— — «Беседа 3 о образе бытия». Нач.: «Перваго дне дела, паче же единого...». Л. 8—11 об.

— — «Беседа 4 о собрании вод». Нач.: «Суть нецыи градове многоразными позорми чудотворении...». Л. 12—14 об.

— — «Беседа 5 о рашении земли». Нач.: «И рече бог: „Да прорастит земля...“». Л. 14 об.—18 об.

— — «Беседа 6 о бытии светил». Нач.: «Борбников зрителю причастится некоему подобаше...». Л. 18 об.—24.

— — «Беседа 7 о плезных». Нач.: «И рече бог: „Да изведут воды плезная...“». Л. 24—27.

— — «Беседа 8 о птицах и водных». Нач.: «И рече бог: „Да изведет земля душу живущую...“». Л. 27—30 об.

— — «Беседа 9 о земных». Нач.: «Како вам утренняя словес трапеза появися...». Л. 31—34.

— — «Беседа 10 о устроении человека». Нач.: «Древняго долга одание исполнющ гряди...». Л. 34 об.—39.

— — «Беседа 11 о человека устроении». Нач.: «Мудрый убо Соломон не во уветливых мудрости словесех...». Л. 39—43.

«Во святых отца нашего Афанасия архиепископа александрскаго ко епископом египетским и ливийским послание окружное на арианы первое». Нач.: «Вся убо елика господь наш...». Л. 1—8 четвертого счета.

«Во святых отца нашего Афанасия архиепископа александрийскаго на арианы слово 2». Нач.: «Ереси убо елики на истинну примыслившыя...». Л. 8 об.—27 об.

«Во святых отца нашего Афанасия архиепископа александрийскаго на арианы слово 3»: Нач.: «Аз убо мнех ариенеиствова лицемеры...». Л. 27 об.—51 об.

«Во святых отца нашего Афанасия архиепископа александрийскаго на арианы слово 4». Нач.: «Ариоманити, яко мню, усудивше...». Л. 51 об.—70.

«Блаженнаго Иоанна Дамаскина издание опасное православныя веры, яко непостижно божество и яко не подобает искати и испытвати не преданных нам от святых



пророков и апостолов и евангелистов». Нач.: «Бога никто же виде когда...». Л. 1—10 пятого счета.

«Книга вторая о вѣце». Нач.: «Той веки сотвори сый прежде век...». Л. 11—35.

«Книга 3 о божественном строении и тщательстве к нам и нашем спасении». Нач.: «Сим убо прилогом злоначалника демона прелстившася...». Л. 26—41.

«Книга 4 о сущих по востании». Нач.: «По востании же из мертвых вся убо страсти отложи...». Л. 42—58.

### **Сборник поучений. М., 1643 \***

Почуение патриарха Иосифа «архиереом и священноиноком и мирским иереом и всему священному чину». Нач.: «Слышите убо, сынове и братие о господе нашего смирения...». Л. 1—15 об.

«Почуение христоробивым князем и судиям и всем православным христианом». Нач.: «Всем человеком сущым во благочестии христианьскаго рода правоверныя веры в блазе образе...». Л. 16—25 об.

«Слово Сирахово на немилостивыя судии и князи, иже неправдою судят». Нач.: «Слышите, судии и князи, разумейте, внушите, держащии власть...». Л. 25 об.—26 об.

«Слово о гордости». Нач.: «Величаешися силою и властью, то кая есть сила, повеждь ми, или власть...». Л. 26 об.—27.

«Слово о судиях и о властелех, емлющих мзду и неправду судящих». Нач.: «Слышите, судии земли вся, сице глаголет господь...». Л. 27 об.—28.

«Слово Аввакума пророка на обидящыя и насильствующыя». Нач.: «Видите, обидливии, смотрите и чюдитесь чюдеси...». Л. 28—28 об.

«Слово святаго Василия о судиях и о властелех». Нач.: «Святыи великии Константин рече власть держащым...». Л. 29—38.

Слово Иоанна Златоуста о милостыни, «како подобает от праваго труда творити милостыню, а не от лихоимьства». Нач.: «Рече господь: „Сотворите себе други от мамоны неправеднаго, да примут вы...“». Л. 38 об.—40 об.

«Посем еще паки рцем к чистителем иереом христиан-

---

\* Сборник описал и определил дату его выхода А. А. Булычев на основании следующего документального свидетельства: «В нынешнем во 151-ом году августа в 9 день начаты печатать книги Патриаршее поучение в 3 станы. А в заводе 1200 книг. А из дела те книги вышли нынешнего 151 году августа в 24 день» (ЦГАДА, ф. 1182, оп 1, № 34, л. 70 об.).

скаго народа». Нач.: «Слышите убо еще, сынове и братие, о господе нашего смирения...». Л. 40 об.—45 об.

«Правило святых апостол и святых отец вселенских учителей». Нач.: «Заповедаем же иереом и всем ведящим книги, егда убо хотят исповедатися...». Л. 45 об.—48.

**Сборник 71 слова.** Загл.: «Книга глаголемая Соборник, юже о бозе починаем от недели мытаря и фарисея до недели всех святых». М., 1647

Слово Иоанна Златоуста о мытаре и фарисее. Нач.: «Видящи травник издалеча мечетную видят красоту цветия...». Л. 1—5 об.

Слово Кирилла Александрийского «от евангельскаго указания евангелиста Луки». Нач.: «Яко же в чювственных садах различни плоди суть...». Л. 6—7 об.

Толкование Григория Двоеслова евангельской притчи о блудном сыне. Нач.: «Возлюбленнии, послушайте самого Христа, о покаянии глаголюща притчю...». Л. 7 об.—9 об.

Слово Иоанна Златоуста «в неделю о блудном сыне». Нач.: «Присно убо божие человеколюбие проповедати должни есмы...». Л. 9 об.—17 об.

Слово Иоанна Златоуста «еже о умерших не скорбети». Нач.: «Принесем в день сей прежде древних дней спешнее слово...». Л. 18—30.

Слово Иоанна Дамаскина «о иже в вере усопших, яко о них бываемыя службы и благотворения пользует их». Нач.: «Яже от снедей чистая и сладкая предлагаема множицею...». Л. 30 об.—45.

Слово Григория Богослова «о нищелюбии». Нач.: «Мужие и братие и соубозии, нищии бо вси...». Л. 45 об.—108.

Слово Кирилла Александрийского «о исходе души от тела и о втором пришествии». Нач.: «Боюся смерти, яко горка ми есть...» Л. 108 об.—119 об.

Слово Ипполита Римского «о скончании мира и о антихристе и о втором пришествии господя нашего Иисуса Христа». Нач.: «Понеже убо блаженни пророцы очи пам быша...». Л. 120—140.

Слово Палладия мниха «о втором пришествии Христове и о страшном суде и о будущей муце и о умилении души». Нач.: «Ныне исповеждься, душе, и ныне умилися...». Л. 140 об.—158.

Беседа Василия Великого «о благодарении в понеделник сырный». Нач.: «Слышасте ли глаголы апостола, их же ꙗко солуняном глаголет...». Л. 158—167.

Слово Василия Великого «о еже внимай себе». Нач.: «Слова потребу дал есть нам создавый нас бог...». Л. 167—176 об.

Слово Василия Великого «о утверждении мира и совершении духовнем». Нач.: «Приидете ко мне вси труждающися и обременении...». Л. 176 об.—187 об.

Слово Василия Великого о посте. Нач.: «Молите, молитесь, люди моя...». Л. 188—194 об.

Слово Иоанна Златоуста «от евангельских святых указания». Нач.: «Убоимся убо могущаго и душу и тело погубити...». Л. 195—202 об.

Слово Анастасия Синайского о шестом псалме. Нач.: «Подобающее начало прилежнаго покаяния обдержить...». Л. 203—216 об.

Слово Василия Великого о посте. Нач.: «Вострубим, рече, на нов месяц трубою...». Л. 217—226 об.

Похвала Анастасия Синайского «о отшедших отцех». Нач.: «Что се день, возлюбленнии, со тщанием, купно же и достойно собрахомся...». Л. 227—231 об.

Похвальное слово Григория мниха «древле в посте просиявшим преподобным отцем». Нач.: «Хотящу ми к похвале отец язык подвигнути...». Л. 232—256.

Слово Григория Богослова «о отце молчаще язвы ради града». Нач.: «Что разоряете чин похваляемый...». Л. 256—291 об.

«Мучение» Феодора Тирона. Нач.: «Максимиан и Диоклитиан, беззаконная царя, посласта по своему царству...». Л. 291 об.—295 об.

«Исповедание» Нектария Константинопольского о памяти Феодору Тирону. Нач.: «Яко много множество благостыни твоя, господи...». Л. 295 об.—301.

«Епистолия» Григория Двоеслова к царю Льву об иконах. Нач.: «Грамоты вашего богохранимаго царства и о Христе братии прияхом от Августолия...». Л. 301—307.

«Епистолия» Григория Двоеслова к царю Льву об иконах. Нач.: «Грамоты вашего царства и о Христе братии прияхом от Руфина...». Л. 307—313 об.

Слово Германа Константинопольского о кресте, иконах «и на еретики». Нач.: «Понеже убо мнози от иже безумне и безъсловесне еретичествующих...». Л. 313 об.—321 об.

Слово Иоанна Дамаскина об иконах и «на вся иконоборцы». Нач.: «Понеже убо мнози начаша съчиневати повесть...». Л. 322—338.

«Сказание известно» о чудесах иконы богородицы, «яже и римляныни нарицатися обыкши». Нач.: «Вся убо летом

и елика под летом по роде и роде бываемая...». Л. 338 об.—359.

Из книги Иоанна Дамаскина «Небеса». «О покланянии на восток и о кланяющихся на восток». Нач.: «Ни просто, ни без рассмотрения и разсуждения, ни без ума на восток покланяемся...». Л. 359 об.—360.

«Многосложный свиток» патриархов к греческому царю Феофилу об иконах. Нач.: «Еже от высочайшия десницы божия всемогущия вышняго царя царем... Понеже убо пресущественныи и пребожественныи и пребезначалныи божии отечь устав...». Л. 360 об.—392.

Слово Иоанна Златоуста о покаянии и о Авеле, пророке Данииле, царе Ахаве и пр. Нач.: «Видесте ли во ону неделю борение и победу...». Л. 392 об.—398 об.

Слово Иосифа Фесалоникийского на поклонение креста. Нач.: «Креста предлежит днесь торжество...». Л. 399—403.

Слово Феодора Студийского на поклонение креста. Нач.: «Радости день и веселия, яко знамение радости предъста...». Л. 403—406 об.

Слово Иоанна Златоуста о покаянии, «в нем же воспомяну и вся страсти человеческия». Нач.: «Присно убо поминати бога добро и зело благо...». Л. 407—436 об.

Слово Кирилла Туровского «о души человечесстей и телеси». Нач.: «Добро убо, братие, и зело полезно, еже разумети нам божественных писании учение...». Л. 436 об.—447 об.

Слово Иоанна Златоуста «како с разумом искати спасения». Нач.: «Приимем, братие, от хранилницы сея некое чювьство пользы духовныя...». Л. 448—452.

Иоанна Златоуста «повесть душеполезна в чину притчи о дворе и о змии и что есть житие сие настоящее всякого человека». Нач.: «Вся убо, возлюбленнии, яже во времена архиереи же и пастыри.. ». Л. 452 об.—460.

Слово Тимофея Иерусалимского «о востании еже от мертвых четверодневнаго Лазаря». Нач.: «Вечерю ныне днесь предълагает многоценную Лазарь...». Л. 461—465 об.

Похвала Иоанна Златоуста «о четверодневном Лазари». Нач.: «Христова воскресения се предтичет светозарное торжество...». Л. 465 об.—467 об.

Слово Кирилла Александрийского «во святую неделю цветоносную». Нач.: «Царьский днесь вернии приход празднующе...». Л. 467 об.—476.

Слово Тита Всторского о просвещении Лазаря. Нач.: «Яко же неизмеримая глубина точит без зависти источники вод...». Л. 476 об.—483.

Слово Кирилла Туровского «от сказания евангельскаго». Нач.: «Велика и ветха сокровища, дивно и радостно откровение...». Л. 483—486.

Слово Иоанна Златоуста «в неделю цветоносную». Нач.: «От чудес на бо́лшая чудеса господня приидем, братие...». Л. 486 об.—489 об.

Слово Иоанна Златоуста об иссохшей смоковнице. Нач.: «Яко же убо видяи дуб цветущ или источник силне текущ...». Л. 490—493 об.

Слово «о смокви и о жене блудницы и беседе ея лестней и о змии». Без автора. Нач.: «Прииде к смокви господь, си смоквь образ приношаше широкаго и пространнаго пути...». Л. 493 об.—495.

Слово Иоанна Златоуста «о реченнем: „Отче, аще мощно, чаша си да преидет от мене“». Нач.: «При всем уподобишася церковнии учители матери чадолюбивей...». Л. 495 об.—501 об.

Слово Иоанна Златоуста о собрании евреев на Христа. Нач.: «Уподобишася церковнии кормици детем, иже млеко по вся дни пищу себе съсуть...». Л. 501 об.—504 об.

Слово Иоанна Златоуста «о десяти девах и о милостыни и о покаянии и о молитве». Нач.: «Весте ли убо, откуда нам речь начася исперва или где оставися...». Л. 504 об.—514 об.

Слово Евсевия Самосадского о сошествии Иоанна Предтечи во ад. Нач.: «Возлюбленнии, добро есть рещи, каково есть благовещение Предтечи во аде...». Л. 514 об.—523 об.

Слово Иоанна Златоуста о зависти. Нач.: «Елико вас Илиини ученицы есте, иже убогия трапезы вдовичи не похули...». Л. 523 об.—528 об.

Слово Ефрема Сирина о блуднице. Нач.: «Мнозем святым, сущим достойно похваляющим...». Л. 528 об.—536 об.

Слово Иоанна Златоуста о покаянии и умилении, «в нем же повесть о Арааве блуднице». Нач.: «Всегда ублаженнии апостол, божественнии небеснии приемля язык...». Л. 537—550 об.

Слово Иоанна Златоуста о предательстве Иуды «и еже не поминати зла». Нач.: «Мала нужда днесь к вашей любви совещаи...». Л. 551—561.

Слово Иоанна Златоуста «егда умы Христос нозе учеником своим на вечери». Нач.: «Милость божию и человеколюбие проповедает вся тварь...». Л. 561—564 об.

Слово Иоанна Златоуста «о кресте и о отвержении Петрове». Нач.: «Потребно есть в сие время долг Иовов воздати...». Л. 564 об.—569 об.

Слово Георгия Никомидийского «о еже стояху при кресте Иисусове матери его и сестра матери его». Нач.: «Высочайшее нам востекая слово горе бывшия трубы шум к себе всю созывает тварь...». Л. 569 об.—586 об.

Слово Иоанна Златоуста о распятии Христовом и похвала кресту. Нач.: «Прииди днесь, о блаженный Павле, риторская оставив лестная словеса...». Л. 587—593 об.

Слово Иоанна Златоуста «о страсти Христове и о положении во гроб». Нач.: «На утрия, еже есть по пятце, собращая архиереи и фарисее...». Л. 593 об.—598.

Слово Иоанна Златоуста «во святую и великую субботу». Нач.: «Велика убо тварь небо...». Л. 598 об.—601 об.

Слово Епифания Кипрского о погребении тела Иисуса Христа. Нач.: «Что се днесь безмолвие многое на земли...». Л. 602—615 об.

Слово Григория Богослова на пасху «и на опоздание». Нач.: «Воскресения день и начало десно...». Л. 616—631.

Слово Григория Богослова на пасху. Нач.: «На стражи моей стану,— рече чюдный Аввакум...». Л. 631—737.

Слово Григория Богослова о весне, о мученике Мамонте и о обновлении. Нач.: «Поновления чтатися ветхий закон и добру имеющь...». Л. 737—766.

Слово Кирилла Туровского о снятии тела Христова со креста и о мироносицах и похвала Иосифу. Нач.: «Праздник от праздника честнейшии приспел есть...». Л. 766 об.—774.

Слово Иоанна Златоуста «о расслабленном и еже не судити на лица». Нач.: «Яко же светел месяц пощную тму обеляя иже по земли ходящим...». Л. 774 об.—780.

Слово Иоанна Златоуста «о жене самаряныни». Нач.: «Днесь владыка Христос, податель благодати, благодатный творец...». Л. 780—783 об.

Слово Иоанна Златоуста об исцелении слепца Христом. Нач.: «Многа и различна суть святых книг учения...». Л. 784—800.

Слово Иоанна Златоуста на вознесение Христа. Нач.: «Светлое ми сие церковное позорище не смех бо человеком творит суетен...». Л. 800—802 об.

Слово Кирилла Туровского «о воскресении всероднаго Адама из ада». Нач.: «Прииди убо ныне, духом священныи пророче Захарие...». Л. 803—807.

Слово Кирилла Туровского на собор 380 отцов и похвала отцам никийского собора. Нач.: «Яко же ритори и витии, рекше летописци и песнотворци прикланяют своя слу-

хи в бывших прежде между царей рати и ополчения...». Л. 807—813.

Слово Григория Богослова «на святую пятидесятницу». Нач.: «О празднице мало да любопремудствуем...». Л. 813 об.—863 об.

Похвала Иоанна Златоуста всем святым. Нач.: «Радуися, рай, и ты, едеме, веселися...». Л. 864—874 об.

Послесловие к изданию. Загл.: «Описание сея глаголемыя книги Соборника». Нач.: «Понеже благии и премилостивый бог наш не восхоте благности своей в молчании быти...». Л. 875—881 об.

**Сборник слов о поклонении иконам.** Загл.: «Книга слова избранныя святых отец о поклонении и о чести святых икон». М. 1642

Глава 1. Слово греческого царя Константина Порфирогенита, «повесть от различных собрана историй» об изображении Христа на льняной ткани и перенесении «нерукотворенного образа» из Едеса в Константинополь. Нач.: «Не убо един сам непостижим бе, соприсносущныи отцу бог-слово...». Л. 1—38.

Глава 2. Первая «епистолия» Григория Двоеслова к царю Льву Исаврянину об иконах. Нач.: «Грамоты вашего богохранимаго царства и о Христе братии прияхом от Августолия...». Л. 38 об.—52.

Глава 3. Вторая «епистолия» Григория Двоеслова к царю Льву об иконах. Нач.: «Грамоты вашего царства и о Христе братии прияхом от Руфина...». Л. 52 об.—67.

Глава 4. Слово Германа Константинопольского о кресте, иконах и «на еретики». Нач.: «Понеже убо мнози о иже безумне и безъсловесне еретичествующих...». Л. 67 об.—86.

Глава 5. Слово Иоанна Дамаскина к царю Константину Копрониму о поклонении иконам и «на вся иконоборцы». Нач.: «Понеже убо мнози начыша съчиневати повесть по блаженнаго апостола Луки...». Л. 87—124.

Глава 6. Слово 41 Иоанна Дамаскина о поклонении иконам. Нач.: «Иже убо зазирают нас, кланяющимся нам и чтущим...». Л. 124 об.—133.

Глава 7. Слово 40 Иоанна Дамаскина о поклонении мощам. Нач.: «Почитати святых достойно есть...». Л. 133 об.—140 об.

Глава 8. «Сказание еже о чести и покланянии святых икон, избрано от многих божественных писаний» Нач.: «Мнози глаголют иконоборцы в своих писаниих...». Л. 141—155 об.

Глава 9. «Многосложный свиток» патриархов к греческому царю Феофилу о поклонении иконам. Нач.: «Еже от высочайшия десницы божия всемогущия вышняго царя царем... Понеже убо пресущественныи и пребожественныи и претезначальныи божии отечь устав...». Л. 156—231.

Глава 10. «Сказание известно» о чудесах иконы богородицы, «яже и римляныни нарицатися обыкши». Нач.: «Вся убо летом и елика под летом по роде и роде бываемая...». Л. 232—280 об.

Глава 11. Из книги «Небеса» Иоанна Дамаскина о поклонении на восток. Нач.: «Не просто, ни без разъсмотрения и разъсуждения, ни без ума на восток покланяемъся...». Л. 281—283.

Глава 12. Обличительное слово Зиновия Отенского «на ересь новых развратников православныя христианския веры Лютора, глаголю, и Калвина и на Феодосия чернца рекомаго Косого». Нач.: «Глаголют еретицы: „Посему ложни учителя русьстии епископы и попы...“». Л. 1—164 об. второго счета.

Первое послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Благоволением бога отца вседержжителя и съспоспешением сопредстольнаго и единароднаго сына его...». Л. 165—168.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Слава иже в троице славимому богу нашему, о нем же всяко благое дело начало приемлет...». Л. 169—169 об.

### **Скрижаль. М., 1655—1656**

«Предисловие к читателю» 1655 г. октября. Нач.: «Чин благолепый, пресущественным манием божиим в небесном священноначалии благоучиненный...». С. 1—18 второго счета.

«Слово отвещателно к читателем книги сея, толкования святыя литургии и прочих церковных таинств великаго государя святейшаго Никона архиепископа московскаго и всея Великия, и Малыя, и Белья России патриарха...» 1656 г. июня 2. Нач.: «Зазираху иногда нашему смиреню, мне, Никону патриарху, приходящии к нам в царствующий град Москву потреб своих ради святыя восточныя церкве святейшии вселенстии патриарси...». Л. 1—21.

«Скрижаль». С. 1—773 третьего счета.

— — «Предзрение главизное на едину куюждо бываемых скрижалей и таинств в божественном священнодействии собранное от Иоанна иереа Нафанаила. Глава 1». Нач.: «Мнози християне приходят в церковь с великим желанием и благоговением...». С. 1—22 третьего счета.



— — «Никифора Ксанфопула толкование в честнейшую к священномунаху и еклисиарху господину Неофиту от Одигитрии. Глава 107». Нач.: «Ниже дерзновение твое могу похвалити, ниже дерзость мою приемлю...». С. 604—682 третьего счета.

Послание Паисия Константинопольского патриарху Никону «о неких нужнейших винах церковных». Нач.: «Преблагеннейшему и благочестивейшему патриарху московскому, Великия же и Малыя России и многих епархий сущих по земли и по морю всея северныя страны господину Никону... Многое благодарение дахом и даем на всяк день богу, отнеле же прияхом грамоты преблагенства твоего...». С. 639—755 четвертого счета.

Вопрос патриарха Никона к Макарию Антиохийскому «о еже како персты десници имети, ими же вообразати на лице образ креста». Нач.: «Понеже убо избра нас святыи дух и освяти его благодать в служение и строение таин его...». Л. нн. 1—3 об.

Ответ Макария Антиохийского патриарху Никону. Нач.: «Предание прияхом с начала веры от святых апостолов...». Л. нн. 3 об.—5 об.

О соборе «о крестном изображении». Нач.: «Сея же ради епистолии восточныя церкве константинопольскаго фрону архиепископа Паисии...». Л. нн. 6—7 об.

«Дамаскина монаха, иподиакона и студита слово в поклонение честнаго и животворящаго креста». Нач.: «Уподобляется двенный святыи день, благословении христиане...». С. 756—789.

«О еже коими персты десныя руки изображати крест». Нач.: «Елика убо вещь велицей чести припрягается...». С. 790—817.

«Николаа священнаго малакса протопопа наиплийскаго о знаменовании соединяемых перстов...» Нач.: «Правость указателнаго перста и косвенство средняго...». Л. нн. 1—2 второго счета.

Сказание Максима Грека «о еже како подобает известно и твердо блюсти символ, сиречь исповедание православныя веры». Нач.: «Другу возлюбленному Максим монах радоватися во господе. О нем же спросился еси со мною...». С. 818—829.

Заключение издателей к сочинению Максима Грека и предисловие издателей к сочинению Зиновия Отенского. Без загл. Нач.: «И о сем убо довольно есть в научение наше слово сие премудраго Максима... А яко в греческом символе писано древле и ныне...». С. 829.

«От книги монаха Зиновия, бывша ученика премудраго Максима Грека, яже написана во обличение ереси Феодосия Косого, иже бысть в лето 7060. Глава 51». Нач.: «Вопроси мя Захария клирик, глаголя: „В символе ови глаго лют...“». С. 830—832.

«Того же от 46-го слова». Нач.: «Святыи седмый вселенский собор заклал неправа всяку книгу не писати...». С. 832—839.

Свидетельства «о еже како опасно хранити подобает образ веры». Без загл. Нач.: «К сему же долженствуется употребити во свидетелство известное...». С. 839—868.

«Соборное деяние» 1654 г. Нач.: «Благочестиваго и боговенчаннаго великаго государя царя и великаго князя Алексея Михайловича...». С. 1—59 пятого счета, л. 1—3 об. второго счета.

— — «Возглашение» патриарха Никона царю Алексею Михайловичу и всему собору. Нач.: «Ничто же ино богоугоднее есть...». С. 3—8.

— — «Соборное деяние, еже бысть в Константинополи» 1593 г. Нач.: «Святому и священному великому собору во имя господа бога и спаса нашего Христа собравшуся во храме...». С. 9—44.

Вопросы и ответы Афанасия Александрийского Антиоху «о множайших и нужных вопросах, в божественных писаниих недоумеваемых». Нач.: «Вероваше и крестившеся в троицу единосущную...». С. 1—232 шестого счета.

Вопросы и ответы Афанасия Александрийского, толкования евангельских притч. Нач.: «Идите во преднюю весь и обрящете человека, в скудели воду носяща...». С. 1—144 седьмого счета.

Вопросы и ответы Афанасия Александрийского «о божестве и о воплощении сына божия». Нач.: «Бог есть существо умное, невидимое и несказанное...». С. 146—195.

Гавриила Филадельфийского «сочинение о святых тайнах». Нач.: «Великая суть благоденствия и дары великаго бога и отца...». С. 1—200 восьмого счета.

Послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Богу в троице славимому, отцу и сыну и святому духу честь, слава и поклонение, давшему начати, творити же и совершити книги сия, преложенныя ново с греческаго диалекта на славенский...». Л. нн. 1—1 об. третьего счета.

**«Слово на Никиту Пустосвята» патриарха Иоакима.** (Пространная редакция). М., 1682 \*

Нач.: «Понеже вседержавный всех сущих тварей владыка Иисус Христос...». Л. 1—30.

— — Покаянное послание Никиты собору 1667 г. Без загл. Нач.: «Аз, окаянный и многогрешный Никита, прежде бывый перей соборныя церкви Суждаля града...». Л. 8 об.—12.

— — Разрешительная грамота собора Никите 1668 г. ноября 15. Без загл. Нач.: «175-го ноемврия в 15 день все-священный собор российстии архиереи ... собравшеся слушашом...». Л. 12 об.—20.

— — Челобитная Никиты вселенским патриархам и собору. Без загл. Нач.: «Государю святейшему кир Паисию папе Александрии и судии вселенскому...». Л. 20—22 об.

— — Челобитная Никиты патриарху Иоакиму 1681 г. Без загл. Нач.: «Великому господину святейшему Иоакиму патриарху...». Л. 23—24.

**Служба и житие Иоанна Воина. М., 1695**

«Слово о житии и чудесех святого мученика Иоанна Стратилата и Воина...» Нач.: «Егда царь израилев Соломон свыше богодарованную премудростию в чудесных деланиях все-творца нашего бога поучавашеся...». Л. 35—62 об.

«Слово на святого Иоанна Стратилата. Едино же есть на потребу». Нач.: «Словеса самого господа нашего Иисуса Христа от евангелиста Луки глава 10. Многия потребы в препровождение жития нашего в мире сем имама...». Л. 63—68.

«Стихи изъявительнии службосоделования». Нач.: «Хвалити бога о всем подобает...». Акrostих: «Худ Карион Истoмин ВССИВ». Л. 68 об.

**Службы, житие и чудеса Николы Мирликийского. М., 1640**

«Житие и жизнь и отчасти чудес сказание» Николы Мирликийского. Нач.: «Мудра некая вещь живописец рука и мощи уподобитися истинне...». Л. 1—153 второго счета.

— — «Отселе чудеса святого Николы, яже по преставлении его бывшая в различная времена. Чюдо святого Николы о Петре воеводе, его же ис темницы изъбави от срацын и приведе в Рим». Нач.: «Се паки дивно чюдо поведаю вам, братие...». Л. 51 об.—60 об.

---

\* В краткой редакции «Слова на Никиту» 1682 г. нет покаянного послания, разрешительной грамоты, челобитной вселенским патриархам.

— — «Чюдо святого Николы о муже, утопшем в море». Нач.: «Ниже по кончине забывая паству...». Л. 60 об.—65 об.

— — «Чюдо святого Николы о неповинном отроце в татьбе». Нач.: «Ино чюдо хощу вы сказати ныне, любимая братия и отцы...». Л. 65 об.—73 об.

— — «Чюдо святого Николы, сотворившееся во граде Киеве» «о утопшем детище». Нач.: «Воистину должны есмы глаголы господня творити...». Л. 73 об.—80 об.

— — «Чюдо святого Николы о половъчине, сотворшееся во граде Киеве». Нач.: «Во граде Киеве некто бяше человек целомудрен и смыслен...». Л. 80 об.—91.

— — «Чюдо святого Николы о срацынине, его же избави ис темницы святым Георгием...» Нач.: «В Кипръстем острове пришедше от Крита ратнии воевати...». Л. 91—94 об.

— — «Чюдо святого отца Николы о Димитрии, его же избави изо дна моря». Нач.: «Человек некий живый в Конъстантине граде...». Л. 94 об.—98.

— — «Чюдо святого Николы о Симеоне». Нач.: «Послушайте, чяда моя, молю вы, да вы повем...». Л. 98 об.—100 об.

— — «Чюдо святого Николы о Василии сыне Агрикове». Нач.: «Агрик некто имянем живый во стране антиохийстей...». Л. 101—111 об.

— — «Чюдо святого Николы о юноше Николе же имянем». Нач.: «Ино чюдо поведати хощу вам...». Л. 111—114 об.

— — «Чюдо святого Николы о некоем иереи имянем Христофоре». Нач.: «Аз вам, братие, не умолчю и сего...». Л. 114 об.—117 об.

— — «Чюдо святого Николы о ковре». Нач.: «Понеже убо слышахом святого духа пророком глаголюща...». Л. 118—125 об.

— — «Чюдо новейшее святого Николы о царе Стефане сербском, иже в Дачянех, како дарова ему очи иже на длане. Списано Григорием мнихом и презвитером, игуменом бывшим тоя же обители». Нач.: «Бяеше и се великаго и славнейшаго сербскаго языка...». Л. 126—134 об.

— — «Ино чюдо святого Николы о том же царе Стефане». Нач.: «Что еже отсюду пятое лето тогова пребывания тамо уже совершился...». Л. 134 об.—149 об.

— — «Чюдо святого чудотворца Николы о обнищавшем монастыре, его же обогати златом». Нач.: «Бе некий человек богат зело и милостив к нищим...». Л. 150—153.

Похвальное слово на память Николы Мирликийского.

Нач.: «Се наста, братие, светлое празднество предивнаго отца нашего чудотворца Николы...». Л. 153—162.

Слово на пренесение мощей Николы Мирликийского. Нач.: «Присно убо должни есмы, братие, праздники божия духовно праздновати...». Л. 163—171 об.

Похвальное слово на пренесение мощей Николы Мирликийского. Нач.: «Да се ведуше, братие, всякия злобы оставляйтеся...». Л. 171 об.—175 об.

Послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Иже неизреченною мудростию в троице славимый бог утверди небеса и в них солнце...». Л. 176—177 об.

### Службы, житие и чудеса Николы Мирликийского. М., 1643

«Сказание въкратце, предисловие о чудесех иже во святых отца нашего Николы Мирликийских чудотворца». Нач.: «Дивнаго сего и многочюдеснаго святаго архиерея божия, великаго святителя и славнаго иже во святых отца нашего и чудотворца Николы о рождении и о воспитании...». Л. 65—66 об.

«Житие и жизнь и отчасти сказание о чудесех» Николы Мирликийского. Нач.: «Мудра убо некая вещь бывает живописующих рукою, ею же образа начертание истинны...». Л. 64<sub>2</sub>—66<sub>2</sub>, 67—

— — «Сказание о трех девицах». Нач.: «Отселе убо лепоесть еже и по части сказати добродетели святаго...». Л. 73—79.

— — «О шествии святаго отца Николы еже в Палестину». Нач.: «Некогда лучися святому отцу Николе изыти в Палестину...». Л. 79 об.—84.

— — «О поставлении во епископство святаго отца Николы». Нач.: «Попремногу убо иже вышнии промысл устраяи вся...». Л. 84 об.—89.

— — «О велицем же отце Николе, како темницу прият и многа зла претерпе от христоненавистных мучителей». Нач.: «Преспевающе убо в словеси и прочая речем еже о велицем его преподобии...». Л. 89 об.—92 об.

— — «О разорении храма Артемиды богини еллинския». Нач.: «Бяху же тогда и еще идольская требища многа...». Л. 92 об.—94.

— — «О хождении на I вселенский собор святаго отца Николы». Нач.: «Тогда убо Коньстантину первому благочестивому царю уже римскую власть правящу...». Л. 94—95 об.

— — «О гладе, бывшем в стране ликийстей». Нач.: «Некогда убо ликийскую страну гладу немалу обдержавшу...». Л. 96—96 об.

— — «Сказание о трех мужех, како святый Никола избавил их от напрасныя смерти». Нач.: «Некогда убо мятежь възста в велицей Фригии...». Л. 97—101 об.

— — «Чюдо святаго Николы о трех воеводах, како их от смерти избави». Нач.: «Послании же воеводы, иже с ним на позор приидоша...». Л. 101 об.—111 об.

— — «Чюдо святаго отца нашего Николы, како избави корабль от потопа». Нач.: «Некогда убо корабленицы от Египта шествие сотворяюще...». Л. 112—115.

— — «О преставлении святаго Николы чюдотворца». Нач.: «И тако святый божий угодник великий архiereи Николае поживе...». Л. 115—116 об.

— — «О погребении святаго отца Николы и о чюдеси его, како корабль избави от бесовьскаго умышления». Нач.: «Соберитесь отцы и просветите церковь, притецыте священицы...». Л. 116 об.—122.

«Похвала иже во святых отцу нашему в чюдесех великому Николе архиепископу мирскому чюдотворцу». Нач.: «Кто тя возможет от человек земных похвалити по достоянию...». Л. 122—130.

«Сказание повести еже о пренесении честных мощей» Николы Мирликийского. Нач.: «Присно убо в памяти имети бога добро и зело благо и праздники божия в чести творити...». Л. 130—140.

«Похвала на пренесение честных мощей» Николы Мирликийского. Нач.: «Во истину убо едина добродетель достойна есть всякому похвалению и присному ублажению...». Л. 140—144 об.

«Повесть о чюдеси святаго отца Николы, яже о Агрикове сыне Василии». Нач.: «Не мно праведно, ниже достойно и се умолчати, еже о чюдеси святаго и преподобнаго отца нашего Николы. Бяше бо некий мужь именем Агрик, добродетелна и благоговейна жительства...». Л. 144 об.—151.

«Чюдо о Христофоре попе, како святый Николае избавил от посечения меча». Нач.: «В древних убо временех аравитянин бысть иерей некий...». Л. 151—153 об.

«Чюдо о некоем срацынине, его же святый Николае ис темницы исхити». Нач.: «Чюдно убо показуется слово проповеди, еже от некоего мужа боголюбива слышах. Бе убо при мори, рече, еллинеск град...». Л. 153 об.—158 об.

«Чюдо о трех иконах святаго отца Николы». Нач.: «Праведно убо мно и се изъглаголати, еже бысть в царство благочестиваго царя Леонтия...». Л. 159—165.

«Чюдо о Петре некоем военачалнице, его святый Никола

ис темницы избави». Нач.: «Многажды убо нам и скорби к лучшей жизни бывают...». Л. 165 об.—171 об.

«Чюдо о некоем мужи Димитрии, его же святыи Николае избави от потопления». Нач.: «Добро есть божественное писание всем проповедати верным...». Л. 172—174 об.

«Чюдо о некоем детищи утопшем, его святыи Никола жива сохрани». Нач.: «Кто убо слышав и не подивится великим и толико многим чюдесем святаго отца Николы...». Л. 175—179 об.

«Чюдо о Стефане царе сербьском, како ему святыи Никола по ослеплении очи на длани показа». Нач.: «От корене убо блага многоплодна же и ветвь благоразумнаго удобрения процвете...». Л. 180—187 об.

«Чюдо о том же царе Стефане, како святыи Никола первый свет ему дарова». Нач.: «Мало умолчавше zde о блаженнем Стефане и паки проповедь великаго страдалца изъяснити потщимся...». Л. 188—201 об.

«Чюдо святаго Николы о муже, утопшем в море». Нач.: «Ниже по кончине забывая паству...». Л. 201 об.—206 об.

«Чюдо святаго Николы о неповиннем отроце в татьбе». Нач.: «Ино чюдо хощу вы сказати ныне, любимая братия и отцы...». Л. 206 об.—214 об.

«Чюдо святаго Николы о половчине, сотворшееся во граде Кieve». Нач.: «Во граде Кieve некто бяше человек целомудрен и смыслен...». Л. 214 об.—225.

«Чюдо святаго Николы о Симеоне». Нач.: «Послушайте, чяда моя, молю вы, да вы повем...». Л. 225—227.

«Чюдо святаго Николы о юноше Николе же именем». Нач.: «Ино чюдо поведати хощу вам...». Л. 227 об.—230.

«Чюдо святаго Николы о ковре». Нач.: «Понеже убо слышахом святаго духа пророком глаголюща...». Л. 230 об.—238.

«Чюдо святаго чюдотворца Николы о обнищавшем монастыре, его же обогати златом». Нач.: «Бе некий человек богат зело и милостив к нищим...». Л. 238 об.—241 об.

Послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Иже неизреченною мудростию в троице славимыи бог утверди небеса и в них солнце...». Л. 242—243 об.

### **Службы, жития и чудеса Сергия и Никона Радонежских. М., 1646**

«Сказание о житии и о чюдесех преподобнаго и богоноснаго отца нашего игумена радонежскаго чюдотворца. Списано бысть от премудрейшаго Епифания». Нач.: «Слава богу о всем и всяческих ради...». Л. 1—175, нн. 1—2.

— — Послание Филофея Константинопольского Сергию Радонежскому. Нач.: «Милостиею божиею архиепископ Константина града... Слышахом убо еже по бозе житие твое добродетельно...». Л. 73—73 об.

— — «Глава 22. О победе еже на Мамае и о монастыре еже на Дубенке». Нач.: «Бысть убо богу попускающу за грехи наша, еже слышано бысть, яко ординский князь Мамай въздвиге силу велику...». Л. 86—88.

— — «Глава 85. Чюдо о жене, сотворшей пелену в лета 7153-е (1645 г.) июня в 6 день». Нач.: «Во дни благочестиваго государя царя и великаго князя Михаила Феодоровича...». Л. 158—159.

— — «Глава 86. Слово похвално преподобному отцу нашему Сергию. Сотворено бысть учеником его священноинком Епифанием». Нач.: «Тайну цареву добро есть хранити, а дела божия проповедати преславно есть...». Л. 159 об.—164 об.

— — Дополнительное чудо, напечатанное по повелению патриарха Иосифа. Загл.: «Чюдо о явившейся воде тоя же обители у церкви пресвятыя богородицы». Нач.: «В лето 7152-го обители живоначальные троицы и преподобнаго чудотворца Сергия у каменные церкви...». Л. нн. 1—2.

«Житие и подвизи преподобнаго отца нашего игумена Никона, ученика блаженнаго Сергия чудотворца». Нач.: «Кто убо исповедати возможет многая и великая божия дарования...». Л. 176—192.

Первое послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Всемогущая и животворящая святая троица и единосущная неодоержимая держава и неразделимое царство...». Л. нн. 1—4 об. второго счета.

Второе послесловие к изданию. Без загл. Нач.: «Прочее убо всех и повсюду православных молит наше неможение и нищета ума нашего...». Л. нн. 2.

### «Собрание краткия науки о артикулах веры». М., 1649

Предисловие к изданию. Нач.: «Сиречь о догматах или о преданиях веры православно кафолическия христианския. Артикул бо по словенску предание или собрание толкуется...». Л. 1—1 об.

«Символ, рекше исповедание» Афанасия Александрийского. Нач.: «Иже хочет спастися, прежде всех подобает ему держати кафолическую веру...». Л. 2—4.

«Изложение въкратце о вере и вопросы и ответы о богословии» Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского. Нач.: «Вопрос. Коя веры еси...». Л. 4 об.—6.



«Изложение о вере въкратце вопрошати и отвещевати всякому христианину православному» Максима. Нач.: «Вопрос. Колико естеств исповедуеши...». Л. 6 об.—8 об.

«Книга Катихисис, рекше учение о вере и о нужнейших винах, пристоящих к ней». Нач.: «Вопрос. Много ли есть вещей, потребных на спасение...». Л. 1—64 второго счета.

— — «Другая часть о надежи». Нач.: «Вопрос. Что есть надежда...». Л. 41—52 об.

— — «Третья часть о любви к богу и ближнему». Нач.: «Вопрос. Каая наука есть третьей части...». Л. 53—64.

«Стоглав» Геннадия Константинопольского «о вере, еже убо православную веру имети основание добрых дел есть». Нач.: «Веруй во отца и сына и святого духа...». Л. 65—77 об.

### **Тестамент греческого царя Василия к своему воцарившемуся сыну Льву Философу. М., 1680 \***

Предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Тестамент, или Завет Василиа царя греческаго к сыну его Лву Философу повелением благочестивейшаго великаго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексиевича...». Л. тит.—тит. об.

Стихотворное «Увещение к читателю» Симеона Полоцко-го. Нач.: «Всякий родитель, ему же от бога милость явлена с небесна чертога...». Л. 1—4.

Предисловие к переводу «Тестамента». Нач.: «Тестамент... в лето от рожества Христова осмьсотное осмьдесят шестое...». Л. 5—10 об.

«Тестамент». Нач.: «Живополезная некая вещь и поспешнейша не токмо царем, но и невеждам наказание...». Л. 1—85 об. второго счета.

Послесловие из украинского издания «Тестамента» 1638 г. Загл.: «Типографом избранное». Нач.: «Сей царь Василий Македонянин бе премудр сый...». Л. 86—91 об.

### **Увет духовный Афанасия Холмогорского. М., 1682**

Первое предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Во славу святых, единосущных, животворящих и неразделимых троицы — отца, и сына, и святого духа; повелением благочестивейших великих государей царей...». Л. тит. об.

Второе предисловие к изданию. Без загл. Нач.: «Молю убо вы аз, узник о господе, достойно ходити званию...». Л. тит. об.—ин. 2 об.

---

\* «Тестамент», изданный в Москве в 1661—1663 гг., не имеет предисловия к изданию и «Увещения к читателю».

«Возглашение увещательное всему российскому народу» патриарха Иоакима. Нач.: «Всем людем Божиим православным христианом во всем российском государстве всякаго чина и возраста...». Л. 1—83 об.

— — «Возглашение» патриарха Никона к царю Алексею Михайловичу и собору 1654 г. Без загл. Нач.: «Ничто же ино богоугодне есть, яко же во святых присно и божественных Божиих заповедех поучатися...». Л. 21—25.

— — Грамота Паисия Константинопольского к царю Алексею Михайловичу 1655 г. Без загл. Нач.: «О нем же писасте нам даем ответ о всех...». Л. 28—31.

Полемика с раскольниковой челобитной. Без загл. Нач.: «При сем нашея мерности увещании да увестъ всяк христианин блядивое расколников челобитье...». Л. 84—246 об.

«О сложении перстов десныя руки». Без загл. Нач.: «Посем, благовернии людие, услышите бога вседержителя особый промысл его к нам...». Л. 247—252 об.

Полемика с книгами раскольников. Без загл. Нач.: «А еже они расколники с собою книги носили и людей прелщали, яко бы написано праведно, у них же ныне взята книга Соборник писаная...». Л. 253—272.

— — Послание Максима Грека митрополиту Даниилу. Нач.: «О преслушании же сем отвечаю истиную преподобству твоему...». Л. 255—256.

— — Предисловие к «Великим минеям четым» митрополита Макария. Нач.: «В лета 7061 месяца ноемвриа в христоролюбивое царство святейшаго царя и государя и великаго князя Иоанна Василиевича...». Л. 266—270.

### Чины присяг. М., 1654

Образец присяги царю. Загл.: «Свиток уверения и обещания». Нач.: «Се аз имя рек обещаваюся государю своему царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси... служити...». Л. 8 об.—13.

Образец речи священника к присягающим. Нач.: «Се, чада, Христос невидимо zde предстоит, блюдите, како обещавааетея...». Л. 13—15 об.

Образец поучения священника присягающим. Нач.: «Сия убо слышаще, братие, последуем господним заповедем усердно и благими нравы украсим себе...». Л. 16 об.—18 об.

Образец речи священника к клянущимся во время тяжбы. Нач.: «Се, чада, Христос невидимо zde предстоит, блюдите, како клятвою себе свидетельствуете...». Л. 10 об., 9<sub>2</sub>—10<sub>2</sub> третьего счета.

Образец клятвы. Нач.: «Аз имя рек пред господем богом

моим по святым его пречистым словесем еже ей-ей известуюся неложне...». Л. 11—11 об.

Образец поучения священника клянущимся. Нач.: «Сия убо слышаще, братие, последуем господним заповедем усердно и нравы благими украсим себе...». Л. 11 об.—13.

Образец присяги служить «у государевых дел». Загл.: «Свиток верный». Нач.: «Се аз имя рек обещаюся пред сим святым страшным евангелием государю царю и великому князю Алексию Михайловичю всея Руси в том, что быти имя рек у его государева дела у денежнаго...». Л. 8—8 об. четвертого счета.

Образец речи священника «к хотящим быти у государева дела». Нач.: «Се Христос невидимо zde предстоит, блюди, како обещаваешия...». Л. 9—10.

Образец поучения священника присягающим. Нач.: «Сия убо слышаще, братие, последуем господним заповедем усердно и нравы благими украсим себе...». Л. 10 об.—12 об.

## СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею императорской Академии наук
- АИ — Акты исторические
- БАН — Библиотека Академии наук СССР
- ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина
- ГИМ — Государственный Исторический музей
- ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим
- ОИДР — Общество истории и древностей российских
- ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи
- ПСРЛ — — Полное собрание русских летописей
- РИБ — Русская историческая библиотека
- РО — Рукописный отдел
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР
- ЦГАДА — Центральный архив древних актов
- ЧОИДР — Чтения в ОИДР

# СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Встревоженный книгописец (Лука). Апостол. М., 1564	28
2. Встревоженный книгописец (Лука). Фрагмент. Апостол. М., 1564	29
3. Стесненный книгописец (Давид). Псалтырь. М., 1568	29
4. Изукрашенная заставка. Устав. М., 1610	32
5. Книгописец в изукрашенном месте (Марк). Евангелие. М., 1606	39
6. Растроганный книгописец (Матфей). Евангелие. М., 1627	42
7. Растроганный книгописец (Матфей). Фрагмент. Евангелие. М., 1627	60
8. Спокойный книгописец (Лука). Фрагмент. Апостол. М., 1638	67
9. Свержение с лестницы благополучия. Лествица. М., 1647	82
10. Созерцающий книгописец (Ефрем Сирия). Поучения Ефрема Сирина. М., 1647	106
11. «Государственный» титульный лист. Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647	115
12. Умиротворенный книгописец (Лука). Евангелие. М., 1653	128
13. «Голенький» (Иаков Боровицкий). Рай мысленный. Иверский монастырь, 1659, ч. 2	139
14. Богатый книгописец (Давид). Брашно духовное. Иверский монастырь, 1661	151
15. Энергичный книгописец (Иоанн Дамаскин). Октоих. М., 1666	166
16. Книгописец под бурными облаками (Марк). Евангелие. М., 1677	182
17. Щеголеватый книгописец (Давид). Псалтырь. М., 1678	198
18. Щеголеватый книгописец (Давид). Фрагмент. Псалтырь. М., 1678	199
19. Книги для читателей. Обед душевный. М., 1681	232
20. Нахмурившийся книгописец (Матфей). Фрагмент. Евангелие. М., 1681	233
21. Молящийся о мире. Служба и житие Иоанна Воина. М., 1695	244
22. Увлеченный книгописец (Матфей). Евангелие. М., около 1556	248
См. кн.: Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М., 1951	

# УКАЗАТЕЛЬ СТАРОПЕЧАТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ \*

- «Возглашение увещательное... на расколников...» Иоакима в «Увете» 1682 г. 224, 226—228, 230, 234—237, 239, 337
- Вопросы и ответы Анастасия Антиохийского и Кирилла Александрийского  
— в «Кирилловой книге» 1644 г. 304  
— в «Потребнике иноческом» 1639 г. 306  
— в «Потребнике мирском» 1639 г. 311  
— в «Собрании» 1649 г. 335
- Вопросы и ответы Афанасия Александрийского в «Скрижали» 1655—1656 гг. 329
- Вопросы и ответы Григория Богослова в «Сборнике» 1660 г. 314
- Вопросы и ответы Иустина Философа в «Сборнике» 1660 г. 314
- Вопросы и ответы Максима в «Собрании» 1649 г. 336
- Вопросы и ответы Никона и Макария Антиохийского в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328

\* В указателе учтены литературные сочинения, изданные в составе старопечатных книг XVI—XVII вв. Не учитываются рукописные сочинения. Старопечатные книги называются сокращенно: «Беседы» 1664 г.— «Беседы на евангелиста Матфея» Иоанна Златоуста; «Беседы» 1665 г.— «Беседы на евангелиста Иоанна» Иоанна Златоуста; «Вечеря» 1683 г.— «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого; «Жезл» 1667 г.— «Жезл правления» Симеона Полоцкого; «Извещение» 1677 г.— «Извещение чудесе о сложении триех первых перстов»; «История» 1680—1681 гг.— «История о Варлааме и Иоасафе»; «Ключ» 1659 г.— «Ключ разумения» Иоанникия Галатовского; «Месия» 1669 г.— «Месия правдивый» Иоанникия Галатовского; «Меч» 1666 г.— «Меч духовный» Лазаря Барановича; «Мир» 1669 г.— «Мир с богом человеку» Иннокентия Гизеля; «Обед» 1681 г.— «Обед душевный» Симеона Полоцкого; «Отпис» 1598 г.— «Отпис» острожского клирика Ипатию Потею; «Последование» 1677 г.— «Последование молебного пения»; «Поучения» 1647 г.— «Поучения Ефрема Сирина»; «Православное исповедание» 1696 г.— «Православное исповедание веры» Петра Могилы; «Рай» 1658—1659 гг.— «Рай мысленный»; «Сборник» 1643 г.— «Сборник поучений»; «Сборник» 1647 г.— «Сборник 71 слова»; «Сборник» 1660 г.— «Сборник переводов» Арсения Грека («Анфологион»); «Сборник» 1665 г.— «Сборник переводов» Епифания Славинецкого; «Слово» 1682 г.— «Слово на Никиту Пустосвята» Иоакима; «Служба» ок. 1625 г.— «Служба на положение ризы, еже есть хитон великаго господа бога и спаса нашего Иуса Христа»; «Служба» 1695 г.— «Служба и житие Иоанна Воина»; «Службы» 1640 г. и 1643 г.— «Службы, житие и чудеса Николы Мирликийского»; «Службы» 1646 г.— «Службы, жития и чудеса Сергия и Никона Радонежских»; «Собрание» 1649 г.— «Собрание краткия науки об артикулах веры»; «Тестамент» 1680 г.— «Тестамент, или Завет Василия, царя греческого, к сыну Льву Философу»; «Увет» 1682 г.— «Увет духовный» Афанасия Холмогорского; «Чины» 1654 г.— «Чины присяг».

Указатель составила А. Г. Мирзоян

- «Главизны» Максима в «Сборнике» 1660 г. 314
- «Главизны» Нила в «Сборнике» 1660 г. 314
- «Главы, преведеныя от книги нарицаемыя Рай...» в «Сборнике» 1660 г. 315
- Грамота разрешительная собора 1668 г. в «Слове» 1682 г. 330
- Грамоты, см. Послания
- «Епистолия», см. Послания
- «Житие Александра Невского» в «Прблоге» 1642 г. 123
- «Житие Алексея человека божия» в «Сборнике» 1660 г. 314
- «Житие Андрея Юродивого» в «Потребнике иноческом» 1639 г. 309
- «Житие Григория Богослова», соч. Григория Нисского  
— в «Православном исповедании» 1696 г. 313  
— в «Сборнике» 1665 г. 315
- «Житие Екатерины» в «Сборнике» 1660 г. 314
- «Житие Иоанна Воина» в «Службе» 1695 г. 330
- «Житие Иоанна Златоуста», соч. Георгия Александрийского в «Маргарите» 1641 г. 111, 298
- «Житие Иоанна Новгородского» в «Прблоге» 1642 г. 123
- «Житие Марии Египетской», соч. Софрония Александрийского в «Триодях постных» 298
- «Житие Михаила Малеина» в «Прблоге» 1643 г. 122
- «Житие Михаила Черниговского» в «Прблоге» 1642 г. 123
- «Житие Николы Мирликийского»  
— в «Службах» 1640 г. 330—332  
— в «Службах» 1643 г. 332—334
- «Житие Никона Радонежского» в «Службах» 1646 г. 335
- «Житие Сергия Радонежского», соч. Епифания Премудрого в «Службах» 1646 г. 334—335
- «Житие Феодора Стратилата» в «Сборнике» 1660 г. 314
- «Житие Феодора Тирона» в «Сборнике» 1647 г. 322
- «Заповеди» Мануила Комнина, Устиниана, Владимира в «Потребнике мирском» 1639 г. 312
- «Избрание от многих святых отец писании... на богомерзъских латин...» в «Кирилловой книге» 1644 г. 303—304
- «Изложение главизн поучительных», соч. Агапита в «Сборнике» 1660 г. 314
- Истолкование имен личных в «Грамматике» 1648 г. 300—301
- «Катихисис» в «Собрании» 1649 г. 336
- «Книга о вере» Иоанна Дамаскина в «Сборнике» 1665 г. 319—320
- «Книги ложныя, их же не подобает чести...»  
— в «Кирилловой книге» 1644 г. 302—303  
— в «Потребнике иноческом» 1639 г. 126
- «Многосложный свиток» об иконах  
— в «Сборнике» 1642 г. 327  
— в «Сборнике» 1647 г. 323
- Молитва Димитрия Кантакузина в «Сборнике» 1660 г. 315
- «Молитва Святаго Иоасафа...», стихотв. соч. Симеона Полоцкого в «Истории» 1680—1681 гг. 302
- «Небеса» Иоанна Дамаскина  
— в «Сборнике» 1642 г. 327  
— в «Сборнике» 1647 г. 323

- «Номоканон»  
 — в «Потребнике иноческом»  
 1639 г. 309  
 — в «Потребнике мирском»  
 1639 г. 312
- О грехах и добродетелях в «Сборнике» 1660 г. 315
- О Евводе и Онсифоре в «Прблогге» 1641 г. 121
- «О еже како опасно хранить подобает образ веры» в «Скрижали» 1655—1656 гг. 329
- «О еже коими персты десныя руки изобразати крест» в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328
- «О знаменовании соединяемых перстов», соч. Николая Наиплийского в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328.
- «О иноческом чину», соч. Иосифа Волоцкого в «Потребнике иноческом» 1639 г. 308
- О Калисте, Евводе и Ермогеме в «Прблогге» 1641 г. 116—118, 121
- О матери Симеона Столпника в «Прблогге» 1641 г. 116—118
- О Мине-диаконе в «Прблогге» 1641 г. 116—118
- О народах «во округ России»  
 — в «Потребнике иноческом»  
 1639 г. 126, 308  
 — в «Потребнике мирском»  
 1639 г. 312
- О Павле Повиннике в «Прблогге» 1641 г. 121
- О парализованном в «Прблогге» 1641 г. 116—118
- О причинах прозвания Иоанна Златоустом в «Маргарите» 1641 г. 111
- «О разуме» в «Грамматике» 1648 г. 300
- О Романе Чудотворце в «Прблогге» 1641 г. 121
- О священнике, зарезавшем серну и лань, в «Прблогге» 1641 г. 116—118
- «О священной обители Иверской и честней иконе портаитской» в «Рае» 1658—1659 гг. 313
- О Симеоне Столпнике в «Прблогге» 1641 г. 116—118, 121
- «О сложении перстов десныя руки» в «Увете» 1682 г. 337
- О соборе по поводу «крестного изображения» в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328
- О Стефане Римском в «Прблогге» 1641 г. 121
- Об Аммоне-диаконе и сорока девах в «Прблогге» 1641 г. 116—118
- Об иконе на озере Азурове в «Прблогге» 1641 г. 116—118, 121
- Об Иусе Наввине в «Прблогге» 1641 г. 116—118
- Образцы речей, поучений, присяг  
 — в «Потребнике иноческом»  
 1639 г. 305—306—310  
 — в «Потребнике мирском»  
 1639 г. 310—311  
 — в «Чинах» 1654 г. 337—338
- «От божественных писаний... собрание», см. «Соборное изложение» Филарета
- Повесть о поучении Иоанна Милостивого попам в «Потребнике иноческом» 1639 г. 309—310.
- «Повесть о страшном трусе» в «Прблогге» 1641 г. 121
- «Повесть о Темир-Аксаке» в «Прблогге» 1643 г. 123
- Повесть об авве Кононе в «Лимонаре» 1628 г. 119—120
- Полемика Афанасия Холмогорского с книгами раскольников в «Увете» 1682 г. 235—236, 242, 337



- Полемика Афанасия Холмогорского с раскольничьей челобитной в «Увете» 1682 г. 224, 228—229, 239, 337
- Послание «от святых Афонских горы скитствующих» в «Кирилловой книге» 1644 г. 304
- Послания Адриана в «Православном исповедании» 1696 г. 224, 228
- Послания Григория Двоеслова  
— в «Сборнике» 1642 г. 326  
— в «Собрнике» 1647 г. 322
- Послания Илариона Великого в «Потребнике иноческом» 1639 г. 308—309
- Послания Иоасафа в «Жезле» 1667 г. 301
- Послания Иоанна Златоуста в «Маргарите» 1641 г. 111
- Послания Константина Острожского в «Кирилловой книге» 304
- Послания Максима Грека  
— в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328  
— в «Увете» 1682 г. 337
- Послания Мелетия Александрийского в «Кирилловой книге» 1644 г. 303—304
- Послания Нектария Иерусалимского в «Православном исповедании» 1696 г. 312
- Послания Никифора Ксанфопула в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328
- Послания Никиты Пустосвята в «Слове» 1682 г. 330
- Послания Никона к Сиклистию в «Потребнике иноческом» 1639 г. 309
- Послания Паисия Константинопольского  
— в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328  
— в «Увете» 1682 г. 337
- Послания Парфения Константинопольского в «Православном исповедании» 1696 г. 312
- Послания Филофея Константинопольского в «Службах» 1646 г. 335
- Послесловия  
— в «Азбуке» 1634 г. 60, 62, 64—65, 67, 76, 80, 125  
— в «Апостоле» 1564 г. 8—10, 12, 15, 17—22, 24—27, 29  
— в «Апостоле» 1574 г. 25—26  
— в «Апостоле» 1606 г. 36  
— в «Апостоле» 1621 г. 54, 57—58, 60  
— в «Беседах» 1664 г. 137  
— в «Библии» 1663 г. 138  
— в «Грамматике» 1649 г. 82, 301  
— в «Евангелии» 1606 г. 26, 36, 40—41  
— в «Евангелии» 1657 г. 134, 136  
— в «Евангелии толковом» 1649 г. 83, 85  
— в «Евангелии учительном» 1629 г. 58, 60, 63—65  
— в «Евангелии учительном» 1639 г. 82  
— в «Ирмологии» 1657 г. 134—136  
— в «Истории» 1680—1681 гг. 168  
— в «Каноннике» 1636 г. 64—65, 67, 80, 124  
— в «Каноннике» 1641 г. 85  
— в «Кормчей» 1650 г. 82—83  
— в «Кормчей» 1653 г. 132  
— в «Минее» сентябрьской 1607 г. 36  
— в «Минее» сентябрьской 1619 г. 54, 57, 60  
— в «Минее» октябрьской 1609 г. 36  
— в «Минее» ноябрьской 1610 г. 37, 40—42

- в «Минее» декабрьской 1620 г. 54, 57
- в «Минее» декабрьской 1636 г. 54
- в «Минее общей» 1609 г. 36, 40—41
- в «Минее общей» 1618 г. 54
- в «Минее общей» 1635 г. 125
- в «Молитвослове» 1520 г. 20—21
- в «Октоихе» 1631 г. 54, 58, 65, 67—68
- в «Потребнике иноческом» 1639 г. 82, 124, 305, 310
- в «Потребнике мирском» 1639 г. 111, 124, 312
- в «Поучениях» 1647 г. 83
- в «Прблоге» 1641 г. 82, 85, 109
- в «Прблоге» 1642 г. 82, 124
- в «Псалтыри» 1495 г. 21
- в «Псалтыри» 1568 г. 26—28
- в «Псалтыри» 1577 г. 27—29, 35
- в «Псалтыри» 1615 г. 37, 40
- в «Псалтыри» 1619 г. 68
- в «Псалтыри» 1625 г. 54, 60
- в «Псалтыри рифмотворной» 1680 г. 168
- в «Сборнике» 1642 г. 126, 327
- в «Сборнике» 1647 г. 83, 326
- в «Святцах» 1639 г. 109, 124
- в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328—329
- в «Службах» 1640 г. 85, 332
- в «Службах» 1643 г. 334
- в «Службах» 1646 г. 335
- в «Служебнике» 1623 г. 57—58, 60, 66
- в «Служебнике» 1627 г. 58, 60
- в «Соборнике» 1538 г. 21
- в «Тестаменте» 1680 г. 336
- в «Требнике» 1623 г. 58, 64
- в «Трефологионе» сентябрьско-ноябрьском 1637 г., основном 81—82, 85, 124
- в «Трефологионе» декабрьско-февральском 1638 г. 85, 111, 124—125
- в «Трефологионе» мартовско-майском 1638 г. 80—81, 85, 124—125
- в «Трефологионе» июньско-августовском 1638 г. 80
- в «Трефолое» 1631 г. 26
- в «Триоди постной» 1589 г. 38
- в «Триоди постной» 1607 г. 36, 41
- в «Триоди постной» 1656 г. 133, 136
- в «Триоди цветной» 1591 г. 27, 29, 38
- в «Триоди цветной» 1604 г. 36, 41
- в «Триоди цветной» 1621 г. 54
- в «Триоди цветной» 1630 г. 54, 60, 64—65, 67—68
- в «Уставе» 1610 г. 26, 36, 40—42
- в «Часовнике» 1565 г. 27—29, 35
- в «Шестодневе» 1625 г. 54, 60, 63
- Поучение о благоговейном стоянии во храме...» Симеона Полоцкого
  - в «Вечере» 1683 г. 206—207
  - в «Двух поучениях» 1674 г. 206—207, 210
- «Поучение от иереев...» Симеона Полоцкого
  - в «Вечере» 1683 г. 206—207
  - в «Двух поучениях» 1674 г. 206—207, 209—211
- Поучения, см. «Слова»

- «Похвальная словеса... Грамматик...» в «Грамматике» 1648 г. 300
- «Правило святых апостол...» в «Сборнике» 1643 г. 321
- «Предзрение главизное» Нафанаила в «Скрижали» 1655—1656 гг. 327
- Предисловие или послесловие в издании 1613 г. 26, 37—41
- Предисловие к «Великим минеям четвым» Макария в «Увете» духовном» 1682 г. 299, 337
- Предисловие Силуяна к переводу «Евангелия от Матфея» в «Грамматике» 1648 г. 300
- Предисловия
- в «Азбуке» 1634 г. 125
  - в «Азбуке» 1637 г. 67, 75, 169
  - в «Беседах» 1665 г. 138
  - в «Библии» 1580 г. 38
  - в «Библии» 1663 г. 137—138, 169—170
  - в «Букваре» 1679 г. 165—166, 204
  - в «Вечере» 1683 г. 159—160, 174, 208, 213
  - в «Грамматике» 1648 г. 300
  - в «Евангелии толковом» 1698 г. 224, 227—228, 235
  - в «Жезле» 1667 г. 159—160, 163, 168—169, 172, 174, 183—184, 203, 213, 301
  - в «Извещении» 1667 г. 159—160, 164
  - в «Истории» 1680—1681 гг. 168—169, 204, 302
  - в «Кирилловой книге» 1644 г. 82, 164, 169, 302, 305
  - в «Ключе» 1659 г. 171
  - в «Маргарите» 1641 г. 85
  - в «Месии» 1669 г. 171
  - в «Мече» 1666 г. 171—172
  - в «Минее» сентябрьской 1619 г. 54, 58, 68, 72
  - в «Минее общей» 1618 г. 54, 57, 60
  - в «Минее общей» 1635 г. 125
  - в «Мире» 1669 г. 171—172, 189—190
  - в «Обеде» 1681 г. 159—160, 164—165, 167—170, 173—174, 208, 212—213
  - в «Отписе» 1598 г. 200
  - в «Последовании» 1677 г. 305
  - в «Потребнике иноческом» 1639 г. 124, 305, 307, 309
  - в «Православном исповедании» 1696 г. 312
  - в «Псалтыри рифмотворной» 1680 г. 159—160, 168—170, 172—175, 204, 212
  - в «Рае» 1658—1659 гг. 169, 313
  - в «Сборнике» 1660 г. 314
  - в «Сборнике» 1665 г. 138, 315
  - в «Скрижали» 1655—1656 гг. 130—133, 327
  - в «Службах» 1640 г. 82, 111
  - в «Службах» 1643 г. 332
  - в «Слове» 1682 г. 330
  - в «Служебнике» 1655 г. 130—133
  - в «Служебнике» 1657 г. 130
  - в «Служебнике» 1658 г. 130
  - в «Собрании» 1649 г. 335
  - в «Тестаменте» 1680 г. 159—160, 204, 336
  - в «Триоди цветной» 1604 г. 36, 40
  - в «Увете» 1682 г. 224, 228, 336—337
  - в «Уставе» 1682 г. 223, 226—227, 231
- Речи Никона
- в «Служебнике» 1655—1656 гг. 132, 329
  - в «Увете» 1682 г. 337

- «Сказание въкратце, како и ким исправися чин проскомидии» в «Скрижали» 1655—1656 гг. 130—132
- «Сказание известно» о чудесах иконы богородицы, «яже и римляныни нарицатися обыкши» — в «Сборнике» 1642 г. 327  
— в «Сборнике» 1647 г. 322—323
- «Сказание, како состави Кирил Философ азбуку по языку словенску...» в «Азбуке» 1634 г. 125, 299
- «Сказание о святей горе Афонстей», соч. Стефана Святогорца в «Рае» 1658—1659 гг. 313
- «Сказание еже о чести и поклонянии святых икон» в «Сборнике» 1642 г. 326
- «Слова» Анастасия Синайского в «Сборнике» 1647 г. 322
- «Слова» Афанасия Александрийского  
— в «Потребнике иноческом» 1639 г. 310  
— в «Сборнике» 1665 г. 319
- «Слова» Василия Великого  
— в «Потребнике» 1639 г. 305, 309  
— в «Сборнике» 1643 г. 320  
— в «Сборнике» 1647 г. 321—322  
— в «Сборнике» 1660 г. 315
- «Слова» Георгия Никомидийского в «Сборнике» 1647 г. 325
- «Слова» Германа Константинпольского  
— в «Сборнике» 1642 г. 326  
— в «Сборнике» 1647 г. 322
- «Слова» Григория Богослова  
— в «Православном исповедании» 1696 г. 313  
— в «Сборнике» 1647 г. 321—322, 325—326
- в «Сборнике» 1660 г. 314  
— в «Сборнике» 1665 г. 315—318
- «Слова» Григория Двоеслова в «Сборнике» 1647 г. 321
- «Слова» Григория Мниха в «Сборнике» 1647 г. 322
- Слова Григория Нисского  
— в «Потребнике иноческом» 1639 г. 306  
— в «Потребнике мирском» 1639 г. 310
- «Слова» Евсевия Самосадского в «Сборнике» 1647 г. 324
- «Слова» Елифания Кипрского в «Сборнике» 1647 г. 325
- «Слова» Ефрема Сирина в «Сборнике» 1647 г. 324
- «Слова» Иоакима в «Последовании» 1677 г. 305
- «Слова» Иоанна Дамаскина  
— в «Православном исповедании» 1696 г. 313  
— в «Сборнике» 1642 г. 326  
— в «Сборнике» 1647 г. 321—322  
— в «Скрижали» 1655—1656 гг. 328
- «Слова» Иоанна Златоуста  
— в «Маргарите» 1641 г. 111  
— в «Потребнике иноческом» 1639 г. 309  
— в «Потребнике мирском» 1639 г. 310  
— в «Сборнике» 1643 г. 320  
— в «Сборнике» 1647 г. 321—326  
— в «Сборнике» 1660 г. 315
- «Слова» Иосифа в «Сборнике» 1643 г. 86, 320
- «Слова» Иосифа Фесалоникийского в «Сборнике» 1647 г. 323
- «Слова» Ипполита Римского в «Сборнике» 1647 г. 321
- «Слова» Кирилла Александрийского

- ского в «Сборнике» 1647 г. 321, 323
- «Слова» Кирилла Иерусалимского в «Кирилловой книге» 1644 г. 303
- «Слова» Кирилла Туровского в «Сборнике» 1647 г. 323—325
- «Слова» Максима Грека  
— в «Грамматике» 1648 г. 300  
— в «Кирилловой книге» 1644 г. 303
- «Слова» Мелетия Александрийского в «Кирилловой книге» 1644 г. 303
- «Слова» на еретиков  
— в «Кирилловой книге» 1644 г. 303  
— в «Сборнике» 1642 г. 126
- «Слова» на пренесение мощей Николы Мирликийского в «Службах» 1640 г. 332
- «Слова» Нектария Константинопольского в «Сборнике» 1647 г. 322
- «Слова» Никифора в «Потребнике иноческом» 1639 г. 310
- «Слова» Нила в «Сборнике» 1660 г. 314
- «Слова» о властях и судьях в «Сборнике» 1643 г. 320—321
- «Слова» о посте в «Потребнике иноческом» 1639 г. 310
- «Слова» Палладия Мниха в «Сборнике» 1647 г. 321
- «Слова» Симеона Солунского в «Потребнике иноческом» 1639 г. 309
- «Слова» Тимофея Иерусалимского в «Сборнике» 1647 г. 323
- «Слова» Тита Всторского в «Сборнике» 1647 г. 323
- «Слова» Феодора Студийского в «Сборнике» 1647 г. 323
- «Слово Аввакума пророка» в «Сборнике» 1643 г. 320
- «Слово на Иоанна Воина» в «Службе» 1695 г. 243—244, 330
- «Слово» о пренесении мощей Иоанна Златоуста в «Маргарите» 1641 г. 111, 298
- «Слово о смокви и о жене блудницы...» в «Сборнике» 1647 г. 324
- «Слово» о создании Иверского монастыря и о пренесении мощей Иакова Боровицкого, соч. Никона в «Рае» 1658—1659 гг. 134—135, 313
- «Слово» о явлении мощей Иакова Боровицкого в «Рае» 1658—1659 гг. 313
- «Слово бо изображении Христа на льняной ткани в «Сборнике» 1642 г. 326
- «Слово обличительно на ересь...», соч. Зиновия Отенского  
— в «Сборнике» 1642 г. 126, 327  
— в «Скрижали» 1655—1656 гг. 329
- «Слово отвецателно» Никона в «Скрижали» 1655—1656 гг. 327
- «Слово» похвальное о чудесах иконы богородицы в Иверском монастыре в «Рае» 1658—1659 гг. 313
- «Слово» похвальное Сергию Радонежскому, соч. Епифания Премудрого в «Службах» 1646 г. 335
- «Слово Сирахово» в «Сборнике» 1643 г. 320
- «Соборное деяние» 1593 г. в «Служебнике» 1655—1656 гг. 329
- «Соборное деяние» 1654 г. в «Скрижали» 1655—1656 гг. 329
- «Соборное изложение о крещении латынь и о их ересех» Филарета  
— в «Потребнике иноческом» 1639 г. 125—126, 306

- в «Потребнике мирском» 1639 г. 54—58, 60—61, 72, 311—312
- «Соборный свиток о законных и незаконных брацах», соч. Сисиния Константинопольского в «Потребнике мирском» 1639 г. 310
- «Сочинение о святых тайнах» Гавриила Филадельфийского в «Скрижали» 1655—1656 гг. 329
- «Стиси.. в похвалу... Иоасафа...», соч. Симеона Полоцкого в «Истории» 1680—1681 гг. 302
- «Стихиры» на перенесение ризы Христовой в «Службе» ок. 1625 г. 56, 61—63, 65, 72
- Стихотворные сочинения
- в «Азбуке» 1637 г. 67, 169
- в «Грамматике» 1648 г. 300
- в «Жезле» 1667 г. 183—184, 301
- в «Истории» 1680—1681 гг. 302
- в «Кирилловой книге» 1644 г. 169, 302
- в «Проблоге» 1641 г. 118, 120—121
- в «Расе» 1658—1659 гг. 169, 313
- в «Сборнике» 1660 г. 315
- в «Сборнике» 1665 г. 315, 319
- в «Службе» 1695 г. 330
- в «Тестаменте» 1680 г. 336
- «Стоглав» Геннадия Константинопольского
- в «Букварях» 1669 г. и 1679 г. 204
- в «Сборнике» 1660 г. 314
- в «Собрании» 1649 г. 336
- Челобитные Никиты Пустосвята в «Слове» 1682 г. 330
- «Четверострочия» Григория Богослова в «Сборнике» 1660 г. 314
- «Шестоднев» Василия Великого в «Сборнике» 1665 г. 319

# ОГЛАВЛЕНИЕ

<b>ВСТУПЛЕНИЕ . . .</b>	<b>3</b>
<i>Глава первая</i>	
<b>ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI в. НЕДОВЕРИЕ ЧИТАТЕЛЕЙ К ПЕЧАТНОЙ КНИГЕ. (Послесловие к «Апостолу» Ивана Федорова. Послесловия прочих изданий)</b>	<b>8</b>
<i>Глава вторая</i>	
<b>НАЧАЛО XVII в. «ВЕЛИКАЯ СЛАБОСТЬ И НЕБРЕЖЕНИЕ» ОБЩЕСТВА В ПРАВОСЛАВИИ. (Старопечатные предисловия и послесловия. Рукописные грамоты и звания)</b>	<b>36</b>
<i>Глава третья</i>	
<b>КОНЕЦ 1610-х — 1630-е ГОДЫ. УБЛАГОТВОРЕННОСТЬ И УСТУПЧИВОСТЬ ВЕРХОВ ОБЩЕСТВА. (Старопечатные послесловия. Рукописные грамоты, летописи, исторические сказания. «Повесть об Улиянии Осорьиной» и другие повести. Песнопения)</b>	<b>54</b>
<i>Глава четвертая</i>	
<b>КОНЕЦ 1630-х — 1640-е ГОДЫ . . . . .</b>	<b>80</b>
1. <i>Благодушие верхов общества. (Старопечатные предисловия и послесловия. Придворные послания. «Повесть о Марфе и Марии») . . . . .</i>	<b>80</b>
2. <i>Автор зарвался... («Повесть об азовском осадном сидении») . . . . .</i>	<b>88</b>
3. <i>«Международные» культурные интересы общества. (Старопечатный «Прблог». Печатные и рукописные сборники) . . . . .</i>	<b>108</b>
<i>Глава пятая</i>	
<b>1650-е — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1660-х ГОДОВ . . . . .</b>	<b>130</b>
1. <i>Стремление верхов к умиротворению общества. (Старопечатные предисловия и послесловия. Послание Герасима Фирсова) . . . . .</i>	<b>130</b>
2. <i>Отгороженность от «нагих-босых». («Повесть о Горе-Злочастии». Сатирические повести. Пословицы)</i>	<b>140</b>
<i>Глава шестая</i>	
<b>ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1660-х — 1670-е ГОДЫ . . . . .</b>	<b>158</b>
1. <i>Половинчатое отношение общества к новым литературным явлениям. (Книги Верхней типографии. «Житие» Аввакума. «Статир». «Служба кабаку») . . . . .</i>	<b>158</b>

2. <i>Небезнадежная отсталость читательской массы. («Жезл правления». Издания проповедей. Рукописные сочинения Симеона Полоцкого)</i>	192
---	-----

Глава седьмая

КОНЕЦ XVII в. В АТМОСФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ. (Старопечатные и рукописные сочинения Иоакима Савелова, Афанасия Холмогорского, Евфимия Чудовского, Сильвестра Медведева, Евфросина и др.)	223
---	-----

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. Принципы составления фундаментальной истории древнерусской литературы	245
---	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ . . .	256
------------------	-----

1. <i>Общественные настроения на Руси до изобретения книгопечатания. (На примере рукописных предисловий XI—XII вв.)</i>	256
---	-----

2. <i>Критерии ценности художественного образа. (На материале «Новой повести о преславном Российском царстве»)</i>	273
--	-----

3. <i>Литературный состав русских старопечатных сборников XVI—XVII вв. (Краткое описание по алфавиту названий) (составила А. Г. Мирзоян)</i>	298
--	-----

«Грамматика» Мелетия Смотрицкого 1648 г. . . . .	300
--	-----

«Жезл правления» 1667 г. . . . .	301
----------------------------------	-----

«История о Варлааме и Иоасафе» 1681 г. . . . .	302
--	-----

«Кириллова книга» 1644 г. . . . .	302
-----------------------------------	-----

«Последование молебного пения...» 1677 г. . . . .	305
---	-----

«Потребник иноческий» 1639 г. . . . .	305
---------------------------------------	-----

«Потребник мирской» 1639 г. . . . .	310
-------------------------------------	-----

«Православное исповедание веры» Петра Могилы 1696 г. . . . .	312
--	-----

«Рай мысленный» 1658—1659 гг. . . . .	313
---------------------------------------	-----

Сборник переводов Арсения Грека 1660 г. . . . .	314
---	-----

Сборник переводов Епифания Славинецкого 1665 г. . . . .	315
---	-----

Сборник поучений 1643 г. . . . .	320
----------------------------------	-----

Сборник 71 слова 1647 г. . . . .	321
----------------------------------	-----

Сборник слов о поклонении иконам 1642 г. . . . .	326
--	-----

«Скрижаль» 1655—1656 гг. . . . .	327
----------------------------------	-----

«Слово на Никиту Пустосвята» Иоакима 1682 г. . . . .	330
--	-----

Служба и житие Иоанна Воина 1695 г. . . . .	330
---	-----

Службы, житие и чудеса Николы Мирликийского 1640 г. . . . .	330
---	-----

Службы, житие и чудеса Николы Мирликийского 1643 г. . . . .	332
---	-----

Службы, жития и чудеса Сергия и Никона Радонежских 1646 г. . . . .	334
--	-----



«Собрание краткия науки о артикулах веры» 1649 г.	335
«Тестамент» Василия Льву 1680 г. . . . .	336
«Увет духовный» Афанасия Холмогорского 1682 г.	336
«Чины присяг» 1654 г. . . . .	337
<b>СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ</b>	<b>339</b>
<b>СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ</b>	<b>340</b>
<b>УКАЗАТЕЛЬ СТАРОПЕЧАТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ</b> (составила <i>А. Г. Мирзоян</i> )	<b>341</b>

*Анатолий Сергеевич Дёмин*

**ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВО В РОССИИ XVI—XVII ВЕКОВ**  
(*Общественные настроения*)



Утверждено к печати Институтом мировой литературы  
им. А. М. Горького АН СССР

Редактор издательства Л. М. Стенина Художник И. Е. Сайко  
Художественный редактор С. А. Литвак Технический редактор Т. В. Калинин<sup>а</sup>  
Корректоры О. В. Лаврова, Л. Д. Собко

**ИБ № 29414**

Сдано в набор 04.01.85 Подписано к печати 10.04.85 А-10354. Формат 84×108<sup>1/32</sup>  
Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная Печать высокая  
Усл. печ. л. 18,48. Усл. кр. отт. 18,48 Уч.-изд. л. 21,8 Тираж 3900 экз.  
Тип. зак. 1005 Цена 2 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»  
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука» 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6